

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОРЕНБУРЖЬЯ

Выпуск 13

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОРЕНБУРЖЬЯ

Выпуск 13

Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2017

УДК 902.6
ББК 63.4 (2Р36)
А79

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор **Н.Л. Моргунова**

Рецензенты:

Г. Б. Зданович, профессор Челябинского государственного университета, доктор исторических наук;

Л. В. Кузнецова, советник директора Самарского историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина, кандидат исторических наук

Сборник издается при поддержке Госзадания Министерства образования и науки России № 33.1389.2017/ПЧ.

На обложке: 1 ст. – «Андроновская ткачиха» на фоне панорамы поселения эпохи бронзы. Музей истории города Алматы (фото представлено Э.Р. Усмановой).

4 ст. – полевой лагерь ОАЭ 1991 г. на раскопках у хут. Барышников в Новосергиевском районе Оренбургской области (фото Н.Л. Моргуновой).

Археологические памятники Оренбуржья : сборник научных трудов / отв. ред. Н.Л. Моргунова ; Мин-во образования и науки РФ ; Оренбург. гос. пед. ун-т. – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2017. – 216 с.

ISBN 978-5-9500801-3-5

Очередной выпуск сборника посвящен 40-летию Оренбургской археологической экспедиции, созданной в 1977 году на базе Оренбургского государственного педагогического института (ныне – университета). В нем публикуются и обсуждаются материалы результатов раскопок как в Оренбургской области, так и в соседних областях Волго-Уральского региона. Для публикации представлены новые данные по энеолиту, бронзовому веку, раннему железному веку и средневековью, а также по истории археологии Оренбуржья.

Книга адресована археологам, историкам, специалистам естественных наук, краеведам.

УДК 902.6
ББК 63.4 (2Р36)

ISBN 978-5-9500801-3-5

© ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», 2017
© Издательский центр ОГАУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгеньев А.А. (Оренбург)</i> 40 лет Оренбургской археологической экспедиции: основные направления и достижения деятельности	4
<i>Фризен О.И., Фризен С.Ю. (Москва)</i> Леонид Теодорович Яблонский как исследователь памятников ранних кочевников на территории Южного Приуралья	27
<i>Мишанина Е.В., Лебедева Н.В. (Оренбург, Самара)</i> Историографический очерк археологического изучения Бугурусланского района Оренбургской области	34
<i>Корневский С.Н. (Москва)</i> Феномен детских погребений с оружием в эпоху медно-бронзового века	41
<i>Моргунова Н.Л. (Оренбург)</i> Истоки и факторы возникновения кочевого скотоводства в степях Волжско-Уральского междуречья в раннем бронзовом веке	50
<i>Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. (Донецк)</i> Заяц в обрядах и верованиях степных и лесостепных культур эпохи бронзы	70
<i>Куприянова Е.В.</i> Новые материалы раскопок могильника Степное VII (2016 г.) в системе петровско-алакульских древностей Южного Зауралья	90
<i>Усманова Э.Р., Лачкова М.К., Жилыева Н.Е. (Караганда, Лисаковск, Казахстан)</i> Андроновский костюм: от археологического свидетельства до музейной реплики	104
<i>Петров Ф.Н., Батанина Н.С., Малая Н.В., Плаксина А.Л., Маркова Л.М., Носкевич В.В., Ын Ч.Я. (Челябинск, Екатеринбург, Россия; Питтсбург, США)</i> Поселение левобережное (Синташта II) по материалам комплексных исследований 2015–2017 гг.	113
<i>Моргунова Н.Л., Купцова Л.В., Купцов Е.А., Краева Л.А., Файзуллин И.А., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И. (Оренбург, Уфа)</i> Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железного века у с. Нижняя Павловка	140
<i>Купцов Е.А., Моргунова Н.Л. (Оренбург)</i> Погребения кочевников раннего железного века из Западного и Центрального Оренбуржья	174
<i>Моргунова Н.Л., Харламов П.В. (Оренбург)</i> Захоронение кочевницы эпохи средневековья в кургане 2 могильника Болдырево IV	191
Информация об авторах	196
Список сокращений	199
Приложения	201

Евгеньев А.А.

Оренбургский государственный педагогический университет

40 ЛЕТ ОРЕНБУРГСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ДОСТИЖЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Аннотация. В статье подведены итоги исследовательской деятельности Оренбургской археологической экспедиции за 40 лет ее существования. Показан вклад ОАЭ в разработку ключевых проблем археологии каменного, бронзового и железного века Южного Приуралья, в организацию охранной деятельности в сфере археологии в Оренбургской области. Проанализирована роль использования в исследованиях ОАЭ комплексной методики, включающей методы археологии, естественно-научных и смежных дисциплин.

Abstract: In article the results of research activity of the Orenburg archaeological expedition in 40 years of her existence are summed up. The contribution of the OAE to development of key problems of archeology of the Stone, Bronze and Iron Age of the Southern Pre-Ural, to the organization of security activity in the sphere of archeology in the Orenburg region is shown. The researches of the OAE with complex technique including methods of archeology, natural-science and related subjects are analysed.

В 1977 году на базе Оренбургского государственного педагогического института (в настоящее время университета) под руководством Нины Леонидовны Габелко (Моргуновой) была создана Оренбургская археологическая экспедиция (ОАЭ). Образованию исследовательского коллектива при ОГПИ предшествовала достаточно насыщенная история развития археологии в Оренбургском крае, уходящая корнями в конец XIX века. Исследования на территории региона проводились силами местных краеведов (члены ОУАК или работники Оренбургского краеведческого музея) или исследователей из других научных центров (В.В. Гольмстен, Б.Н. Граков, К.В. Сальников, К.Ф. Смирнов и др.). В результате была накоплена источниковая база по проблемам эпохи бронзы и раннего железного века степного Южного Приуралья, а также намечены векторы развития исследовательской деятельности в сфере археологии (Евгеньев, 2008).

Оренбургская археологическая экспедиция стала первой в истории оренбургской археологии организацией, которая стала систематически проводить археологические исследования на территории Оренбургской области с помощью местных кадров. По признанию Н.Л. Моргуновой, перед Оренбургской археологической экспедицией в качестве первостепенных были поставлены такие задачи как: «выявление и картографирование памятников археологии, равномерное изучение памятников разных эпох, пополнение археологических коллекций Оренбургского краеведческого музея» (Моргунова, 2007, с. 4).

Важнейшим направлением в работе экспедиции стала задача охраны археологического наследия в Оренбургской области. Начиная с 1970-х гг. во всех районах области ежегодно проводились разведочные исследования, имеющие целью выявление и постановку на учет (включая паспортизацию) памятников археологии – поселений и могильников. В 1992 г. была проведена инвентаризация археологических памятников во всех районах области. Начиная с 2001 г. регулярно проводятся работы по составлению археологических карт отдельных районов Оренбургской области. В отличие от предыдущих этапов изучения оренбургской археологии, регулярными становятся целенаправленные раскопки разрушающихся естественным образом и в ходе хозяйственно-строительных работ археологических объектов.

¹ Работа выполнена при поддержке Задания № 33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки Российской Федерации.

За прошедшие годы силами Оренбургской археологической экспедиции были проведены конференции по различным научным проблемам. Уже в 1980 и 1986 годах были организованы конференции по вопросам неолита и энеолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. В 2001 г. на базе Оренбургского государственного педагогического университета было проведено XV Уральское археологическое совещание, собравшее более ста российских и зарубежных археологов (Моргунова, Потемкина, Краева, 2001); дважды (1994 г., 2011 г.) были организованы Урало-Поволжские археологические студенческие конференции – УПАСК. Особое внимание в рамках организационной деятельности ОАЭ уделялось проблемам раннего бронзового века: в 2006, 2009, 2013 гг. были проведены международные конференции по проблемам изучения ямной культурно-исторической общности. В 2008 г. и 2016 г. археологическая лаборатория ОГПУ принимала участие в организации конференций по тематике раннего железного века. В 2007 г. на базе ОГПУ была проведена конференция, посвященная 30-летию юбилею Оренбургской археологической экспедиции. В своем выступлении на этой конференции Н.Л. Моргунова, подводя промежуточные итоги работы ОАЭ, выделила два периода в ее истории (Моргунова, 2007, с. 10):

1) конец 1970-х – середина 1990-х гг. – становление материальной и научной базы ОАЭ, изучение памятников каменного и бронзового веков главным образом за счет хозяйственных работ, нехватка кадров;

2) начиная с конца 1990-х гг. – современный этап развития ОАЭ, связанный с новыми методическими подходами, комплексными исследованиями, поддержкой за счет грантов РГНФ и РФФИ, стабильной публикацией результатов исследований. После кадровых пертурбаций 1990-х и начала 2000-х гг. научно-исследовательский состав ОАЭ стабилизировался, что позволило вести регулярные разведочные исследования и целенаправленные научные раскопки с полноценной интерпретацией и публикацией полученных материалов.

За 4 десятилетия деятельности ОАЭ удалось организовать целенаправленную работу по выявлению, систематизации и научному изучению памятников археологии различных периодов, от каменного века до эпохи средневековья. Рассмотрим вклад ОАЭ в пополнение источниковой базы оренбургской археологии и разработку различных проблем археологической науки Волго-Уральского региона.

Изучение каменного века и эпохи энеолита Оренбуржья

До начала деятельности ОАЭ памятники каменного века на территории Оренбургской области были своеобразным «белым пятном» для местной археологии, что, прежде всего, было связано с отсутствием исследовательского интереса к данной проблематике. Первые находки каменного века на территории Оренбургской области были обнаружены В.В. Гольмстен в ходе ее разведочных работ в 1920-е годы, однако лишь в 1970-е годы памятники каменного века стали полноценным объектом научного исследования. В 1975 г. самарскими археологами были произведены раскопки неолитических стоянок у с. Старая Елшанка Бузулукского района, а весной 1977 г. уже силами новообразованной Оренбургской археологической экспедиции ОГПИ были проведены полевые работы в Красногвардейском районе, в окрестностях с. Ивановка. Следует признать, что выбор места для проведения многолетних стационарных работ Н.Л. Моргуновой стал безусловно удачным в научном отношении: в степном Оренбуржье крайне редко в одном месте сочетаются памятники различных эпох, от мезолита до раннего железного века, с выделенной стратиграфией и чрезвычайно насыщенным культурным слоем. Ивановский микрорайон памятников стал одним из наиболее известных в научном отношении объектов.

Самым ранним из исследованных памятников являлась небольшая Старо-Токская мезолитическая стоянка, до настоящего времени остающаяся единственным раскопанным памятни-

ком мезолита в Оренбургской области. Культурный слой стоянки содержал костяные изделия, каменные пластинчатые орудия и призматические нуклеусы, характерные для романовско-ильмурзинской культуры (Моргунова, 1983).

Наиболее значимые научные результаты связаны с исследованием Ивановского многослойного поселения, на котором прослежены культурные слои эпох неолита (волго-уральская культура по Н.Л. Моргуновой), энеолита (самарская культура) и бронзового века (срубная культура). Раскопки на поселении проводились на протяжении шести полевых сезонов, с 1977 по 1982 гг., за это время исследовано более 2000 кв. м. Всё это в совокупности с исключительным характером памятника позволило Ивановской стоянке стать опорным памятником для решения спорных вопросов неолитической эпохи Приуралья. Следует отметить факт своевременного введения полученных при раскопках материалов в научный оборот: уже в работах 1980-х гг. Н.Л. Моргунова публикует данные с Ивановской стоянки (Моргунова, 1980), логическим завершением чего стала ее кандидатская, а затем и докторская диссертация, а также монография, посвященная неолиту и энеолиту Волго-Уральской лесостепи (Моргунова, 1995).

Для поселения характерна разнообразная пластинчатая индустрия, изделия из костей животных, особое значение имеет керамика, разделенная автором раскопок на три типа, хронологически соответствующих периодам в развитии местного неолита: 1) без орнамента с острым дном; 2) плоскодонная и круглодонная с накольчатый или 3) с гребенчатым орнаментом (Моргунова, 1995). С привлечением широкого круга аналогий и использованием радиоуглеродного метода неолитический слой Ивановской стоянки был датирован VI – V тыс. до н. э. и отнесен к выделенной автором раскопок волго-уральской неолитической культуре.

На Ивановском поселении также был изучен энеолитический слой, что в совокупности с исследованной в 1982 г. Турганикской стоянкой позволило разрабатывать вопросы хронологии местного энеолита (Моргунова, 1995, 2011; Турганикское поселение, 2017). На Ивановском и Турганикском поселении изучены материалы позднего этапа степного энеолита, относящегося к самарской культуре, выделено несколько типов поселенческой энеолитической керамики, поставлены вопросы о взаимодействии населения самарской и хвалынской культур. Особой проблемой в исследовании неолита – энеолита являлась экономика местного населения, изучавшаяся с привлечением широких аналогий и с использованием данных палеозоологии (А.Г. Петренко), что способствовало получению вывода о сложившемся производящем хозяйстве с преобладанием скотоводства в степном энеолите (Моргунова, 1986).

Роль Оренбургской археологической экспедиции в изучении эпох неолита и энеолита степной и лесостепной зон Восточной Европы была признана в ходе проведенных в Оренбурге в 1980 и в 1986 гг. специализированных конференциях (1980 – по проблемам энеолита, 1986 – по проблемам неолита), отмечен значительный вклад оренбургской археологии в изучение древней истории не только поволжско-приуральского региона, но и в целом евразийского пространства (Мерперт, 1980).

После успешных исследований каменного века – энеолита в 1970–1980-е годы в силу ряда причин данная тематика на многие годы не получила продолжение. Прежде всего сыграла свою роль переориентация Н.Л. Моргуновой на исследование проблем раннего бронзового века, а также сказалась специфика региона, в котором неолитические памятники выявлены в гораздо меньшем количестве, нежели памятники других эпох. Возобновление данной тематики в исследованиях ОАЭ происходит в последние годы: в 2012 г. неолитические материалы были изучены на многослойном Малоюлдашевском поселении (Поселение Малоюлдашево I, 2016), в 2014–2015 гг. Н.Л. Моргуновой возобновлены стационарные исследования Турганикского поселения. Раскопки производились с привлечением методов палеопочвоведения и палеозоологии, а при публикации материалов были использованы методы смежных и естественно-научных

дисциплин (радиоуглеродное датирование, технико-технологический анализ керамики, металлографический анализ), что позволило авторскому коллективу во главе с Н.Л. Моргуновой пересмотреть ранее сложившиеся представления о хронологии Турганикского поселения и связать финальный период бытования населения на данном месте с ранним этапом ямной культуры раннего бронзового века (Турганикское поселение, 2017).

Изучение раннего бронзового века (ямной культуры) Оренбуржья

Ямная культура стала объектом научного исследования во второй половине XX века в связи с работами Южно-Уральской (Оренбургской) археологической экспедиции ИА АН СССР во главе с К.Ф. Смирновым. ЮУАЭ и ее отдельными отрядами было исследовано в 1956–1968 гг. 28 погребальных комплексов ямной культуры. Однако главной задачей экспедиции было исследование памятников кочевников РЖВ, что обусловило «вторичный» характер исследования комплексов бронзового века. Качественно новый этап в изучении ямной культуры наступает с началом деятельности ОАЭ, начиная с 1980-х гг. исследование ямной культуры становится одним из важнейших направлений ее работы. Многие из исследованных ОАЭ в этот период комплексов (могильники Болдырево I, IV, у хутора Барышниково, Тамар-Уткуль VII, VIII, Изобильное I, II, Линевка I, Пятилетка, Буранчи и многие другие)² стали эталонными, дали богатый материал для разработки проблем происхождения и развития ямной культуры, социального устройства ямного общества, экономической деятельности ямного населения. Так, комплекс основного погребения кургана 1 I Болдыревского курганного могильника, включавший уникальные предметы из метеоритного железа и меди, позволил во многом пересмотреть сложившиеся до этого представления о социальной неоднородности общества в раннем бронзовом веке (Моргунова, 2000). Богатые металлическим инвентарем погребения могильников у с. Тамар-Уткуль в совокупности с нахождением погребения подростка с литейной формой в Першинском могильнике дали возможность рассматривать ямные племена как первооткрывателей месторождений Каргалинских медных рудников.

Активное исследование памятников ямной культуры в 1980–1990-е годы привело к резкому увеличению объема источниковой базы по проблемам раннего бронзового века, однако возможности обработки полученных материалов в рамках традиционной методики были достаточно ограничены. Именно поэтому, начиная с 2000 года, ставшего в этой связи во многом рубежным для всей истории ОАЭ, собственно археологические методы в изучении погребальных комплексов дополняются обязательным использованием методов естественных наук и смежных дисциплин – палеопочвоведения, палеобиологии, палеоантропологии и т.д. Согласно данному методологическому подходу были раскопаны относящиеся к разным периодам бронзового и железного века Шумаевские I и II курганные могильники и Шумаевский одиночный курган, курганные могильники V Мустаевский, Лабазовский, Скворцовский, Боголюбовский, Красиковский (Моргунова и др., 2003, 2005, 2009, 2010, 2014), что способствовало более полной и исчерпывающей интерпретации комплексов как ямной культуры, так и последующих эпох.

Все разноплановые материалы ямной культуры, полученные в ходе 40-летней деятельности ОАЭ, были приведены в систему, во многих случаях подвергнуты радиоуглеродному датированию и интерпретированы Н.Л. Моргуновой (Моргунова, 2014). Ею выделены 3 этапа ямной культуры Волжско-Уральского междуречья: 1) ранний (репинский) (3800–3300 BC), 2) развитой (3200–2600 BC), 3) поздний (полтавкинский) (2600–2200 BC). Формирование ямной

² Подробно о динамике накопления источниковой базы по проблематике ямной культуры в рамках работы ОАЭ см.: Евгеньев, 2014.

культурно-исторической области, согласно концепции Н.Л. Моргуновой, происходит в репинское время на базе степных энеолитических культур. Материалы раскопок ОАЭ в совокупности с данными смежных наук (палеопочвоведение и палеозоология) позволили интерпретировать хозяйственный уклад ямных племен как кочевой скотоводческий, с наличием ремесленной, в том числе металлургической деятельности (Моргунова, 2014; Файзуллин А., 2015). Вследствие неоднородности погребального обряда – размеров курганных насыпей, могильных камер, состава погребального инвентаря – особое значение имеет исследование социальной и половозрастной структуры ямного общества, проводимое для волго-уральских материалов А.А. Файзуллиным (Файзуллин А., 2014, 2015).

Вклад ОАЭ в изучение позднего бронзового века Оренбуржья

Памятники позднего бронзового века (срубной и андроновской культурных общностей) степного Южного Приуралья имеют достаточно богатую историю изучения. Первые погребальные комплексы этой эпохи были изучены в 1920–30-е годы (М.П. Грязнов, Г.В. Подгаецкий, К.В. Сальников). Работами Южно-Уральской археологической экспедиции ИА АН СССР, в частности отрядом ГИМ (Э.А. Федорова-Давыдова) и Еленовским отрядом (Е.Е. Кузьмина), была значительно пополнена источниковая база по позднему бронзовому веку Южного Приуралья, что стало основой для важных концептуальных построений по хронологии и периодизации срубной и андроновских культур и по вопросам их взаимоотношения на территории степного Оренбуржья. Работа по формированию источниковой базы позднего бронзового века была продолжена и преумножена ОАЭ.

В силу специфики памятников срубной культуры, представленных в достаточно большом количестве на территории Оренбуржья и планомерного характера проводимых ОАЭ разведочных работ уже в первые годы работы ОАЭ значительно возросло количество выявленных срубных памятников, как могильников, так и поселений, и вполне логично возник вопрос о необходимости их исследования. Первоначально проведение раскопок срубных погребальных памятников было связано с их разрушением в результате антропогенного фактора и необходимостью проведения охранных работ. К числу таких памятников относятся раскопанные в 1981 году V и VI Рязановские КМ, в 1985 году – I Кинзельский и II Пролетарский могильники (Халыпин, Богданов, 1999). В дальнейшем изучение срубных памятников начинает проводиться уже вне факторов разрушения и в связи с научными интересами сотрудников ОАЭ (в 1980-е годы – О.И. Порохова, в 1990-е – М.В. Халыпин, в 2000-е годы – Л.В. Купцова, И.А. Файзуллин).

Летом 1986 г. отрядом Оренбургской археологической экспедиции под руководством О.И. Пороховой были частично исследованы IV и V курганные могильники у села Свердлово Тоцкого района (Халыпин, 1998). В погребальном обряде Свердловских курганов отмечены черты абашевского и алакульского влияния, что говорит о синкретичности данного памятника.

Уникальный памятник был раскопан в 1991–1992 гг. у села Уранбаш в Октябрьском районе. Большое количество кенотафов, погребений с расчлененным костяком, проявления металлургической деятельности в погребальном обряде в совокупности с фактом географического соседства могильника с Каргалинскими медными рудниками позволяют утверждать, что Уранбашский некрополь связан с захоронениями рудокопов и металлургов позднего бронзового века (Моргунова, 1999).

В 2006–2008 гг. ОАЭ были проведены работы в Курманаевском районе, у сел Лабазы и Скворцовка. Лабазовский могильник был полностью сооружен в срубное время, Скворцовский могильник начал функционировать в ямное время, однако два кургана содержали исключительно срубные погребения с достаточно стандартным погребальным обрядом и инвентарем. Работы по полевому исследованию и интерпретации курманаевских некрополей продолжали традиции, заложенные в начале 2000-х работами на Шумаевских курганах: археологические исследова-

ния проводились в комплексе с естественными науками (Моргунова и др., 2009, 2010). Такое же комплексное исследование состоялось при охранных раскопках Боголюбовского курганного могильника в 2011 году. Уникальность памятника заключается в преобладании каменных, а не деревянных, конструкций над погребениями, распространении обряда трупосожжения, значительном влиянии в погребальном обряде и инвентаре алакульских черт (Моргунова и др., 2014).

Накопление источниковой базы по погребальным памятникам срубной культуры имело своим следствием оформление концепции истории населения позднего бронзового века, реализованной в диссертации и серии публикаций Л.В. Купцовой, одного из авторов всех вышеперечисленных монографий (Купцова, 2015, 2016). Согласно этой концепции, в степном Оренбургском Предуралье выделяются 2 группы срубных погребальных памятников, отличающиеся по характеру надмогильных перекрытий (деревянные и каменные). С учетом всех имеющихся в науке подходов и на базе исследованных ОАЭ памятников предложена периодизация срубной культуры Западного Оренбуржья: 1) XIX в. до н. э. – памятники, связанные с влиянием посткатакомбной традиции; 2) XVIII – XVII вв. до н. э. – памятники с «покровскими» чертами; 3) XVI – XV вв. до н. э. – памятники с андроновским влиянием в погребальном обряде и керамике (Купцова, 2016).

В отличие от погребальных памятников поселения срубной культуры вплоть до начала деятельности ОАЭ были практически не исследованы, хотя они являются одним из самых многочисленных на территории Оренбургской области вида памятников. Таким образом, уже в первые годы работы ОАЭ встал вопрос о необходимости исследования срубных поселений. В 1970–80-е годы ОАЭ и отдельными ее отрядами (прежде всего под руководством О.И. Пороховой) были раскопаны Токское, II Сухореченское, Родниковое, Покровское, II Кузьминковское поселения (Моргунова, Порохова, 1989). Материалы поселений позволили выделить два периода срубной культуры на территории западных районов Оренбургской области, а также прояснить вопросы срубно-алакульского взаимодействия в центральном Оренбуржье (синкретичное Краснохолмское поселение). Всё это дополнило разнообразные данные, полученные при раскопках погребальных памятников, и позволило вносить взвешенные корректировки в вопросы хронологии, периодизации и конкретно-исторического содержания позднего бронзового века на территории Оренбуржья.

В 1990–2000-е годы в изучении бытовых памятников срубной культуры Южного Приуралья наступает перерыв (исключение – раскопки II Булановского поселения, материалы не опубликованы), однако именно в конце 2000-х гг. срубные поселения становятся объектом специального изучения в серии работ И.А. Файзуллина (Файзуллин И., 2015), публикуются ранее раскопанные памятники (Купцова, Файзуллин, 2012). В 2012 г. вновь исследуется бытовой памятник – I поселение у села Малоюлдашево в Красногвардейском районе (Малоюлдашево I, 2016). Выявление и исследование в пределах границ поселения погребального комплекса синташтинского времени (Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015) в совокупности с наличием в культурном слое Малоюлдашево I абашевской керамики позволили по-новому взглянуть на еще одну научную проблему бронзового века Оренбуржья – памятники абашевско-синташтинского времени. Последние исследованы ОАЭ достаточно эпизодически, и главным образом в пределах Октябрьского (памятники у сел Буланово и Белозерка) и Красногвардейского районов, однако содержат достаточно выразительный материал, который нуждается в дальнейшей интерпретации.

Вклад ОАЭ в изучение раннего железного века Оренбуржья

Изучение археологии РЖВ степного Южного Приуралья ОАЭ происходит на концептуальных основаниях, заложенных предыдущими исследователями – М.И. Ростовцевым, Б.Н. Граковым, К.Ф. Смирновым, М.Г. Мошковой. Однако если в 1950–70-е годы Южно-Уральской (Оренбургской) археологической экспедицией ИА АН СССР целенаправленно изучались мо-

гильники РЖВ и попутно комплексы других эпох – бронзы и средневековья – то в рамках ОАЭ имеет место обратная ситуация: сарматские комплексы главным образом исследуются в курганах и могильниках бронзового века, являющегося приоритетной целью изучения. Также исследование памятников РЖВ происходило в связи с опасностью их разрушения в результате антропогенного или природного воздействия (например, КМ Бердянка V, КМ Переволоцкий, могильники в зоне строительства Черновской оросительной системы). В 1991–1993 гг. работы по изучению сарматских памятников у с. Покровка Соль-Илецкого района производились ОАЭ на основе сотрудничества с ИА РАН.

Разнообразные комплексы кочевников РЖВ, привлекаемые для решения ключевых проблем сарматской археологии, исследованы в могильниках Кардаилово I, Тамар-Уткуль VII, VIII, Чкаловский, Бердянка V, Шумаево I и II, Акоба II, Переволоцкий и др.³ Большинство исследованных комплексов относятся к савроматской и раннесарматской археологическим культурам, представляют собой главным образом рядовые и близкие к элитным захоронения раннего железного века, и изучение их способствует накоплению массового материала по истории Южного Приуралья второй половины VI–II вв. до н. э. Полученные при раскопках материалы вводятся в научный оборот (Мещеряков, 1996; Краева, 1999; Моргунова и др., 2017). Своевременная публикация материалов способствует разрешению дискуссионных вопросов хронологии и происхождения сарматской культуры. Так, исследованный в 1994–1995 гг. V Бердянский могильник (Моргунова, Мещеряков, 1999) дал материалы III–II вв. до н. э., синхронные эталонным материалам из Прохоровки, что было особенно актуально в свете дискуссии по «проблеме III века» в сарматской археологии. Начиная с 2000-х гг. при изучении погребальных комплексов раннего железного века применяется комплексная методика с использованием возможностей палеопочвоведения, палеоботаники и радиоуглеродного датирования. Особенно эффективной комплексная методика оказалась при исследовании некрополей у с. Шумаево Ташлинского района, содержащих погребения от савроматской до позднесарматской культуры (Моргунова и др., 2003).

Особым направлением в изучении раннего железного века Южного Приуралья стало технико-технологическое исследование керамики, в результате которого Л.А. Краевой получены выводы не только о гончарном производстве у кочевников РЖВ, но и о характере взаимодействий внутри кочевой среды Южного Приуралья. Данные технико-технологического анализа подтвердили ранее сформированные в работах К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошковой и других исследователей тезисы о преемственности между населением савроматской и раннесарматской культур и влиянии на формирование раннесарматской культуры инокультурного населения из лесостепного Зауралья (Краева, 2008, 2011).

Различные сюжеты сарматской археологии (вопросы хозяйства, особенности вооружения и т.д.) в последние годы рассматриваются в работах Е.А. Купцова (Краева, Купцов, 2007; Купцов, Крюкова, 2016).

Вклад ОАЭ в изучение эпохи средневековья Оренбуржья

В годы, предшествовавшие образованию ОАЭ, памятники эпохи средневековья, как правило, не являлись объектом специального исследования. Комплексы средневековых кочевников исследовались «попутно» в рамках целенаправленного изучения могильников других эпох, также как это происходило и в работах Б.Н. Гракова в 1920-е годы, и в деятельности ЮУАЭ ИА АН СССР.

³ Подробно о динамике накопления источниковой базы по проблематике сарматской культуры в рамках работы ОАЭ см.: Евгеньев, 2016.

Следует признать, что образование ОАЭ радикально ситуацию не изменило. В разные годы приоритетными направлениями исследования ОАЭ являлись памятники каменного века, эпохи ранней и поздней бронзы, раннего железного века – но не средневековья. Как правило, средневековые погребения изучались в рамках могильников бронзового и раннего железного века. Так, например, при раскопках в 1988 г. могильника Буранчи I были исследованы не только ямные и сарматские захоронения, но и многочисленные средневековые комплексы (курган 7 и впускные погребения в курганах 1 и 4). Погребения содержали достаточно разнообразный погребальный инвентарь и принадлежали к двум периодам эпохи средневековья: к золотоордынскому языческому и к золотоордынскому мусульманскому (Моргунова, Дойникова, Краева, 2004). В раскопанных в 1980–90-е годы ОАЭ могильниках также были выявлены и изучены комплексы огузо-печенежского времени (Харламов, 2017). В 1993 г. при раскопках II КМ у с. Изобильное был исследован мавзолей золотоордынского времени.

Традицию изучения средневековых комплексов в поликультурных памятниках продолжили исследования в начале XXI в. Шумаевских и Мустаевских курганов. В составе II Шумаевского КМ были раскопаны два золотоордынских кургана с захоронениями воинов с предметами вооружения и останками шерстяных и шелковых тканей (Моргунова и др., 2003). Уникальным является погребение воина (курган 7, погребение 5), сопровождавшееся богатым инвентарем (предметы вооружения, элементы конской упряжи, железный котел, бронзовые пряжки, серебряная чаша и др.). В V Мустаевском КМ 7 курганов относились к XIII – XIV в. с характерным для половецкого населения погребальным обрядом, а курган 6 оказался золотоордынским мавзолеем с богатым инвентарем (изделия из бронзы, железа, золота, серебра; керамика и т.д.) (Моргунова, Краева, Матюшко, 2005).

Возобновление изучения средневековых памятников в начале 2000-х имело своим результатом целенаправленное обращение к данной тематике сотрудника ОАЭ И.В. Матюшко (Дойниковой). В 2008 году ею была защищена кандидатская диссертация, в дальнейшем опубликована монография, в которой на основе статистических методов были выделены разные типы погребений средневековых кочевников степей Приуралья. Их анализ и сопоставление с письменными источниками дали возможность автору выдвинуть теорию об этнической характеристике археологических материалов. Согласно этой теории, важным культурным маркером является положение в погребении частей коня: для печенежских погребений характерно их расположение слева от человека, рядом с ним, для огузских – на перекрытии над погребением, для кыпчакских – на ступеньке слева от погребенного (Матюшко, 2015).

В настоящее время в рамках ОАЭ средневековая проблематика (в частности, особенности вооружения и военного дела) разрабатывается П.В. Харламовым (Харламов, 2017).

Таким образом, ОАЭ за 40 лет своей деятельности внесла большой вклад в изучение памятников всех эпох, начиная с эпохи каменного века и заканчивая средневековьем. Помимо научных раскопок, на всей территории области проводятся ежегодные разведочные работы, имеющие целью выявление и постановку на учет всех имеющихся в Оренбуржье памятников археологии; в 1992 г. была проведена инвентаризация археологических памятников области, регулярно проводятся работы по картографированию отдельных районов области. Всё это способствует ликвидации «белых пятен» на археологической карте региона.

Всё вышесказанное позволяет утверждать, что на современном этапе археологическая наука в Оренбуржье динамично развивается. Многие направления и достижения деятельности Оренбургского научного центра на современном этапе, прежде всего в изучении эпохи бронзы, в определенной мере позволяют говорить о научной школе Н.Л. Моргуновой, специализирующейся на изучении бронзового века степного Оренбуржья – как ранней бронзы (ямная культура), так и позднего бронзового века (погребальный обряд и бытовые памятники срубной культуры).

Таблица 1. База данных по памятникам, исследованным Оренбургской археологической экспедицией в 1977–2017 гг.

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
1977	Краснохолмское поселение	Срубная культура	Габелко Н.Л. Отчет о раскопках и разведках в Илекском и Красногвардейском районах Оренбургской обл. в 1977 г. // Архив АЛ ОГПУ. II-2/1977	Моргунова, Порохова, 1989
	КМ Краснохолмский I К2,7,14	Ямная культура (К2, К7), алакульская культура (К7), кочевники РЖВ (К2П2, К14)		Моргунова, 1996. Мещеряков, 1996
	КМ Краснохолмский II К1	Ямная культура (К1П4), кочевники РЖВ (К1П1–3)		
	КМ Краснопартизанский II К2,3,4,5,7	Ямная культура (К5П7), алакульская культура (К3), абашевская культура (К2), кочевники РЖВ (К5П38, К4)		
	КМ Кардаилово I К1	Кочевники РЖВ		
	Ивановское поселение	Неолит – энеолит – срубная культура		Моргунова, 1980, 1988, 1989, 1995. Моргунова, Порохова, 1989
	Ивановская дюна	Кочевники РЖВ		Моргунова, 1979. Ледяев, 1983
1978	Вилатовская стоянка ⁴	Неолит – энеолит	Габелко Н.Л., Пенин Г.Г. Отчет о раскопках Вилатовской неолитической стоянки в Богатовском районе Куйбышевской области по Открытому листу № 582 // Архив АЛ ОГПУ. II-5/1978	Васильев и др., 1980
	КМ Кардаилово I К2,10,12–14, 16,17,19,22	Кочевники РЖВ	Габелко Н.Л. Отчет о раскопках курганов и поселений в Оренбургской области по Открытому листу № 51 в 1978 году // Архив АЛ ОГПУ. II-4/1978	Моргунова, 1996. Мещеряков, 1996
	КМ Кардаилово II К1	Ямная культура		
	Ивановская стоянка	Неолит – энеолит – срубная культура		Моргунова, 1980, 1988, 1989, 1995. Моргунова, Порохова, 1989
	Старо-Токская стоянка	Мезолит		Моргунова, 1983
1979		Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках в Илекском, Оренбургском и Красногвардейском районах Оренбургской области по Открытому листу № 304 // Архив АЛ ОГПУ. II-8/1979		

⁴ Работы объединенного отряда Оренбургской и Средневожской экспедиции.

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
1979	Ивановская стоянка	Неолит – энеолит – срубная культура		Моргунова, 1980, 1988, 1989, 1995
	Токское селище	Срубная культура		Моргунова, Порохова, 1989
	КМ Нежинка К1	Кочевники РЖВ		Купцов, Моргунова, 2017
	КМ Кардаилово I К3,5,6,7,19,21,23,25	Ямная культура (К6П5, К7П1), кочевники РЖВ (К3,5, К6П1,4,6, К19, К21П1,2, К23, К25П2)		Моргунова, 1996. Мещеряков, 1996
1980	КМ Кардаилово I К4,8,9,11,15,20, 24–26	Ямная культура (К9П3, К15П2), алакульская культура (К9П2, К24П1,2,4, К25П1, К26П2), кочевники РЖВ (К9П1, К11, К15П1,3, К20, К24, К26П3)	Ледяев Н.М. Отчет о раскопках Кардаиловской курганный группы в Илекском районе Оренбургской области в 1980 г. по Открытому листу № 440 и разведках по р. Самара в Новосергиевском, Сорочинском, Тощком районах Оренбургской области по Открытому листу № 606 // Архив АЛ ОГПУ. II-11/1980	
	Ивановская стоянка	Неолит – энеолит – срубная культура	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Ивановского поселения в Красногвардейском районе Оренбургской области по Открытому листу № 129 // Архив АЛ ОГПУ. II-12/1980	Моргунова, 1980, 1988, 1989, 1995. Моргунова, Порохова, 1989
1981	Турганикская стоянка	Энеолит	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках в Красногвардейском районе Оренбургской области в 1981 году // Архив АЛ ОГПУ. II-16/1981	Моргунова, 1984. Турганикское поселение, 2017
	КМ Рязановка V К14	Срубная культура (К14П1,2), кочевники РЖВ (К14П4)	Ледяев Н.М. Отчет о раскопках в Асекеевском районе по Открытому листу № 95 // Архив АЛ ОГПУ. II-15/1981	Халяпин, Богданов, 1999
	КМ Рязановка VI К16, 21–23	Срубная культура		
	Сухореченское II поселение	Срубная культура	Порохова О.И. Отчет о раскопках II Сухореченского поселения в Бузулукском районе Оренбургской области // Архив АЛ ОГПУ. II-18/1981	Моргунова, Порохова, 1989
	1982	Турганикская стоянка	Энеолит	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Турганикской стоянки в Красногвардейском районе Оренбургской области в 1982 году по Открытому листу № 530 // Архив АЛ ОГПУ. II-24/1982

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
1983	КМ Герасимовка II К4–6	Ямная культура (К4П2, К5П1, К6П2), срубная культура (К4П1,3,4,5, К6П1)	Порохова О.И. Отчет о раскопках в Новосергиевском и Переволоцком районах Оренбургской области по Открытому листу № 114 и разведке по р. Салмыш в Октябрьском районе по Открытому листу № 615 в 1982 г. // Архив АЛ ОГПУ. II-25/1982	Порохова, 1992
	Родниковое поселение	Срубная культура, раннеалакульская культура, абашевская культура, черкаскульская культура, ивановская культура	Порохова О.И. Отчет о раскопках в Переволоцком и Оренбургском районах Оренбургской области в 1983 году по Открытому листу № 608. Том II (Родниковое поселение) // Архив АЛ ОГПУ. II-28/1983	Купцова, Файзуллин, 2012
	КМ Чкаловский К1, К3–6	Кочевники РЖВ (К1П3, К3П1–3,7, К4П1–13,15,17,18, К5, К6П4,5), средневековые кочевники (К3П6, К4П14,16, К6П1–3)	Порохова О.И. Отчет о раскопках в Переволоцком и Оренбургском районах Оренбургской области в 1983 году по Открытому листу № 608. Том I (Чкаловский КМ) // Архив АЛ ОГПУ. II-27/1983	Воронова, Порохова, 1992. <i>Средневековые материалы не опубликованы</i>
1984	Покровское поселение	Срубная культура	Порохова О.И. Отчет о раскопках в Октябрьском и Новосергиевском районах и разведке в Первомайском районе Оренбургской области по Открытому листу № 364 // Архив АЛ ОГПУ. II-33/1984	Порохова, 1989
	КМ Новотроицкий I К3,6,8,10	Ямная культура (К3П1, К6П2, К10П1), средневековые кочевники (К6П1, К8П2)		Кравцов, Моргунова, 1991. Богданов, 2004. С. 35–38
	КМ Медведка К3–8	Ямная культура (К3П2, К4П1, К5П1, К7П1), кочевники РЖВ (К3П1, К7П2, К8)		Краева, 1999
	Болдырево I К4, К8–10	Ямная культура (К4П2, К10П3, К8П2), кочевники РЖВ (К4П1, К8П1, К9П1, К10П1)		Кравцов, Моргунова, 1991. Краева, 1999
	КМ Трудовое II К1,4,5	Ямная культура (К1П1, К5П1,2)		
1985	КМ Болдырево I К1,2,5,6	Ямная культура (К1П1, К2П1, К5П1, К6П1), кочевники РЖВ (К6 П2)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках археологических памятников в Ташлинском районе Оренбургской области в 1985 г. по Открытому листу № 461 // Архив АЛ ОГПУ. II-37–38/1985	Моргунова, 2000
	Кузьминковская I стоянка	Энеолит		Моргунова, 1986
	Кинзельское I поселение	Срубная культура		Ткачева Т.М. Отчет о раскопках Кинзельского поселения в Красногвардейском районе Оренбургской области в 1985 г. (зона строительства водохранилища) по Открытому листу № 12 // Архив АЛ ОГПУ. II-43–44/1985
	КМ Кинзелька I К11	Срубная культура (К11П1), кочевники РЖВ (К11П2)	Богданов С.В. Отчет о разведках и раскопках в Оренбургской области в 1985 г. // Архив АЛ ОГПУ	Халяпин, Богданов, 1999
	КМ Пролетарка II К1	Срубная культура (К1П1–7)		

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
1986	КМ Болдырево IV К2,3	Ямная культура (К2П5,6, К3П5,7), кочевники РЖВ (К2П1,3, К3П1–4,6,8), средневековые кочевники (К2П2)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках археологических памятников в Ташлинском районе Оренбургской области в 1986 г. по Открытому листу № 693// Архив АЛ ОГПУ. II-45/1986	Кравцов, Моргунова, 1991. Краева, 1999. Харламов, Моргунова, 2017
	Кузьминковское II поселение	Срубная культура, синташтинская культура, раннеалакульская культура, федоровская культура, чераскульская культура	Порохова О.И. Отчет о раскопках в Ташлинском и Тоцком районах Оренбургской области в 1986 г. по Открытому листу № 715 // Архив АЛ ОГПУ. II-46/1986	Моргунова, Халяпин, Халяпина, 2001
	КМ Свердлово IV К1 КМ Свердлово V К5,6	Срубная культура		Халяпин, 1999
	ОК Красноселки	Срубная культура (П1)	Порохова О.И. Отчет о раскопках в Безенчукском районе Куйбышевской области в 1986 г. // Архив АЛ ОГПУ. II-48/1986	Халяпин, Порохова, 2000
	КМ Красноселки II К1–3	Срубная культура (К1П2, К2П1,3, К3П1–3), кочевники РЖВ (К1П1, К2П2)		
1987	КМ Тамар-Уткуль VII К1–4, 6–8	Ямная культура (К1, К2, К3П2, К4П7,9, К6, К, К8П4), абашевская культура (К4П1–5), кочевники РЖВ (К3П1, К4П6, К8П1–3)	Порохова О.И. Отчет о раскопках курганных могильников у с. Тамар-Уткуль в Соль-Илецком районе и разведке по рекам Буртя и Урта-Буртя в Оренбургской области в 1987 году по Открытому листу № 631 // Архив АЛ ОГПУ. II-52–53/1987	Моргунова, Кравцов, 1994. Мещеряков, 1996
	КМ Тамар-Уткуль VIII К3,4,5,7	Ямная культура		
	КМ Черный Яр К20	Кочевники РЖВ		
1988	Линевский ОК	Ямная культура (П5), кочевники РЖВ (П1–4)	Богданов С.В. Отчет о раскопках в Оренбургской области у с. Краснохолм в Илекском районе по Открытому листу № 301 и в окрестностях с. Линевка Соль-Илецкого района по Открытому листу № 849 // Архив АЛ ОГПУ. II-57/1988	Моргунова, Кравцов, 1994. Мещеряков, 1996
	КМ Линевка III К1,2	Ямная культура (К1П1, К2П1), кочевники РЖВ (К1П2)		
	КМ Пятилетка К3–6	Ямная культура (К3П1, К5П2, К6П2), кочевники РЖВ (К4, К6П1)		
	КМ Нижняя Павловка V К1–3	Ямная культура (К1П2, К2П3, К3П2), кочевники РЖВ (К1П1, К2П1,2, К3П1)	Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Отчет о раскопках, произведенных у с. Нижняя Павловка Оренбургского района в Оренбургской области по Открытому листу № 200 // Архив АЛ ОГПУ. II-58/1988	Краева, Богданов, 2000
	ОК Нижняя Павловка	Западно-алакульская культура (П5–7,12), кочевники РЖВ (П1–3,9–11,13–14)		Богданов, Кравцов, Моргунова, 1992
	Нижнепавловское поселение	Западно-алакульская культура		Купцов, Моргунова, 2017
			Моргунова и др., 2017	

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
	КМ Буранчи К1–7	Ямная культура (К1П4, К3П3, К5П2), кочевники РЖВ (К1П3, К3П1,2), средневековые кочевники (К7, К1П1–2, К4П1)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках у с. Буранчи Беляевского района Оренбургской области, произведенных в 1988 г. по Открытому листу № 848 // Архив АЛ ОГПУ. П-60/1988	Моргунова, Дойникова, Краева, 2004
	КМ Изобильное I К1,6	Ямная культура (К1, К6П3)	Порохова О.И. Отчет о раскопках курганного могильника в Соль-Илецком районе и разведке по р. Урал и его притокам в Оренбургской области в 1988 г. по Открытому листу № 238 // Архив АЛ ОГПУ. П-59/1988	Моргунова, Кравцов, 1994
1989	КМ Каменное III К3,4	Ямная культура	Моргунова Н.Л. Отчет о полевых исследованиях по р. Мал. Узень в Саратовской области и у с. Каменное Первомайского района в Оренбургской области в 1990 г. по Открытому листу № 372 // Архив АЛ ОГПУ. П-64/1990	Богданов, 2004. С. 68–69
	Токское поселение	Срубная культура	Порохова О.И. Отчет об археологических раскопках поселения у с. Юлты Красногвардейского района и кургана в с. Привольное Илекского района Оренбургской области в 1989 г. по Открытому листу № 373 // Архив АЛ ОГПУ. П-65/1990	Моргунова, Порохова, 1989
	КМ Привольное К1,2	Ямная культура (К1П3), кочевники РЖВ (К2П1,2,4–10)		Моргунова, Кравцов, 1994. Мещеряков, 1996
1990	КМ Изобильное I К3,5	Ямная культура	Кравцов А.Ю. Раскопки КМ Тамар-Уткуль VIII, Изобильное I-II в 1990 г. // Архив АЛ ОГПУ. П-59/1988	
	КМ Изобильное II К2	Ямная культура (К2П4), кочевники РЖВ (К2П2–3)		
	КМ Тамар-Уткуль VIII К2, К6, К8	Ямная культура (К2П3, К6П5, К8П1), кочевники РЖВ (К2П1,2, К6П1–4)		
	КМ Алексеевский	Ямная культура (К1П2, К5П1), кочевники РЖВ (К1П1, К4)	Кравцов А.Ю. Отчет о раскопках курганов у хут. Барышникова и с. Алексеевка Новосергиевского района Оренбургской области по Открытому листу № 460 в 1991 году // Архив АЛ ОГПУ. П-67/1991	Богданов, 2004. С. 69–70. Купцов, Моргунова, 2017
	КМ Ефимовка IV К1–4,6–7	Ямная культура (К1П1, К2П2, К6,7), средняя бронза (К2П1), срубная культура (К1П2,3, К3,4), кочевники РЖВ (К1П4)	Богданов С.В. Отчет о раскопках IV Ефимовского курганного могильника // Архив ИА РАН	Богданов, 2006
1991	КМ Курманаевка III К1–3	Ямная культура (К1П1–2, К2П1, К3П1)	Кравцов А.Ю. Отчет о раскопках курганов у с. Курманаевка Курманаевского района Оренбургской области в 1991 году по Открытому листу № 769 // Архив АЛ ОГПУ. П-67/1991	Богданов, 1999. <i>Материал РЖВ не опубликован</i>
	КМ Петровка К1,2	Ямная культура (К1П1,2, К2П1), кочевники РЖВ (К1П3)		

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
	КМ Покровка IX К1,3,4,5,7,22	Ямная культура (К4П5, К5П3, К7П2, К22), срубная культура (К3П12,13), средневековые кочевники (К1, К3П1–11, К4П1–4,6–8, К5П1)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках IX Покровского курганного могильника в Соль-Илецком районе Оренбургской области по Открытому листу № 504 // Архив АЛ ОГПУ. II-68–69/1991	Моргунова, Халяпин, 2000. Харламов, 2016
	КМ Покровка II К2 ¹	Кочевники РЖВ		Моргунова, Трунаева, 1991
	КМ Уранбаш К1–4	Ямная культура (К1), срубная культура (К2,3,4)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках КМ Уранбаш в 1991 г. // Архив АЛ ОГПУ. II-70/1991	Моргунова, 1999
1992	КМ Уранбаш К6,8,9	Срубная культура (К6,8,9)	Порохова О.И. Отчет о раскопках курганного могильника Уранбаш в Октябрьском районе Оренбургской области в 1992 году по Открытому листу № 165 // Архив АЛ ОГПУ. II-73/1992	
	КМ у хут. Барышников К6	Ямная культура (К6П3)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках кургана у хут. Барышникова в Новосергиевском районе Оренбургской области в 1992 г. // Архив АЛ ОГПУ. II-67/1991	Моргунова, Турецкий, 1998
	КМ Покровка II К1	Кочевники РЖВ (К1П2), средневековые кочевники (К1П1)	Моргунова Н.Л., Трунаева Т.К., Яблонский Л.Т. Отчет о полевых работах Илекской археологической экспедиции в 1992 году // Архив АЛ ОГПУ. II-71/1992	Веддер и др., 1993
	КМ Покровка VIII К1,2,3,4,5,6	Поздняя бронза (К1П12,16, К2П4,6), кочевники РЖВ (К1П2–7,11,13–15; К2П1,2,3,5; К3П1; К4П2–5; К5П1–3; К6П1–5), средневековые кочевники (К1П8,9, К4П1)		
1993	КМ Покровка I К1,2,8–10,13–17	Поздняя бронза (К15П3, К16П4, К17П4), кочевники РЖВ (К1П2, К2, К8–10, К13, К15П1,2, К16П1–3, К17П1–3), средневековые кочевники (К1П1)	Моргунова Н.Л., Трунаева Т.К., Яблонский Л.Т. Отчет о раскопках КМ в Соль-Илецком районе Оренбургской области в 1993 году // Архив АЛ ОГПУ. II-88/1994	Яблонский и др., 1994. Моргунова, Халяпин, 2000
	КМ Покровка II К3,16–25	Срубная культура (К18П1,3, К19П1, К24П1), кочевники РЖВ (К3, К16–17, К18П2, К19П2–4, К20–23, К24П2, К25)		

¹ В 1991–1993 гг. работы на могильниках у с. Покровка производились в рамках комплексной Илекской экспедиции ИА РАН.

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
	КМ Изобильное I К2,4	Ямная культура (К2, К4П3), кочевники РЖВ (К2П4,5)	Турецкий М.А. Отчет о раскопках курганных могильников у с. Изобильное Соль-Илецкого р-на Оренбургской области в 1993 г. по Открытому листу № 190 // Архив АЛ ОГПУ. П-90/1994	Моргунова, Кравцов, 1994. Купцов, Моргунова, 2017
	КМ Изобильное II К2	Золотоордынское время		Матюшко, 2011
	КМ Студеное II К2	Кочевники РЖВ (К2П1,2)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках кургана № 2 II Студеновского могильника в Илекском районе Оренбургской области по Открытому листу № 103 в 1993 г. // Архив АЛ ОГПУ. П-78/1993	<i>Материал не опубликован</i>
1994	ОК I Благословенка	Кочевники РЖВ	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках у с. Бердянка Оренбургского района Оренбургской области в 1994 г. по Открытому листу № 567 // Архив АЛ ОГПУ. П-87/1994	Краева, Мещеряков, Моргунова, 2000
	КМ Бердянка V К2,5			Купцов, Моргунова, 2017
1995	КМ Бердянка V К4,6		Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках V Бердянского могильника в Оренбургском районе Оренбургской области в 1995 г. // Архив АЛ ОГПУ. П-93/1995	Моргунова, Мещеряков, 1999 Моргунова, Мещеряков, 2014
1996	Могильник Ереминка К1	Срубная культура	Мещеряков Д.В. Отчет о разведках в Переволоцком и Акбулакском районах и разведках и раскопках в Сакмарском районе Оренбургской области в 1996 г. по Открытому листу № 625 // Архив АЛ ОГПУ. П-94/1997	Мещеряков, 2001
1997	КМ Белозерка I К4,9,10	Абашевская культура	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках в Октябрьском районе Оренбургской области летом 1998 г. по Открытому листу № 543 // Архив АЛ ОГПУ. П-98/1999	Халяпин, 2000
1998	Булановское II поселение	Срубная культура, абашевская культура		Моргунова, Халяпин, 2002
	КМ Васильевка III К6	Алакульская культура (К6П1–5,7–11,13), кочевники РЖВ (К6П6,12)	Халяпин М.В. Отчет о раскопках III Васильевского курганного могильника в Акбулакском районе Оренбургской области по Открытому листу № 446 и разведках на территории Александровского района Оренбургской области по Открытому листу № 161 весной – летом 1999 года // Архив ИА РАН	Халяпин, 2001
1999	КМ Красный Яр (IV Студеновский КМ) К18–20,22	Кочевники РЖВ	Мещеряков Д.В. Отчет о раскопках курганного могильника Красный Яр в Илекском районе и разведках в Шарлыкском и Октябрьском районах Оренбургской области в 1999 году // Архив АЛ ОГПУ. П-103/2000	<i>Материал не опубликован</i>

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
	Булановское II поселение	Срубная культура, абашевская культура	Моргунова Н.Л. Отчет об археологических раскопках у с. Буланово в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу № 421 летом 1999 г. // Архив АЛ ОГПУ. II-100/2000	Моргунова, Халяпин, 2002
	КМ Буланово К1,2	Кочевники РЖВ		Халяпин, Моргунова, 2005
	Могильник у горы Березовой	Срубная культура, синташтинская культура, абашевская культура		Халяпин, 2001б. Халяпин, 2005
2000–2003	Булановское II поселение	Абашевская культура, срубная культура	Халяпин М.В. Отчет об археологических раскопках у с. Буланово в Октябрьском районе Оренбургской области летом 2003 года // Архив министерства культуры и внешних связей Оренбургской области	
2000	КМ Буланово К3	Кочевники РЖВ	Отчет отсутствует	Халяпин, Моргунова, 2005
	КМ Шумаево I К2,3,4,5,7	Ямная культура (К2П3, К3П6, К4П2), кочевники РЖВ (К3П2,5, К4П1, К7), кочевники средневековья (К5)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Шумаевских курганов в Ташлинском районе Оренбургской области по Открытому листу № 355 в 2000 году // Архив АЛ ОГПУ. II-105/2001	Моргунова и др., 2003
2001	ОК Шумаево II	Ямная культура (П2)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Шумаевских курганов в Ташлинском районе Оренбургской области по Открытому листу № 437 в 2001 году // Архив АЛ ОГПУ. II-108/2002	
	КМ Шумаево II К2–6,8	Ямная культура (К3П7, К4П2, К5П3, К6П6), средний бронзовый век (К3П2, К4П1, К5П1,2, К6П1), кочевники РЖВ (II К2, К3П3–6,8,9, К6П2,3, К8П2)		
2002	КМ Шумаево I К6	Кочевники средневековья	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Шумаевских курганов в Ташлинском районе Оренбургской области в 2002 г. по Открытому листу № 359 // Архив АЛ ОГПУ. II-111/2003	
	КМ Шумаево II К7,9,11	Ямная культура (К7П3), средний бронзовый век (К7П4), кочевники РЖВ (К7П1,2, К8, К9)		
2003	КМ Буланово К4	Кочевники РЖВ	Халяпин М.В. Отчет об археологических раскопках у с. Буланово в Октябрьском районе Оренбургской области летом 2003 года // Архив министерства культуры и внешних связей Оренбургской области	Халяпин, Моргунова, 2005
2004	КМ Мустаево V	Ямная культура (К1П1, К8П2, К9П2, К12П2), кочевники РЖВ (К4П1–5,7, К9П1), средневековые кочевники (К5–7,10,11,14,15)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках V Мустаевского курганного могильника в Новосергиевском районе Оренбургской области в 2004 г. // Архив АЛ ОГПУ. II-112/2005	Моргунова, Краева, Матюшко, 2005

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
2005	КМ Акоба II К1,2	Кочевники РЖВ	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках курганов у села Акоба в Акбулакском районе Оренбургской области в 2005 году по Открытому листу № 315 // Архив АЛ ОГПУ. II-114/2006	Моргунова, Краева, 2012
	КМ Акоба V К1	Поздняя бронза (К1П4,5), кочевники РЖВ (К1П1–3,6)		Моргунова, Купцов, 2016
2006	КМ Лабазы К1,2,5,7,8	Срубная культура (К1,5,7,8, К2П2), кочевники РЖВ (К2П1,3–6)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Лабазовского курганного могильника в Курманаевском районе Оренбургской области по Открытому листу № 965 // Архив АЛ ОГПУ. II-115/2007	Моргунова и др., 2009. Моргунова, Краева, Купцов, 2016
2007	КМ Черный Яр К42,50	Кочевники РЖВ	Краева Л.А. Отчет о раскопках курганного могильника Черный Яр у с. Тамар-Уткуль в Соль-Илецком районе Оренбургской области в 2007 году по Открытому листу № 395 // Архив АЛ ОГПУ. II-142/2007	Краева и др., 2009
	КМ Лабазы К3,6	Срубная культура (К3, К6П1,2), кочевники РЖВ (К6 – жертвенный комплекс)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Лабазовского и Скворцовского курганов могильников в Курманаевском районе Оренбургской области в 2007 году по Открытому листу № 1124 // Архив АЛ ОГПУ. II-116/2008	Моргунова и др., 2009. Моргунова, Краева, Купцов, 2016
	КМ Скворцовка К3,4,5,8	Ямная культура (К5П1–4, К8П1), срубная культура (К3, К4), ВДБК (К5П3 скелет 1)		Моргунова и др., 2010
2008	КМ Скворцовка К6,7,9	Ямная культура (К6П1,3, К7П1, К9П1), средневековые кочевники (К6П2)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках курганов могильников у села Скворцовка в Курманаевском районе Оренбургской области в 2008 году по Открытому листу № 505 // Архив АЛ ОГПУ. II-121/2009	Моргунова и др., 2009
	КМ Лабазы К4	Срубная культура		Моргунова и др., 2009
2009	КМ Плешаново II К1–3	Срубная культура (К1П2,3, К2П2–5,7,8), кочевники РЖВ (К1П1,4,5, К2П1,4,6)	Крюкова Е.А. Отчет о проведении археологических раскопок II курганного могильника у с. Плешаново в Красногвардейском районе Оренбургской области в 2009 г. по Открытому листу № 1002 // Архив АЛ ОГПУ. II-128/2010	Крюкова и др., 2012. Крюкова, Купцов, 2014
2010	КМ Имангулово 2-е II К5,9,11	Волго-уральский вариант лолинской культуры (К5П3), кочевники РЖВ (К5П2,4, К9, К11П2), кушнарниковская культура (К5П1, К11П1)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу № 579 в 2010 году // Архив АЛ ОГПУ. II-138/2011	<i>Материал не опубликован</i>
	ОК «Калмыцкая Шишка»	Ямная культура	Крюкова Е.А. Отчет об исследованиях одиночного кургана «Калмыцкая шишка» у с. Донецкое Переволоцкого района Оренбургской области по Открытому листу № 749 в 2010 г. // Архив АЛ ОГПУ. II-133/2011	Моргунова, Крюкова, 2014
2011	КМ Боголюбовка К1–3, 10–13	Срубная культура (К1–3, 10–13), ямная культура (К11П8), кочевники РЖВ (К10П1), средневековые кочевники (К2П7)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Боголюбовского курганного могильника в Новосергиевском районе Оренбургской области в 2011 году // Архив АЛ ОГПУ. II-146–149/2012	Моргунова и др., 2011. Матюшко, 2014

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
	КМ Имангулово 2-е II К4,15	Кочевники РЖВ	Краева Л.А. Отчет о раскопках II курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу № 185 в 2011 году // Архив АЛ ОГПУ. II-136/2012	<i>Материал не опубликован</i>
	КМ Имангулово 2-е III К2	Средневековые кочевники	Матюшко И.В. Отчет о раскопках III курганного могильника у с. Имангулово 2-е в Октябрьском районе Оренбургской области по Открытому листу № 273 // Архив АЛ ОГПУ. II-141/2012	Матюшко, 2016
2012	КМ Ибрагимово III К8	Культурная принадлежность не установлена	Крюкова Е.А. Отчет о раскопках кургана № 8 III курганного могильника у с. Ибрагимово Кувандыкского района Оренбургской области по Открытому листу № 335 в 2012 г. // Архив АЛ ОГПУ. II-116/2008	<i>Материал не опубликован</i>
	Поселение Малоюлдашево I	Неолит-энеолит, срубная культура	Евгеньев А.А. Отчет о раскопках поселения Малоюлдашево I в Красногвардейском районе Оренбургской области в 2012 году // Архив АЛ ОГПУ	Поселение Малоюлдашево I, 2016
	Малоюлдашевское погребение	Синташтинская культура		Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015
	КМ Сорочинско-Никольский К1,2	Кочевники РЖВ	Краева Л.А. Отчет о раскопках Сорочинско-Никольского курганного могильника в Красногвардейском районе Оренбургской области по Открытому листу № 330 в 2012 г. // Архив АЛ ОГПУ	<i>Материал не опубликован</i>
2012–2013	КМ Переволоцкий К1,3–7	Ямная культура (К1П13, К3П4, К7), срубная культура (К4,5), кочевники РЖВ (К1П1–12, К3П1–3,5, К6)	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Переволоцкого курганного могильника в Переволоцком районе Оренбургской области в 2012–13 гг. // Архив АЛ ОГПУ.	Моргунова и др., 2016а. Моргунова, Купцов, 2017
2014	КМ Донецкое I К1,2	Срубная культура (К1, К2П4), кочевники РЖВ (К2П2,3)	Матюшко И.В. Отчет о раскопках I курганного могильника у с. Донецкое в Переволоцком районе Оренбургской области по Открытому листу № 199 // Архив АЛ ОГПУ. II-153/2013	Моргунова и др., 2016б
	КМ Нижнебахтиярово I К1–3	Срубная культура	Краева Л.А. Отчет о раскопках I курганного могильника у с. Нижнебахтиярово в Красногвардейском районе Оренбургской области по Открытому листу № 1153 в 2014 году // Архив АЛ ОГПУ. II-157/2014	<i>Материал не опубликован</i>
	Грунтовое погребение у с. Чебеньки	Золотоордынский период	Купцова Л.В. Отчет о проведении археологических разведок в Илекском, Оренбургском, Саракташском районах Оренбургской области, на землях МО г. Оренбург в 2014 году по Открытому листу № 230 // Архив АЛ ОГПУ	Матюшко, Краева, Купцова, 2016

Год	Памятник	Культурно-хронологическая принадлежность	Отчет	Публикация
2014–2015	Турганикское поселение	Энеолит – бронзовый век	Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Турганикского поселения в Красногвардейском районе Оренбургской области в 2014 году // Архив АЛ ОГПУ. П-158–159/2015. Моргунова Н.Л. Отчет о раскопках Турганикского поселения в Красногвардейском районе Оренбургской области в 2014 году // Архив АЛ ОГПУ. П-163–164/2016	Турганикское поселение, 2017
2015–2016	КМ Красиково К1–5	Ямная культура (К1П1, К2П1,2, К3П3,4, К4П1), синташтинская культура (К3П1)	Евгеньев А.А. Отчет о раскопках I Красиковского курганного могильника в Красногвардейском районе Оренбургской области по открытому листу № 701 в 2015 г. // Архив АЛ ОГПУ. Файзуллин А.А. Отчет о раскопках I Красиковского курганного могильника в Красногвардейском районе Оренбургской области по открытому листу № 773 в 2016 г. // Архив АЛ ОГПУ	<i>Материал не опубликован</i>
2016	КМ Каменка I К1,2	Срубная культура	Файзуллин И.А. Отчет о раскопках I курганного могильника у с. Каменка в Сорочинском районе Оренбургской области по открытому листу № 772 в 2016 г. // Архив АЛ ОГПУ	<i>Материал не опубликован</i>
2017	КМ Имангулово 2-е II К3,8,10,12	Кочевники РЖВ	Отчет в стадии работы	<i>Материал не опубликован</i>
	КМ Твердилово К1,2	Срубная культура		

Литература

- Богданов С.В.** 1999. Курганы начала бронзового века в окрестностях с. Курманаевка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 12–20.
- Богданов С.В.** 2004. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН. 285 с.
- Богданов С.В.** 2006. Культурно-хронологические комплексы IV Ефимовского курганного могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара: Изд-во «Научно-технический центр». С. 209–224.
- Богданов С.В., Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л.** 1992. Курганы древнейшей культуры в левобережье р. Урал // Древняя история населения волго-уральских степей. Оренбург: Изд-во ОГПИ. С. 80–91.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габышев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г.** 1980. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев. С. 151–189.
- Веддер Дж., Егоров В., Дэвис-Кимболл Дж., Моргунова Н., Трунаева Т., Яблонский Л.** 1993. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 18–55.
- Воронова С.А., Порохова О.И.** 1992. П Чкаловский курганный могильник // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: Изд-во ОГПИ. С. 229–255.
- Евгеньев А.А.** 2008. Оренбургская археология в XVIII в. – 70-х гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Оренбург.
- Евгеньев А.А.** 2014. История изучения памятников ямной культуры Оренбургского Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург: ООО ИПК «Университет». С. 170–176.
- Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л.** 1991. Погребения древнейшей культуры на р. Иртек // Древности восточноевропейской лесостепи. Самара: Изд-во СГПИ. С. 120–137.
- Краева Л.А.** 1999. Памятники раннего железного века из Западного Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 176–190.
- Краева Л.А.** 2008. Гончарство ранних кочевников Южного Приуралья в VI–I вв. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.
- Краева Л.А.** 2011. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (48). С. 51–60.
- Краева Л.А., Богданов С.В.** 2000. Сарматские погребения могильника у с. Пятилетка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния». С. 168–179.
- Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Моргунова Н.Л.** 2000. Одиночный курган у с. Благословенка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния». С. 186–194.
- Краева Л.А., Купцов Е.А.** 2007. Новые данные о конструкции горитов ранних кочевников Южного Приуралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ. С. 30–37.
- Краева Л.А., Крюкова Е.А., Щербаков Н.Б., Шутелева И.А.** 2009. Место археологического памятника в методике выделения археологического микрорайона на примере могильника «Черный Яр» (Южное Приуралье) // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Материалы научной конференции. Омск: Изд-во «Апельсин». С. 78–82.
- Крюкова Е.А., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Матюшко И.В.** 2012. Комплексы позднего бронзового века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 112–133.
- Крюкова Е.А., Купцов Е.А.** 2014. Впускные погребения раннего железного века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург: ООО ИПК «Университет». С. 201–213.
- Купцов Е.А., Крюкова Е.А.** 2016. К вопросу о рыболовстве ранних кочевников Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург: ООО ИПК «Университет». С. 159–192.
- Купцов Е.А., Моргунова Н.Л.** 2017. Погребения кочевников раннего железного века из Западного и Центрального Оренбуржья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. С. 174–190.
- Купцова Л.В.** 2014. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 11. Оренбург: ООО ИПК «Университет». С. 177–195.

Купцова Л.В. 2016. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Оренбург.

Купцова Л.В., Файзуллин И.А. 2012. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 70–100.

Ледяев Н.М. 1983. Савроматские погребения Ивановской дюны // История и культура сарматов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. С. 117–120.

Матюшко И.В. 2011. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 146–155.

Матюшко И.В. 2014. Новое огузское погребение у с. Боголюбовка в Оренбургской области // Известия СНЦ РАН. Т. 16. № 3–2. С. 620–625.

Матюшко И.В. 2015. Погребальный обряд кочевников степного Приуралья IX – XIV вв. Оренбург: ООО ИПК «Университет». 212 с.

Матюшко И.В. 2016. Сырцовый мавзолей на территории Оренбуржья // Известия СНЦ РАН. Т. 18. № 3–1. С. 153–160.

Матюшко И.В., Краева Л.А., Купцова Л.В. 2016. Серебряные дирхемы Золотой Орды в степном Приуралье // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова / под ред. С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова. С. 177–179.

Мерперт Н.Я. 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 3–26.

Мещеряков Д.В. 1996. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 44–67.

Мещеряков Д.В. 2001. Погребения эпохи поздней бронзы у с. Ереминка на р. Сакмара // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 91–98.

Моргунова Н.Л. 1979. Ивановская дюна на р. Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 15–20.

Моргунова Н.Л. 1980. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 104–125.

Моргунова Н.Л. 1983. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж: Изд-во ВГПИ. С. 28–40.

Моргунова Н.Л. 1984. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 58–78.

Моргунова Н.Л. 1986а. Хозяйство населения волго-уральской и самарской культур // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Оренбург: Изд-во ОГПИ. С. 12–14.

Моргунова Н.Л. 1986б. Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 31–36.

Моргунова Н.Л. 1988. Ивановская стоянка в Оренбургской области // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 106–123.

Моргунова Н.Л. 1989. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 118–135.

Моргунова Н.Л. 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ИПК «Южный Урал». 222 с.

Моргунова Н.Л. 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 8–43.

Моргунова Н.Л. 1999. Могильник у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 40–64.

Моргунова Н.Л. 2000. Большой Болдыревский курган // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния». С. 55–62.

Моргунова Н.Л. 2007. Вклад Оренбургской археологической экспедиции в изучение истории Южного Урала за последнее 30-летие // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 4–14.

Моргунова Н.Л. 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 220 с.

- Моргунова Н.Л.** 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 347 с.
- Моргунова Н.Л., Порохова О.И.** 1989. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж. С. 160–171.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.** 1991. Древнеямная культура в Приуралье // СА. № 1. С. 35–50.
- Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н.** 1991. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левобережного Илека. М.: ИА РАН. С. 15–17.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.** 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: УИФ «Наука». 153 с.
- Моргунова Н.Л., Турецкий М.А.** 1998. Курганная группа у хут. Барышникова // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 3–16.
- Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В.** 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 124–146.
- Моргунова Н.Л., Халяпин М.В.** 2000. Погребения эпохи поздней бронзы у с. Покровка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния». С. 153–167.
- Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А.** 2001. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 99–125.
- Моргунова Н.Л., Потемкина Т.М., Краева Л.А.** 2001. XV Уральское археологическое совещание // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 162–175.
- Моргунова Н.Л., Халяпин М.В.** 2002. Исследования в степном Оренбуржье // Археологические открытия 2000 года. М.: Наука. С. 170–171.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С.** 2003. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 391 с.
- Моргунова Н.Л., Дойникова И.В., Краева Л.А.** 2004. I курганный могильник у с. Буранчи // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 6. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 3–15.
- Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В.** 2005. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 7. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 5–49.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.** 2009. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 97 с.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А.** 2010. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 159 с.
- Моргунова Н.Л., Краева Л.А.** 2012. Курганная группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 156–199.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлова О.С., Хохлов А.А.** 2014. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 171 с.
- Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В.** 2014. Позднесарматский курган на р. Бердянка в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 211–218.
- Моргунова Н.Л., Крюкова Е.А.** 2014. Курган «Калмыцкая шишка»: из опыта охранных раскопок // Культурно-исторические процессы в казахских степях в древности и средневековье: традиции и инновации. Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Том III. Астана. С. 42–50.
- Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Харламов П.В., Файзуллин И.А.** 2016а. Переволоцкий курганный могильник в Оренбургской области: предварительные результаты исследования // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург: ООО ИПК «Университет». С. 21–51.
- Моргунова Н.Л., Матюшко И.В., Турецкий М.А., Файзуллин А.А.** 2016б. Курганы у с. Донецкое Переволоцкого района в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург: ООО ИПК «Университет». С. 102–115.
- Моргунова Н.Л., Купцов Е.А.** 2016. Исследования курганного могильника Акоба V в 2005 году // Вестник ОГПУ. Электронный журнал. Вып. 2 (18). Оренбург. С. 187–204.
- Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Купцов Е.А.** 2016. Погребения и жертвенные комплексы раннего железного века курганного могильника у села Лабазы // Известия СИН РАН. Т. 18. № 6. С. 209–218.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. 2015. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, антропология и этнография Евразии. Том 43. № 2. С. 64–71.

Моргунова Н.Л., Купцов Е.А. 2017. Исследование кольцевого святилища сарматской культуры у поселка Переволоцкий (предварительные результаты) // VII Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Этнические взаимодействия на Южном Урале» по теме «Сарматы Южного Урала и их окружение», Челябинск (в печати).

Моргунова Н.Л., Купцова Л.В., Купцов Е.А., Краева Л.А., Файзуллин И.А., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И. 2017. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железного века у с. Нижняя Павловка // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. С. 174–190.

Порохова О.И. 1989. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа: Изд-во БНЦ УрО АН СССР. С. 60–72.

Порохова О.И. 1992. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: Изд-во ОГПИ. С. 92–107.

Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. 2016 / [А.А. Евгеньев и др.]; под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. 195 с.

Турганикское поселение в Оренбургской области. 2017 / Н.Л. Моргунова, И.Н. Васильева, М.А. Кулькова и др.; под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. 299 с.

Файзуллин А.А. 2014. Культ черепа в погребальной практике ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Известия СНЦ РАН. Т. 16. № 3–2. С. 592–596.

Файзуллин А.А. 2015. Производственные комплексы ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Проблемы истории, филологии, культуры 2 (48). Москва – Магнитогорск – Новосибирск. С. 112–136.

Файзуллин И.А. 2015. К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (29). С. 80–86.

Халяпин М.В. 1998. Курганы срубной культуры у села Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 57–58.

Халяпин М.В. 2000. Новые абашевские материалы из Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск: Ин-т Евразийских исследований, Ин-т степи УрО РАН. С. 102–119.

Халяпин М.В. 2001а. Раннеалакульский курган у с. Васильевка на юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 49–74.

Халяпин М.В. 2001б. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация. Самара. С. 417–425.

Халяпин М.В. 2005. Погребение литейщика эпохи бронзы с территории степного Приуралья // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. Уральск. С. 203–217.

Халяпин М.В., Богданов С.В. 1999. Погребальные памятники эпохи бронзы с территории Оренбургского Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 75–81.

Халяпин М.В., Порохова О.И. 2000. Погребальные комплексы эпохи бронзы у с. Красноселки // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния». С. 110–112.

Халяпин М.В., Моргунова Н.Л. 2005. Новые материалы среднесарматской культуры с территории Южного Приуралья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Сб. науч. трудов. Вып. 2. Актобе. С. 116–129.

Харламов П.В. 2016. Захоронение печенежского воина в кургане I могильника Покровка IX // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург: ООО ИПК «Университет». С. 193–196.

Харламов П.В. 2017а. Комплекс вооружения кочевых племен Волго-Уральского региона в IX – XI вв. // VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники: проблемы исследования, сохранения и музеефикации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Биларской археологической экспедиции. Серия «Археология евразийских степей». № 1. С. 364–377.

Харламов П.В. 2017б. Захоронение IX – XI вв. в кургане 3 могильника Болдырево IV // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 13. Оренбург: Издательский центр ОГАУ.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М. С. 4–56.

Фризен О.И.¹, Фризен С.Ю.²

¹Государственный Музей искусства народов Востока;

²Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

ЛЕОНИД ТЕОДОРОВИЧ ЯБЛОНСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Аннотация. Статья посвящена деятельности Леонида Теодоровича Яблонского (1950–2016 гг.), как археолога и антрополога, работавшего на территории Оренбургской области, его неоценимому вкладу в археологию, историю и культуру края. Л.Т. Яблонский – крупный ученый, археолог и антрополог, посвятивший изучению культуры ранних кочевников Южного Приуралья более 20 лет. Благодаря его работе культурное наследие Оренбуржья обогатилось уникальными археологическими находками, а научные результаты его исследований позволили значительно раскрыть тайны древней истории народов, живших на территории края.

Abstract. The article is devoted to the activities of Leonid Teodorovich Yablonsky (1950–2016) as the archaeologist and anthropologist, who worked on the territory of the Orenburg region, his invaluable contribution to the archaeology, history and culture of the region. L.T. Yablonsky is the known scientist, archaeologist and anthropologist, devoted to studying the culture of the early nomads of the Southern Urals more than 20 years. Through his work the cultural heritage of the Orenburg region was enriched with unique archeological finds, and the scientific results of his research have significantly to reveal the secrets of the ancient history of the peoples who lived on the territory of the region.

В 2016 году безвременно ушел из жизни крупный ученый с мировым именем, известный археолог и антрополог, уникальный специалист в разных областях исторической и биологической наук, руководитель полевых экспедиций с многолетним опытом, учитель, друг и коллега многих археологов и антропологов России и других стран Леонид Теодорович Яблонский (1950–2016 гг.). Его научные интересы были связаны с разными территориями России и Средней Азии, начиная со скифского времени и заканчивая средневековьем. Более 20 лет своей деятельности, вплоть до последних дней, Леонид Теодорович посвятил изучению сарматской проблематики, а его работа в это время была тесно связана с археологией Оренбуржья (Приложение Б).

Данная статья посвящена как раз этому периоду, а также тому неоценимому вкладу, который внес Леонид Теодорович в развитие археологической и исторической науки и культуры Оренбургской области.

В 1990 г., занимаясь еще проблематикой сакского периода среднеазиатского региона, свою полевую деятельность Леонид Теодорович переносит в Южное Приуралье. В этом году под руководством Л.Т. Яблонского были проведены разведочные археологические работы на территории Соль-Илецкого и Акбулакского районов Оренбургской области, главной целью которых было выявление разрушенных памятников, нуждающихся в археологическом обследовании. На указанной территории было выявлено 13 курганных могильников, в том числе пять могильников у села Покровка, которые было решено исследовать в ближайшие годы (Яблонский, 1993, с. 7–8).

Для того, чтобы раскопать эти курганы, в трудные 90-е годы, когда была большая проблема с финансированием экспедиций, Л.Т. Яблонский сумел наладить хорошие отношения с администрацией Оренбургской области, Оренбургским государственным педагогическим университетом (тогда еще педагогическим институтом) и областным историко-краеведческим музеем. Он организовал участие в работе экспедиции добровольцев из США, которые вкладывали деньги в финансирование раскопок и издание их результатов (Мошкова и др., 2010, с. 10). Он создал

комплексную Илекскую экспедицию ИА РАН, в работе которой кроме археологов принимали участие почвоведы, палеозоологи, минералог, реставратор, а сам начальник выполнял обязанности палеоантрополога (От редакции, 2016, с. 1066).

В результате, с некоторым перерывом, с 1992 по 2001 г. под общим руководством Л. Т. Яблонского были проведены раскопки пяти крупных курганных могильников (более 300 погребений) на юге Оренбургской области у с. Покровка. В серию публикаций «Курганы левобережного Илека» (1993–1996 гг.) в основном вошли материалы четырех полностью исследованных могильников Покровка 1, 2, 7 и 8, а также четырех курганов из могильника Покровка 10. Раскопки этого могильника начались в 1995 году, а затем продолжились в 1996 и 1997 гг. и были закончены в полевые сезоны 1999–2001 гг. (в 1999 и 2001 годах исследования проводились под руководством В.Ю. Малашева). По результатам этих раскопок было установлено, что курганный могильник Покровка 10 является одним из самых крупных памятников позднесарматского времени не только в Южном Приуралье, но и на остальной территории распространения таких памятников. В 2005 году Л.Т. Яблонский совместно с В.Ю. Малашевым опубликовали материалы раннесарматского периода из данного могильника (Яблонский, Малашев, 2005, с. 149–213), а в 2008 г. они также совместно издали монографию «Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время», определив могильник Покровка 10 как один из опорных памятников позднесарматской культуры региона (Малашев, Яблонский, 2008). Таким образом, начавшиеся почти столетие назад исследования могильников у села Покровка (Кастанье, 1910; 1913; Ростовцев, 1918), благодаря усилиям и труду, а также высокому профессионализму и убежденности в том, что начатое всегда нужно доводить до конца, позволили Леониду Теодоровичу не только полностью, но и разносторонне изучить данный памятник и вписать его в список ведущих памятников раннего железного века региона.

Раскопки покровских курганов увеличили источниковую базу по савромато-сарматскому времени Южного Приуралья, ввели в научный оборот новый массовый материал по позднесарматской культуре. Именно материалы из могильников у с. Покровка легли в основу отдельных теоретических работ, посвященных как раннесарматскому (Куринских, 2008; 2010; 2011а; 2011б; 2012; Фризен О.И., 2014; Фризен, Яблонский, 2017; Фризен С.Ю., 2011а; 2011б), так и позднесарматскому периоду (Малашев, 2007; 2009; 2013; Малашев, Яблонский, 2008), которые позволили ученым уточнить хронологию отдельных периодов и ответить на вопросы о формировании и развитии сарматских культур Южного Приуралья, а также антропологического типа населения этого времени, долгое время являющихся наиболее дискуссионными в сарматологии.

В полной мере владея как археологическими, так и антропологическими методами исследований, Леонид Теодорович придавал большое значение публикации совместно с археологическим материалом данных естественно-научных дисциплин. Он считал, что это позволяет извлекать максимум информации из раскапываемого памятника, делает объективными социально-исторические реконструкции, может обеспечить независимую от археологических методик базу знаний и историческую интерпретацию материалов раскопок. В подготовке его монографий принимали участие специалисты в области лингвистики, торовтики, археозоологии, археометаллографии, археоминералогии (От редакции, 2016, с. 1066).

Особое место в работах Леонида Теодоровича занимали палеоантропологические исследования. В полной мере обладая навыками палеоантропологических исследований и антропологической реконструкции, он уже в полевых условиях мог наиболее качественно провести сбор и первичное исследование палеоантропологических материалов. Краниологические и остеологические серии из Покровских могильников на сегодняшний день являются наиболее представительными для сарматского времени и еще долго будут основой для построения концепций

генезиса савромато-раннесарматского населения. Сам автор, анализируя краниологические серии из Покровских могильников, отмечал их промежуточное положение между сериями с монголоидной примесью и без таковой, отмечая, что серии из могильников Покровка 2 и Покровка 8 отклоняются в сторону усиления европеоидности (Яблонский, 2004, с. 253). По мнению автора, основу физического типа ранних кочевников Южного Приуралья составили брахикранные относительно низколицие и относительно широколицие европеоиды с хорошо профилированным в горизонтальной плоскости лицом, иногда с более или менее выраженной монголоидной примесью (Яблонский, 2010, с. 90). Автор отмечает, что данный тип не имеет прямых аналогий среди синхронных серий других регионов (Яблонский, 2010).

В начале XXI века Л.Т. Яблонский заинтересовался еще одним «не доисследованным» памятником, вокруг которого в конце 90-х и в начале 2000-х годов разгорелись жаркие споры в среде специалистов по раннесарматской археологии (Зуев, 1998; 2000; 2002; 2003; Федоров, 2001). Это частично разграбленный крестьянами в 1911 году, а затем также не полностью раскопанный и изученный С.И. Руденко в 1916 году могильник у с. Прохоровка (Ростовцев, 1918), давший название раннему этапу сарматской культуры (Мошкова, 1974). Леонид Теодорович будучи человеком, не любившим голословные выводы, решил доследовать Прохоровские курганы, чтобы прервать череду публикаций, опирающихся в основном на дореволюционные отчеты, а также на коллекцию материалов, происходившую из этих раскопок, которая в советское время была частично утеряна и в какой-то мере перепутана. Отдельные предметы, происходившие из грабительских раскопок, а следовательно, не имевшие точного археологического контекста, легли в основу некоторых теоретических выводов, значительным образом перекраивающих всю разработанную до этого момента хронологическую схему раннесарматской культуры Южного Приуралья. Предполагая наличие впускных погребений, которые были пропущены дореволюционными исследователями, с целью их изучения Леонид Теодорович организовал совместную экспедицию института археологии РАН и Оренбургского государственного педагогического университета при поддержке администрации Шарлыкского района Оренбургской области. В результате полученные в ходе раскопок в 2003 году материалы (в том числе и доисследованного в 2005 году под руководством Д.В. Мещерякова кургана № 3) были опубликованы в ряде статей (Яблонский, Мещеряков, 2004; 2005; 2008; Яблонский, Мещеряков, Вальчак, Тришина, 2004; Мещеряков, Федоров, Яблонский, 2006; Фризен, Яблонский, 2006), а также в блестящей работе, подготовленной при участии различных специалистов (Яблонский, 2010). Эти публикации позволили внести ясность в датировку эпонимного памятника и прекратить споры о его дате и культурной принадлежности. Помимо яркого и интересного археологического материала в ходе исследования Прохоровского могильника были получены достаточно значительные по количеству палеоантропологические материалы и, таким образом, был восполнен пробел в палеоантропологии раннесарматского времени, а материалы эпонимного памятника стали достоянием отечественной науки.

В 2004 г. Леониду Теодоровичу стало известно, что другой знаковый памятник сарматской культуры, знаменитые Филипповские курганы, подвергаются разграблению. Это так называемый могильник Филипповка I, раскопки которого во второй половине 80-х годов XX века (руководитель А.Х. Пшеничнюк) сделали его знаменитым на весь мир, благодаря уникальной коллекции изделий из драгоценных металлов, выполненных в зверином стиле (в том числе знаменитые золотые филипповские олени). В связи с такой широкой известностью данного памятника, особенно после публикации коллекции (Пшеничнюк, 2001; Pshenichnuk, 2000), хранящейся в Музее центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, которая объехала к тому времени несколько стран, в том числе Европы и Америки, не удивительно, что он стал привлекать внимание не только ученых, но и желающих пожить за счет культурного

наследия нашей страны, то есть обыкновенных грабителей. В частности, в 2005 году в поисках сокровищ грабители-вандалы использовали экскаватор, которым разрушили часть насыпи кургана № 4, деревянное подкурганное перекрытие и добрались до центрального захоронения (Яблонский, 2013, с. 19–20). И только благодаря тому, что Леонид Теодорович решил раскопать такой довольно трудоемкий и сложный объект, большую часть материалов из данного кургана удалось спасти и передать в коллекцию Оренбургского историко-краеведческого музея. Леониду Теодоровичу для этого пришлось провести большую организационную работу. Была сформирована Приуральская археологическая экспедиция Института археологии РАН, которая нашла существенную поддержку у администрации Оренбургской области и Оренбургского областного историко-краеведческого музея. Активное участие в работе экспедиции принял Оренбургский педагогический университет, сотрудник которого Д.В. Мещеряков стал заместителем начальника экспедиции (Мошкова и др., 2010, с. 12). В результате данной экспедицией в течение нескольких полевых сезонов (2004–2009, 2013) был исследован могильник, где было раскопано 12 из 29 курганов. Результаты раскопок позволили детально установить архитектуру подкурганных сооружений, выявить не известные ранее детали погребального обряда. Так же были обнаружены и оперативно введены в научный оборот замечательные произведения антропо- и зооморфного искусства Ахеменидов и кочевников Южного Приуралья, редчайшие произведения торевтики, наступательное вооружение и доспехи, элементы одежды и конское снаряжение, керамические, бронзовые и стеклянные сосуды, украшения, зеркала и приспособления для татуировки.

Передав все свои находки из Филипповки 1 в Оренбургский историко-краеведческий музей, Леонид Теодорович внес большой вклад в культурную и научную жизнь Оренбургской области и всего Приуралья, придав тем самым мощный импульс дальнейшему развитию местной школы сарматологии, иранистики и кочевниковедения (Герасимова и др., 2017, с. 190–191). Они дали науке огромный, требующий многостороннего осмысления материал по формированию кочевнической элиты южноуральского населения в середине I тыс. до н. э., ее многообразным культурным связям и роли в становлении культур сарматского типа (От редакции, 2016, с. 1067).

Блестящий материал, полученный в ходе раскопок известных памятников, Леонид Теодорович старался как можно быстрее сделать доступным научному сообществу. В связи с этим Л.Т. Яблонский выступил одним из инициаторов и организаторов двух выставок и конференций, прошедших в 2008¹ и 2016² гг. на базе Оренбургского историко-краеведческого музея и Оренбургского государственного педагогического университета. Также он выпустил том «Естественно-научные методы в изучении Филипповского могильника» (2011), совместно с М.Ю. Трейстером издал фундаментальный 2-томный труд «Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье» (2012), посвященный анализу находок импортного происхождения из погребений ранних кочевников, а также их контекста, в том числе и из Филипповки и Прохоровки, опубликовал каталог находок из Филипповки «Золото сарматских вождей» (2013).

Научное наследие Леонида Теодоровича действительно большое, и его вклад в изучение кочевнических культур Евразии невозможно переоценить. Свой долг он видел в том, чтобы спасти археологические памятники не только от разрушения, но и от забвения, а значит публи-

¹ Материалы конференции 2008 года опубликованы в сборнике: «Ранние кочевники Волго-Уральского региона». Оренбург, 2008.

² В 2016 году Л.Т. Яблонский провел IX Международную научную конференцию «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова, материалы которой также опубликованы в сборнике: «Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии». Оренбург, 2016.

ковать результаты раскопок – публиковать быстро и качественно. Практически все результаты своих блестящих раскопок он опубликовал, чем могут похвастаться далеко не все его коллеги-археологи как в России, так и за рубежом. Только результаты работ последних лет пока изданы неполностью – и эта задача ложится теперь на плечи его коллег (От редакции, 2016, с. 1067).

Отдельно хотелось бы сказать о том, что Леонид Теодорович помимо прекрасного специалиста был и замечательным учителем, и наставником. Он всегда говорил о том, что только труд и любовь к своему делу помогут справиться с любыми задачами и добиться больших результатов. Он был учителем, который учил своим примером, что касается полевой практики – мог доверить ученикам ответственное задание, и редко когда результаты не отвечали его ожиданиям. Леонид Теодорович мог справедливо раскритиковать работу, отмечая все недостатки, но только лишь для того, чтобы сделать ее лучше и качественнее, при этом и сам мог принять критику, в том числе и от учеников, если она была обоснованной и аргументированной. Самое главное, что мы знали точно – на Леонида Теодоровича всегда можно было положиться, получить от него мудрый совет, поддержку и защиту. Именно поэтому нам будет очень его не хватать, ведь каким огромным багажом знаний он мог бы еще поделиться со своими учениками.

Велик вклад исследователя в культурное наследие Оренбуржья. Несомненно, что именно результаты его работ дали ту основу, на которой в последнее время выстраивается некий культурный и исторический облик края. В частности, отдельные высокохудожественные находки из Филипповских курганов стали символами Оренбургской области и Оренбурга как исторического центра кочевой культуры Евразии в сарматское время. Фигура золотого оленя украшает улицы города, а скульптурное изображение золотого льва, также найденного в Филипповских курганах, стало эмблемой такого крупного культурного мероприятия, как международный кинофестиваль «Восток – Запад. Классика и авангард», проводимый в Оренбурге, а сама скульптура, увеличенная в несколько раз, является призовой статуэткой, которой награждают победителей. Так, вещи, когда-то очень ценные для наших предков, благодаря усилиям археологов, и Леонида Теодоровича в первую очередь, стали не только уникальными экспонатами в музее, но и значимыми символами культурного и исторического наследия края.

Несмотря на тяжелую болезнь, Леонид Теодорович лично возглавлял полевые исследования, а также научные и культурные мероприятия, до последних дней работал над тем, чтобы осмыслить и опубликовать полученные результаты. Благодаря своей неутомимой энергии, он строил дальнейшие планы на не менее значительные работы. Потеря такого специалиста для нашего сообщества всегда будет оставаться непомерной, и нам остается только сожалеть об этом и стараться сохранить и приумножить его вклад в науку и культуру нашей страны.

Литература

Герасимова М.М., Канторович А.Р., Мошкова М.Г. 2017. Леонид Теодорович Яблонский (08.07.1950–14.06.2016) // РА. № 2. С. 190–192.

Естественно-научные методы в изучении Филипповского 1 могильника. 2011 / отв. редактор Л.Т. Яблонский. М.: «Таус». 192 с.

Зуев В.Ю. 1998. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Зуев В.Ю. 2000. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΤΗΤΑ. СПб.: Государственный Эрмитаж; «Алетейя». С. 304–330.

Зуев В.Ю. 2002. Возобновление исследований курганов у дер. Прохоровка в Оренбуржье // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 2001 год. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 41–46.

Зуев В.Ю. 2003. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье (по итогам экспедиции 2001 года). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 71 с.

Кастанье И.А. 1910. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. Вып. XXI.

Кастанье И.А. 1913. Отчет о раскопках двух курганов в Уральском уезде летом 1911 года // Труды ОУАК. Вып. XXIX.

Курганы левобережного Илека. 1993 / отв. редактор Л.Т. Яблонский. Вып. 1. М.: Изд-во ИА РАН. 128 с.

Курганы левобережного Илека. 1994 / отв. редактор Л.Т. Яблонский. Вып. 2. М.: Изд-во ИА РАН. 178 с.

Курганы левобережного Илека. 1995 / отв. редактор Л.Т. Яблонский. Вып. 3. М.: Изд-во ИА РАН. 175 с.

Курганы левобережного Илека. 1996 / отв. редактор Л.Т. Яблонский. Вып. 4. М.: Изд-во ИА РАН. 152 с.

Куриных О.И. 2008. Виды погребальных конструкций в могильниках у с. Покровка (савроматская и раннесарматская эпохи) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы международной научной конференции «Ранние кочевники в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21–25 апреля 2008 года. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 63–85.

Куриных О.И. 2010. Колчанные наборы ранних кочевников Левобережного Илека VI–II вв. до н. э.: аспекты хронологии (по материалам могильников у с. Покровка) // Материалы XVIII Уральского археологического совещания. Уфа: Изд-во БГПУ. С. 218–221.

Куриных О.И. 2011а. Катакомбные конструкции могильников у с. Покровка (Левобережье Илека) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: Материалы VII Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 92–97.

Куриных О.И. 2011б. Наконечники стрел ранних кочевников Левобережного Илека VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. № 3. С. 42–54.

Куриных О.И. 2012. Клинковое оружие ранних кочевников VI–I вв. до н. э. из могильников у с. Покровка (Левобережье Илека) // РА. № 2. С. 72–80.

Малашев В.Ю. 2007. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV вв.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. № 3. С. 103–111.

Малашев В.Ю. 2009. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. № 1. С. 47–52.

Малашев В.Ю. 2013. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. М.: Архив ИА РАН. 205 с.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: «Восточная литература» РАН. 365 с.

Мещеряков Д.В., Федоров В.К., Яблонский Л.Т. 2006. Старая коллекция из Прохоровки в свете новейших археологических исследований // РА. № 1. С. 107–116.

Мошкова М.Г. 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: «Наука». 50 с.

Мошкова М.Г., Скрипкин А.С. 2010. К юбилею Леонида Теодоровича Яблонского // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. МИАР, № 13. М.: «Таус». С. 7–14.

От редакции. 2016. Леонид Теодорович Яблонский (1950–2016) // Вестник древней истории. № 76/4. С. 1064–1067.

Пшеничнюк А.Х. 2001. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже, СПб, 18.X.2001 г. – 20.I.2002 г. (Кузеев Р.Г., Пиотровский М.Б., Шкурко А.И. – ред). СПб.: «Славия». С. 26–37.

Ростовцев М.И. 1918. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. Вып. 37. Петроград: «Огни». 124 с.

Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). 2012. Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н. э.). Т. I, II. М.: «Таус».

Федоров В.К. 2001. О датировке Прохоровских курганов // XV Уральское археологическое совещание: тез. докл. междунар. науч. конф. (17–21 апр. 2001 г.). Оренбург: «Оренбургская губерния». С. 35–41.

Фризен О.И. 2014. Раннесарматские зеркала в системе хронологии наборов вооружения // Stratumplus. Археология и культурная антропология. № 3. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест: «Высшая антропологическая школа». С. 113–127.

Фризен О.И., Яблонский Л.Т. 2017. Клинковое оружие ранних кочевников Южного Приуралья: культурно-хронологический аспект // Альманах «История оружия». Запорожье. С. 101–114. (в печати)

Фризен С.Ю. 2011а. Краниология населения степного Приуралья в раннесарматское время (внутригрупповой анализ) // Вестник Дагестанского научного центра. Вып. 40. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН. С. 30–35.

Фризен С.Ю. 2011б. Остеологические материалы савромато-раннесарматского времени из могильников Покровского микрорайона // Известия СНЦ РАН. Том 13. Номер 3. Самара. С. 276–279.

Фризен С.Ю., Яблонский Л.Т. 2006. Краниологические материалы из могильника у д. Прохоровка // Вестник антропологии. № 14. С. 160–167.

Яблонский Л.Т. 1993. Археологические разведки на территории совхоза «Южный» в 1990 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М.: Изд-во ИА РАН. С. 7–14.

Яблонский Л.Т. 2004. Арало-уральские этногенетические параллели // Археологические памятники раннего железного века Юга России. МИАР. № 6. М. С. 246–265.

Яблонский Л.Т. 2010. Прохоровка. У истоков Сарматской археологии. МИАР. № 12. М.: «Таус». 384 с.

Яблонский Л.Т. 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: Изд-во ИА РАН. 232 с.

Яблонский Л.Т., Краева Л.А. 2016. Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова (Оренбург, 12–15 мая 2016 года). Оренбург: Изд-во ОГПУ. 324 с.

Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. 2005. Погребения савроматского и раннесарматского времени могильника Покровка 10 // Нижневолжский археологический вестник. № 7. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 149–213.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. 2004. Могильник у с. Прохоровка и проблемы хронологии ранне-сарматской (прохоровской) культуры // II Международная конф. «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н. э.», посвященная памяти Б.Н. Гракова: тез. докл. Азов; Ростов н/Дону.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. 2005. Раскопки курганов у дер. Прохоровка (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 219. С. 64–76.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. 2008. Доследование курганного могильника у д. Прохоровка // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Материалы международной научной конференции «Ранние кочевники в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 21–25 апреля 2008 года. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 177–205.

Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В. 2004. Могильник Прохоровка 1 – эпонимный памятник сарматской археологии (по результатам археологических раскопок) // Вестник РГНФ. № 4 (37). С. 118–129.

Pshenichnuk A.Kh. 2000. The Filippovka Kurgan sat the Heart of the Eurasian Steppe // The Golden Deer of Eurasia. (J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova – Eds). New York. Metropolitan Museum. 303 pp.

Мишанина Е.В.¹, Лебедева Н.В.²

¹ ФГБУН Институт степи УрО РАН, Оренбург;

² ООО НПФ «АрхГео», Самара

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ БУГУРУСЛАНСКОГО РАЙОНА ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье представлен обзор археологических исследований, проведенных на территории Бугурусланского района на протяжении нач. XX – нач. XXI вв. В результате археологических разведок и раскопок на указанной территории открыты свыше 70 ранее неизвестных памятников археологии от эпохи мезолита до Нового времени, проведены раскопки некоторых из них.

Abstract. The article presents a review of archaeological studies on the territory of the Buguruslan district for the beginning of the XX – early XXI centuries. In the result of the archaeological explorations and excavations on the site opened more than 70 previously unknown archaeological sites from Mesolithic to modern times, carried out excavations of some of them.

Бугурусланский район расположен в северо-западной части Оренбургской области, на юге лесостепной зоны. Рельеф района характеризуется дренированностью, ярусностью, наличием денудационных останцов и террасированных речных долин. Значительной геолого-морфологической особенностью района являются высокие приречные холмы «яры», имеющие вид «лбов». По территории Бугурусланского района протекает река Большой Кинель и его притоки: Малый Кинель, Мочегай, Большая Бугурусланка и другие. По р. Малый Кинель географами проводится граница между лесостепной и степной зонами. Растительность лесостепи представлена отдельными лесными массивами, чередующимися с обширными участками разнотравно-ковыльных степей, в настоящее время практически полностью распаханных. В лесостепной части островные леса располагаются в основном на возвышенных участках рельефа. Территория Бугурусланского района является перспективной для расположения древних стоянок, поселений и курганов.

Начало археологическому изучению Бугурусланского района положил Владимир Яковлевич Толмачев (1876–1942). В 1910 г. он проводил разведки в Оренбургском, Троицком, Челябинском уездах Оренбургской губернии и Бугурусланском уезде Самарской губернии. В ходе исследований им выявлены около 20 разновременных памятников археологии. Наиболее значимые из них – курганы у с. Пилюгино, а также группа из 65 курганов у с. Александровка (ныне черта г. Бугуруслана) в месте впадения р. Кондузлы в р. Б. Кинель, где им исследованы 2 кургана, относящиеся к бронзовому веку и РЖВ (Толмачев, 1914, с. 111–123). До настоящего времени этот могильник не сохранился, так как в 1942 г. на его площади была сооружена взлетная полоса аэродрома Бугурусланского летного училища.

В советское время вскоре после окончания Гражданской войны археологические разведки в Бугурусланском уезде продолжены самарским археологом Верой Владимировной Гольмстен (1880–1942). Она выявила десятки одиночных курганов и курганных могильников от эпохи бронзы до средневековья (Гольмстен, 1928).

На 1930-е гг. приходится деятельность ученого Александра Леонтьевича Аниховского, который явился первооткрывателем и исследователем уникальных археологических памятников, таких как мезолитическая стоянка Ерик 1 в окрестностях г. Бугуруслана, неолитическая торфяниковая стоянка у с. Кирюшкино. Будучи профессиональным топографом, А.Л. Аниховский с юности интересовался геологией, минералогией, занимался краеведением, изучал архивы. Но

особенно его увлекала археология. За то время, пока он жил и работал в г. Бугуруслане с 1928 по 1939 гг., им выявлены, описаны и занесены на археологическую карту одиночные курганы, курганные могильники у с. Александровка и Пилюгино, описаны десятки пещер и каменных изваяний.

В 1930 г. в г. Бугуруслане образовано Бугурусланское окружное краеведческое общество, в котором А.Л. Аниховский стал ученым секретарем (Приложение В, рис. В.1). На его базе вскоре организовался Бугурусланский музей краеведения, существующий по настоящее время. Александр Леонтьевич регулярно получал Открытые листы из г. Москвы, выданные Главным управлением научных, научно-художественных, музейных и по охране природы учреждений (Главнаука) Наркомпроса (Народный комиссариат по просвещению) (Приложение В, рис. В.2). Он проводил раскопки стоянок, курганов, поселений на территории г. Бугуруслана и района с членами краеведческого общества, школьными учителями и учениками. После смерти А.Л. Аниховского в апреле 1939 г. археологические исследования в данном районе прекратились (Бугурусланский филиал ГБУ «Государственный архив Оренбургской области». Ф. 51. Оп. 1. Д. № 28, 29, 31, 48).

Изучение Бугурусланского района продолжено в 1971 г. уфимским археологом Байтимиром Батырхановичем Агеевым (1943–1996). В результате проведенных им археологических разведок в Бугурусланском и Матвеевском районах Оренбургской области обнаружено 34 памятника археологии. Б.Б. Агеевым предприняты рекогносцировочные раскопки I Бугурусланского курганного могильника, в результате которых в одном из курганов исследованы два захоронения срубной культуры позднего бронзового века (Агеев, 1971).

В 1973 г. самарский археолог с бугурусланскими корнями Риза Салихович Багаутдинов проводил археологические разведки по территории бассейна р. Большой Кинель в Бугурусланском районе Оренбургской области и Похвистневском районе Самарской области. Пройдя пешим маршрутом по правому берегу р. Малый Кинель от с. Пилюгино до с. Березняки, он выявил следующие археологические памятники: Пилюгинские I, II селища, Новоагаткинское селище, Раевское I и II селища, Нуштайкинский курганный могильник (Матвеева, 1976).

В 1980-е гг., после создания Оренбургской археологической экспедиции, Сергеем Вячеславовичем Богдановым и Александром Юрьевичем Кравцовым составлены археологические паспорта на 3 памятника, расположенные в Бугурусланском районе.

Новый этап в археологическом изучении Бугурусланского района начинается в 1990 г. Елена Владимировна Кабанова (Мишанина), работавшая в то время научным сотрудником-археологом Бугурусланского краеведческого музея, и Надежда Викторовна Овчинникова (Лебедева), научный сотрудник археологической лаборатории Самарского педагогического университета, изучили археологическую коллекцию Бугурусланского краеведческого музея, разыскали в архиве записи А.Л. Аниховского и ознакомились с ними. Коллекция кремневых орудий эпохи мезолита из раскопок А. Аниховского была передана на определение самарскому археологу А.А. Ластовскому и опубликована (История Самарского Поволжья..., 2000, с. 124).

В начале разведочных работ пешими маршрутами были осмотрены окрестности г. Бугуруслана. Рядом с городом, в месте впадения р. Мочегай в р. Б. Кинель, находится Слободская гора, на вершине которой, по описанию А.Л. Аниховского, располагалось городище. Мы осмотрели гору и пришли к выводу, что поверхность настолько подвергнута современному антропогенному воздействию, что никаких признаков городища на ее вершине не сохранилось.

С целью выявления бытовых памятников эпохи неолита-энеолита обследовано левобережье р. Б.Кинель, изрезанное озерами и протоками. На старичной террасе озера Ерик был найден обломок венчика самарской культуры эпохи энеолита с воротничком и гребенчатым орнаментом, но культурный слой был распахан. В результате осмотра указанной территории открыты

поселения Ерик II, III, одиночный курган и курганный могильник у с. Затон, одиночный курган и поселение у с. Старая Степановка.

Нами сделаны попытки выявить местонахождение торфяниковой неолитической стоянки у с. Кирюшкино, изученной ранее А.Л. Аниховским, предположительно исследованной им не полностью. Но в связи с изменением границ села и отсутствием точных привязок, поиски оказались безрезультатными. В это же время были осмотрены оба берега р. Кондузлы от с. Кирюшкино до впадения её в р. Большой Кинель.

Для обследования территории Бугурусланского района разведки производились автомобильными маршрутами по автодорогам в разных направлениях. С левой стороны автодороги «Бугуруслан – Бузулук» выявлен одиночный курган Баймаково, разрушенный трубопроводом. По фрагментам керамики, найденным на поверхности, культурная принадлежность его определена золотоордынским временем. Несколько курганных групп обнаружено на левом берегу р. Малый Кинель от с. Пилюгино до с. Коптяжево, здесь же выявлены поселения срубной культуры бронзового века. Возле автодороги «Бугуруслан – Северное» нами открыт курганный могильник Алексеевка, в котором один из курганов, частично поврежденный полевой дорогой, исследован в 1992 г. На левом берегу р. Савруша обследован курган Савруша, известный местному населению под названием «Марьиная шишка». По маршруту «Бугуруслан – Полибино» на правом берегу р. Большая Бугурусланка на поверхности распаханной первой надпойменной террасы собран подъемный материал, означающий расположение в этом месте поселения срубной культуры, названном Ключевка I. С правой стороны автодороги, ведущей в Заглядино, обнаружен курганный могильник Завьяловка I. Продолжались поиски памятников каменного и медно-каменного века на берегах стариц на левобережье рек Большой и Малый Кинель.

В 1992 г. по заданию Оренбургского областного управления культуры нами проведены археологические инвентаризационные работы в Бугурусланском районе, в результате которых учтено 47 памятников археологии, включая вновь выявленные.

В 1992 г. по поручению дирекции Бугурусланского краеведческого музея отрядом под руководством Н.В. Овчинниковой при участии Е.В. Кабановой исследован один из курганов могильника, открытого у с. Алексеевка Бугурусланского района (Овчинникова, 1992; Кабанова, 1992; Кабанова, Овчинникова, 1999). В кургане обнаружены захоронения срубной культуры позднего бронзового века, совершенные в ямах по обряду труположения, а также трупосожжения. Погребенных сопровождал инвентарь и глиняная посуда с характерным орнаментом. Уникальные бронзовые височные подвески, обтянутые золотой фольгой, в форме змеи с развернутым капюшоном, свернувшейся кольцами, найдены в погребении женщины. Аналогии подвескам единичны.

Зимой 1992–93 гг. в Бугурусланском краеведческом музее на основании материалов раскопанного кургана и имеющихся в фондах находок оформлена экспозиция под названием «Срубная культура бронзового века». Сотрудник Оренбургского краеведческого музея С.В. Богданов для наглядности и большей информативности изготовил для экспозиции разрез кургана, отлил реплики височных подвесок, предоставил новodelы тиглей, льячек, медных заготовок, а художник Владимир Яковлевич Тураев нарисовал картины, иллюстрирующие быт срубных племен (Дудник, 1993; Емельянова, 1993).

В 1993 г. по заданию Бугурусланского отдела культуры под руководством Н.В. Овчинниковой и Е.В. Мишаниной на коренной террасе левого берега р. Большой Кинель, в 700 м к юго-востоку от края взлетной полосы Бугурусланского летного училища гражданской авиации, исследован одиночный курган Бугуруслан I с каменной насыпью, предположительно сооруженный кочевниками средневековья¹. После расчистки камней в верхней наземной части насыпи

¹ Материалы раскопок хранятся в фондах Бугурусланского краеведческого музея.

на краю кургана обнаружен продолговатый камень в виде стелы длиной 1,2 м. В процессе разборки найдены копыто и зубы лошади. Далее снятие насыпи из хаотично наваленных камней производилось с помощью бульдозера. В одной из бровок был прослежен грабительский вкоп, а у края ямы найден скелет человека, возможно грабителя, заваленного камнем. В центре кургана расчищена погребальная яма внушительных размеров с сильно прокаленными стенками, засыпанная большими камнями, которая оказалась кенотафом. На дне ямы находилась еще одна неглубокая узкая ямка со ступенькой, длиной в рост человека, заполненная органическим тленом. Никаких предметов в кургане не найдено. По устному предположению д-ра ист. наук, уфимского археолога, специалиста по культурам раннего железного века и средневековья Волго-Уралья, Владимира Александровича Иванова, в яме могла быть захоронена кукла из соломы, символизирующая отсутствующего погребенного человека.

В 1993 и 1997 гг. Е.В. Кабановой (Мишаниной) проведены разведочные работы в Бугурусланском и Асекеевском районах Оренбургской области. В результате 21 памятник археологии внесен в научные отчеты: в 1993 г. – 10 (Кабанова, 1993), в 1997 г. – 11 (Кабанова, 1997). В 1998 г. Е.В. Кабановой проведены раскопки поселения срубной культуры бронзового века Вишневка I (Кабанова, 1998). В 1997 г. о месте нахождения костей и керамики в обрыве правого берега р. Мочегай сообщил учитель Вишневской средней школы В.И. Астафьев. Поселение обследовано Е.В. Мишаниной в 1997 г. Оно находится в 1 км к северо-востоку от с. Вишневка. В 1998 г. силами школьного кружка Бугурусланской станции юных туристов «Юный археолог» произведены раскопки 20 м², интенсивно подмываемого водой берега. Раскоп заложен траншеей 10×2 м, ориентирован длинными сторонами по линии запад-восток. Поселение принадлежало срубной культуре бронзового века. Культурный слой имел мощность 12–36 см и содержал массу разнообразных находок: 277 от мелких до очень крупных фрагментов лепной керамики с характерным для срубной культуры орнаментом, 447 костей животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья), 26 индивидуальных находок (17 из них костяные орудия труда, а также керамические пряслица, абразивные камни, 1 обломок бронзовой проколки). Коллекция передана на хранение в фонды Бугурусланского краеведческого музея.

В 1998 г. доктором исторических наук, профессором Ниной Леонидовной Моргуновой и специалистом департамента по культуре и искусству Оренбургской области Евгенией Владимировной Лыловой проведена паспортизация и картографирование памятников северо-западного Оренбуржья с определением их координат по спутниковой глобальной системе позиционирования (GPS)² (Приложение В, рис. В.3).

В 2003 г. отрядом под руководством Н.В. Овчинниковой (Лебедевой) с участием Е.В. Мишаниной по заданию Музея-усадьбы С.Т. Аксакова предприняты поиски месторасположения некрополя господ Аксаковых, часовни и церкви в с. Аксаково – бывшем фамильном имении предков известного русского писателя. В центре села заложены шурфы и рекогносцировочные раскопы, в которых выявлены остатки фундамента церкви, расчищена часть дорожки из камня, ведущей из барского дома к церкви, современный противопожарный резервуар, а также детский кирпичный склеп, разрушенный при строительстве водопровода. В результате раскопок установлено, что территория некрополя находилась возле церкви, на месте которой в 1959 г. построен сельский клуб. Над некрополем располагался пустырь, а на месте часовни, возможно, построен резервуар для воды. Территория некрополя была вскрыта частично. Исследованы три склепа с захоронениями: один большой, сооруженный для матери писателя М.Н. Аксаковой,

² Отчет о картографировании памятников археологии Бугурусланского района // Архив министерства культуры Оренбургской области.

два детских и погребение ребенка в гробу (Овчинникова, 2003). После проведения археологических исследований надгробные плиты возвращены на место дворянского кладбища, которое благоустроено (Приложение В, рис. В.4).

В 2007 г. по просьбе Оренбургской епархии на территории сада им. В.И. Ленина в центре города Бугуруслана во время его реконструкции Е.В. Мишаниной при участии Н.В. Овчинниковой проведены археологические исследования с целью выявления захоронения священнослужителя Спасо-Вознесенского собора Константина Сухова, расстрелянного большевиками в 1918 г. и причисленного к лику святых русской православной церковью в 2001 г. (Мишанина, 2007). В результате вокруг предполагаемого алтаря снесенного кафедрального собора заложены несколько рекогносцировочных шурфов. В раскопе 2 обнаружено одно разрушенное погребение. Погребенный, судя по строению черепа, мужчина средних лет, вытасен и выброшен из могилы в полуистлевшем состоянии, так как часть костей скелета находились в анатомическом порядке. Скелет был обнаружен в юго-западном секторе раскопа, лежал на спине, головой ориентирован на юг, с отклонением к западу, голова завалилась вправо, нижняя челюсть находилась под черепом. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая до локтя вытянута вдоль туловища, кость правой руки ниже локтя лежала под углом 90 градусов от кости предплечья, 2 ребра находились за черепом человека. Позвонки, тазовые кости смещены, но лежали в анатомическом порядке. Следов пулевых или иных повреждений костей, а также вещей не обнаружено. Скелет принадлежал мужчине пожилого, но нестарого возраста, среднего телосложения, европейского типа внешности.

В итоге работ в процессе археологических раскопок примерно в 10 м к востоку от алтарной апсиды Спасо-Вознесенского собора (ныне не существующего) найдены потревоженные останки взрослого мужчины, а также кирпичи и предметы быта XIX – нач. XX в.

Во время проведения исследований в Ленинском саду к археологам обратились рабочие, проводившие земляные работы в городском саду на берегу Большого Кинеля с сообщением об обнаружении в строительных котлованах руинизированных остатков деревянных строений и многочисленных предметов быта. На месте запущенного и заброшенного сада предполагалось возведение ледового дворца. Территория под строительный котлован составляла 80×35 м. По всей площади фиксировались следы пожара, обугленные остатки углубленных в землю строений небольшой площади (землянок), обшитых внутри тесом или досками, горбылем, с земляным или деревянным полом, хозяйственные ямы с бытовым мусором. Больше всего собрано четырехгранных штофов из зеленоватого стекла различных по объему, а также серой глиняной посуды, костей, несколько десятков монет конца XVIII – XIX вв. Все артефакты, которые вывозились автотранспортом вместе с землей и строительным мусором для подсыпки подъездной дороги к лыжной базе в Черемушках, были собраны, обработаны, описаны. По архивным данным установлено, что данный район г. Бугуруслана существовал с момента возникновения Бугурусланской слободы, то есть с середины XVIII в. На исследуемой территории находились несколько питейных домов, которые перестали существовать после большого городского пожара 1809 г. Таким образом, исследован значительный пласт истории г. Бугуруслана, относящийся к Новому времени.

С 2010-х гг. археологические изыскания на территории Бугурусланского района связаны с его хозяйственным освоением. При проведении археологических исследований на его территории в 2010 г. археологом Ф.А. Сунгатовым выявлены четыре ранее неизвестных памятника археологии – поселение Баймаково I, одиночный курган Бугуруслан II, одиночный курган Нуштайкино I, курганный могильник Нуштайкино II (Сунгатов, 2010).

В 2013 г. самарским археологом Д.В. Кормилициным у с. Турхановка выявлены ранее неизвестные памятники – одиночные курганы Турхановка I, II, III (Кормилицин, 2011).

Также в 2013 г. отрядом под руководством Л.В. Купцовой открыты два ранее неизвестных археологических памятника: I одиночный курган у с. Новая Волынь и I одиночный курган у пос. Рабочий (Купцова, 2013).

В 2014 г. В.В. Трухановым в ходе археологической разведки в Бугурусланском районе открыт ранее неизвестный I одиночный курган к югу от с. Луч Труда (Труханов, 2014). Е.П. Китов также в 2014 г. выявил поселение Гранное II и одиночный курган Гранное II у с. Пилюгино Бугурусланского района (Китов, 2014).

В результате проведенных исследований на карту археологического наследия Бугурусланского района Оренбургской области нанесено более 70 памятников археологии, выявленных за прошедшее столетие на его территории – небольшой части северо-западного Оренбуржья. Район является перспективным для дальнейшего археологического изучения объектов древности и Нового времени. К последнему периоду проявляется особый интерес, поскольку сохранению и изучению материальной культуры дореволюционной России в советское время не придавалось должного значения, поэтому многочисленные дворянские усадьбы, расположенные на территории Бугурусланского района, находятся в заброшенном и разрушенном состоянии, иногда просто стерты с лица земли.

И это происходит несмотря на то, что в них жили представители известных в России фамилий, являвшиеся её гордостью и славой: Рычковы, Карамзины, Аксаковы, Державины и др. Документы владельцев и планы усадеб зачастую уничтожены, и только с помощью археологической методики возможно получение конкретных сведений о местах захоронений, расположении церквей, домов и дворовых построек.

Изучение Бугурусланской слободы также показало, что археологические исследования дают возможность конкретизировать и детализировать хозяйственную деятельность населения, материальную и духовную сторону жизни горожан.

Литература

- Агеев Б.Б. 1971. Отчет об археологических исследованиях в 1971 г. // Архив ИА РАН, №№ 4479, 4479а.
- Гольмстен В.В. 1928. Материалы по археологии Самарской губернии // Материалы по изучению Самарского края. Вып. 5. Самара.
- Дудник С. 1993. Срубная культура бронзового века // Газета «Бугурусланская правда». 28.01.1993.
- Емельянова Н. 1993. Сквозь почву проступил лик древности // Газета «Южный Урал». 06.04.1993.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. 2000. Самара. Изд-во Самарского науч. центра РАН. 311 с.
- Кабанова Е. 1992. Открытия археологов // Газета «Бугурусланская правда». 22.08.1992.
- Кабанова Е.В. 1993. Отчет о проведении археологического обследования земельных участков, отводимых под хозяйственное освоение в Оренбургской области в 1993 г. // Архив ИА РАН.
- Кабанова Е.В. 1997. Отчет о археологических разведках в Бугурусланском и Асекеевском районах Оренбургской области в 1997 г. // Архив ИА РАН.
- Кабанова Е.В. 1998. Отчет об археологической разведке в Бугурусланском районе Оренбургской области в 1998 г. по Открытому листу № 402 (форма № 2) // Архив ИА РАН.
- Кабанова Е.В., Овчинникова Н.В. 1999. Исследование кургана срубной культуры в Бугурусланском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. 1999. С. 65–74.
- Китов Е.П. 2014. Отчет о проведении археологического обследования земельных участков, отводимых под хозяйственное освоение в Оренбургской области в 2014 г. по Открытому листу № 389 // Архив министерства культуры и внешних связей Оренбургской области.
- Кормилицын Д.В. 2011. Отчет о результатах проведения охранно-разведочного археологического обследования земельного участка, отводимого под объект: «Реконструкция линий связи от газотранспортных предприятий до филиалов ООО «Газпром ПХГ» на территории муниципального района Похвистневский Самарской области, муниципальных районов Бугурусланский и Северный Оренбургской области» по Открытому листу № 331 в 2011 г. // Архив министерства культуры и внешних связей Оренбургской области.

Купцова Л.В. 2013. Отчет о проведении археологических разведок в Бугурусланском, Бузулукском, Грачевском районах Оренбургской области в 2013 г. по Открытому листу № 619 // Архив ИА РАН.

Лебедева Н.В., Мишанина Е.В. 2015. Исследование родового некрополя Аксаковых в с. Аксакове Бугурусланского района Оренбургской области в 2003 году // Сб. материалов V Тверской археологической конф. «Тверская земля и «сопредельные территории» от эпохи камня до Новейшего времени». Тверь. С. 450–466.

Лебедева Н.В., Мишанина Е.В. 2011. Родовая усыпальница Аксаковых // 220 лет С.Т. Аксакову. Оренбург: Печатный дом «Димур». С. 206–221.

Матвеева Г.И. 1976. Итог работ Средневожской археологической экспедиции 1964–1974 гг. // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского госуниверситета. С. 5–73.

Мишанина Е.В. 2007. Отчет об археологических раскопках в г. Бугуруслане Оренбургской области: городской парк им. Ленина (в зоне реконструкции) в 2007 году по Открытому листу № 842 (форма № 4) // Архив ИА РАН.

Мишанина Е.В., Лебедева Н.В. 2011. Родовое село // 220 лет С.Т. Аксакову. Оренбург: Печатный дом «Димур». С. 10–17.

Мишанина Е.В., Лебедева Н.В. 2015. Археологические исследования на территории усадьбы Аксаковых в Бугурусланском районе Оренбургской области в 2003 году // Аксаковский сборник. Вып. V. Уфа. С. 193–200.

Овчинникова Н.В. 1992. Отчет о раскопках кургана № 3 Алексеевского курганного могильника в Бугурусланском районе Оренбургской области в 1992 г. // Архив ИА РАН, № 19402.

Овчинникова Н.В. 2003. Отчет об исследовании Аксаковского некрополя, часовни и церкви в с. Аксаково Бугурусланского района Оренбургской области по Открытому листу № 803 (форма № 1) в 2003 году // Архив ИА РАН.

Отчет о картографировании памятников археологии Бугурусланского района // Архив министерства культуры Оренбургской области.

Сунгатов Ф.А. 2010. Отчет о проведении археологического обследования проектируемой трассы кабельной линии связи «УС Кротовка – УС Бугуруслан» на участке в Бугурусланском районе Оренбургской области в 2010 г. // Архив министерства культуры и внешних связей Оренбургской области.

Толмачев В.Я. 1914. Разведки и раскопки 1910 года // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 53. Петроград. С. 111–123.

Труханов В.В. 2014. Отчет об археологической разведке в Грачевском, Северном, Бузулукском, Бугурусланском районах Оренбургской области в 2014 г. по Открытому листу № 200 // Архив ИА РАН.

Корневский С.Н.
Институт археологии РАН, г. Москва

ФЕНОМЕН ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ С ОРУЖИЕМ В ЭПОХУ МЕДНО-БРОНЗОВОГО ВЕКА¹

Аннотация. Статья ставит цель описать редкий феномен в погребальной практике культур V – III тыс. до н. э., связанный с захоронениями детей и подростков, в чьи могилы было положено оружие ударного и колющего действия. В статье приводятся случаи детских погребений с оружием разных культур V – III тыс. до н. э. и на разных территориях. Этот список подчеркивает реальность такого редкого явления как факта. Мы можем объяснить его верованиями, согласно которым погребение с оружием могло означать передачу его умершим сородичам в загробном мире, подчеркиванием особого статуса ребенка как будущего воина, который он получал по наследству. Все эти случаи связаны с культурами, в которых обозначены престижные воинские погребения с оружием взрослых людей. Они отражают реакцию погребальных традиций на процессы военизации древних обществ и выделение воинской страты средствами погребальных культов.

Abstract. The article is aimed to describe a rare phenomenon in the funerary practices of cultures V – III Millennium BC, associated with the graves of children and adolescents, whose grave was put weapon of close combat and cutting action. The article presents the cases of child burials with weapons from different cultures of V – III Millennium BC and in different territories. This list emphasizes the reality of such a rare phenomenon as fact. We can explain his belief, according to which the burial of weapons could mean the transfer of deceased relatives in the afterlife (Molodin, Grishin), underlining his status as a future soldier, which he received by inheritance. All these cases are related to the cultures in which designated the prestigious military strata with weapons of adults. They reflect the reaction of funerary traditions in the processes of militarization (weaponization) of ancient societies and the allocation of military strata by means of funerary cults.

Оружие, как известно, в культурах медно-бронзового века традиционно связано с погребальным обрядом мужчин. В особо редких случаях оно встречается в захоронениях взрослых женщин² (Корневский, 2017). В настоящей статье рассматриваются необычные случаи находок оружия в захоронениях детей в различных культурах на широкой территории. Что могли означать подобные случаи?

Ниже приводим перечень захоронений различных культур Южного Кавказа, Ближнего Востока, Предкавказья, юга Восточной Европы и Сибири, в которых имело место такое явление.

Погребение № 17002 на поселении Овчулар тепеси. Халколит Азербайджана. Конец V тыс. до н. э. Эпоха халколита Южного Кавказа известная как период культуры шулаверিশомутепе, относится на своем позднем этапе ко времени начала использования меди на Южном Кавказе. В это время по данным телля можно сделать вывод, что в период жизни населения на телле Кюль тепе I между племенами шел обмен различными дефицитными материалами, как например, полудрагоценными камнями. На фоне процветания престижной экономики в могильнике поселения Кюль тепе I в двух погребениях 71 и 35 взрослых людей были найдены каменные булавы (Абибулаев, 1982, с. 40, 47). Они свидетельствуют о проникновении идей

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 15-06-02098.

² Такой вывод подтверждают материалы огромного могильника Дуранкулак в Болгарии. Антропологические определения были сделаны для всех его захоронений, число которых превышает 1000 случаев. 720 погребений относятся к культуре Хаманджия (первая половина V тыс. до н. э.). Число захоронений мужчин в могильнике достигает 297. Оружие – костяные клевцы, найдены в 14 мужских погребениях. В женской могиле клевец был найден только один раз (Todorova, 2002, 2002a). Оружие в детских могилах отсутствует.

военизации³ общества в правила заупокойных культов. Рассматриваемое нами захоронение 17002 на Овчулар тепес и подчеркивает эту тенденцию.

Погребение 17002 в Овчулар тепеси было совершено в сосуде и принадлежало новорожденному ребенку. В нем найдены бронзовый топор-молот и два плоских бронзовых тесла (Приложение Г, рис. Г.1, 1–4). Оно датируется концом V тыс. до н. э. и относится к позднему халколиту Южного Кавказа (Marro, Bakhshaliyev, Ashurov, 2011, с. 53–100).

Находка медного топора-молота и двух плоских тонких тесел, которые принадлежат столь раннему времени, для халколита Южного Кавказа и Ближнего Востока в целом – это уникальное явление. Более того, необходимо обратить внимание на само сочетание вещей в комплексе. Подобные наборы из топоров и тесел, изготовленных из камня или меди, были неизвестны для V тыс. до н. э. на Кавказе или на Ближнем Востоке, но хорошо представлены в культурах Дунайского халколита (Лендьел, Хаманджия, Варна). Они встречаются в кладах того же периода. Поэтому Дунайский регион можно рассматривать как один из районов, в котором формировалась символика совместного положения оружия ударного действия и инструментов деревообработки (Todorova, 2002, 2002a; Vulpe, 1975).

Как следствие из вышесказанного, можно сделать вывод, что Нахичеванская область Азербайджана имеет все основания рассматриваться также как один из наиболее ранних районов появления такой символики оружия и производственных инструментов в период финала Убейдской культуры, еще до наступления Урукского времени.

Вместе с тем находка комплекса 17002 из топора-молота и двух тесел в Овчулар тепеси пока выглядит как большая загадка в её интерпретации. Так, форма топора-молота напоминает халколитические дунайские орудия типа Видра (Приложение Г, рис. Г.1, 5–8) (Кореневский, 2012, с. 208; Vulpe, 1975). Но очевидная редкость рассматриваемой вещи мешает пролить свет на вопрос, является ли форма этого оружия заимствованием из дальних стран, или она связана с конвергентным изобретением?

Пещера Нахаль Кана (Nahal Qanah., Израиль. Халколит, Гассульская культура IV тыс. до н. э.). На территории современного Израиля в эпоху халколита, воплощением которого были племена Гассульской культуры, распространялись формы оружия ударного действия, как например, булавы из гематита и бронзы. Они встречаются на поселениях и сосредоточены в феноменально богатом кладе из пещеры Нахаль Мишмар в пустыне Негев (Bar-Adon, 1980). Клад был завернут в циновку и располагался неподалеку от захоронений в пещере. В состав клада входили 425 находок в основном из бронзы, в небольшом числе из кости гиппопотама и камня. Оружие в кладе было представлено бронзовыми булавами, трубчатыми навершиями булав или штандартами, посоховидным скипетром, бронзовым топором-молотом, топором с горизонтально поставленным клином, как у мотыги, трубчатыми топорами. В него также входили бронзовые тесла и культовые предметы – кольца, которые условно называются «коронами». Оружие, аналогичное кладу пещеры Нахаль Мишмар, было найдено на поселении Шикмим Гассульской культуры и в пещере Нахаль Кана.

Находки в пещере Нахаль Кана были исследованы в 1986, 1987 гг. (Gopher, Tsuk, 1991, 1996). Пещера представляет собой каскад из залов-галерей и проходов между ними. Сосредоточенные древности в пещере относятся к времени неолита-халколита и раннего бронзового века I Израиля. Залы пещеры пронумерованы от А до Е. В них найдены обломки керамики, вещи из бронзы, кости и скелеты людей, более чем 20 человек. По сути, пещера Нахаль Кана являлась

³ Военизация – русский синоним слова милитаризация. Он используется именно для контекста древней истории. В археологии понятие военизация шире понятия военное дело, так как оружие в погребальном обряде рассматривает именно археология.

местом захоронения времени халколита. Среди погребенных людей встречены останки взрослых, подростков и младенцев. В состав заупокойной утвари входит оружие ударного действия. Основные захоронения с ним таковы.

Погребение X включало находки в двух локусах. Одна его часть (локус 130) принадлежала взрослому мужчине и ребенку. Оружие представлено гематитовой булавой, 5 кольцами из золота, украшениями из раковин, обломком базальтового сосуда, керамикой кремового цвета. Другая его часть (локус 142) была связана с захоронением подростка и ребенка. К этому локусу относятся три золотых кольца, гематитовая булава, поделки из меди, базальтовый сосуд (Gopher, Tsuk, 1996, p. 224, 226).

Погребение VII (локус 113) включало три скелета – взрослого мужчины, подростка и ребенка. В комплекс находок входил медный штандарт – навершие с дисковидной головкой, аналог находок в кладе Нахаль Мишмар, базальтовый сосуд, фрагменты керамики (Gopher, Tsuk, 1996, p. 223). Погребение I (локус 125) принадлежало ребенку. При нем найдены гематитовая булава, орудия из кости, морские раковины (Gopher, Tsuk, 1996, p. 222).

Радиоуглеродные даты для халколитического слоя указывают на интервал конца V – начала IV тыс. до н. э. Дата локуса 142 – 5240 ± 180 BC; 4323–3803 BC.

Погребения в пещере Нахаль Кана носят «семейный характер», как отмечают авторы публикации (Приложение Г, рис. Г.2) (Gopher, Tsuk, 1996, p. 226). Со своей стороны могу отметить, что они насыщены оружием ударного действия. Погребения отражают уникальный случай элитных захоронений с золотыми кольцами, иллюстрирующими появление состоятельных семей, связанных с воинской символикой оружия. Такая символика захоронений с оружием отражает военизированное общество, его мифологию смерти и социальную психологию. Золотые кольца общим весом до 1 кг и размером 4–5 см несут следы маркировки ударами молота. Они отлиты в основном из сплава золота и серебра (до 30 % последнего), то есть являются изделиями из электрума. Одно кольцо изготовлено из чистого золота. По своему предназначению золотые кольца являются мерами стоимости и эквивалентами обмена, как справедливо отмечают авторы находки (Gopher, Tsuk, 1991). По всей вероятности, они были символом проведения предполагаемых обменных операций в потустороннем мире и указывают на род занятий их хозяев при жизни, возможно, как военных бигменов.

Появление захоронений с оружием и золотом, а также клада Нахаль Мишмар с его престижными ценностями можно рассматривать как отражение военизации обществ Гассульской культуры и показателя статуса военной и древней торговой элиты своего времени.

Хутор Рассвет к. 3, основное погребение. Майкопско-новосвободненская общность. Предкавказье. Район Анапы. Майкопско-новосвободненская общность Предкавказья совместно с Лейлатепинской культурой Южного Кавказа, выделенной И.Г. Наримановым, является выдающимся феноменом первобытной культуры населения Кавказа и Ближнего Востока в IV тыс. до н. э. Оружие и обнаруженные с ним подкурганские комплексы характеризуют майкопско-новосвободненскую общность как военизированное общество с выделенной военной элитой, которая подчеркивала свой престиж особыми погребальными сооружениями: гробницами из камня, крупными размерами могил и галечной выкладкой на дне захоронений, золотыми и серебряными украшениями, предметами культа, металлической посудой из золота, серебра (электрума). Для наиболее значимых погребений были показательны находки металлической посуды и инструментов деревообработки.

Майкопско-новосвободненская общность (МНО) была неоднородна по типологическим вариантам, которые отражали неоднородность её формирования. По типам керамики и кинжалов выделяются галюгаевско-серегинский или майкопский вариант, близкий ему псекупский вариант, долинский вариант и новосвободненская группа (Корневский, 2004). Детские погребения

в курганах МНО не часты, но в могильнике Клады в Адыгее было зафиксировано около 17 детских могил, совершенных с уровня древней дневной поверхности в ямах или на «горизонте» под каменными кладками. В основном в детских погребениях не было найдено орудий. Отдельные из них содержат один-два небольших сосуда, реже более (Кореневский, 2004; Резепкин, 2012). Однако среди этой серии встречены очень интересные исключения, что отметим ниже.

Основное погребение кургана 3 у хут. Рассвет было совершено в каменной гробнице из гальки. Сооружение представляло собой овал размером 4,5×3,2 м. В погребении зафиксированы кости ребенка, положенного скорченно на правый бок. В области черепа лежало золотое кольцо в один оборот. В восточной части могилы находился бронзовый кинжал раннемайкопского типа длиной 16,5 см. В захоронении также были сосуды, в том числе горшок с круглым дном (Мунчаев, 1975, с. 266). Погребение относится к галюгаевско-серегинскому варианту МНО. Оно входит в ряд его галечных гробниц с кинжалами, таких как погребение 1 в к. 3 у ст. Мостовской (Кореневский, 2004, с. 156, рис. 28, 4), п. 33 к. 1 группы Марьинская 5 (разграблено в древности) (Канторович, Маслов, Петренко, 2013, с. 77, рис. 13–15). Погребения в кургане 3 у хут. Рассвет и п. 1 к. 3 у ст. Мостовской, судя по находкам в них золотых украшений, относятся к элитным захоронениям с воинской символикой раннего майкопского варианта МНО.

Могильник у с. Чегем I к. 5 п. 3. Кабардино-Балкария. Захоронение впускное. Совершено на уровне погребенной почвы, обложено камнями и обильно посыпано красной краской. Оно принадлежало подростку. Около его черепа и в области груди найдены золотая подвеска в виде кольца с нанизанным сердоликовым камешком, крупная золотая граненая буса, золотая бусина с рифлением, золотая плоская игла с ушком. У колен лежали бронзовый изящный кинжал с черенком и прокованным клинком с желобами и фрагмент бронзового котла. В могиле также находился сосуд с раздутым туловом и нижняя челюсть крупного рогатого скота (Бетров, Нагоев, 1984, с. 10, 11). Погребение относится к элитной группе захоронений долинского варианта МНО (Кореневский, 2004).

Могильник Клады к. 15 п. 1 (впускное). Адыгея. Захоронение было совершено в каменной кольцевидной кладке размером 2,4×1,4 м. Оно было засыпано чистым песком с вкраплениями охры. От костяка сохранились только часть черепа ребенка. Инвентарь был разложен вдоль стен, в его состав входили черенковый кинжал, бронзовый крюк, шило, топор с украшенным обухом, две сердоликовые бусы, диск из камня, наконечник стрелы новосвободненского типа, два костяных острия, обломок костяного орудия (долота?), бусина из хрусталя. Далее были найдены два обломка костяных шильев, обломок долота из кости. В северо-восточном углу лежали 100 альчииков овцы, два клыка кабана, обломок каменного браслета подтреугольного сечения, два каменных шарика диаметром 3,2 см и 3 см, скобель на кремневом отщепе. Два сосуда из погребения относятся к керамике новосвободненской группы (Резепкин, 2012, с. 26). Состав инвентаря позволяет относить это захоронение к погребениям с воинской символикой МНО. Оно не содержит золота, присутствие бус из полудрагоценных камней делает его не совсем эгалитарным комплексом или условно элитарным комплексом.

Более того, присутствие бронзового топора с орнаментом на втулке причисляет рассматриваемый комплекс к весьма значимым воинским наборам по меркам новосвободненской группы, поскольку четыре других топора с орнаментами на втулке известны из богатейшей гробницы 5 кургана 31 могильника Клады (Резепкин, 2012, с. 199, рис. 70, 5, 6, 7) и гробницы 1 из раскопок Н.И. Веселовского у ст. Новосвободненской (Попова, 1963, табл. V).

В погребении 1 кургана 15 кроме воинской символики присутствует символика инструментов труда, но она передана через обломки изделий из кости, а не целыми предметами из бронзы, как в других погребениях взрослых людей МНО. Погребение 1 к. 15, несмотря на «взрослый инвентарь» – это именно детское захоронение. Об этом свидетельствуют 100 альчииков овцы (не

путовых костей). В погребениях взрослых людей с оружием МНО альчики овцы в таком большом количестве не встречаются. Символика альчиков вообще для погребений основного ареала МНО (не для Кумо-Мачской впадины) не типична.

Могильник Клады, курган 31, погребение 5. Оно было совершено в каменной гробнице. В ней были найдены кости взрослого человека и ребенка до 7 лет. Взрослый человек лежал скорчено на правом боку головой на Ю-ЮВ. Кости взрослого человека сгнили, как пишет автор раскопок (Резепкин, 2012, с. 36). Инвентарь гробницы феноменально разнообразен и богат. В его состав входят предметы престижного вооружения, включая бронзовые кинжалы, согнутый в дугу меч, втульчатые короткообушные топоры с орнаментом на втулке и украшенный золотыми вставками топор-молот, наконечники стрел, а также предметы культа и бусы из золота, полудрагоценных камней, керамические сосуды и сосуды из бронзы (Резепкин, 2012).

Для кого было совершено столь богатое погребение в гробнице? Для взрослого человека? Для ребенка? Или был важен факт их совместного захоронения как особо сакрального погребения? Но факт один. Захоронение ребенка причастно к погребению самого высокого престижа для племен новосвободненской группы.

Погребение 5 кургана 31 могильника Клады, как и два иных богатейших погребения долинского варианта в Нальчикской гробнице, в гробнице кургана 1 у с. Кишпек, было парным. Более того, погребение в Майкопском кургане также имело коллективный характер и включало захоронение трех человек. Видимо, такие коллективные захоронения были показателями особого престижа высших лиц, представителей военной и культовой элиты МНО (вожди, культовые лидеры).

Все три первых описываемых захоронения детей-подростков МНО можно отнести к группе с воинской символикой элиты общества. Гробница 5 кургана 31 принадлежит наиболее богатым комплексам IV тыс. до н. э. Кавказа с военно-производственной и культовой символикой (Кореневский, 2004).

Павловский могильник, курган 31, погребение 4. Воронежская область. Племена древнеямной культуры в IV тыс. до н. э. занимали обширные пространства южнорусских степей и степей Предкавказья. Они активно контактировали с племенами МНО и перевооружались на манер майкопско-новосвободненской общности. Погребальные обряды ямной культуры очень сдержанно включают в свои каноны различные формы оружия. Поэтому находка оружия в могиле ямной культуры – явление экстраординарное.

Погребение 4 в кургане 31 Павловского могильника было совершено в прямоугольной яме небольшого размера 1,3×0,9 м, ориентированной по линии ВСВ–ЗЮЗ. Яма была впущена в материк на 0,2 м. На полу, густо покрытом охрой, лежал скелет ребенка, вероятно, девочки, как пишет А.Т. Синюк, скорченно, на спине, головой на ВСВ. Ноги завалились вправо, правая рука вытянута вдоль тела, кисть слегка согнутой левой руки положена на таз. С правой стороны близ локтя находилось круглое скопление охры (диаметр 20 см), сохранившее, надо полагать, форму берестяной или деревянной посуды. Здесь же лежала небольшая каменная наковаленка, а на ней – медный втульчатый топор майкопской группы 2. Справа от головы были положены медное тесло, медное плоское долото-стамеска и глиняный сосуд: на левой височной кости черепа выявлена серебряная подвеска из круглой проволоки. Сосуд оказался разбитым ещё в древности и реконструируется только графически. В тесте его имеется органическая примесь, цвет поверхности темно-серый. По форме это круглодонный горшок со слабо выделенным высоким горлом.

А.Т. Синюк относит погребение 4 в к. 31 к ямной культуре (Синюк, 1983, с. 26). Оно может датироваться серединой, концом IV тыс. до н. э. Его интерпретация ребенка как девочки по наличию подвески у черепа, скорей всего, весьма условна. Набор находок представляет хорошо известное для МНО сочетание оружия и инструментов деревообработки, встречаемое в

элитной группе А-2 с воинско-производственным символизмом (Кореневский, 2004). Серебряное украшение у головы ребенка означает, видимо, начально-элитарную символику. Для ямной культуры юга Восточной Европы такое захоронение уникально. Оно отражает заимствование ямными племенами символики у племен МНО не только форм оружия и инструментов, но и символику захоронений племенной знати.

Першинский могильник п. 4 к. 1. Оренбургская область. Погребение литейщика-оружейника. Захоронение 4 к. 1 было совершено в яме. Оно принадлежало подростку 12–13 лет мужского пола в положении на спине, скорченно. Костей кистей руки и ступней ног зафиксировано не было. Были ли они ампутированы при жизни подростка или их растащили грызуны, вопрос открыт. При костяке найдена двустворчатая форма топора утевского типа. По мнению авторов публикации, находка эта свидетельствует о «княжеском ранге» погребенного подростка, который мог уже пройти инициацию. Погребенный в нем человек был мастером, который обслуживал вождей (Черных и др., 2000, с. 70). Погребение датируется началом III тыс. до н. э., 2890–2670 ВС (Черных и др., 2005, с. 33, с. 63–84). Кого обслуживал юный литейщик, может, и не только вождей, нам кажется, этот вопрос является открытым. Но, конечно, его род занятий как оружейника был особо уважаем в обществе.

Могильник Сопка-2 на р. Оми. Венгеровский район Новосибирской области. Кротовская культура. Могильник Сопка-2 содержит более 600 захоронений кротовской и одиновской культур доандроновского времени Западной Сибири. Кротовская культура, выделенная В.И. Молодиным, являлась культурой воинов, охотников скотоводов и металлургов Западной Сибири. Она характеризуется тремя фазами – ранней, развитой и позднейшей. Ранняя фаза датируется первой половиной III тыс. до н. э., развитая – второй его половиной, точнее XXIII–XXI вв. до н. э. Оружие из бронзы представлено кельтами, копьями, кинжалами сейминско-турбинского типа. Для этой фазы кротовской культуры среди захоронений мужчин часто встречаются погребения с оружием, луком и стрелами, литейными формами. В захоронениях женщин отмечаются могилы с золотыми кольцами как свидетельство развития элитарности погребального костюма.

Но процесс элитарности еще не затронул воинские погребения. В одиновской культуре воинские погребения с оружием прослеживаются в меньшем количестве.

Погребение 425 кротовской культуры было совершено в небольшой яме размером 117×43 см по дну. В могиле был похоронен ребенок полутора лет на спине, вытянуто. Под спиной ребенка находился бронзовый кинжал в кожаных ножнах, которые сохранились во фрагментах. В области височных костей находились две серебряные серьги-колечка (Приложение Г, рис. Г.3). Под правой кистью лежало бронзовое шильце. В области шеи – два зуба косули. Погребение датируется XXIII–XXI вв. до н. э. (Молодин, Гришин, 2016, с. 144, 150, рис. 252).

В п. 583 одиновской культуры в могиле ребенка 6–7 лет найдена пластинка от лат. Здесь же находились кости птицы, три астрагала быка, астрагал барана, чешуя рыбы (Молодин, 2012, с. 155). В целом одиновская культура рассматривается как более раннее явление по сравнению с кротовской, но, возможно, и сосуществовавшая с ней.

Изложенный выше небольшой материал показывает, что в V–III тыс. до н. э. детские захоронения с оружием были крайне редким явлением в погребальной практике разных культур Ближнего Востока, Предкавказья, Восточной Европы и Сибири. Но тем не менее это был конкретный обряд в системе представлений о мифологии смерти в рамках верований религии Природы⁴. Суть сопутствующих ему верований заключалась в том, что дети или подростки, как взрослые сородичи, должны были вести своё существование в мире предков, занимаясь повседневными делами.

⁴ Религия Природы – или политеизм. Широко распространенный в литературе термин – язычество, применительно к кавказскому контексту считаю неуместным.

Одним из них была охота как главный и наиболее опасный род занятий. Пример таких представлений иллюстрирует парное захоронение детей на поселении Сунгирь эпохи верхнего палеолита. В этом погребении мальчик около 13 лет и девочка 10 лет лежали на спине головой друг к другу, их кожаная одежда была богато расшита бусами из бивня мамонта и подвесками из клыков песца. На груди мальчика найдена подвеска в виде фигурки лошади, под плечом – в виде фигурки мамонта. Погребенных сопровождали жезлы-выпрямители, прорезные диски, большое число дротиков и копий из бивня мамонта, а также из дерева с наконечниками из кремневых отщепов. Самое длинное копьё из цельного бивня достигало 2,4 м (Алексеева, Бадер, 2000, с. 24–25).

Много тысяч лет спустя верования древних людей по-прежнему предполагали представления о трудовой деятельности сородичей в загробном мире. Эти представления распространялись и на захоронения некоторых детей. Так, для V–IV тыс. до н. э. следует отметить погребения детей в контекстах разных культур с предметами труда. Таково захоронение п. 10 ребенка в Хвалынском могильнике с рыболовным крючком (Агапов и др., 1990). Могильник датируется началом V тыс. до н. э. А также захоронение ребенка с каменным теслом в п. 3 мог. Джурджулешти (середина V тыс. до н. э.) (Govedarića, 2004, abb. 18).

Нарастание процессов военизации, которые сопровождали развитие престижной экономики и даро-обмена, породило появление специального оружия для ведения военных действий из дерева, кости, камня и меди. Его формы в металле уже известны с VI тыс. до н. э. Так, древнейшие булавы из меди на поселении Чан Хасан (Hansen, 2013, p. 139) датируются VI тыс. до н. э. В V тыс. до н. э. оружие начинает встречаться в захоронениях культур разных регионов Ближнего Востока и Европы. В IV тыс. до н. э. в культурах позднего халколита – раннего бронзового века Европы, Кавказа и Ближнего Востока это уже широко распространенное явление.

Какое место в развитии военной символики орудий в погребальном обряде могли занимать детские и подростковые (по нашим меркам) захоронения?

Есть предположение, которое объясняет наличие находок оружия в могилах младенцев и подростков их ролью в передаче этих вещей предкам в заупокойном мире. Оно опирается на данные исторической этнографии, например, на верования хантов и манси (Молодин, Гришин, 2016, с. 276). Но такая трактовка рассматриваемого явления не исключает, на наш взгляд, особую престижность детского захоронения с оружием, высокий наследственный статус ребенка или подростка, так как такую роль «медиаторов между живыми и мертвыми» могли играть явно далеко не все дети.

Обзор предметов вооружения в погребениях детей разных культур и на разных территориях показывает, что мы сталкиваемся часто с оружием боя на ближней дистанции, знаками власти и престижными формами кинжалов. Таковы булавы, штандарт, топор-молот, втульчатый топор с орнаментом, искусно сделанные кинжалы и даже остатки лат.

Культуры, в которых обнаружены детские или подростковые погребения с оружием, характеризуются погребальной практикой с захоронениями взрослых людей с символикой военно-охотничьего или военного снаряжения, сопровождаемой даже изделиями из золота и серебра. Поэтому можно предположить, что у носителей этих культур складывалась военная прослойка общества. Статус воина, а также мастера по деревообработке становился наследственным и мог передаваться детям с самого их рождения.

Не менее примечателен случай захоронения новорожденного ребенка в сосуде на поселении Овчулар тепеси с боевым топором-молотом и двумя теслами.

Знаковая роль такого сочетания вещей могла иметь статусное и сакральное значение, исходя из того что она встречается в захоронениях, в которых подчеркивался наивысший общественный и культовый престиж лидера, как например, в погребении 43 Варненского некрополя культуры Варна (Todorova, 2002, 2002a; Slavchev, 2015).

У племен древнеямной культуры Восточной Европы в IV тыс. до н. э. под влиянием оружия МНО распространяются его формы и навыки литья втульчатых топоров. Высокая значимость в военных действиях этого оружия обеспечивает его мастерам-литейщикам высокий социальный престиж, который мог передаваться по наследству.

Похожие традиции фиксации могил взрослых людей – оружейников с литейными формами оружия, отражают общества древнеямной культуры, ямно-полтавкинских племен, фатьяново-балановских, абашевских, катакомбных, раннесрубных, различных культур Сибири, для которых свойственны были похожие обряды погребения (например, кротовская культура). Такое предположение основано на общей закономерности права в древних обществах, при которых родственная наследственность была важной основой для занятия высокого социального ранга или власти, вплоть до власти вождя.

Литература

Абибулаев О.А. 1982. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Науч. ред. Г.С. Исмаилов. Баку: Изд-во «Элм». 223 с.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Изд-во СарГУ. 147 с.

Алексеева, Т.И., Бадер Н.О. (отв. ред.) 2000. Homo sungirensis: Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир. 468 с.

Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х. 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем 1, Чегем 11 и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик. С. 7–87.

Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. 2013. Погребения майкопской культуры кургана 1 могильника Марьинская 5 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. М.: Памятники исторической мысли. С. 71–108.

Корневский С.Н. 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука. С. 242

Корневский С.Н. 2012. Рождение кургана. М.: Изд-во Таус. 248 с.

Корневский С.Н. 2017. Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н. э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.: Институт археологии РАН. 283 с.

Молодин В.И. 2012. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Том. 3. Новосибирск: Изд. ИА ЭТ СО РАН. 218 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. 2016. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 450 с.

Мунчаев Р.М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука. 414 с.

Попова Т.Б. 1963. Дольмены станицы Новосвободной // Труды ГИМ. Вып. XXXIV. М. 46 с.

Резепкин А.Д. 2012. Новосвободненская культура. СПб.: «Нестор – История». 342 с.

Синюк А.Т. 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронежского университета. С. 193.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. 2000. Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния» С. 63–84.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю. 2005. Першинский некрополь: курган 1 // Некрополи на Каргалах. Население Каргалов: палеоантропологические исследования. М.: Изд-во «Языки славянской культуры». С. 21–48.

Bar-Adon P. 1980. The cave the Treasure. The Finds from the Cave in Nahal Mishmar. Israel Exploration Society Jerusalem. 243 p.

Gopher Avi, Tsuk Tsvika. 1991. Ancient Gold. The Israel Museum Jerusalem. (English – Idish language). 36 p in English + 36 in Idish.

Gopher Avi, Tsuk Tsvika. 1996. The Nahal Qanah Cave. Eldest Gold in the Southern Levant Ed. Gopher Avi. Tel Aviv University. Monograph series № 12. 250 p.

Govedariča B. 2004. Zepferträger – herrscher der Steppen. Vunz am Rhein. 426 p.

Hansen Svend. 2013. Innovative Metals. Copper and Silver in Black Sea Region and Carpathian Basin During the 5-th and 40th Millenium BC. // Metals Makers. Innovative Technologies and Social Change in Prehistory and Antiquity. Ed. Burmeister S., Y. P. 137–167.

Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S. 2011. Excavations at Ovcular tepesi (Nakhichivan, Azerbaïdjan), 2011. Second preliminary report: 2009–2010 seasons // *Anatolia Antiqua*. P. 53–100.

Slavchev V. 2015. Pottery as a Source of information about Cooper Age Burial Costos: Data from Burial 43 in the Varna Cemetery // Neolithic and Cooper Age between the Carpathians and Aegean Sea. Chronologies and Technologies from the 6-th to 4-th Millennium BC. P.369–380.

Todorova H. 2002. Durankulak, Band II. Tail. I (der prähistoroschen Gräber von Durenkulak). Sofia. 158 s.

Todorova H. 2002a. Durankulak, Band II. Tail. II (der prähistoroschen Gräber von Durenkulak). Sofia.

Vulpe Alexandr. 1975. Die Äxte und Beile in Romänia II // *Prähistorische bronze funde*. Abtailung IX. Band 5. Berlin.

Моргунова Н.Л.

Оренбургский государственный педагогический университет

ИСТОКИ И ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА В СТЕПЯХ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ¹

Аннотация. В статье на основании археологических и этнографических источников дается реконструкция модели скотоводства племен ямной культуры раннего этапа бронзового века. Используются данные комплексных исследований, проведенных автором совместно с представителями естественных наук – палеозоологами, палинологами и почвоведом, антропологами и специалистами по радиоуглеродному датированию. Сделан вывод о возникновении кочевой формы скотоводства на территории Волжско-Уральского междуречья в раннем бронзовом веке.

Abstract. Based on the archaeological and ethnographical sources this paper reconstructs different models of cattle-breeding practiced among the tribes of Yamnaya culture in the Early Bronze Age period. It draws on various data of combined research by the author together with representatives of other nature studies – paleozoologists, paleontologists and soil scientists, anthropologists and radiocarbon dating experts. The paper infers that peculiar to the Yamnaya culture population of the Volga-Ural region in the Early Bronze Age was the nomadic form of cattle-breeding.

Введение

В условиях степных ландшафтов, соответствующих им природно-климатическим условиям и биоресурсам, исторически формировался специфичный тип подвижного скотоводческого хозяйства. В сложившемся виде степной вариант кочевого скотоводства фиксируется, начиная с раннего железного века, просуществовав в практически неизменном виде до позднего средневековья (Хазанов, 1973; Железчиков, 1980; Дубман, Мышкин и др., 2003; Масанов, 1995; 2000; Булатов, 2000; Дубман, 2005).

Истоки кочевого скотоводческого хозяйства уходят в бронзовый век, а по последним данным – в эпохи неолита и энеолита, когда формировалась специфика становления производящего хозяйства по всей евразийской степной зоне.

До недавнего времени начало производящей экономики, прежде всего скотоводства, на юге Восточной Европы связывалось с населением ямной КИО (Мерперт, 1974, с. 101–118). Еще ранее считалось, что ямные племена занимались исключительно присваивающими формами хозяйства (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 141).

Накопление остеологических данных и их анализ в послевоенные годы (Лагодовська, Шапошникова, Макаревич, 1962; Цалкин, 1970; Шилов, 1975; Бибикова, 1960) позволили Н.Я. Мерперту доказать не только производящий характер экономики ямного населения степной Восточной Европы, но и показать ее специфику (Мерперт, 1974). Исследователем с предельной четкостью был показан высокий уровень господствующего в хозяйстве скотоводческого направления, причем в подвижной, кочевой форме. Однако в то же время на начало 60-х годов истоки столь развитого уровня скотоводства лишь отчасти были представлены источниками в степях Северного Причерноморья (сурская, среднестоговская культуры). Они совершенно отсутствовали на территории Волжско-Уральского междуречья, где, по мнению Н.Я. Мерперта,

¹ Работа выполнена и опубликована при поддержке Задания № 33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ.

сформировалась древняя культура и в дальнейшем развивалась особо стабильно, сохраняя архаичные традиции без принципиальных изменений (Мерперт, 1974, с. 127).

Однако данная концепция не сразу была воспринята однозначно, дискуссионные моменты сохраняются и в настоящее время. На археологическом материале в последние десятилетия разрабатывались отдельные направления изучения проблемы хозяйства степного населения в РБВ. Для реконструкций модели кочевой формы хозяйства у населения ямной культуры привлекались этнографические данные, начиная с формулировки самого понятия.

«Кочевничество – особая форма хозяйства и быта, в основе которого лежит экстенсивное скотоводство (в том числе оленеводство) с сезонным перемещением населения и стад скота. Скотоводство в условиях кочевничества обеспечивает кочевников мясной и молочной пищей, сырьем для изготовления жилищ и одежды. Скотоводство дополнялось охотой, неседлым примитивным земледелием, ремеслом, промыслами» (Словарь этнографических понятий и терминов..., 1989, с. 72).

Исходя из данного определения, выделяются такие факторы формирования и развития тех или иных кочевых культур, как *природно-климатические условия* и возможности человека адаптации к ним; *состав стада домашних животных*, способных передвигаться на большие расстояния и самостоятельно добывать корм даже при снежном покрытии; *технологические средства* существования: *тип жилища*, наличие *транспортных средств*, рациональный подбор хозяйственного инвентаря и предметов быта, а также *специальные знания цикличности природно-климатических условий* (Шилов, 1975; Шнирельман, 1980; Шишлина, 2000; 2007). Кроме того, характеристика кочевнической культуры была бы неполной без учета идеологических представлений, социальной структуры и общественного управления.

Понятно, что в археологических материалах все признаки наличия кочевого типа хозяйства не всегда отчетливо проявляются. К ямной культуре, отличающейся весьма рациональными погребальными ритуалами и отсутствием стационарных поселений, за исключением раннего (репинского) этапа), это замечание относится в полной мере, что и вызывало скепсис ряда исследователей по поводу утверждений о наличии кочевого скотоводства у носителей данной культуры (Шнирельман, 1980, с. 223–242). Однако в последние два десятилетия исследования ямной культуры значительно расширились, получены новые материалы по данной проблеме, особенно за счет привлечения возможностей естественных наук.

Показательны в этом плане материалы волго-уральского варианта ямной культуры, в том числе приуральской группы, исследования памятников которой в последние десятилетия активно проводятся под руководством автора в Оренбургской области (Моргунова и др., 2003; Моргунова и др., 2010).

Обсуждаемые результаты

Прежде всего следует отметить, что в результате проведенного целенаправленно радиоуглеродного датирования различных артефактов уточнена хронология ямной культуры Волго-Уралья. Ранний этап в калиброванных значениях датирован от 3800 до 3300 ВС, развитой этап – 3300–2600 ВС, поздний – 2600–2200 ВС (Моргунова, 2007; 2013; 2014; Morgunova, Khokhlova, 2013; Моргунова и др., 2011; Моргунова и др., 2017).

Рассмотрим имеющиеся данные, свидетельствующие о сложении кочевого скотоводческого хозяйства у населения ямной культуры Волжско-Уральского междуречья согласно вышеперечисленным факторам.

Природно-климатический фактор. Волжско-Приуральский регион по ландшафтно-природным и климатическим условиям идеально подходит для развития подвижного скотоводства. В настоящее время он включает в себя три основные экологические зоны: южные лесосте-

пи Среднего Поволжья и Приуралья, сухие степи Нижнего Поволжья, полупустыни Северного Прикаспия. Все три зоны отличаются особенностями в температурном режиме зимы и лета, растительном покрове, условиях увлажнения. Так было и в древности.

По данным изучения древних почв под курганами методами палеопочвоведения на протяжении раннего бронзового века климат данного региона существенно не менялся, хотя и наблюдались его кратковременные колебания. Условия температурного режима и увлажнения на протяжении всего периода оставались достаточно стабильными, отличались большей влажностью и меньшей континентальностью в сравнении с современностью (Хохлова, 2006; 2007; Khokhlova et al., 2010). Облесенность была более значительной, наблюдался некоторый сдвиг почвенных и растительных зон к югу. На территории Северного Прикаспия на месте современной полупустыни были распространены степи (Лаврушин, Спиридонова, 1998). Около середины III тыс. до н. э. (cal) начался очередной период аридизации. В условиях ее нарастания ямная культура вступила в поздний (полтавкинский) этап своего развития.

Таким образом, во-первых, говорить о формировании ямного культурного комплекса, а вместе с ним и кочевого типа скотоводства, в связи с аридизацией климата не приходится; во-вторых, следует полагать, что специфика районирования природно-климатических условий в энеолите-раннем бронзовом веке Волжско-Уральского междуречья весьма благоприятствовала возникновению именно в данном регионе подвижного скотоводства и культурной интеграции местного населения.

Адаптация скотоводческой деятельности населения Волго-Уралья к данным природно-климатическим условиям, вероятно, завершается на заключительном этапе эпохи энеолита при переходе к бронзовому веку. Об этом, прежде всего, свидетельствует равномерное и господствующее распределение ямных комплексов по всей территории Волжско-Уральского междуречья (рис. 1). В энеолите имелось культурное своеобразие соответственно трем экологическим нишам, и повсеместно население вело оседлый образ жизни, о чем свидетельствует множество поселений (Моргунова, 2011). В начале бронзового века наблюдается полное поглощение или оттеснение постэнеолитических групп с данной территории, северная граница расселения ямных групп устанавливается по рекам Самара, Сок, Бол. Кинель, захватывая районы Оренбургского Приуралья. Для всей территории волжско-уральского варианта ямной культуры, начиная с ее развитого этапа, характерно полное отсутствие поселенческих памятников. Многочисленные курганные группы в основном расположены вдоль речных бассейнов Волги, Урала и их притоков.

Таким образом, природно-климатические условия Волжско-Уральского региона в полной мере могли способствовать развитию кочевых форм хозяйствования у ямного населения, что подтверждается этнографическими данными.

Этнография калмыков, казахов, ногайцев и других поздних кочевников используется для реконструкций моделей кочевого скотоводства у носителей сарматской культуры РЖВ (Железчиков, 1980; Акишев, 1972; Дубман и др., 2003).

Ценнейшие материалы по скотоводству поздних кочевников (ногайцы, казахи) представляют исследования Н.Э. Масанова и Э.Л. Дубмана. В XIX в. более 80 % казахов существовали за счет скотоводства, которое носило ярко выраженный кочевой характер, в полной мере адаптированный к природной среде (Масанов, 2000). Кочевникам-казахам был присущ так называемый замкнутый цикл кочевания по строго урегулированным маршрутам – с постоянными зимними стойбищами и с системой кочевания в летний период по одним и тем же водоисточникам. Состав стада (овцы, лошади, КРС, верблюды) определялся не столько продуктивностью, а прежде всего приспособительностью к условиям пастбищ (Масанов, 2000, с. 117). Производственный цикл был полностью подчинен последовательному использованию зимних и летних пастбищ в зависимости от экспозиции местности, что позволяло увеличивать их кормовую емкость.

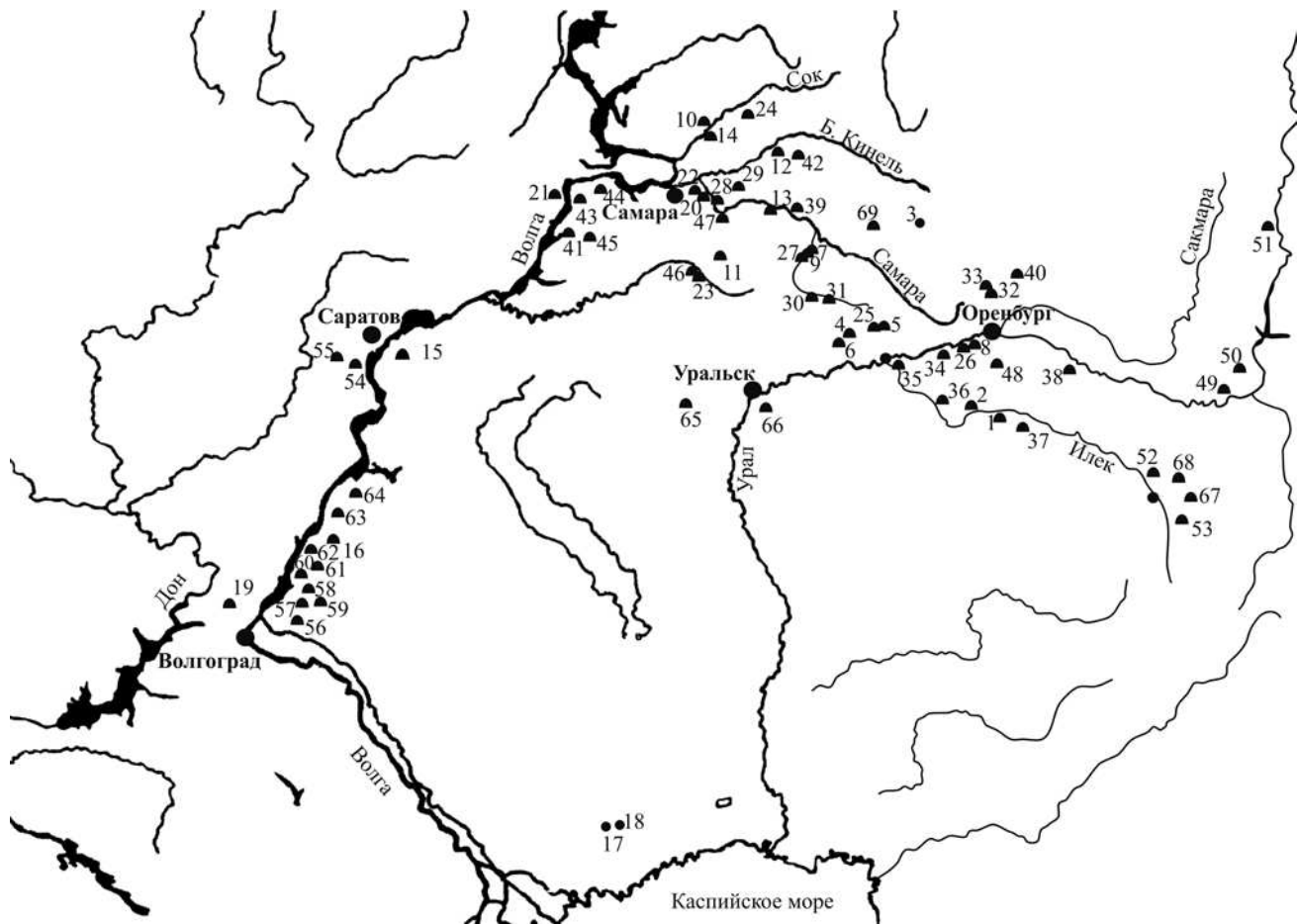

Рис. 1. Памятники ямной культуры Волжско-Уральского междуречья:

1 – КМ Тамар-Уткуль VII, VIII; 2 – КМ Изобильное I, II; 3 – пос. Турганинское; 4 – КМ Шумаево ОК, I, II; 5 – КМ Мустаево V; 6 – КМ Болдырево I, IV и КМ Трудовое II; 7 – КМ Скворцовка; 8 – КМ Ниж. Павловка V; 9 – КМ Петровка; 10 – КМ Лопатино I, II; 11 – КМ Орловка I; 12 – КМ Полудни II; 13 – КМ Гвардейцы II; 14 – КМ Грачевка II (Самар. обл.); 15 – Шумейка; 16 – КМ Скатовка; 17 – пос. Кызыл-Хак I; 18 – пос. Кызыл-Хак II; 19 – пос. Репин Хутор; 20 – КМ Нур I; 21 – Уваровка II; 22 – КМ Подлесное I; 23 – КМ Журавлиха I; 24 – КМ Калиновка I (Самар. обл.); 25 – КМ Герасимовка II; 26 – КМ Пятилетка; 27 – КМ Курманаевка III; 28 – КМ Красносамарское I–IV; 29 – КМ Кутулук I; 30 – КМ Ефимовка IV; 31 – КМ Свердлово I; 32 – КМ Уранбаш; 33 – КМ Першин; 34 – КМ Краснохолм II, КМ Кардаилово I–II; 35 – КМ Илекский; 36 – КМ Линевка III; ОК Линевка; 37 – КМ Увакский; 38 – КМ Буранчи I; 39 – погр. у с. Колгубанка; 40 – КМ Новотроицкий I Октябрьский; 41 – КМ Екатериновка; 42 – КМ Березняки; 43 – КМ Кашпир II–III; 44 – КМ Преполовенка I; 45 – КМ Владимировка; 46 – КМ Тамбовка II; 47 – КМ Утевка I, КМ Покровка II; 48 – КМ Донгуз II; 49 – КМ Новотроицкий I Гайский; 50 – КМ Ишкиновка I–II; 51 – КМ Мало-Кизильский II; 52 – КМ Танаберген II; 53 – КМ Жаман-Каргала I; 54 – ОК Паницкое 6Б; 55 – Золотой Курган; 56 – КМ Верхне-Погромное; 57 – КМ Калиновский (Волгоград. обл.); 58 – КМ у хутора Степана Разина; 59 – КМ Быково I–II; 60 – КМ Политотдельское; 61 – КМ Бережновка I–II; 62 – КМ Иловатка; 63 – КМ Ровное; 64 – КМ Старая Полтавка; 65 – КМ Светлое Озеро; 66 – КМ Илекшар I; 67 – КМ Шандар; 68 – КМ Курайли I; 69 – КМ Грачевка (Оренбург. обл.)

Интереснейшие сведения по географии и специфике кочевания в эпоху позднего средневековья в Ногайской Орде на основании различных письменных источников XVI в. собрал Э.Л. Дубман (2005, с. 140–168). Во многих чертах система кочевого хозяйства ногайцев близка казахской модели. Существовала строгая организация распределения пастбищ между улусами и их использования в зимних и летних условиях. Зимники находились в Прикаспии, включая дельты Волги и Урала. В летние месяцы особое значение для ногайцев имели долина и окрест-

ности р. Самара (там же, с. 159–161), являвшиеся наиболее престижными местами для кочевий ногайцев. Здесь согласно письменным свидетельствам находились летовища элиты ногайского общества. Из всех восточных притоков Волги именно Самара и Бол. Кинель обладали широкой поймой, бесчисленными заливными лугами, необходимыми водными ресурсами и идеально подходили для летних кочевий. Этот вывод исследователя представляется весьма важным с точки зрения исторически сложившейся традиции, уходящей в глубокую древность.

В сарматской тысячелетней истории, судя по картографии курганных некрополей, Самарское Поволжье, а также примыкающее к нему с востока Оренбургское Приуралье, куда входят расположенные широтно бассейны рек Самара, Урал, Сакмара, Илек и их многочисленных притоков (Бузулук, Кинделя, Чаган и др.), имели основное значение в летнем цикле кочевого скотоводства. Именно по террасам и на водоразделах этих рек сосредоточены все наиболее представительные некрополи савромато-сарматской культуры. Исследователи реконструируют вертикально-меридиональную модель кочевого хозяйства сарматской культуры (Степи..., с. 203–205; Железчиков, 1980).

Аналогично в картографии памятников ямной культуры полоса южной кромки лесостепи от устья р. Самара до бассейна р. Илек выделяется средоточием наиболее выдающихся курганных памятников РБВ. Самые северные точки пребывания ямных групп отмечены на реках Бол. и Мал. Кинель. В Приуралье севернее Каргалинских рудников и среднего течения р. Салмыш ямные памятники неизвестны. В южном направлении пути движения скотоводов ямной культуры, вероятно, проходили вдоль Урала и Волги.

По данным Э.Л. Дубмана, важную роль в движении ногайских кочевников весной и осенью (т.е. при движении с юга на север и обратно) играл район Узеней как промежуточная кормовая база в межсезонье (Дубман, 2005, с. 149). В этом районе известны памятники энеолита хвалынской, алтатинской культур, а также погребальные сооружения ямной культуры. На одной широте с Узенями по террасам левого берега Волги располагаются такие многокурганные некрополи как Бережновские, Ровное, Политотдельское и другие.

Таким образом, три природно-климатические зоны, сложившиеся в голоцене Волжско-Уральского междуречья, способствовали формированию подвижного скотоводства по вертикально-меридиональному принципу с рациональным его обеспечением летними и зимними пастбищами. И надо полагать, что данная модель начала формироваться в эпоху энеолита у населения хвалынской культуры. Об этом свидетельствует, прежде всего, картография памятников этой культуры, расположенных во всех трех ландшафтно-природных регионах Поволжья – от Северного Прикаспия до бассейна р. Самара и Сурско-Свияжского междуречья. Именно в хвалынской среде зарождается курганный обряд совершения погребений (Васильев, 1981; Дремов, Юдин, 1992). И с этого времени курганы становятся не только символами особенного менталитета и идеологии кочевничества, но и важными ориентирами на маршрутах передвижения степных скотоводов.

Можно предположить, что своеобразная подсказка в развитии вертикально-меридиональной модели кочевания была сделана самой природой, особенности которой ранее использовали стадные животные, прежде всего табуны диких лошадей, совершавшие сезонные миграции, меняя летние и зимние пастбища.

Истоки кочевого скотоводства. Состав стада. Уже в эпоху энеолита в скотоводстве населения Волжско-Уральского междуречья произошел отбор определенных видов животных, наиболее приспособленных к степным условиям, позднее адаптированных для кочевничества. Это овца, крупный рогатый скот и лошадь. Все эти виды домашних животных заняли видное место в хозяйстве энеолитических культур Волго-Уралья (Агапов и др., 1990; Моргунова, 1995; 2014; Богаткина, 2010; Выборнов и др., 2016). По данным археологии и этнографии именно эти виды стабильно составляли основное поголовье животных в следующих за ямной степных культурах.

Так, в жертвенниках потаповских и синташтинских памятников наиболее часто присутствуют останки лошадей, быков и овец (Васильев и др., 1994; Генинг В.Ф. и др., 1999; Виноградов, 2003). Следует также отметить появление в этих культурах особой породы колесничных коней, отличающихся по своим основным признакам от обычных поселенческих животных, что может свидетельствовать о существовании специального тренинга (Косинцев, 2010, с. 32). В связи с вопросом о наличии коневодства у ямных групп этот вывод приобретает особое значение, поскольку ряд ученых полагают, что последние сыграли заметную роль в сложении потаповской и синташтинской культур (Зданович и др., 2006; Малютина, 2010).

Несмотря на то, что в срубной культуре скотоводство носило пастушеский придомный характер, стадо сохраняло аналогичный состав, но преимущество получил КРС, затем лошадь и МРС, в малом количестве свинья (Петренко, 1984; 2007, с. 33–40). Анализ возрастных особенностей всех видов животных, в том числе лошадей, по материалам таких крупных поселений, как Мурадымовское в Башкортостане, Покровское в Оренбуржье, Михайло-Овсянка в Самарской области, показал, что помимо мясного направления в скотоводстве срубной культуры значительное место занимало получение других видов продуктов, а также использование мускульной силы животных в производственных и транспортных целях (там же, с. 36). Характерно, что в погребальных обрядах срубной культуры, как и одновременной ей андроновской, кости животных, тем более целые скелеты, встречаются редко. Несмотря на переход к оседлому образу жизни, население срубной культуры Поволжья и Приуралья не занималось земледелием, а наряду с придомным скотоводством практиковало и его подвижные формы (Антипина, 1996, с. 53; Лебедева, 1996, с. 53–55; она же, 2004, с. 247).

Широко известны данные о составе стада кочевников РЖВ. Они традиционно совершали жертвоприношения животных во время похорон своих сородичей, о чем свидетельствуют небольшие части туш овец или баранов в рядовых захоронениях, множество целых туш коней и МРС в элитных курганах (Степи., с. 113–114, 203–205; Грязнов, 1980). По данным письменных источников, несмотря на преобладающее положение МРС в стадах ранних кочевников, табуны лошадей были огромны. Лошадь использовалась в военных целях, как транспортное животное, прежде всего под верховую езду, а также для получения молочных продуктов, мяса, кож, войлока и других (Смирнов, 1964, с. 236–237; Граков, 1971, с. 46–47). В то же время коню поклонялись, почитали, создавались его прекрасные образы в искусстве (Степи., с. 113–114, 203–205; Кузьмина Е.Е. 2002, с. 47–73).

Особенности среды обитания и специфика кочевой модели хозяйства определяли состав стада у казахов в XIX веке. В нем удельный вес овец в среднем составлял 60 % всего поголовья, коз – 11 %, лошадей – 13 %, КРС – 12 %, верблюдов – 4 % (Масанов, 2000, с. 117). Интересны цифры, которые приводит Н.Э. Масанов об общей численности различных видов скота у казахов в то время. В дореволюционный период в хозяйстве казахов числилось 18–18,5 млн голов овец, 4 млн лошадей, 3,5–4 млн КРС, около 1 млн верблюдов. При этом исследователь подчеркивает, что веками сложившийся состав стада и стабильное соотношение видов скота определялись не столько продуктивностью, а прежде всего их приспособленностью к условиям степных пастбищ (там же, с. 117). Это относится как к кормовой базе (и лошади, и овцы потребляют практически все виды степных растений), и к водным ресурсам, и к возможностям этих видов адаптироваться к быстрым и частым перекочевкам и перегонам. Весьма важными качествами овец и лошадей являются рефлекс стадности и способность тебеневаться – у овец при глубине снежного покрова 10–12 см и лошади – 30–40 см. Интересно, что в зимнее время при умеренном снежном покрове у казахов практиковался отдельный выпас овец и лошадей (овец вблизи зимников, лошадей на более отдаленных пастбищах). Но в экстремальные периоды (джуты) кочевники прибегали к совместно-последовательному выпасу скота. Вначале выпускали лошадей

с их способностью тебеневаться при глубоком снеге, затем крупный рогатый скот и верблюдов, и в последнюю очередь овец (там же, с. 121).

Что касается ямной культуры, то можно только предполагать, что состав стада и удельный вес в нем видов животных был примерно таким же, как и у поздних степных кочевников. На развитом этапе, когда погребальный ритуал ямной культуры сформировался и по всему ареалу представляется достаточно канонизированным, использование мяса животных в качестве заупокойной пищи фактически не практиковалось.

Из числа многих сотен известных ямных захоронений кости животных встречены в единичных комплексах. По данным Н.Я. Мерперта на начало 70-х годов XX в. в погребениях ямной культуры Волго-Уралья кости овцы найдены в 20 случаях (всех 3-х хронологических горизонтов), кости быка – в 2 комплексах (3-я ХГ), кости лошади – 1 случай. Почти все находки происходили с территории Нижнего Поволжья (Мерперт, 1974, с. 103). По данным В.П. Шилова, в основном, по территории доно-волжского междуречья (109 погребений ямной и полтавкинской принадлежности с костями животных из 439 учтенных) домашние виды составляют более 80 % (Шилов, 1975, с. 9, табл. 3–4). Из домашних видов преобладает МРС (до 70 %), КРС – около 15 %, лошадь – 7 %, встречены погребения с останками собак.

Таблица 1. Видовой состав животных из курганных могильников ямной культуры Приуралья и Среднего Поволжья (Рослякова, Турецкий, 2012)

Памятник	Лошадь	МРС	КРС	Другие (неопред.)	Всего
КМ Трудовое 5/1		2/1			2/1
КМ Свердлово 1/3		1/1			1/1
КМ Тамар-Уткуль VII 4/7		1/1			1/1
КМ Тамар-Уткуль VIII 5/1		1/1			1/1
КМ Изобильное I 1/1		3/2			3/2
КМ Близнецы 4/3			2/2		2/2
КМ Скворцовка к. 5 (насыпь)	2/2	6/6		5/5	13/13
КМ Скворцовка 6/1		1/1			1/1
КМ Скворцовка 7/1		1/1			1/1
КМ Шумаево I					
КМ Шумаево II					
КМ Мустаево V к. 1 (насыпь)	1/1				1/1
КМ Мустаево V к. 12 (насыпь)	1/1	1/1	1/1		3/3
КМ Ниж.Павловка V к. 2 (насыпь)		2/1			2/1
КМ Бобровка I к. 1 (насыпь)		30/11			30/11
КМ Орловка I к. 1		1/1			1/1
КМ Полудни к. 3		2/2	1/1		3/3
КМ Грачевка II 5/1		5/5			5/5
ИТОГО	4/4	57/35	4/4		65/43

В приуральских памятниках кости исключительно домашних животных зафиксированы в следующих погребениях: КМ Трудовое 5/1 (2 челюсти крупной овцы), КМ Свердлово 1/3 (челюсти овцы), КМ Тамар-Уткуль VII 4/7 (кости овцы), КМ Тамар-Уткуль VIII 5/1 (кости конечности овцы), КМ Изобильное I 1/1 (крестец и рог МРС), КМ Близнецы 4/3 (в насыпи – нижние че-

люсти и кости ног от двух быков, прикрытые шкурой). Достоверно с поздним (полтавкинским) этапом ямной культуры Приуралья связаны находки 17 костей от 2 особей лошади и 2 особей крупной овцы, найденных в насыпи кургана 5 КМ Скворцовка (Рослякова, 2010, с. 159). Кости лошадей, КРС и МРС встречены в насыпях ямных курганов I и II Шумаевских КМ, однако там же находились и впускные сарматские погребения, что не позволяет однозначно определить культурную принадлежность остеологических материалов. В этих курганах представлены все виды животных – лошадь, овца/коза, КРС (Рослякова, 2003, с. 293–294). Зубы и челюсть лошади, а также череп быка найдены в насыпи ямного кургана 1 КМ Гвардейцы II (Крамарев и др., 2002, с. 109). Кости барана обнаружены в одном из ранних, репинского времени, погребений КМ Грачевка II (Кузнецов, 2011, с. 79).

Кроме того, в 3 погребениях (КМ Краснохолм II 1/4, КМ Увак 6/4, Болдырево I 6/2) найдены обработанные трубочки из костей дрофы – единственные свидетельства охотничьей деятельности.

Безусловно, приведенные данные, тем более полученные исключительно по погребальным памятникам, не могут служить надежным основанием для реконструкции домашнего стада. Но все же прослеживается определенная закономерность, аналогичная выше приведенным этнографическим примерам хозяйствования. В большинстве случаев в заупокойно-поминальных ритуалах использовалось мясо овец, в исключительных моментах – мясо быков и лошадей. Аналогичные выводы сделаны на материалах ямных памятников Калмыкии (Шишлина, 2007, с. 312).

Объяснить табуирование использования символов коневодства, причем не только в погребальной практике, но и в изобразительном творчестве ямной культуры, очень сложно. Очевидно одно, что в энеолите – в ритуалах хвалынской и самарской культур, а также в пост-ямных культурах потаповского, абашевского и синташтинского круга, лошадиные культы были широко представлены. В ямной культуре они не практиковались. А именно отсутствие останков лошадей в ямных классических памятниках ставит под сомнение выводы о становлении коневодства в степях Доно-Волго-Уралья в эпоху энеолита и об его утверждении в ямное время (Шнирельман, 1980, с. 241–242).

В связи с этим весьма важными представляются материалы раннего этапа (репинского) ямной культуры, когда некоторая оседлость еще сохраняется. В поволжских подкурганых погребениях этого времени кости животных единичны. Однако достаточно показательны материалы поселения Хутор Репин, где остеологические материалы представляют исключительно скотоводческий характер хозяйства. Определен следующий состав стада (определения В.И. Цалкина): КРС – 20 костей от 2 особей, МРС – 2 кости от 1 особи, свинья – 2 кости от 1 особи, лошадь – 150 костей от 5–6 особей (Синицын, 1957). Дикие виды представлены 5 костями от одной особи оленя.

На поселении Михайловка в Поднепровье, как известно, выделено 3 стратиграфических горизонта. К раннеямному этапу отнесен средний слой (Михайловка II), к позднеямно-катакомбному – верхний слой (Михайловка III). К сожалению, остеологические материалы из двух верхних слоев (определение В.И. Бибиковой и А.И. Шевченко) опубликованы суммарно, но они весьма результативны, поскольку проанализировано более 50 тысяч костных останков (Лагодовська и др., 1962, с. 168–173, табл. 4). Из них кости диких животных, представленных в основном степной фауной, включая сайгака и кулана, составляют около 10 %. В домашнем стаде преобладает КРС (44,2 %), значительное место занимает МРС (32,7 %) и лошадь (17,8 %), незначительно количество костей свиньи (2,2 %), есть кости собак (3,1 %).

Весьма показательны материалы исследований погребальных памятников и кратковременных поселений ямной культуры в Среднем Поднепровье (Сиволап, 2001, с. 111–113). На стоянках преобладают находки костей МРС, КРС, лошади, малочисленны кости свиньи, рыб, черепахи, бобра.

Значительный интерес представляют материалы северо-прикаспийских репинских поселений. На стоянках Же-Калган и Кызыл-Хак наряду с костями диких животных обнаружены останки овцы, лошади и верблюда (Кузьмина И.Е, 1988). Они составляют около 40–50 % (по числу особей). Большое количество костей кулана и, особенно, сайги свидетельствует о сохранении значения охотничьего промысла в обеспечении мясными продуктами жителей поселков. Можно предположить, что так же, как и поздние кочевники, ранние группы ямных племен располагали свои зимники в Северном Прикаспии, чему благоприятствовала и природно-климатическая ситуация.

К сожалению, выборки костей из поселений Северного Прикаспия и Подонья немногочисленны, поэтому полученные по ним данные не являются в полной мере достоверными. В этой связи чрезвычайно важными представляются остеологические материалы с поселения Турганикское в Оренбургском Приуралье. Они позволяют судить о составе стада и мясной диеты населения степного Приуралья в эпоху энеолита и раннего бронзового века (Моргунова и др., 2017, с. 233–262). Нижний слой поселения относится к самарской культуре, к ее II этапу и представлен материалами ивановско-хвалынского типа. Над ним залегал слой с материалами (репинского) раннего этапа ямной культуры. Вероятно, его отложение в богатой заливными лугами и пастбищами долине р. Ток (приток р. Самара) связано с приходом ямных групп скотоводов в летние сезоны, что подтверждается археологическими данными.

Раскопками 2014–2015 гг. на поселении вскрыта площадь 324 кв.м., на которой собрано около 9,5 тыс. фрагментов костей животных. Зафиксированы достаточно отчетливые планиграфические отличия размещения материалов эпохи энеолита и РБВ. По результатам стратиграфического и планиграфического анализа распределения керамики и других находок в толще культурного слоя и в ямах костные остатки были объединены в две выборки: материалы эпохи энеолита и материалы РБВ. Подавляющее число костей животных с поселения Турганикское являются кухонными остатками, о чем свидетельствуют многочисленные следы искусственного воздействия на костях. Они были оставлены в процессе разделки туши и ее утилизации. Это порезы острым лезвием, надрубы, разрубы, следы разбивания костей, погрызы собаками. Также часто встречаются обгоревшие и кальцинированные кости.

Выборка костей, связанных с эпохой энеолита, составляет 2282 фрагмента, из которых 1086 определимых. Такое количество определимых останков в целом достоверно отражает видовой состав животных. К эпохе ранней бронзы отнесено 7157 костей, из них 3280 определимых.

На всем протяжении существования поселения его жители разводили домашний скот и охотились на диких животных. Видовой состав домашних копытных оказался сходным для обеих эпох. Жители поселения разводили крупный рогатый скот (*Bos taurus*), мелкий рогатый скот – овец и коз – (*Ovis aries* / *Capra hircus*), лошадь (*Equus caballus*) и собаку (*Canis familiaris*). Не исключено, что в эпоху энеолита лошадь была не только объектом охоты, а и домашним животным.

Соотношение костей домашних копытных отличается в изучаемых выборках. В эпоху энеолита доля костей мелкого рогатого скота и крупного рогатого скота практически одинаковы. В РБВ в остеологическом спектре на 20,6 % вырастает доля МРС. Его кости составляют 2/3 всей коллекции. При этом доля костей КРС уменьшается на 16,7 %. Количество костей лошади на всем протяжении существования поселения остается незначительным.

Жители Турганикского поселения охотились на крупных и средних копытных, таких как: тур (*Bos primigenius*), лось (*Alces alces*), кабан (*Sus scrofa ferus*), возможно лошадь, сайга (*Saiga tatarica*); на хищных: медведь (*Ursus arctos*), волк (*Canis lupus*), лисица (*Vulpes vulpes*), барсук (*Meles meles*); на грызунов: бобр (*Castor fiber*) и сурок (*Marmota sp.*). Особенно активной была охота на бобра. Его останки составляют 69,7 % костей всех диких млекопитающих. Жителями поселения практиковалась также охота на птиц и рыбная ловля, но они не имели существен-

ного значения. Соотношение охоты и скотоводства на протяжении времени существования поселения менялось. Количество костей диких животных в «энеолитической» выборке выше (на 6,2 %), чем в выборке эпохи бронзы. Для сравнения: в эпоху поздней бронзы доля костей диких животных в коллекциях из поселенческих памятников не превышает 2–3 %.

Полученные на Турганинском поселении археозоологические данные впервые позволили с достаточной достоверностью определить состав стада ямной культуры на этапе ее формирования и связать данный процесс с переходом к качественно новому виду скотоводческого хозяйства.

Техническое обеспечение и получение продуктов скотоводства. *Транспортные средства.* Остатки деревянных колес и повозок в настоящее время достаточно широко представлены в погребальных комплексах ямной КИО. Особенно многочисленны они в Поднепровье и в Прикубанье (Козенкова, 1973; Шилов Ю.О., 1975; Избицер, 1993; Тесленко, 1998; Гей, 2000; Пустовалов, 2000; Агульников, 2002; Nikolova A. V., Kaiser, 2009). Однако в Волжско-Уральском междуречье, где, по мнению многих исследователей, кочевой тип хозяйства ямных племен сложился ранее, чем в западных вариантах, находки погребений с повозками или их деталями крайне редки. Они пока неизвестны на территории Нижнего и Среднего Поволжья.

В Приуралье первая находка деревянного колеса была сделана в КМ Герасимовка I 7/1 (Смирнов, 1965; Федорова-Давыдова, 1971). В могильнике насчитывалось 17 насыпей, некоторые из них имели крупные размеры (более 30 м в диаметре). Однако курган 7 имел небольшую насыпь диаметром около 20 м, высотой 0,24 м. Основное погребение 1 было совершено в обширной и глубокой яме (130×180 см, глубина 140 см от уровня материка). В заполнении ямы находились обломки деревянных плах от перекрытия. Дно ямы было покрыто циновкой, окрашенной охрой, на которую умершего мужчину поместили в положении на спине, руки вдоль туловища, ноги подогнуты вправо, головой на СВ. Деревянное колесо находилось выше скелета в восточной половине ямы (рис. 2, 4). Оно было сплошным и достаточно массивным: D – 50 см, D ступицы – 18 см, D отверстия ступицы – 8,5 см и покрывало собой грудную клетку, череп и кости правого плеча скелета. Находка колеса в Герасимовке привлекла к себе пристальное внимание (Мерперт, 1974; Шилов, 1975 и др.). В отличие от западных аналогичных комплексов в данном случае было положено только одно колесо, и оно, по причине своей массивности, скорее являлось символом колесной повозки (частью целого).

Подтверждением неслучайности подобного ритуала явилось открытие погребения с одним колесом в кургане 6 II Шумаевского КМ (Моргунова и др., 2003; Моргунова, Турецкий, 2003, с. 150–151). Размеры кургана: D – 24 м, H – 0,8 м, т.е. курган относился к средней группе по показателю размера насыпей. Погребение 6 было основным в кургане. Могильная яма имела ступенчатую конструкцию (рис. 2, 3). Ее размеры на уровне погребенной почвы составили 271×280 см. Ступеньки были сооружены на уровне материка по всему периметру ямы. В заполнении ямы фиксировались мелкие и крупные обломки деревянных плах от рухнувшего перекрытия, которое находилось первоначально на уровне ступенек.

В восточной половине ямы находилось деревянное колесо. В целом реконструкцию колеса можно представить следующим образом. Скорее всего, оно было трехсоставным. Его среднюю часть составляла доска, вырезанная из цельного дерева вместе с расположенным в ее центре по обе стороны диском ступицы. Диаметр колеса мог достигать 60 см. По определению А.А. Гольевой, для изготовления колеса использовалась древесина тополя или березы.

Само погребение было совершено по типично ямному ритуалу, но обставлено с особой пышностью. Помимо внушительных размеров и сложности погребальной камеры, а также наличия деревянного колеса, следует отметить, что все ее внутреннее пространство (дно, ступеньки, стены) было устлано или обложено плетеными циновками из тонкого тростника (Моргунова, Гольева и др., 2003, с. 210–212). Циновка покрывала оба скелета. Первый скелет принадлежал

женщине, положенной скорченно на спине головой на восток. У ее ног скорченно на левом боку находился скелет ребенка 5–8 лет. Оба черепа покоились на «подушках» из луговых и водолюбивых трав. Оба скелета, подстилка и покрывало были обильно окрашены охрой. Куски охры красного и желтого цвета обнаружены за головой и у плеч женщины.

Уникальным представляется погребение 2 в ОК Шумаево II, имевшим внушительные размеры ($D - 44 \text{ м}$, $H - 2,8 \text{ м}$) (Моргунова и др., 2003, с. 7–14, 207–208). Курган окружал глубокий ров. Конструкция основного погребения ямной культуры имела ступенчатую конструкцию (рис. 2, 1–2). В слое погребенной почвы до уровня материка были устроены ступеньки шириной до 130–145 см. Размеры ямы на уровне погребенной почвы составили 560×580 см. Размеры ямы на уровне пола ступенек – 288×300 см, на дне – 222×144 см. Глубина ямы от уровня дневной поверхности составила 280 см. Таким образом, как по конструкции, так и по своему объему данное сооружение относится к числу наиболее крупных среди изученных ямных комплексов Приуралья. Также примечательно внутреннее убранство погребальной камеры, состоявшее из многочисленных плетеных циновок, в изготовлении которых использовались свежие водолюбивые травы (но не тростник). Циновки зафиксированы на ступеньках, стенах, на дне ямы и как прослойки перекрытия, в заполнении. На стенах ямы местами прослежены следы навозной обмазки, поверх которой закреплялись циновки, окрашенные охрой.

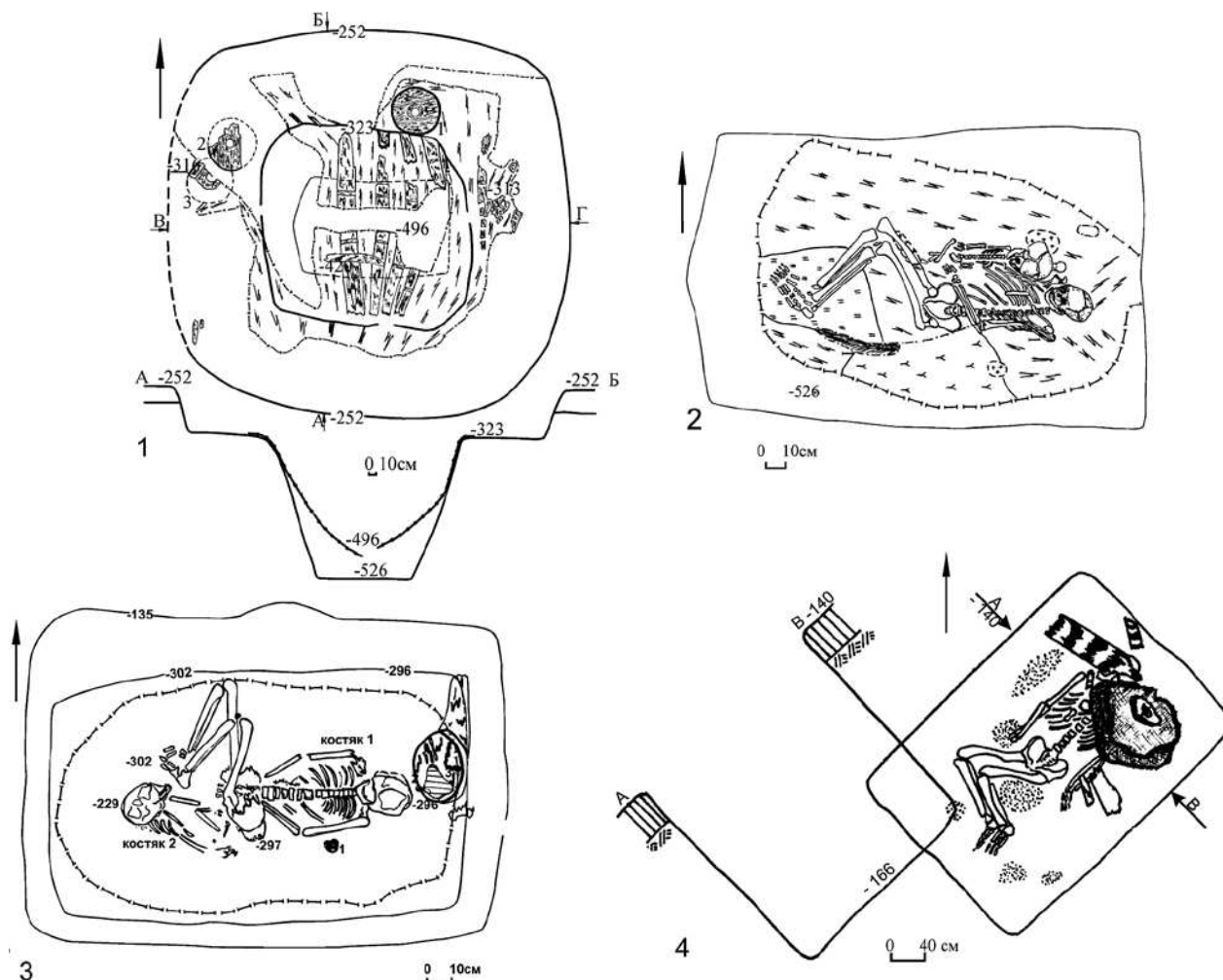

Рис. 2. Погребения с деревянными колесами:

1–2 – одиночный курган Шумаево II, п. 2; 3 – могильник Шумаево II, к. 6, п. 6;
4 – могильник Герасимовка I, к. 7, п. 1

Погребение принадлежало взрослому мужчине в солидном возрасте около 60 лет. Он покоился по центру ямы в положении скорченно, на правом боку, головой на восток. Под черепом была мощная «подушка» из трав. Циновка из трав использовалась как покрывало. На правой руке взрослого скелета находились останки ребенка около 4 лет. Оба скелета были обильно окрашены ярко-красной охрой.

На западной ступеньке были обнаружены 3 деревянных колеса, положенные плашмя. Одно из них было целым, два других сохранились во фрагментах. Колесо № 1 было трехчастным, диаметром 67 см. Детали соединения частей не сохранились. Средняя часть вырезана вместе со ступицей из цельного куска дерева. Диаметр ступицы – 24 см, диаметр отверстия – 10 см. Она выступала с внешней стороны колеса на 5 см. Толщина колеса у обода – 4 см, ближе к ступице – 6–7 см. Важно отметить, что обод колеса был обмазан глинистым раствором, который в специальном исследовании Н.П. Салугиной определен как налипшая почва (грязь), образовавшаяся в результате использования колеса до совершения похорон.

Отдельные деревянные плашки, обнаруженные на краях ступенек и в заполнении ямы, не позволяют считать их остатками повозки. Возможно, они являлись лагами, на которые укладывались циновки – перекрытия.

В итоге рассмотрения комплекса с колесами во II Шумаевском одиночном кургане необходимо подчеркнуть такую его особенность, как символичность использования деталей колесного транспорта. Не по углам ступенек, окружавших погребальную камеру со всех ее сторон, а в их западной части были положены все колеса, причем только три из четырех возможных. При этом обращает на себя внимание тот факт, что для изготовления колес использован такой отличающийся непрочностью сорт дерева, как тополь. Вполне вероятно, что данные колеса были специально сделаны для погребальной церемонии. Кроме того, о символическом воплощении в данном ритуале реального устройства и использования повозок в кочевом образе жизни ямного населения свидетельствует сама конструкция погребальной камеры, которая в перевернутом виде вместе с настилами из циновок как бы демонстрирует кибитку-жилище на платформе повозки.

Аналогичная символика зафиксирована в устройстве погребальной камеры в кургане 3 КМ Изобильное I (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 46–47). Курган по размерам ($D - 36$ м, $H - 2$ м) относится к числу наиболее крупных курганов Приуралья. На уровне погребенной почвы размеры ямы составили 400×480 см. К ее юго-западной стенке примыкал дромос. По всему периметру основной ямы имелась ступенька, уходившая глубоко в материк. Глубина от дневной поверхности до уровня ступенек составила 170 см, до дна внутренней камеры почти 3 м. В убранстве погребальной ямы использовались стебли и листья камыша (Моргунова, Гольева и др., 2003, с. 211). В углах на ступеньках были расположены кольца, имитирующие колеса. Они были сформованы из голубоватого ила и окрашены в оранжевый цвет охрой. Диаметр колец-колес достигал 60–80 см. Нижние их окружности приплющились, видимо от того, что кольца были помещены в яму в полусыром виде. На дне ямы было совершено парное захоронение двух взрослых людей, уложенных в позах скорченно, на правом и левом боку, в положении антитезы. Основным являлся скелет, видимо, мужчины, положенный на правом боку, ориентированный головой на СВ. Ему был предназначен медный нож-кинжал (длиной 21,5 см) в деревянном футляре. Второй покойный лежал на левом боку головой на ЮВ и костями ног покрывал первого.

В Приуралье находки погребений с колесами в сравнении с западными степными группами (новотиторовские, буджакские памятники, ямные и ямно-катакомбные памятники) носят не столь массовый характер (4 из около 200 комплексов), но в то же время они достаточно показательны. Их символические особенности свидетельствуют об ограничениях в использовании частей колесных повозок для совершения погребальных церемоний. Это могло быть связано как

с чисто материальными причинами в связи с недостатком дерева в условиях степи и большой стоимостью затрат на изготовление повозок, так и предназначением данного ритуала исключительно элите ямного общества. Данный вывод подтверждается и всеми другими деталями погребальной обрядности представленных курганов. При этом особое внимание обращает на себя тот факт, что шумаевские колеса изготовлены из самой доступной в степи и в то же время самой непрочной древесины, а изобильнинские – из глины. Можно предположить, что для погребения в Шумаево были сделаны одноразовые колеса, предназначенные исключительно для совершения похоронной процессии и погребения. Аналогично, исходя из непрочности конструкций повозок у ст. Ново-Титоровской, В.И. Козенкова пришла к выводу, что они были одноразовыми, специально изготовленными для совершения похорон (Козенкова, 1973, с. 64). Обстоятельно подобное заключение на материалах ямно-катакомбных памятников с повозками из Поднепровья развивает С.Ж. Пустовалов (2000, с. 315 и др.).

Как бы там ни было, очевидным представляется то, что население ямной культуры Приуралья, а следовательно, и других областей волжско-уральского региона, знало и использовало колесный транспорт. Конструкция могильных ям с остатками колес позволяет моделировать и распространение крытых кибиток, необходимых для длительных передвижений по степи. Подобные реконструкции на примере новотиторовских погребений предлагает А.Н. Гей (2000, с. 175–191). Расположение колес на круговых ступеньках могильных ям характерно для ямных и ямно-катакомбных погребений Украины и Поднепровья (Тесленко, 1998; Шилов Ю., 1975; Пустовалов, 2000; Агульников, 2002). В целом конструкция ям и весь ритуал погребений с частями повозок в Северном Причерноморье созвучен приуральским погребениям в ямах со ступеньками.

По трем комплексам с колесами в Приуралье были получены радиоуглеродные даты (ОК Шумаево – 4 даты, КМ Шумаево II 6/6–4 даты, Изобильное I 3/1 – 1 дата (Моргунова и др., 2003, с. 264–274; Моргунова, 2007)). Анализ полученных определений по шумаевским комплексам показал время их сооружения в интервале 3000–2600 лет ВС. Немного моложе дата погребения в КМ Изобильное I 3/1 – 3920±90 ВР (2500–2280 ВС) (Моргунова и др., 2011). То есть хронология погребений с остатками повозок указывает на бытование данного обряда во второй половине развитого и на полтавкинском этапах ямной культуры Приуралья. Однако проявления наличия колесного транспорта в погребальном обряде только этого периода не означает, что он не был известен ямному населению и в более раннее время. Возможно, в будущем будут найдены подтверждения данному предположению. Так, в материалах Предкавказья А.Н. Гей приводит два случая находок колес в новосвободненских памятниках, предшествующих новотиторовским (Гей, 2000, с. 189–190).

С производством колесного транспорта напрямую связано *развитие плотницкого дела*. О выделении профессиональных плотников, занятых в этой отрасли хозяйства, свидетельствует ряд погребальных комплексов с соответствующим инструментарием (рис. 3). Так, в КМ Тамар-Уткуль VII 8/4 погребение мужчины в возрасте 50–55 лет сопровождалось набором медных орудий для деревообработки (топор, тесло, крупный нож, долото, шило, резчик с железным лезвием). Аналогичный медный топор находился в погребении КМ Тамар-Уткуль VIII 4/1 (Моргунова, Кравцов, 1994). Топоры в сочетании с теслами, ножами и шильями находились в таких погребальных комплексах, как КМ Утевка I 1/1 (Васильев, 1980) и Колтубанка (Сальников, 1962). Все отмеченные находки происходят из неординарных курганов, которые, судя по трудовым затратам на их сооружение и по ритуальным обрядам, предназначались социальной группе, занимавшей высокое положение в обществе.

Продукты скотоводства. Данные показатели кочевого образа жизни того или иного населения по археологическим данным устанавливаются сложнее всего, поскольку органические материалы, как правило, не сохраняются.

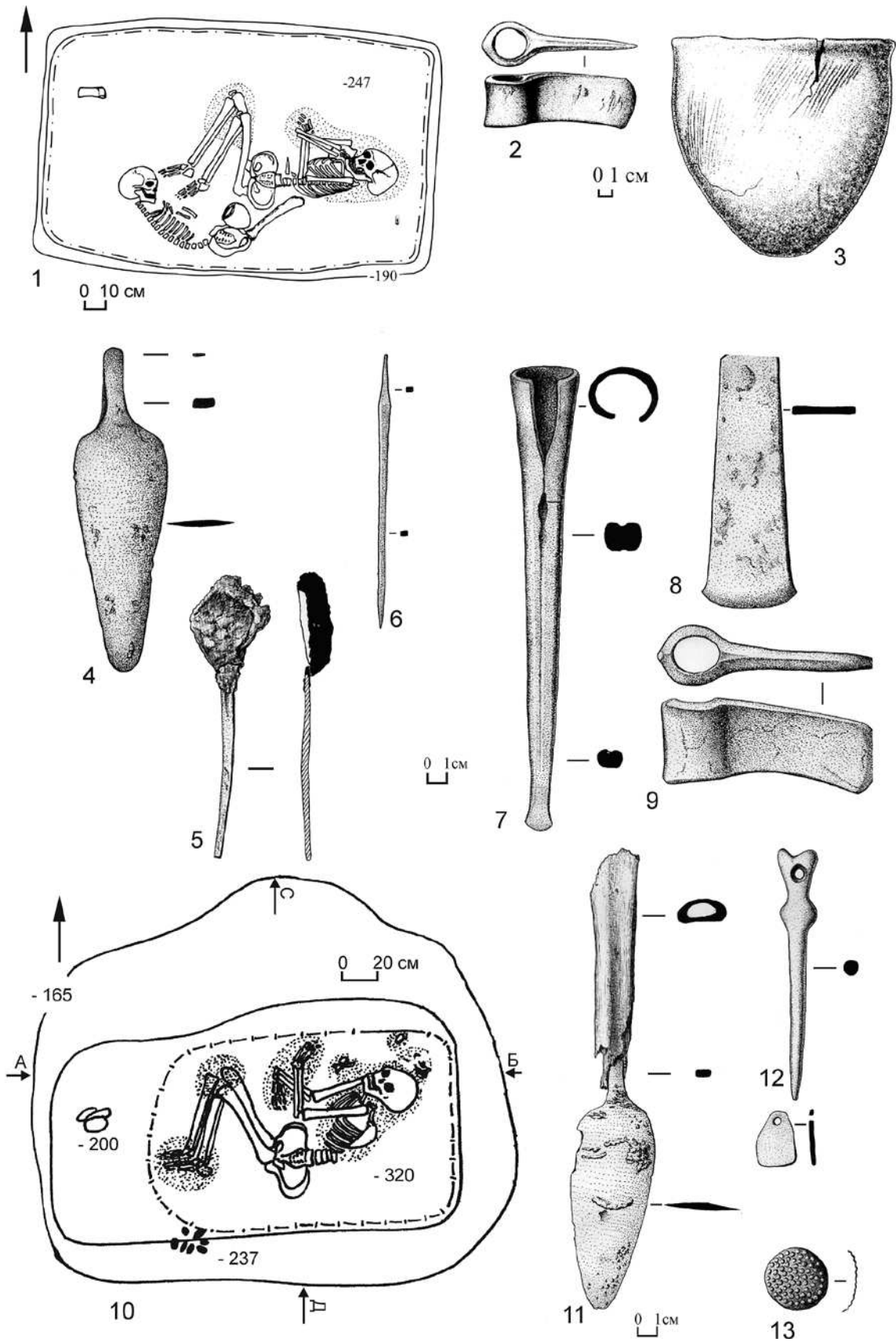

Рис. 3. Погребения с плотницкими инструментами:

1–3 – могильник Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1; 4–9 – могильник Тамар-Уткуль VII, к. 8, п. 4; 10–13 – могильник Тамар-Уткуль VII, к. 1, п. 1; 2, 4–9, 11, 13: медь; 3: керамика; 12: кость

Использование ряда новых методик при изучении ямных памятников в Приуралье в последние годы позволило получить некоторые данные об использовании продуктов скотоводства в погребальных обрядах.

Особенно плодотворным оказался микробиоморфный анализ для изучения органики из погребений в Шумаевских, Мустаевских и Скворцовских курганах² (Моргунова и др., 2003; Гольева, 2005; 2006; Моргунова, Гольева и др., 2010, с. 99–108). В убранстве могил широко использовались различные травы, водолюбивые растения и кора деревьев для создания подстилок, покрывал и перекрытий. В трех случаях (ОК Шумаево II и КМ Мустаево V 1/1) выявлены циновки с хорошо сохранившимся простым переплетением, что может служить свидетельством об умении ямного населения создавать тканые изделия и о занятиях ткачеством. В комплексе известного кургана 1 I Болдыревского могильника полотняный тип плетения на подстилке и на покрывале читался невооруженным глазом. Этот вывод подтверждается и тем, что буквально в каждом погребении наряду с растительной органикой присутствует большое количество материалов животного происхождения – шерсти или кожи. В основном они фиксировались на костях скелетов, что, надо полагать, связано с погребальной одеждой. Шерсть или кожа могли использоваться для шитья костюма, шапок, подушек, а также в качестве подстилок и покрывал.

Так, в комплексах КМ Скворцовка 5/4 и 6/3 дно ям было покрыто мощной подстилкой, состоявшей не менее чем из двух слоев: первый из животной органики (кожа или шерсть), второй – из травяной циновки. Скелет был покрыт аналогичной циновкой. На черепках зафиксированы следы кожи/шерсти, видимо, от головного убора. Двухслойная подстилка покрывала помост (6/3), состоявший в основании из валиков, сформированных из почвы. В разных частях скелета, включая череп, пробы показали наличие органики животного происхождения, что позволяет утверждать, что одежда, головной убор и обувь могли быть изготовлены или из шерстяной ткани, или из кожи.

Весьма показательные данные получены биоморфным методом в курганах ямной культуры V Мустаевского могильника. Так, в кургане 1 установлено, что погребенный был положен (точнее, брошен) на дно ямы лицом вниз. Отсеченные нижние конечности оставлены на краю ямы на специально сооруженном помосте из камышовой подстилки и плах из древесины тополя. На дне ямы прослежена сложная подстилка из луговых и водолюбивых (рогоз, камыш) трав. Под скелетом и над ним выявлены следы кожи или шерсти, из чего сделан вывод, что погребенный был завернут или положен в мешке из шерстяной ткани или кожи. Рядом с черепом определен фрагмент растительной подстилки с хорошо сохранившимся полотняным плетением (Гольева, 2005).

Использование плетеных циновок в оформлении могилы наблюдалось в кургане 9 КМ Мустаево V. На голове погребенной женщины найдено большое количество органики животного происхождения, видимо, от головного убора. Зафиксировано наличие футляра для ножа и костяных булавок, сделанного из коры и кожи. Аналогичные ножны из древесины и кожи обнаружены в погребении с глиняными колесами в КМ Изобильное I 3/1.

Некоторой оригинальностью в использовании растительного и животного сырья отличаются погребения культового характера. Например, в КМ Мустаево V 8/2 отчлененный череп был поставлен на глиняный помост, покрытый сложной подстилкой из слоев коры и трав (без плетения) и коры. Вокруг черепа выявлено наличие валика, сложенного из травяной циновки, а

² Для исследований брались по несколько проб из каждого погребения ямной культуры, включая образцы из подстилок под скелетами (из 3–4 мест), из-под черепа, а также над скелетом и со стенок могильных ям. Множественность проб позволяла проверять полученные данные и получить достаточно объективные результаты.

над черепом – остатки «венчика», состоявшего из трав не местного происхождения. Предположительно, растение привнесено из каких-то южных районов. Аналогичные формы фитолитов известны по данным Калмыкии, но и там они являются импортными (Гольева, 2006, с. 29).

Фитолиты конопли и использование ее стеблей для создания подстилки выявлено в расчлененном погребении КМ Скворцовка 7/1. На черепе и по всем костям скелета обнаружены следы изделий из кожи/шерсти (Моргунова, Гольева и др., 2010, с. 107).

Таким образом, вместо обычной констатации наличия органических подстилок в тех или иных ямных погребениях благодаря микробиоморфному анализу стало возможным получить более глубокие представления об убранстве «домов мертвых» и вместе с тем выявить использование различных материалов как растительного, так и животного происхождения для изготовления подстилок, покрывал, подушек, перекрытий и одежды. Установлен факт производства плетеных циновок из стеблей растений. Что касается использования в ткачестве шерсти, то об этом пока могут свидетельствовать только косвенные данные. В первую очередь, к ним относятся большое количество материалов животного происхождения, выявленных практически во всех комплексах. Не исключено, что часть из них могла быть остатками тканых изделий из шерстяных нитей. Использование переплетенных нитей в орнаментации глиняной посуды ямной культуры было достаточно широко распространено как в Волго-Уралье, так и в западных областях. Находки пряслиц и костяных кочедыков представлены в энеолитических памятниках самарской и хвалынской культур. В этом плане значительный интерес представляет тот факт, что в результате технико-технологического анализа керамики хвалынской культуры установлено, что она орнаментировалась при помощи плетеных фактур (Васильева, 2002, с. 36; 2006, с. 20; Орфинская, Голиков, Шишлина, 1999; Шишлина, 1999). По данным О.В. Орфинской, изучавшей фрагмент сосуда из Хвалынского могильника, для его орнаментации использовали ткань с перевитой основой, либо ткань, полученную путем оплетения уточной нитью нитей основы по принципу шва «назад иголкой».

Ценные исследования о развитии ткачества у степного населения бронзового века на примере Калмыкии проведены под руководством Н.И. Шишлиной. Привлечение таких известных специалистов по древнему ткачеству, как О.В. Орфинская и В.П. Голиков, позволило получить бесспорные доказательства о распространении текстильного производства у племен ямной и катакомбной культур и показать сам процесс в развитии (Орфинская, Голиков, Шишлина, 1999). Технологический анализ фрагментов тканей, отпечатков и циновок позволил даже реконструировать ткацкие устройства. Было выяснено, что текстильные изделия изготавливались как при помощи плетения, так и ткачества. Авторы предполагают, что простейшие ткацкие устройства в степи появились уже в энеолите (горизонтальная или вертикальная рама). В ямной культуре, по их мнению, начинает использоваться ткацкий станок, который в катакомбное время становится еще более разнообразным. Установлено, что ямники использовали исключительно растительные волокна, катакомбники наряду с растительным сырьем широко привлекали шерсть. Возможно, было развито производство войлока и ковроткачество (Шишлина, 1999).

Использование плетеных из растительных волокон циновок в погребальных ритуалах ямной культуры известно и в других вариантах – в Поднепровье, Подонье, Побужье и Поингулье (Шапошникова и др., 1986; Синюк, 1996; Марина, 1982; Иванова, 2001; Яровой, 1985). Однако более углубленное изучение подстилок на микробиоморфном уровне там пока не проводилось.

Большую ценность представляют результаты трасологического анализа находок из Михайловского поселения, проведенного Г.Ф. Коробковой (Коробкова, Шапошникова, 2005). Исследования показали последовательное развитие скотоводческой отрасли хозяйства в Поднепровье от нижнего культурного слоя до верхнего – с позднего энеолита до ямно-катакомбного времени.

Выявлена высокая степень развития кожевенного дела, о чем свидетельствуют как многофункциональность орудий труда, так и их приуроченность к специализированным мастерским (Михайловка II–III). Значительный процент орудий связан с производством шерстяной пряжи. Для изготовления тканей использовался простейший ткацкий станок, на существование которого указывают керамические пряслица и грузики для натяжения нитей (там же, с. 249–253).

Заключение

Имеющиеся на настоящий момент источники достаточно красноречиво свидетельствуют о развитом многокомпонентном скотоводческом хозяйстве ямной культуры как в Волго-Уралье, так и по всей области ее распространения. Разумеется, в каждом из ее вариантов были свои особенности, возникавшие в связи со спецификой как природно-климатических условий, так и культурных традиций, а также в зависимости от направленности культурных связей. Приуральский регион входил в систему волго-уральского варианта ямной КИО. Вероятно, завожские (бассейн Самары) и приуральские степи являлись той территорией, где ямные племена в основном находились в весенне-летне-осеннее время. С летним сезоном хозяйственного цикла подвижного населения ямной культуры, скорее всего, была связана и другая важнейшая отрасль экономики – металлургия, получившая развитие в Южном Приуралье уже на репинском этапе.

Таким образом, формирование ямной культуры связано с переходом к подвижной форме скотоводческого хозяйства и кочевому образу жизни. Об этом свидетельствуют современные археологические данные. Благоприятные природно-климатические условия, переход к производящему хозяйству в энеолите, соответствующий степным условиям состав стада, необходимые технические средства и знания, начало социальной дифференциации явились решающими факторами формирования и развития кочевничества как наиболее рентабельной формы экономики в степной зоне Волжско-Уральского региона, начиная с раннего бронзового века.

Литература

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.** 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Изд-во СарГУ, 160 с.
- Агульников С.М.** 2002. Погребения «аристократии» ямной культуры из кургана 10 у пос. Тараклия в Молдавии // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь: Изд-во Приднестровского государственного университета. С. 88–98.
- Акишев К.А.** 1972. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука. С. 31–46.
- Антипина Е.Е.** 1996. Скотоводство эпохи поздней бронзы в степной полосе Восточной Европы // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Уфа. С. 52–53.
- Бибикова В.И.** 1960. До історії domestикації коня на південному сході Європи // Археологія. Т. XXII. Київ. С. 55–67.
- Богаткина О.Г.** 2010. Определение костных остатков животных из II Хвалынского могильника // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Самара: «Поволжье», С. 400–402.
- Булатов В.Э.** 2000. Система сезонных кочевий калмыков в XIX в. // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. М.: ГИМ. С. 131–142.
- Васильев И.Б.** 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГПИ. С. 32–58.
- Васильев И.Б.** 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев: Изд-во КГПИ. 127 с.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.** 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: СПГУ. 208 с.
- Васильева И.Н.** 2002. О технологии керамики I Хвалынского энеолитического могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара: Изд-во СГПУ. С. 15–49.

- Виноградов Н.Б.** 2003. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. 360 с.
- Выборнов А.А., Ойнонен М., Дога Н.С., Кулькова М.А., Попов А.С.** 2016. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Вестник ВолГУ. Серия 4. Т. 21. № 3. С. 6–13.
- Гей А.Н.** 2000. Новогиторовская культура. М.: ИА РАН, ТО «Старый сад». 224 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** 1999. Синташта. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство. 408 с.
- Гольева А.А.** 2005. Органическое сырье в погребальных обрядах Мустаевских курганов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 7. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 70–85.
- Гольева А.А.** 2006. Особенности использования органического материала в ямных погребениях юга Оренбургской области // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 28–30.
- Грязнов М.П.** 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука. 62 с.
- Дремов И.И., Юдин А.И.** 1992. Древнейшие подкурганые захоронения степного Поволжья // РА. № 4. С. 18–30.
- Дубман, Э.Л.** 2005. Особенности системы кочевания у ногайского сообщества середины XVI в. // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара: СОИКМ. С. 140–168.
- Дубман Э.Л., Мышкин В.Н., Матвеев В.И., Соловьева В.В.** 2003. Некоторые особенности хозяйственного использования степных пастбищ Самарского Заволжья скотоводческими племенами VI–I вв. до н. э. // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара: СОИКМ. С. 46–81.
- Железчиков Б.Ф.** 1980. Ранние кочевники Южного Приуралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Зданович Г.Б., Гаврилюк А.Г., Малютина Т.С.** 2006. Некрополи укрепленного поселения Аркаим: Александровский IV // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 41–47.
- Иванова С.В.** 2001. Социальная структура ямной культуры северо-западного Причерноморья. Одесса. 244 с.
- Избицер Е.В.** 1993. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа. III–II тыс. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Козенкова В.И.** 1973. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье // КСИА АН СССР. Вып. 134. С. 60–67.
- Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г.** 2005. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнейшей культуры. СПб.: ИИМК. 316 с.
- Косинцев П.А.** 2010. «Колесничные» лошади // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург – Самара – Донецк: УрО РАН. С. 21–54.
- Крамарев А.И., Мышкин В.Н., Турецкий М.А.** 2002. Курганный могильник Гвардейцы II // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара: Изд-во СГПУ. С. 101–121.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.Б.** 1935. Родовое общество степей Восточной Европы. М. – Л. 176 с.
- Кузнецов П.Ф.** 2011. Ямные курганы могильника Грачевка II в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: Изд-во ОГПУ, С. 75–92.
- Кузьмина Е.Е.** 2002. Мифология и искусство скифов и бактрийцев: (Культурологические очерки). М.: Российский институт культурологии. 288 с.
- Кузьмина И.Е.** 1988. Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: Изд-во КГПИ. С. 173–188.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Сулержицкий Л.Д.** 1998. Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тысяч лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Изд-во СГПУ. С. 40–65.
- Лагодовська Р.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л.** Михайлівське поселення. Київ: Наукова думка, 1962. 247 с.
- Лебедева Е.Ю.** 1996. О земледелии в степях и лесостепях Восточной Европы в эпоху бронзы // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Уфа. С. 53–55.
- Лебедева Е.Ю.** 2004. Археоботанические исследования // Каргалы. Том III. М.: Языки славянской культуры. С. 240–248.

Малютина Т.С. 2010. Исследования Кизильского комплекса памятников эпохи бронзы на Южном Урале: перспективы и возможности // Индоевропейская история в свете новых исследований (памяти В.А. Сафронова). М.: МосГООУ. С. 221–230.

Марина З.П. 1982. Энеолит – ранний бронзовый век степного левобережья Днепра: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Масанов Н.Э. 2000. Особенности функционирования традиционного кочевого общества казахов // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. М.: ГИМ. С. 116–130.

Мерперт Н.Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука. 151 с.

Моргунова Н.Л. 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи волго-уральского междуречья. Оренбург: «Южный Урал». 222 с.

Моргунова Н.Л. 2007. Об абсолютной хронологии развитого этапа ямной культуры (по данным Южного Приуралья) // Радиоуглерод в археологических исследованиях. СПб: ИИМК РАН. С. 210–215.

Моргунова, Н.Л. 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 220 с.

Моргунова Н.Л. 2013. Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // КСИА. Вып. 230. С. 5–23.

Моргунова Н.Л. 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 348 с.

Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А. 2017. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГАУ. 300 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. 2003. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 390 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. 2010. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 160 с.

Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. 2011. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 53–75.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. 1994. Древнеямная культура на Илеке. Екатеринбург: Наука. 1994. 153 с.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. 2003. Ямные памятники у с. Шумаево: новые данные о колесном транспорте у населения западного Оренбуржья в эпоху раннего металла // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: Изд-во СГПУ. С. 144–159.

Орфинская О.В., Голиков В.П., Шишлина Н.И. 1999. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы прикаспийских степей. Тр. ГИМ. Вып. 109. М. С. 58–184.

Петренко А.Г. 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука. 174 с.

Петренко А.Г. 2007. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья // Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: Институт истории АН РТ. 144 с.

Пустовалов, С.Ж. 2000. Курганы «Тягунова могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе // Stratum plus. № 2. СПб. Кишинев – Одесса – Бухарест. С. 296–321.

Рослякова Н.В. 2003. Костные остатки животных из I и II Шумаевских курганных могильников // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. С. 293–313.

Рослякова Н.В. 2010. Результаты изучения остеологической коллекции из раскопок кургана 5 курганного могильника Скворцовка // Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург, 2010. С. 159.

Рослякова Н.В., Турецкий М.А. 2012. Археозоологические материалы из могильников ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья // Известия СНИЦ РАН. Т. 14. № 3. С. 219–225.

Сальников К.В. 1962. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. Т. I. Уфа: Башкирский филиал ИИЯЛ АН СССР. С. 16–58.

- Сиволап М.П.** 2001. Краткая характеристика памятников ямной культуры Среднего Поднепровья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: Изд-во ООО НТЦ. С. 109–117.
- Синицын И.В.** 1957. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Поднепровьем // КСИА. № 7. Киев. С. 34–35.
- Синюк А.Т.** 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во ВГПУ. 350 с.
- Словарь этнографических терминов. Материальная культура.** 1989 / под ред. акад. Ю.В. Бромлея. М.: Наука. 237 с.
- Смирнов К.Ф.** 1965. Древнеямная культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии. М.: Наука. С. 156–159.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.** 1989. Археология СССР. М.: Наука. 464 с.
- Тесленко Д.Л.** 1998. Ямные погребения с колесами из Поднепровья // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов конференции. Ростов-на-Дону. С. 76–77.
- Федорова-Давыдова Э.А.** 1971. Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Наука. С. 46–60.
- Хазанов А.М.** 1973. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. М.: Наука. С. 2–11.
- Хохлова О.С.** 2006. Ямная культура по данным палеопочвенного изучения курганов в Оренбургском Приуралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 104–109.
- Хохлова О.С.** 2007. Палеоклиматические реконструкции для III тыс. до н. э. по данным палеопочвенного изучения курганов ямной культуры в Оренбургском Приуралье // Вестник ОГУ. № 10. С. 110–117.
- Цалкин В.И.** 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука. 270 с.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д.** 1986. Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант) // САИ. Вып. В1–3. Киев. 160 с.
- Шилов В.П.** 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.: Наука. 208 с.
- Шилов Ю.О.** 1975. Залишки возів у курганах ямної культури Нижнього Подніпровья // Археологія. № 17. С. 53–61.
- Шишлина Н.И.** 1999. Текстиль эпохи бронзы прикаспийских степей // Текстиль эпохи бронзы прикаспийских степей. Тр. ГИМ. Вып. 109. М. С. 7–53.
- Шишлина Н.И.** 2000. Предисловие // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. М.: ГИМ. С. 5–8.
- Шишлина Н.И.** 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М.: ГИМ. 400 с.
- Шнирельман В.А.** 1980. Происхождение скотоводства. М.: Наука. 333 с.
- Яровой Е.В.** 1985. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев: АН Молдавской ССР, изд-во «Штиинца». 125 с.
- Khokhlova O.S., Khokhlov A.A., Chichagova O.A., Morgunova N.L.** 2004. Radiocarbon dating of calcareous accumulations in soils of the Holocene Chronosequence in the Ural River Valley // Eurasian Soil Science. Vol.37 (10). С. 1024–1038.
- Khokhlova O.S., Khokhlov A.A., Morgunova N.L., Yustus A.A.** 2010. Short Chronosequences of Paleosols from the Skvortsovka Kurgans in the Buzuluk River Valley of Orenburg Oblast // Eurasian Soil Science. No. 9. С. 965–976.
- Morgunova N., Khokhlova O.** 2013. Chronology and Periodization of the Pit-Grave Culture in the Area Between the Volga and Ural Rivers Based on ¹⁴C Dating and Paleopedological Research // Radiocarbon. Volume 55. Nr. 2–3. P. 1286–1296.
- Nikolova A.V., Kaiser E.** 2009. Die absolute Chronologie der Jamnaja-Kultur im nördlichen Schwarzmeergebiet auf der Grundlage erster dendrochronologischer Daten // Eurasia Antiqua (Deutsches Archäologisches Institut). Band 15. P. 209–240.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.
Донецкий краеведческий музей, Донецк, Украина

ЗАЯЦ В ОБРЯДАХ И ВЕРОВАНИЯХ СТЕПНЫХ И ЛЕСОСТЕПНЫХ КУЛЬТУР ЭПОХИ БРОНЗЫ

Часто, рассматривая различные аспекты явления, мы встречаемся с подозрительными обстоятельствами, которые требуют изучения и вызывают дискуссии.

Рекс Стаут. Где Цезарь кровью истекал

Аннотация. В предложенной статье авторы рассматривают знаковую нагрузку зайца в культурах эпохи бронзы на широком круге археологических источников. Авторы отмечают, что кости зайца крайне редко встречаются в погребальных и поселенческих культовых комплексах бронзового века. По данным авторов, заяц не играл никакой роли в погребальном обряде срубной культуры, но поселенческие культовые комплексы этой культуры демонстрируют редкое использование зайца в обрядовой сфере. Аналогичную картину демонстрируют культуры эпохи бронзы Южного Урала, Центральной Азии и Сибири. Собранные авторами данные о почитании зайца в эпоху бронзы не очень обширны, но, тем не менее, они позволяют выявить четыре аспекта знаковой нагрузки этого зверька: 1) заяц был связан с хтоническим, потусторонним миром; 2) заяц в некоторых культурах бронзового века являлся апомропеем; 3) заяц в эпоху бронзы мог являться жертвенным животным; 4) заяц ассоциировался с представлениями о власти. Не ясны еще некоторые аспекты знаковой нагрузки, с которыми мог быть связан заяц. Рассмотренная авторами тема места зайца в обрядах и верованиях населения бронзового века интересна и требует дальнейшей разработки.

Abstract. In the article, the authors analyse a symbolic meaning of a hare in the Bronze Age cultures on a wide range of archaeological sources. The authors note that hare bones are extremely rare findings in the Bronze Age funerary and settlement cult sites. According to the authors, a hare played no role in the funeral ceremony of the Timber Grave culture, but it was rarely used in rituals at the settlement cult sites of this culture. The same situation is in the Bronze Age cultures of the Southern Ural, Central Asia and Siberia. The authors had collected not very extensive data on veneration of hare in the Bronze Age but nevertheless, they were able to determine four aspects of sign meaning of this animal: 1. A hare was associated with the chthonic, other world; 2. In some cultures of the Bronze Age a hare was an apotropaic object; 3. A hare could be a sacrificial animal in the Bronze Age; 4. A hare was associated with notions of power. Some aspects of the sign meaning, which a hare could be linked to, are still unclear. A place of a hare in the rites and beliefs of the Bronze Age population is interesting and should be further investigated.

При раскопках поселения срубной культуры Горный-1, Оренбургская обл., в жилище 46, в нижней части заполнения котлована были выявлены 6 плюсневых костей задних лап зайца. Здесь же находились 20 костей одной особи собаки (кобеля) (Антипина, 2004, с. 194). Е.Е. Антипина, изучавшая археозоологические материалы из данной постройки, отметила, что они являются «целенаправленно структурированной совокупностью». Имелось в виду то, что с костями животных, помещенными в заброшенное жилище, производились следующие манипуляции.

1. Кости были очищены от мяса.

2. Многие кости были намеренно раздроблены, причем их обломкам придавалась форма кубиков или параллелепипедов со сторонами $7-8 \times 4 \times 2-3$ см. Дробились, главным образом, кости крупного рогатого скота (далее – КРС), причем этой операции подвергались различные части скелетов, включая зубы, копыта, коленные чашечки, ребра.

3. Археозоологические артефакты были размещены в заполнении постройки по определенной системе. В верхнем горизонте основную часть материала составляли крупные обломки нижних челюстей КРС (фрагменты черепов при этом отсутствовали), происходящие от не ме-

нее, чем 48 особей. Две трети из этих животных были забиты в возрасте 2–4–5 лет. В данном горизонте присутствовали также кости лошадей разного возраста. В нижнем горизонте около 30 % костей составляли упомянутые параллелепипеды.

Отталкиваясь от данных нюансов, Е.Е. Антипина сделала вывод, что заполнение жилища имело «ритуальный характер» (Антипина, 2004, с. 194–195). Мы полностью согласны с таким заключением. В его пользу говорит не только целенаправленная структурированность археозоологических артефактов, но и нахождение в постройке большого числа фрагментов нижних челюстей животных. Данные части скелета, как отмечали многие авторы, в срубной культуре (да и во многих других) являлись сакральными и использовались в обрядах (Днепров и др., 1979, с. 169; Ромашко, 1993, с. 84; Горбов, Усачук, 2001, с. 25; Черных, 2002, с. 105; Антипина, 2004, с. 194, 200–201; Гершкович и др., 2005, с. 98; Изотова, 2006, с. 160; Асафьев, 2009, с. 23, 26; Лопатин, 2009, с. 41; Гак, 2011, с. 38, 41, 51–52 и др.). Итак, заполнение постройки являлось «текстом», который сформировался в ходе обряда (или серии обрядов). Самый любопытный и загадочный из знаков данного «текста» – кости зайца.

В свое время один из авторов этих строк в работе, написанной совместно с Ю.Б. Полидовичем, ввел в научный оборот костяной шпатель с поселения срубной культуры Черниково Озеро-1, Луганская обл., Украина. На этом орудии, как утверждалось в упомянутой статье, изображено синкретическое существо, передняя часть которого демонстрирует признаки зайца, а задняя – рыбы или змеи¹ (рис. 1–2)². Обратившись за аналогиями к нартовскому эпосу осетин, скифской культуре, в т.ч. изобразительности, славянскому фольклору, верованиям римлян и германцев, авторы попытались выяснить семантику выполненного на шпателе изображения. Гипотезы, высказанные ими на сей счет, нелишне напомнить.

1. Существо, воплощенное на шпателе, может быть соотнесено с мифологемой девушки, которая на суше превращается в зайца, а в воде – в рыбу.

2. В срубной культуре образ зайца осмыслялся как выражение особых (божественных) способностей, жизненной силы, как гарант существования общества.

3. В верованиях срубников заяц имел какое-то отношение к богу войны и воинству.

4. В эпоху бронзы бытовал миф об охоте на чудесного зайца.

5. Заяц в срубной культуре был связан с хтоническим миром.

6. Заяц имел у срубников эротическую символику.

¹ Скорее всего, это всё-таки змея, а не рыба. В.Б. Панковский, например, в великолепном стихотворении, посвященном изображениям на шпателях из Ильичевки и Черниково Озеро-1 так отразил идею зайца и змеи на орудии: «...На посеченных ламельках, дав стречка, косой змеился...».

² С.Н. Санжаров, правда, усомнился в такой интерпретации. По его мнению, на шпателе изображен тарпан (2010, с. 363). Это не так. В работе А.Н. Усачука и Ю.Б. Полидовича приведено мнение археозоологов Е.Е. Антипиной и Ш.Р. Магомедова, которые изучали само изображение, и по сумме признаков решили, что изображен заяц, причем на шпателе поместили изображение зверька «бегущего, стелящегося по земле» (2006, с. 258, прим. 12). Готовя эту статью, мы вновь обсудили с Е.Е. Антипиной ситуацию с изображением на шпателе из Черникова Озера-1: «...хотя тарпан, как дикая лошадь, несомненно, был на территории всей европейской степи и лесостепи, отличить его кости от костей домашней лошади невозможно... По поводу рисунка на шпателе... у лошадей (в широком смысле – любых, вплоть до зебр) не бывает таких коротких передних конечностей как у зайца, у которого они сравнимы с длиной ушей. А уши именно у зайца обычно бывают даже длиннее морды. И все это... при длинном теле, длинных задних ногах и коротком хвосте, а именно такое сочетание и присутствует в изображении на шпателе» (из письма Е.Е. Антипиной А.Н. Усачуку от 31.01.2016 г.); «...у этого зверя: очень короткие тонкие передние лапы, длинные уши на короткой округлой морде, длинные мощные задние лапы, длинное тело... На изображении этого зайца (действительно, стремительно бегущего) можно заметить одно преувеличение – длинная шея, которая нетипична для зайца, но это единственное, что «роднит» изображение на шпателе не только с лошадьё, но и с оленем, козой, курицей, черепахой и т.д. У лошадей, кстати, всегда есть грива, которую при изображении однозначно подчеркивают на шее диких лошадей в виде щетки» (из письма Е.Е. Антипиной А.Н. Усачуку от 07.02.2016 г.).

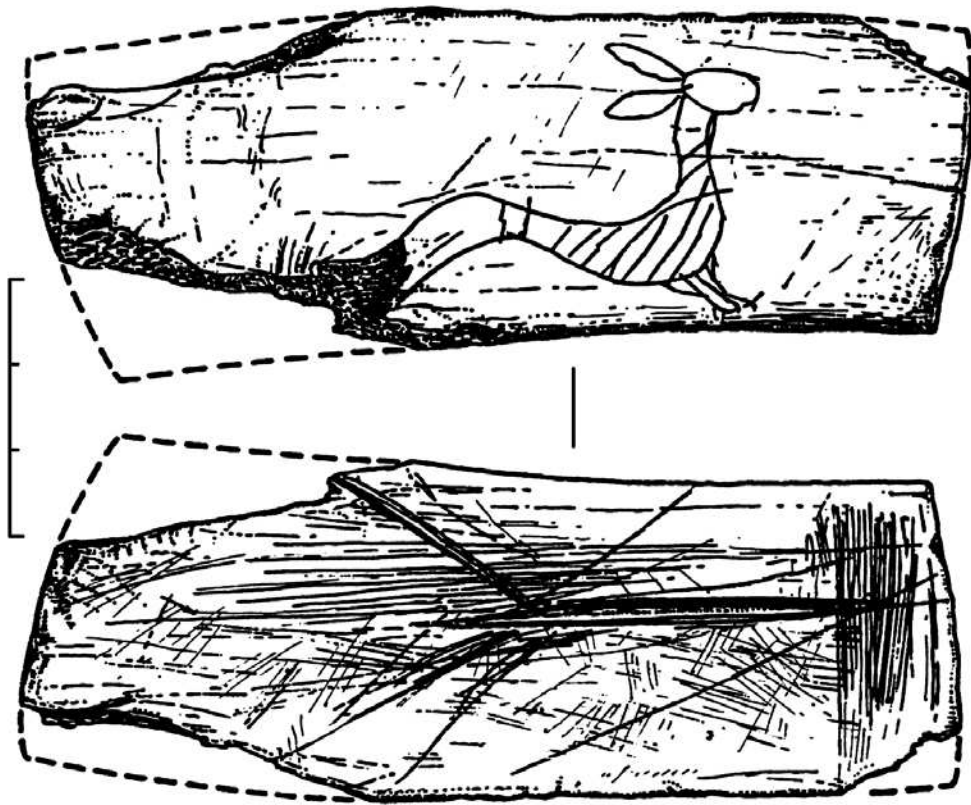

Рис. 1. Костяной шпатель с поселения Черниково Озеро-1 (по: Усачук, Полидович, 2006)

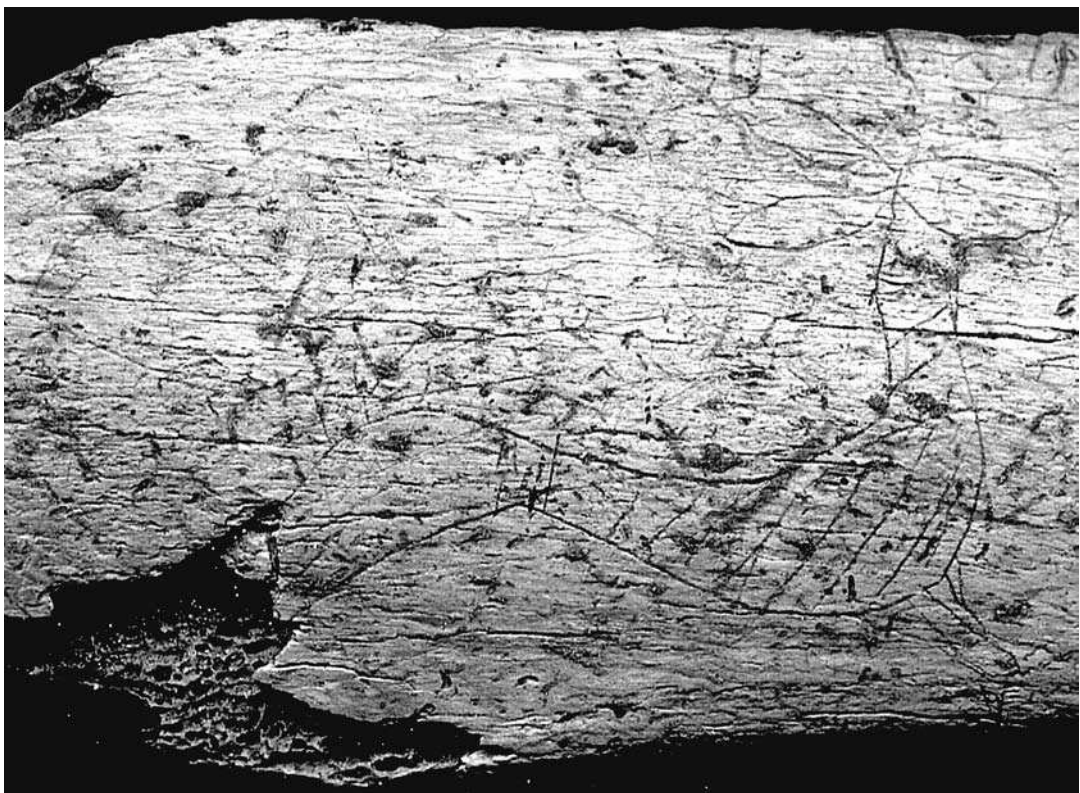

Рис. 2. Костяной шпатель с поселения Черниково Озеро-1: увеличенное изображение (фото)

7. Заяц в бронзовом веке мог воплощать богиню, аналогичную иранской Ардвисуре³ Анахите, которая в зороастризме выступает как олицетворение водной стихии, покровительница плодородия и деторождения (Усачук, Полидович, 2006, с. 257–261).

Попробуем рассмотреть знаковую нагрузку зайца в культурах эпохи бронзы на более широком круге археологических источников. Прежде всего отметим, что кости данного зверька крайне редко встречаются в погребальных комплексах и поселенческих культовых комплексах бронзового века⁴. Так, по нашим данным, заяц не играл никакой роли в погребальном обряде срубной культуры. Его кости не выявлены в погребальных комплексах, хотя там присутствуют, наряду с костями домашних животных, останки диких зверей (кабана, лося, оленя, сайги, бобра, лисы, волка, барсука, хоря), черепах, птиц и рыб (см.: Подобед и др., 2012, табл. 1; 2). В отличие от погребальных, поселенческих культовые комплексы срубной культуры демонстрируют использование зайца в обрядовой сфере, но вместе с тем они показывают, что включение частей данного животного в обрядовый контекст имело место крайне редко. Это видно из следующего. Нами учтен 131 срубный поселенческий культовый комплекс, где присутствовали останки животных, определенные в случае с млекопитающими до вида, рода, семейства или хотя бы – до подсемейства, в случае с птицами – до класса, в случае с рыбами – до надкласса, а в случае с моллюсками – до типа. При этом кости зайца присутствовали лишь в 1 комплексе (упомянутая выше постройка с поселения Горный-1), что составляет в рассматриваемом массиве лишь 0,8 %. Для сравнения, в том же массиве частота встречаемости костей КРС – 48,1 %, мелкого рогатого скота (далее – МРС) – 29,8 %⁵, лошади – 22,9 %, собаки – 9,9 %, свиньи, кабана и рыб (в т.ч. окуня и судака) – 3,8 %, птиц (в т.ч. орел) – 2,3 %, медведя, бобра и черепахи – 1,5 %. Прочие животные, как и заяц, оказались в поселенческих культовых комплексах по 1 разу (0,8 %) – тур, лось, олень, мул, барсук, моллюск.

Аналогичную картину демонстрируют культуры Южного Урала, Центральной Азии и Сибири. Здесь в поселенческих культовых комплексах, наряду с костями домашних млекопитающих, выявлены останки разнообразных диких животных. При этом лишь в 1 комплексе встречена кость зайца (табл. 1). Данный зверек занимал определенное место в обрядовой практике населения Азии эпохи бронзы. Об этом свидетельствуют некоторые погребальные комплексы. Так, в могильнике Сопка-2, Новосибирская обл., выявлены 3 захоронения одиновской культуры, где находились подвески из заячьих зубов и метаподий. В частности, в п. 171 подвески из резцов зайца сопутствовали костяку женщины 40–45 лет. Вероятно, они были нашиты на одежду. Другого инвентаря не выявлено (Молодин, 2012, с. 33–34). В п. 182 на правом запястье взрослого (пол не установлен) лежали 3 подвески из заячьих метаподий. Прочий инвентарь захоронения представлен 2 зубами соболя (находились близ левого плеча) и костяной проколкой (Молодин, 2012, с. 39–40). Наконец, в п. 186 в области голени и стоп женщины 40–45 лет размещались 32 подвески из метаподий зайца. Умершую сопровождали также 2 абразива со следами охры и костяной наконечник стрелы (Молодин, 2012, с. 46–47).

В этом же могильнике подвески из зубов зайца были обнаружены и в захоронениях кротовской культуры наряду с подвесками из зубов лося, кабана, медведя, лисицы, бобра и белки (Молодин, 1985, с. 55–56). К сожалению, из доступной нам публикации не ясно, с каким полом коррелировались упомянутые изделия из зубов зайца и с какими другими вещами они образовывали «тексты».

³ В литературе встречается также написание «Ардвисура».

⁴ Заметим, что исследователи связывают редкость остатков зайца в погребениях с отсутствием гарантий добычи этого зверька, которую трудно приурочить к погребально-поминальным событиям (Ожередов, 2009, с. 62; Пестерева и др., 2016, с. 79).

⁵ Показатель по овце – 9,9 %, по козе – 2,3 %, по МРС, не определенному до вида, – 17,6 %.

Таблица 1. Частота встречаемости различных животных в поселенческих культовых комплексах культур бронзового века Южного Урала, Центральной Азии и Сибири

Регионы и культуры	Учтено поселенческих культовых комплексов	Частота встречаемости различных животных (%)			
		КРС	МРС	Лошадь	Прочие
Южный Урал (синташтинская, петровская, алакульская, федоровская, черкакульская, межовская, саргаринско-алексеевская культуры)	80*	65,0	57,5 (овца – 20,0; коза – 11,3; МРС, не определенные до вида – 26,3)	20,0	Собака – 15,0 Свинья – 7,5 Волк – 3,8 Бобр – 3,8 Лисица – 2,5 Заяц – 1,3 Медведь – 1,3 Лось – 1,3 Верблюд – 1,3 Сайгак – 1,3 Корсак – 1,3 Сурок – 1,3 Моллюск – 1,3
Центральная Азия (петровская, токсанбайская, федоровская, саргаринско-алексеевская, бегазыдандыбаевская, трушниковская, буйенская культуры)	69	37,7	42,0 (овца – 27,5; коза – 2,9; МРС, не определенные до вида – 11,6)	27,1	Собака – 2,9 Марал – 2,9 Кулан – 2,9 Моллюски – 2,9 Лось – 1,4 Олень – 1,4 Сайгак – 1,4 Архар – 1,4 Волк – 1,4 Птица – 1,4
Сибирь (одиновская, ташковская, коптяковская, самусьская, кротовская, федоровская, сузгунская, ирменская, позднеирменская, лугавская культуры)	91	11,0	29,7 (овца – 20,9; коза – 4,4; МРС, не определенные до вида – 4,4)	23,1	Бобр – 18,7 Рыбы – 15,4 Собака – 13,2 Лось – 9,9 Медведь – 5,5 Косуля – 3,3 Куница – 2,2 Лисица – 1,1 Хорь – 1,1

* Учитывались не только ПКК с костями животных, но и комплексы, где присутствовали изделия из костей и статуэтки животных.

Обратим внимание на то, что в погребениях бронзового века Прибайкалья (Приольхонье) лапа зайца «...занимает положение у пояса или у кисти левой руки и... интерпретируется как имеющая отношение к культовым действиям» (Пестерева и др., 2016, с. 78). Говоря о лапе зайца в погребениях, укажем на найденное в Центральной Якутии поздненеолитическое⁶ погребение женщины, у которой вместо отсутствующей кисти левой руки лежала правая задняя лапа зайца беляка (Пестерева и др., 2016, с. 75–76).

В ходе исследований укрепленного поселения синташтинской культуры Аркаим в одной из ям⁷ была выявлена целая нижняя челюсть зайца-беляка (Косинцев, 2000, с. 19, табл. 1, с. 41). В данной связи следует отметить, что челюсти животных, как это уже давно поняли специалисты, изучающие культуры эпохи бронзы, играли важную роль в обрядах (Подобед и др., 2016, с. 149).

⁶ Культурная атрибуция погребения спорная (Пестерева и др., 2016, с. 77).

⁷ Согласно информации П.А. Косинцева, челюсть зайца найдена в заполнении небольшой ямы на участке Л/31. Помимо этого, в яме найдены 2 кости КРС, 3 кости МРС и несколько фрагментов неопределимых костей животных.

При раскопках кургана 25 могильника Заречное-1, Новосибирская обл., был выявлен жертвенный комплекс андроновского времени (скопление № 8–9). Он включал черепа и другие кости лошадей, медведя (в пасти его найдены 3 бронзовые пронизи), КРС, МРС, бобра, барсука, птицы и, что наиболее важно для нашей темы, – зайца⁸. Удалось установить, что жертвенные животные были аккуратно расчленены по суставам, часть мягких тканей была срезана с костей, а потом крупные кости были пробиты тупыми предметами (Мыльникова и др., 2007, с. 346–347; Мыльникова и др., 2010, с. 103).

Высокий семиотический статус зайца в некоторых культурах эпохи бронзы отражают и находки скульптуры малых форм. Так, близ с. Байгильдино, Башкортостан, было выявлено изготовленное из габбро-диабазы навершие в виде головы зайца (рис. 3, 2). Скульптура очень реалистична. Она передает основные черты зверька – тупоносую морду с выступающей лобной частью, длинные уши, слегка выпуклые глаза. Артефакт относится к категории случайных находок, однако, судя по аналогиям, может быть датирован эпохой энеолита или ранней бронзы (Матвеева, 1977, с. 39–42; Ченченкова, 2004, с. 125⁹).

На плитах каменного ящика погребения каракольской культуры из Каракола, 2/2, Республика Алтай были выполнены изображения антропоморфных существ с заячьими головами (Кубарев, 1988, рис. 18; 21; он же, 2009, рис. 33; 41) (рис. 4, 1, 2).

Собранные нами данные о почитании зайца в эпоху бронзы не очень обширны, но, тем не менее, они позволяют выявить четыре аспекта знаковой нагрузки этого зверька.

1. Заяц был связан с хтоническим, потусторонним миром. Об этом, в частности, свидетельствует корреляция его костей с останками собаки в Горном-1. Собака же во многих традициях устойчиво ассоциировалась с миром мертвых (Анохин, 1924, с. 19; Снесарев, 1969, с. 321; Генинг, 1977, с. 70; Мошинская, Лукина, 1982, с. 48–49; Ковалева, 1989, с. 61; Михайлов, 1992, с. 112–116; Щепанская, 1993; Кузнецов, 1998, с. 14, 20–21; Клейн, 2009, с. 185, 186 и след.; Павлинская, 2007, с. 28; Салмин, 2010, с. 38, 189; Бурнаков, 2012, с. 208–209; Коршунков, 2013, с. 109 и др.). Отсюда правомерно допущение, что и заяц являлся частью этого мира. Присутствие костей зайца в курганном жертвеннике из Заречного-1 также подтверждает выдвинутое предположение. Наконец, очень показательны персонажи из Каракола. По убедительной трактовке В.Д. Кубарева, они изображают проводников в потусторонний мир (2009, с. 43). То, что зайцы ассоциировались с царством мертвых, легко объяснимо: эти зверьки живут в вырытых в земле норках, т.е. в нижнем по отношению к людям мире. Отсюда представления об их связи со смертью неизбежно возникали у народов разных континентов. Например, в мифологии бушменов ответственность за то, что люди стали смертными, возлагается именно на зайца (Сумцов, 1891, с. 76; Мифы..., 1983, с. 32–35). Представления о связи зайца с миром мертвых ярко проявляются и в одной осетинской сказке. Здесь фигурирует заяц, постоянно сидящий на кургане (Осетинские народные сказки, 1973, с. 235). Ассоциация рассматриваемых зверьков со смертью, вероятно, породила расхожие у многих народов суеверия, согласно

⁸ К сожалению, из публикаций не ясно, какие именно кости зайца обнаружены в жертвеннике.

⁹ По мнению исследовательницы, навершие может изображать и кулана (Ченченкова, 2004, с. 258). Правда, аргументов в пользу такой интерпретации не приводится. По поводу этого навершия приведем мнение Е.Е. Антипиной: «...Морфологические признаки: 1. У лошадей в профиль нет провала перед ушами, а у зайца и грызунов есть; 2. У лошадей уши расположены так, что они не могут быть прижаты своими основаниями друг к другу на затылке, а у зайца именно так. 3. Несмотря на скол морды, любая дорисовка дает относительно короткую ее длину, и на профиле с максимальной выпуклостью – почти гребнем, если смотреть сверху – перед глазами. У лошади лоб между глазами широкий и абсолютно плоский, также как и основание длинной носовой кости, у зайца все эти места гораздо уже, короче и кажутся выпуклыми. 4. По краю нижней челюсти обозначен диагональными короткими черточками мех, а две черты – длинные усы... И это все говорит о зайце, а не о лошади» (из письма Е.Е. Антипиной А.Н. Усачуку от 07.02.2016 г.).

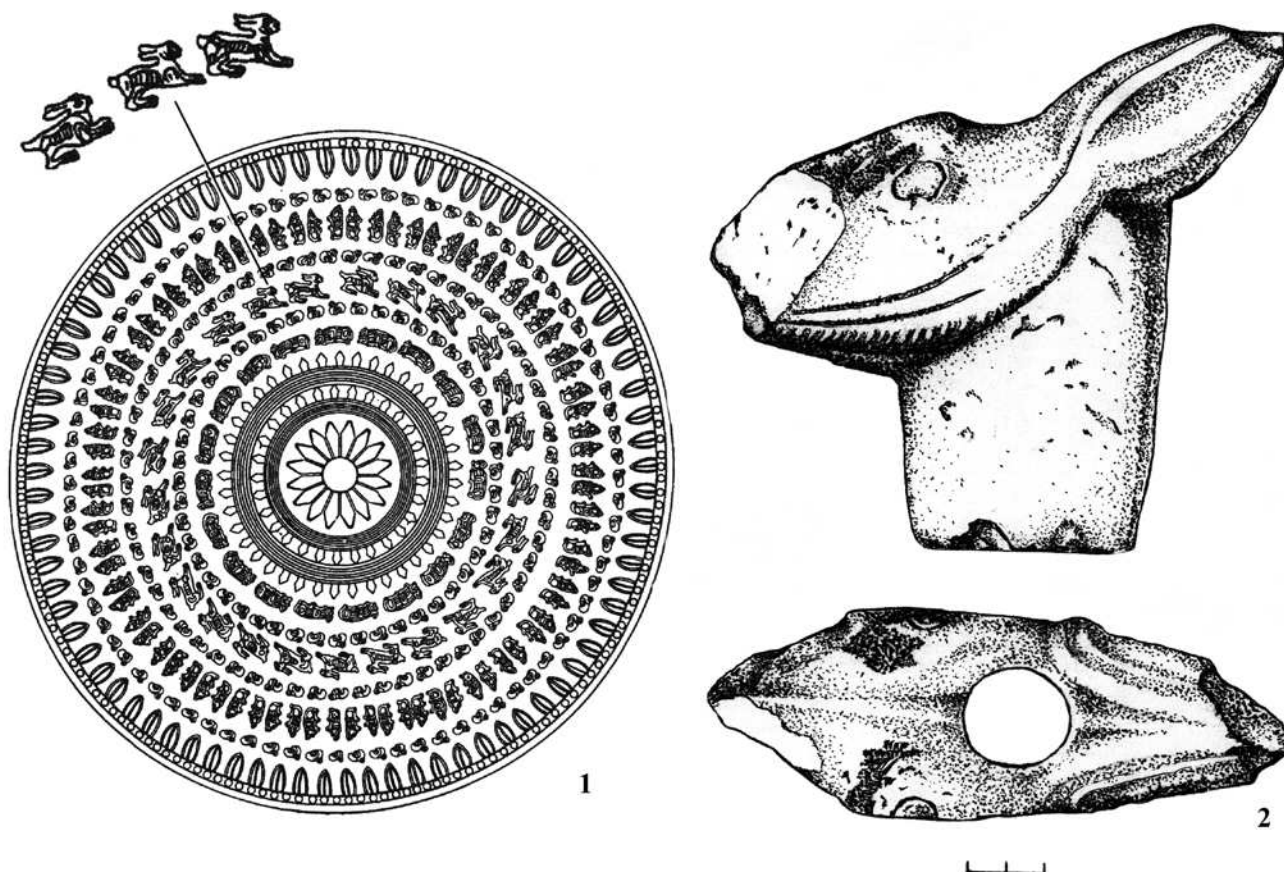

Рис. 3. Образ зайца в древнем искусстве:

1 – обивка из Саккызского клада, без масштаба (по: Пиотровский, 1954);
 2 – навершие из Байгильдино (по: Ченченкова, 2004)

которым заяц приносит несчастье (Никитина и др., 2009, с. 378; Савостина, 2011, с. 42; Коваль, 2011, с. 257–258). Так, украинцы считали, что он связан с нечистой силой (Гура, 1984, с. 139; Жайворонок, 2006, с. 232). Так же полагали русские (Иванов, 1901, с. 80; Гура, 1984, с. 138–139; Грушко, Медведев, 1995, с. 163; Миненок, 1997, с. 143; Панова, 2001; Никитина и др., 2009, с. 377), белорусы, поляки, сербы, хорваты (Гура, 1984, с. 138–141; Коваль, 2011, с. 257–258), коми (Голдина и др., 2013, с. 43–44), чехи, бельгийцы, немцы, французы (Сумцов, 1891, с. 71–72). Англичане приписывали ведьмам способность превращаться в зайцев (Sax, 2001, p. 138). Облик зайца, согласно верованиям англичан, принимают и девушки, умершие от неразделенной любви. В этом виде, как считается, они преследуют парней, отвергших их любовь (Рэдфорд, 1997, с. 142–143). Русские считали, что появление зайца в селении – к пожару (Грушко, Медведев, 1995, с. 163). В Пермской губернии бытовало мнение, что косой взгляд зайца способен вызвать пожар (Гура, 1978, с. 181; 1984, с. 144). Белорусы верили, что новая изба сгорит, если во время строительства её туда забежит заяц (Гура, 1984, с. 143–144; Коваль, 2011, с. 257). Украинцы Слобожанщины считали, что появление зайца близ жилища предвещает пожар (Жайворонок, 2006, с. 232). Это суеверие было весьма распространено и у англичан. Вообще в Англии, а также Ирландии встреча с зайцем считалась дурным знаком. По этой причине ирландцы ежегодно 1 мая устраивали избиение несчастных зверьков (Рэдфорд, 1997, с. 142). Русские тоже были уверены, что увидеть зайца или его следы – не к добру (Ляцкий, 1898, с. 148; Миненок, 1997, с. 143; Никитина и др., 2009, с. 377–378; Симашко, 2011, с. 82), особенно, – если он при этом перебежит дорогу (Сумцов, 1891, с. 69–70; Державин,

1898, с. 121; Иванов, 1901, с. 81–83; Грушко, Медведев, 1995, с. 163; Панова, 2001, с. 163; Никитина и др., 2009, с. 378; Голдина и др., 2013, с. 44; Коршунков, 2013; и др.)¹⁰. Встреча с зайцем считалась дурным знаком и у гагаузов, а также у лезгин (Мошков, 1902, с. 23, 50), «черкесов» (Торнау, 2008, с. 422)¹¹, у марийцев¹² и удмуртов (Коршунков, 2013, с. 110), теленгитов (Потапов, 1929, с. 136). Терские казаки верили, что, если «перебежит заяц дорогу – сломается у телеги ось» (Востриков, 1907, с. 14)¹³. У армян увидеть зайца вблизи селения – встретиться в ближайшее время с вором (Мелик-Шахназаров, 1904, с. 95)¹⁴. В такой же ситуации в Грузии считали, что человека скоро оклеветают (Машурко, 1894, с. 240). На Украине некогда бытовало суеверие, в соответствии с которым косые глаза зайца способны сглазить человека (Жайворонков, 2006, с. 232; ср. Панова, 2001, с. 165). Это близко к русскому суевию, что нельзя в присутствии ребенка упоминать про зайца, чтобы не вызвать у него бессонницу, потому что заяц якобы вообще не спит или спит с открытыми глазами (Грушко, Медведев, 1995, с. 40)¹⁵.

2. Судя по тому, что из зубов и метаподий зайца изготавливали подвески, данный зверек в некоторых культурах бронзового века являлся апотропеем. Такая его роль зафиксирована и в культурах более близкого к нам времени. В частности, алтайцы делали из заячьих шкурок изображения *жайык* – доброго духа, охраняющего человека от несчастий (Тадышева, 2013, с. 169). Тувинцы и теленгиты подвешивали различные обереги к детской колыбели – в частности, кости конечностей зайцев (Найден, 1999, с. 109). Калмыки к вороту детской верхней одежды прикрепляли обереги из костей зайца (Шараева, 2009, с. 260, 261)¹⁶. Саамы заворачивали новорожденных детей в заячий мех (Редько, 1899, с. 127). Обские угры одеяльце для первой люльки шили из шкурки зайца (Головнёв, 1995, с. 537; Голдина и др., 2013, с. 44). Во Франции к ране

¹⁰ А.С. Пушкин отметил это суеверие в пятой главе «Евгения Онегина»: Татьяна Ларина, увидев «черного монаха» или перебегающего дорогу зайца – «Не зная, что начать со страха / Предчувствий горестных полна / Ждала несчастья уж она». Ср. с отношением самого поэта к встрече с зайцем в дороге: (Соболевский – друг., 1922, с. 35; Осипова, 1985, с. 459; Соболевский, 1985, с. 12; Даль, 1985, с. 264); письмо А.С. Пушкина жене от 14 сентября 1833 г.: «...Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Черт его побери, дорого бы дал я, чтобы его застрелить. ...Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений» (Пушкин, 1981, с. 99–100; см.: Панова, 2001, с. 162–163). Страх перед зайцем, перебегающим дорогу, отмечен у многих народов (Гура, 1978, с. 178–179; 1984, с. 142–143; Даль, 1978, с. 670; Заянчковский, 1991, с. 110–114; Коршунков, 2013; и др.).

¹¹ Интересная подробность: «Черкесы в числе сорока человек... отправились грабить на линию... Недалеко от Кубани заяц перебежал им дорогу. Тридцать три человека, считая это дурным предзнаменованием, вернулись назад. Семеро... пренебрегая подобным предрассудком, пошли вперед, на рассвете встретили линейных казаков, были окружены и все перебиты» (Торнау, 2008, с. 422). Разумеется, такое развитие событий укрепило отказавшихся от набега в правильности их решения и показало горцам в очередной раз «роль» зайца в предугадывании плохих событий.

¹² А вот выразительное свидетельство «о суеверии» черемисов (марийцев) Верхотурского уезда (это на Урале), датированное 1738-м г.: «Ежели кто из них пойдет на какой промысел, а встречу ему попадет мужеск пол или женской с порозжею какою посудуо, или птица жолна или заец навстречу или поперег дороги, то он воротится и на промысел того дня не пойдет. И почитают то себе за несчастье, что и в промыслу тому добычи не будет» (Коршунков, 2013, с. 110).

¹³ Помимо этого, может сломаться или перевернуться сама телега, или издохнет лошадь, падет бык (Востриков, 1907, с. 36–37).

¹⁴ Это все-таки лучше, чем увидеть шакала, что предвещало смерть и хуже, чем встретиться с лисой, что гарантировало благополучие в пути (Мелик-Шахназаров, 1893, с. 197; 1904, с. 94–95). Об удаче и неудаче при встрече с лисой и зайцем в поверьях у армян: (Григоров, 1892, с. 112), у грузин: (Машурко, 1894, с. 241).

¹⁵ Ср. отношения к зайцу в Библии: «И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря им: Скажите сынам Израилевым: вот животные, которых можно вам есть из всего скота на земле... Только сих не ешьте из жующих жвачку и имеющих раздвоенные копыта: верблюда... и тушканчика... и зайца... нечист он для вас; И свины... нечиста она для вас; Мяса их не ешьте и к трупам их не прикасайтесь; нечисты они для вас» (Лев. 11: 1–2, 4–8).

¹⁶ Интересная деталь: детям с двухлетнего возраста изготавливался оберег из костей зайца и нижней челюсти лисы (Шараева, 2009, с. 260).

прикладывали заячью кожу, а в Тироле кожу только белого зайца (Сумцов, 1891, с. 83). Французы мазали мозгом зайца десна у ребенка, когда у того резались зубы (Сумцов, 1891, с. 83). Известен заговор от зубной боли, «где заяц выступает в функции демонического существа, к которому отсылается болезнь: «На море, на океане, на острове Буяне стоят высокие три дерева, под теми деревьями лежит заяц; перенесись ты, зубная боль, к тому зайцу» (Коваль, 2011, с. 258). Русские давали маленьким детям высушенную заячью кровь. Любопытно, что процесс приготовления снадобья имел обрядовую окраску: зайцев для этой цели ловили только в марте,

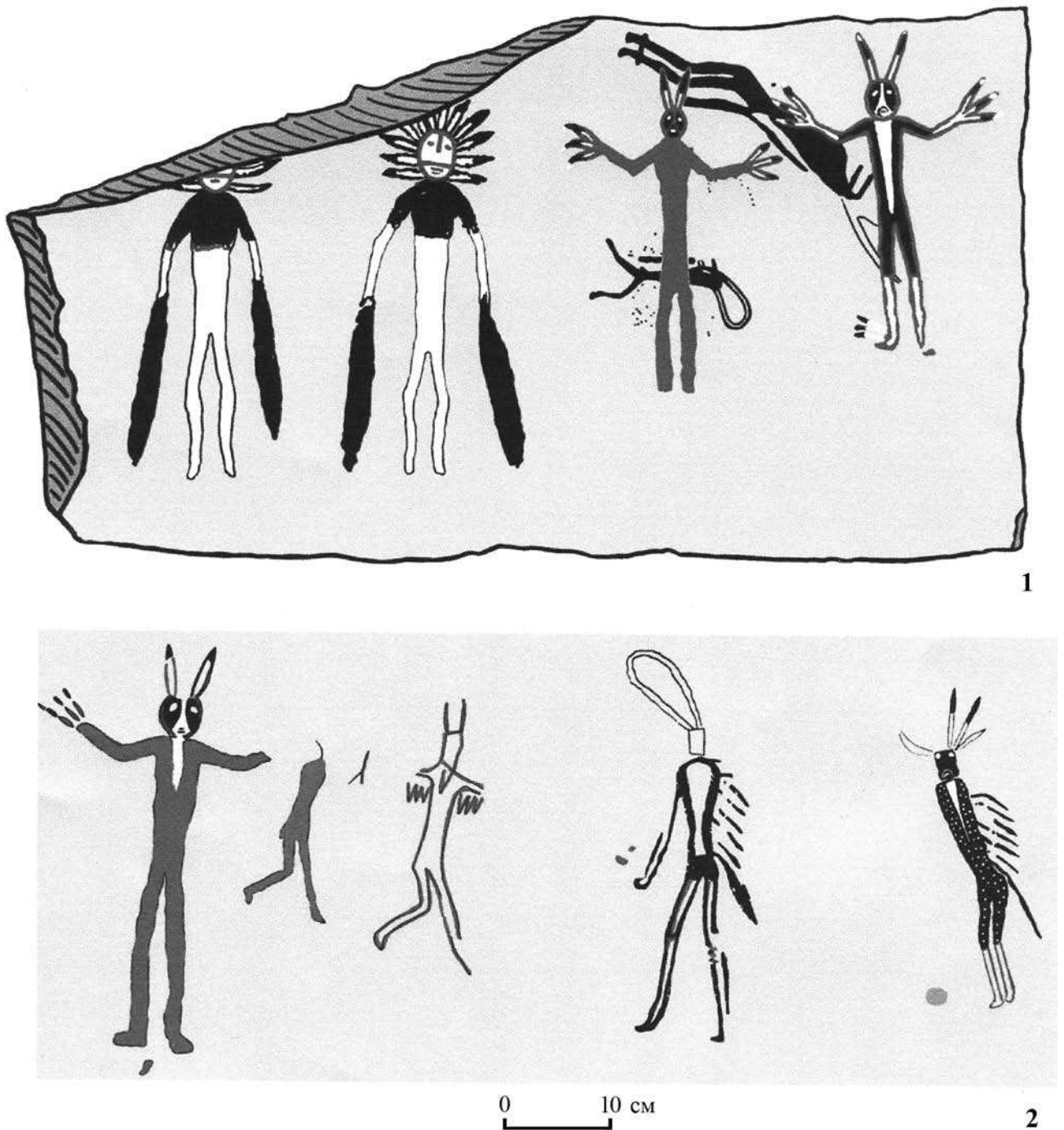

Рис. 4. Образ зайца в художественном творчестве:

- 1 – рисунки на плите 1 из погр. 2 кург. 2 Каракола (по: Кубарев, 2009);
- 2 – рисунки на плите 2 из погр. 2 кург. 2 Каракола (по: Кубарев, 2009)

причем несчастных зверьков помещали после поимки в загородку и гоняли до тех пор, пока те не утомятся, и лишь после этого убивали (Верещагин, 1898, с. 134). Существовал и способ изготовления мази «из деревянного масла, в котором был сварен заяц» (Попов, 1903, с. 279)¹⁷. Бытовало поверье, что можно стать красавцем, съев кусочек заячьего мяса (Грушко, Медведев, 1995, с. 163)¹⁸. Те же русские, во всяком случае, на Севере, считали, что облик зайца может принимать леший. В таком виде он якобы помогает пасти стадо, т.е. покровительствует скоту (Криничная, 2011, с. 518–519). Обратим внимание на то, что в течение нескольких веков заячьих черепа и лапки использовались в ритуальных целях (Визгалов и др., 2013, с. 176, 299, 301; Холотей, 2016, с. 284), вплоть до сегодняшнего дня¹⁹.

3. Комплексы из Горного-1 и Заречного-1 позволяют допускать, что заяц в эпоху бронзы мог являться жертвенным животным²⁰. Оба комплекса роднит то, что останки зайца образовывали сложные «тексты» вместе с костями других животных. При этом «текст» из Заречного-1, учитывая обилие и разнообразие принесенных в жертву животных и сложность производившихся с ними манипуляций, очевидно, был призван испросить у божеств или предков что-то в крайней степени важное. Нелишне отметить, что использование зайца в качестве жертвенного животного зафиксировано и этнографами. Так, алтайцы жертвовали богам шкурки белых зайцев (Анохин, 1924, с. 32). В посаде Мангазейского городища при исследовании построек XVII в. в основании печей среди жертвенных предметов найден и скелет зайчонка (Пархимович, 2014, с. 31).

4. Заяц каким-то образом ассоциировался с представлениями о власти. На первый взгляд это покажется парадоксальным. Ведь в знакомых нам с детства славянских сказках заяц предстает как существо трусливое и гонимое. У славян, в частности, украинцев, заяц и сейчас является символом трусости (Жайворонок, 2006, с. 232)²¹. Но тем не менее этот зверек изображен на навершии из Байгильдино. С.В. Богданов отнес данный артефакт к навершиям «церемониальных жезлов и боевых молотов» (Богданов, 2000, с. 10, 18²²). Подобного рода предметы эпохи энеолита и ранней бронзы многие исследователи трактуют как инсигнии власти – светской (Даниленко, 1974, с. 97; Цуцкин, 1981, с. 25; и др.) или духовной (Корневский, 2011, с. 160). Любопытно, что заяц ассоциировался с властной функцией и на Древнем Востоке. В этом плане показательна композиция, выполненная на серебряной обивке круглого предмета (щита или

¹⁷ На этом использование зайца не заканчивалось: «Для довершения же действия крестьянин приложит к большому месту и самое мясо зайца, а иногда заменит его только что содранной заячьей шкурой, шерстью наружу, оставляя лежать ее до тех пор, пока она не отвалится» (Попов, 1903, с. 279).

¹⁸ И в то же время иногда нельзя было юношам есть заячье мясо из-за боязни стать трусливыми (Соколова, 1972, с. 193; др. работы).

¹⁹ Яркая деталь использования лапок зайца в качестве оберега в описании современного охотничьего зимовья в среднем течении Верхней Ангары (Бурятия): «над дверью прибиты две заячьи лапки» (Харинский, 2015, с. 338). О заячьих лапках, «приносящих удачу» американцам см.: (Заянчковский, 1991, с. 114–115). «Эрнест Хемингуэй в кармане пиджака всегда носил заячью лапу. Знаменитый писатель верил в амулеты, считая их присутствие вернейшим источником вдохновения» (Сергеев, 1976, с. 4).

²⁰ Напомним, что аркаимовский комплекс не столь яркий, но зато там в яму была брошена нижняя челюсть зайца (Косинцев, 2000, с. 41).

²¹ Интересно описание игрушек одного из мастеров с. Абашево Пензенской области Л.Ф. Зоткина: «Изображение зверей крестьянином-игрушечником, так же как и изображение домашних животных, всегда носит яркий отпечаток отношения мастера к их прототипам. ... Заяц в игрушке барабанит в барабан, грызет морковку или сидит притаившись, с прижатými ушами, и какая-то снисходительность, какое-то пренебрежение всегда чувствуется в трактовке этого зверька» (Церетелли, 1933, с. 161).

²² Уточним, что по мнению исследователя все подобные изделия (т.е., надо полагать, и навершия из Байгильдино – В.П., А.У., В.Ц.) «с той или иной степенью стилизации передают изображения лошадиных голов» (Богданов, 2000, с. 10). Другие исследователи не столь категоричны (см., например: Кияшко, 1988, с. 145; Манзура, 2000, с. 253; Корневский, 2011, с. 160).

блюда), которая входила в состав т.н. «Саккызского клада» (Зивие), найденного в Иране (Кузьмина, 1977, с. 20). Изделие украшено изображениями, размещающимися по концентрическим окружностям. При этом одну из окружностей образуют фигурки бегущих зайцев (Пиотровский, 1954, с. 154, рис. 8) (рис. 3, 1). Присутствуют зайцы и на концах золотой пекторали из этого же «клада» (Молев, 2015, рис. 1). Данный «клад», возможно, является остатками инвентаря погребения скифского «царя» эпохи переднеазиатской эпопеи (Луконин, 1987, с. 69–71; Алексеев, 2003, с. 102, прим. 68, 219).

Связь зайца с властной функцией можно усмотреть и в одном эпизоде из истории Ахеменидов. Он повествует о том, как царь Персии Кир II получил от мидийца Гарпага письмо, зашитое во внутренности зайца (Дандамаев, 1985, с. 15).

Вероятно, отголосками представлений об ассоциации зайца с властителями являются и фольклорные сюжеты об агрессивном зайце. Подобные сюжеты есть в сказках манси (Мифы..., 1990, с. 505–506), т.н. «заветных» русских сказках (Афанасьев, 1997, с. 23–24), современном российском фольклоре (Лурье, 1998, с. 451–453), в сказках многих народов (см. напр.: Сумцов, 1891, с. 76; Сказки народов Вьетнама, 1970, с. 31–37, 216–220; Sax, 2001, р. 138; Пестерева и др., 2016, с. 78; и др.)²³. Герой упомянутых сюжетов разительно отличается от привычного нам зайца из сказок типа «Заюшкина избушка» (Народные русские сказки, 1982, с. 22–23; Українські народні казки, 1989, с. 25–30)²⁴. Он – ближе к знаменитому Братцу Кролику, ожесточенно пинающему смоляное чучело в книге Дж. Харриса «Сказки дядюшки Римуса», навеянной африканскими мифами и сказками (ср.: Сказки народов Мали..., 1968, с. 29–75; Sax, 2001, р. 139²⁵). Добавим, что хитрому Братцу Кролику можно найти соответствие и в фольклоре индоевропейцев. Например, такой персонаж встречается в сказках курдов. Благодаря хитрости, ему удается одолеть даже льва (Курдские сказки..., 1989, с. 483). В афганской сказке изворотливая зайчиха губит тигра (Афганские народные сказки, 1989, с. 115–119), а в индийском поверье заяц Файруз – обманывает царя слонов (Сумцов, 1891, с. 75; ср.: Sax, 2001, р. 137).

Неясно, соотносился ли заяц как-то с водной стихией. Нам не удалось пока обнаружить информацию о костях зайца, например, в колодце²⁶. Однако отголоски каких-то связей зайца с водой сохранились, например, в русском поверье, «что плывая по воде не должно поминать зайца, потому что этого не любит водяной...» (Сумцов, 1891, с. 70). Образ зайца, которому предлагается поплыть «по дунайку», чтобы выбрать себе девушку, зафиксирован в тексте старинной украинской веснянки, сопровождающей игрища возле воды, связанные с умыканием девиц (Найден, 1999, с. 102–103).

Ассоциация зайца с женщинами, браком, эротикой и плодородием весьма ярко выражена во многих культурах, вплоть до современности (Sax, 2001, р. 140). Так, у эллинов заяц являлся атрибутом Афродиты и Эроса²⁷, у древних германцев был связан с плодovitостью и возделе-

²³ Интересный персонаж немецких бестиариев XIII в.: мифический заяц-единорог, крупный зверек с желтой шерстью, который выглядит очень смиренно, но поражает своим длинным черным рогом тех из любопытных, кто желает его рассмотреть, а затем пожирает жертву (Котин, Соболева, 2014, с. 221).

²⁴ Можно упомянуть и расхожий сюжет о том, что заяц считает себя самым трусливым и несчастным в мире (Сумцов, 1891, с. 78–79).

²⁵ Правда, не всегда в африканских сказках заяц изначально агрессивен. Иногда его вынуждают проявить агрессию, чтобы защититься от насмешек (Сказки мамприси, 1966, с. 56–57).

²⁶ Вот почему очень важным оказалось уточнение П.А. Косинцева по месту находки нижней челюсти зайца в «группе «ямы и колодцы» № 4» на Аркаиме (2000, с. 17, 19, табл. 1). Челюсть найдена в небольшой яме.

²⁷ М.В. Скржинская обратила внимание на терракоту из Херсонеса, где изображен юноша с зайцем, и высказала предположение, что сюжет «скорее можно истолковать не как показывающего трофей своей охоты, а как держащего любовный подарок... ведь заяц у греков наряду с петухом служил традиционным даром возлюбленному» (Скржинская, 2010, с. 125).

нием (Трессидер, 1999, с. 106). В погребениях средневековых алан нередко встречаются амулеты из заячьих костей (преимущественно фаланг). Как правило, они сопутствуют женщинам (Афанасьев, 1976, с. 126; Иерусалимская, 1992, с. 8). Сопоставление зайца и женского божества исследователи отмечают для мифологии народов Сибири (Головнёв, 1995, с. 537; Ожередов, 2009, с. 62–63; Пестерева и др., 2016, с. 78). У славян образ зайца связан с любовно-брачной семантикой (Гура, 1978, с. 161–176; 1984, с. 131–136; Панова, 2001, с. 164; Фефелова, 2005, с. 444, 445; Морозов, 2011, с. 125–126; Коваль, 2011, с. 256–257; Голдина и др., 2013, с. 43; и др.). Заяц часто фигурирует в украинских обрядовых песнях как символ плодородия и секса (Коломийченко, 1970, с. 373; Лозинський, 1992, с. 135; Найден, 1999, с. 102; Войтович, 2002, с. 523; Жайворонок, 2006, с. 232). В некоторых регионах Украины во время свадеб производились разнообразные действия с чучелом зайца, набитым соломой (Правдюк, 1970, с. 30), а на Галичине был распространен свадебный танец «Заяц», исполнители которого плясали, зажав в зубах пучки соломы, символизировавшие заячьи усы (Чабан, 1970, с. 142). На Гомельщине во время свадьбы «лавлі зайца», то есть требовали выкуп за проезд свадебного поезда (Станкевич, 2014, с. 381). У русских есть поверье: «поймать во сне зайца – к скорому удачному сватовству» (Никитина и др., 2009, с. 378); «Сон о пойманном зайце предвещает женщине беременность и рождение сына» (Коваль, 2011, с. 256). Заметим, что представления о виденном во сне зайце более обширны²⁸. В сказке ваханцев влюбленный юноша, желая намекнуть пассии о своей страсти, поет ей песню, где фигурирует заяц (Сказки..., 1976, с. 302). У телеутов череп зайца использовался в обрядовых манипуляциях, призванных способствовать деторождению и плодовитости скота (Каруновская, 1927, с. 20). Осетины в начале XX в. использовали кровь и мясо зайца, как средство от бесплодия (Дзуцев, Бесаева, 1994, с. 19). В том же качестве заячью кровь использовали сербы (Гура, 1984, с. 135)²⁹. Наконец, весьма расхожий фольклорный мотив девушки, превращающейся в зайца. Он порожден мифологемой «девушка (женщина) = заяц». Отмеченный мотив присутствует в Нартиаде (Кузьмина, 1977, с. 21; Усачук, Полидович, 2006, с. 258; и др.) и фольклоре русского Севера (Усачук, Полидович, 2006, с. 259). Добавим, что данный мотив известен нам в сказках курдов (Курдские сказки..., 1989, с. 218) и дунган (Дунганские народные сказки..., 1977, с. 206–211). Не исключено, что в деформированном виде упомянутая мифологема зафиксировалась в одной из украинских свадебных песен. Здесь повествуется о том, как всадник преследует зайца (Лозинський, 1992, с. 135).

Казалось бы, мифологема «девушка (женщина) = заяц», учитывая ее широкое распространение, должна была и в древности быть весьма расхожей. Однако, скорее всего, это не так. В подавляющем большинстве культур эпохи бронзы не только степной и лесостепной, но и лесной зон ассоциации женщины с зайцем не существовало, что видно из следующего. В захоронениях данных культур нередко встречаются амулеты из зубов и костей разнообразных животных, но изделия из зубов и костей зайца отсутствуют. Такую картину демонстрируют, например, памятники ямной (Шапошникова и др., 1986, с. 47; Порохова, 1992, с. 93–94; Иванова, 2001, с. 93; Санжаров, 2001, с. 40), катакомбных (Братченко, 1976, прил. 1; 2; Синюк, 1983, с. 84; Смирнов, 1996, с. 34, 108), фатьяновской (Гадзяцкая, 1976, с. 64), балановской (Бадер, 1963, с. 190; Бадер, Халиков, 1976, с. 73), бабинской³⁰, потаповской (Васильев и др., 1992;

²⁸ «Зайца во сне видеть есть знак слабости; убить зайца – обман и потерю; есть зайца – знак здоровья; белый заяц знаменует дружбу и успех, а серый – огорчение» (Грушко, Медведев, 1995, с. 163).

²⁹ В то же время отметим поверье у русских, когда беременным запрещалось есть зайчатину (Грушко, Медведев, 1995, с. 40). Возможно, это связано с трусостью зайца. З.П. Соколова сообщает, что «у некоторых народов существовал запрет для юношей есть мясо зайца, чтобы не стать трусливым» (1972, с. 193). В Боснии и Болгарии, например, беременные не едят заячье мясо из-за опасения, что ребенок будет пугливым (Гура, 1984, с. 149).

³⁰ Информация Р.А. Литвиненко. См. также: (Вангородская, 1987, с. 40).

1994; Лебедева и др., 2011, с. 242–244; Кузнецов, Мочалов, 2012; Рослякова, Косинцев, 2012, с. 348–354; Лыганов и др., 2015), покровской³¹, доно-волжской абашевской³² культур, ветлянского типа³³, приказанской (Халиков, 1980, с. 50), окуневской (Хлобыстина, 1973; Вадецкая и др., 1980, с. 24), синташтинской (Генинг и др., 1992; Порохова, 1992, с. 95–96; Епимахов, 1996; 2005; Ткачев, 2007; Хаванский, 2012, с. 123) культур, «синташтинско-петровских» захоронений Бестамака (Калиева, Логвин, 2008), погребальных комплексов петровской (Виноградов, 1984, с. 145–147, 150; Ткачев, 2003; 2005, с. 56, рис. 5, 4), нуртайской (Матвеев, 2002, с. 158–177), алакульской (Сорокин, 1962, с. 60; Виноградов, 2000; Усманова, 2005, с. 121; Новоженев, 2014, с. 119), федоровской (Максименков, 1978, с. 6–45), еловской (Кильдюшева, 2005, с. 82) культур, андроновских погребений лесного Зауралья (Матвеев, 1998, с. 252), захоронений различных культур эпохи бронзы Казахстана (Усманова, 2010, табл. 2), погребений ирменской (Членова, 1976, с. 76–77; Савинов, Бобров, 1978, с. 50–56) и карасукской (Хлобыстина, 1973; Минор, 2010; Вадецкая и др., 1980, с. 24) культур. В данном плане показательна и кремневая скульптура Урала эпохи неолита и бронзы. В ней воплощены самые разнообразные животные – медведь, кабан, лось, ёж, горностай(?), птицы и рыбы, но зайца среди них мы не найдем (Серииков, 2009, с. 398–399, 406–408). Та же картина – в зооморфной пластике кобанской культуры. Здесь представлены бык, корова, вол, буйвол, баран, козел, кабан, свинья, лошадь, собака, птицы, но – не заяц (Козенкова, 1982, с. 69–70).

Исключения из отмеченного правила единичны. Их демонстрируют одиновская и кротовская культуры, в захоронениях которых, как было отмечено выше, выявлены подвески из заячьих зубов и метаподий. При этом по меньшей мере в двух случаях данные артефакты коррелировались с женщинами. Таким образом, в некоторых культурах бронзового века, вероятно, мифологема «женщина = заяц» все-таки существовала, однако она не получила широкого распространения, как это произошло в эпоху железа. Кроме того, в одиновской культуре заяц, очевидно, ассоциировался не с женским полом вообще, а с пожилыми женщинами, т.е. допустить, что сюжеты о преследовании героем девушки, превратившейся в зайца, восходят к эпохе бронзы, пока нет оснований.

В итоге правомерен вывод, что в раннем железном веке заяц, который ранее соотносился преимущественно с хтоническим миром, смертью и властью, был переосмыслен: зверек стал в большей степени ассоциироваться с девушками, сексом и плодородием. Отсюда, на наш взгляд, использовать скифские, осетинские и славянские параллели при интерпретации изображений и костей зайцев, относящихся к культурам эпохи бронзы, следует очень осторожно.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, что дало толчок появлению «зайчегмании» у скифов. Как показали разработки Ю.Б. Полидовича и Г.Н. Вольной, образ зайца занимал важное место в скифском искусстве. Конечно, оно было второстепенным по отношению к некоторым другим животным – хищникам, оленям, козлам, птицам, но, тем не менее, упомянутыми авторами было учтено 80 изображений рассматриваемого зверька (Полидович, Вольная, 2005, с. 415). Словом, почитание зайца, которое в эпоху бронзы было выражено довольно слабо, испытало в скифской культуре мощнейший всплеск. И это – при том, что заяц занимал весьма скромное место в жизнеобеспечении скифов (Полидович, Вольная, 2005, с. 415). Данный парадокс требует объяснения. Ю.Б. Полидович и Г.Н. Вольная констатировали, что подавляющее большинство изображений зайцев, относящихся к скифской культуре, датируется довольно поздним временем – IV в. до н. э. Вместе с тем, авторы поддержали высказанную Й.

³¹ Наши наблюдения, основанные на анализе 357 погребений.

³² Наши наблюдения, основанные на анализе 164 погребений.

³³ Наши наблюдения, основанные на анализе 80 погребений.

Форнасье гипотезу, в соответствии с которой образ зайца был присущ скифскому искусству изначально. При этом исследователи сослались на артефакты с изображениями зайца, выявленные в Зивие и курганах у ст. Келермес и Новозаведенного (Полидович, Вольная, 2005, с. 415). В данной связи нелишне заострить внимание на том, что названные памятники демонстрируют связи скифов с Передней Азией (Молев, 2015, с. 57). Как мы полагаем, в этом и кроется разгадка названного выше парадокса. На Древнем Востоке заяц еще задолго до появления там скифов являлся весьма почитаемым животным. Это, в частности, имело место у хеттов (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 522; Иванов, 2001, с. 92; Килуновская, 2010, с. 83, 85; и др.). Отсюда нельзя исключать того, что именно древневосточный мир дал первый толчок к появлению у скифов «зайцемании». Второй толчок, вероятно, дали эллины. В их религии и искусстве зайцу отводилось довольно много места (Скржинская, 2010, с. 161; Савостина, 2011, с. 42; Молев, 2015, с. 59, 60; и др.).

Подводя итог нашим размышлениям, скажем, что рассмотренная нами тема места зайца в обрядах и верованиях населения бронзового века требует дальнейшей разработки. Но это будет возможно лишь после расширения «банка» комплексов, включавших останки зайцев³⁴.

Литература

- Алексеев А.Ю.** 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 416 с.
- Анохин А.В.** 1924. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия по Алтаю 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии / Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук. Л.: Изд-во АН СССР. Т. IV, 2. 148 с.
- Антипина Е.Е.** 2004. Археозоологические материалы // Каргалы, т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. М.: Изд-во «Языки славянской культуры». С. 182–239.
- Асафьев Н.К.** 2009. К вопросу о ритуальном характере комплекса срубного поселения Н. Красавка // XLI международная Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Уфа: РИЦ БашГУ. С. 22–26.
- Афанасьев А.Н.** 1997. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым. 1857–1862. М.: Ладомир. 736 с.
- Афанасьев Г.Е.** 1976. Дохристианские религиозные воззрения алан (по материалам амулетов могильника Мокрая Балка) // СЭ. № 1. С. 125–130.
- Афганские народные сказки.** 1989. Баку: Гянджлик, 192 с.
- Бадер О.Н.** 1963. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Изд-во АН СССР. 371 с.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х.** 1976. Памятники балановской культуры / САИ. М.: Наука. Вып. В1–25. 168 с.
- Богданов С.В.** 2000. Материалы типа Касимча-Суворово из окрестностей Новоорска в системе энеолитических древностей Восточной Европы // Культурное наследие степей Северной Евразии. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния». Вып. 1. С. 8–28.
- Братченко С.Н.** 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка. 251 с.
- Бурнаков В.А.** 2012. Традиционные представления хакасов о собаке // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. С. 196–216.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.** 1980. Памятники окуневской культуры. М.: Наука. 148 с.
- Вангородская О.Г.** 1987. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка. С. 38–48.

³⁴ За помощь в работе над этой статьёй авторы благодарят своих коллег Е.Е. Антипину, П.А. Косинцева, Р.А. Литвиненко и В.Б. Панковского.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1992. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН. С. 52–63.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Самарский университет. 208 с.

Верещагин Гр. 1898. О народных средствах врачевания в связи с поверьями // ЭО. 1898. № 3, кн. XXXVIII. М. С. 113–151.

Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. 2013. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Нефтеюганск, Екатеринбург: ИАС, Изд-во АМБ. 376 с.

Виноградов Н.Б. 1984. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. № 3. С. 136–153.

Виноградов Н.Б. 2000. Могильник эпохи бронзы Кулевчи VI в Южном Зауралье (по раскопкам 1983 года) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского ун-та. Вып. VIII. С. 24–53.

Войтович В. 2007. Генеалогія богів давньої України. Рівне: Видавець. 556 с.

Востриков П. 1907. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. тридцать седьмой. Отдел второй. Тифлис. С. 1–93.

Гадзяцкая О.С. 1976. Памятники фатьяновской культуры. Иваново-Горьковская группа / САИ. М.: Наука. Вып. В1–21. 136 с.

Гак Е.И. 2011. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ. 224 с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та. 1328 с.

Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 53–73.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. 1992. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Южно-Уральское книжн. изд-во, 1992. 408 с.

Гершкович Я.П., Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., Панковский В.Б., Усачук А.Н., Шевченко Д.А. 2005. Комплексные исследования поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Северского Донца // Археологічні дослідження в Україні. 2003–2004. Київ; Запоріжжя: Ін-т археології НАН України. Вип. 7. С. 95–99.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. 2013. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 26. Ижевск. 184 с.

Головнёв А.В. 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН. 606 с.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. 2001. Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям // Донецкий археологический сборник. Вып. 9. Донецк: Изд-во ДонНУ. С. 15–45.

Григорьев Н. 1892. Село Татев Зангезурского уезда Елисаветопольской губернии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XIII. Отдел I. Тифлис. С. 59–125.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. 1995. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: «Русский купец», «Братья славяне». 560 с.

Гура А.В. 1978. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М.: Наука. С. 159–189.

Гура А.В. 1984. Заяц // Этнолингвистический словарь славянских древностей. Проект словника. Предварительные материалы. М. С. 129–149.

Даль В.И. 1978. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. Т. 1. А – З. М.: Русский язык. 699 с.

Даль В.И. 1985. Воспоминания о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература. С. 260–271.

Дандамаев Н.А. 1985. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука. 319 с.

Даниленко В.Н. 1974. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. Киев: Наукова думка. 176 с.

Державин Н. 1898. Очерки быта южнорусских болгар. II. Поверья (Записано со слов) // ЭО. 1898. № 4, кн. XXXIX. М. С. 113–125.

Дзуцев Х.В., Бесаева Т.З. 1994. Этнография детства у осетин. Владикавказ. 113 с.

Днепров С.А., Коноркин В.М., Шорин А.Ф. 1979. Раскопки поселения Дружный I в Челябинской области // АО-1978. М.: Наука. С. 169–170.

- Дунганские сказки и предания.** 1977. Сост. И.С. Брагинский и др. М.: Наука. 577 с.
- Епимахов А.В.** 1996. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Труды музея-заповедника Аркаим.* Челябинск: Музей-заповедник Аркаим. С. 22–42.
- Епимахов А.В.** 2005. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати». 192 с.
- Жайворонок В.В.** 2006. Знаки української етнокультури. Словник-довідник. Київ: Довіра. 703 с.
- Заянчковский И.Ф.** 1991. Животные, приметы и предрассудки. М.: Знание. 256 с.
- Иванов А.И.** 1901. Верования крестьян Орловской губ. // *ЭО.* 1901. № 4, кн. XLVII. М. С. 68–118.
- Иванов В.В.** 2001. Хеттский язык. М.: Эдиториал УРСС. 296 с.
- Иванова С.В.** 2001. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Друк. 244 с.
- Иерусалимская А.А.** 1992. Кавказ на Шелковом пути. Каталог временной выставки. СПб.: Государственный Эрмитаж. 72 с.
- Изотова М.А.** 2006. Поселение эпохи бронзы Макаровская Речка // *Нижеволжский археологический вестник.* Волгоград: Изд-во ВГУ. Вып. 8. С. 154–172.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.** 2008. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* № 9. С. 32–58.
- Каруновская Л.Э.** 1924. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // *Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской академии наук.* Л.: Изд-во АН СССР. Т. VI. 148 с.
- Килуновская М.Е.** 2010. Изображение хеттского бога Рунда на серебряном ритоне из Метрополитен музея // *Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама.* СПб: «Инфо-ол». С. 80–86.
- Кильдюшева А.А.** 2005. Социовозрастные группы женщин по материалам Еловского археологического комплекса (ЕАК) // *Западная и Южная Сибирь в древности.* Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. С. 80–84.
- Кияшко В.Я.** 1988. Энеолитические скипетры из Ростовского областного музея краеведения // *Известия Ростовского областного музея краеведения.* Ростов-на-Дону: Ростовское книж. изд-во. Вып. 5. С. 141–146.
- Клейн Л.С.** 2009. Собаки и птицы в эсхатологической концепции ариев // *Stratum plus.* 2005–2009. № 3. С. 185–194.
- Ковалева И.Ф.** 1989. Социальная и духовная культура племен бронзового века (по материалам Левобережной Украины). Днепропетровск: ДГУ. 88 с.
- Коваль В.И.** 2011. Украинский диалектный фразеологизм лапати зайца и его инославянские параллели // *Філологічні студії. Науковий вісник Криворізького державного педагогічного університету.* Кривий Ріг. Вип. 6. С. 254–259.
- Козенкова В.И.** 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант / САИ. М.: Наука. Вып. В2–5. 177 с.
- Коломийченко П.** 1970. Весілля в селі Прохори Борзенського повіту Чернігівської губернії // *Весілля.* Київ: Наукова думка. Кн. 1. С. 355–392.
- Корневский С.Н.** 2011. Феномен власти и его символы на долгом пути к государственности (теория и практика исследования) // *Stratum plus.* № 2. С. 143–166.
- Коршунков В.А.** 2013. Заяц на дороге: вятские случаи // *Герценка: Вятские записки.* Вып. 23. Киров: Изд-кий дом Герценка. С. 108–111.
- Косинцев П.А.** 2000. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // *Археологический источник и моделирование древних технологий / Труды музея-заповедника Аркаим.* Челябинск. С. 17–44.
- Котин И.Ю., Соболева Е.С.** 2014. Рогатые зайцы и другие фантастические животные в Южной Германии // *Бестиарий III. Зооморфизмы в традиционном универсуме.* СПб.: МАЭ РАН. С. 215–232.
- Криничная Н.А.** 2011. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования, тексты. Комментарии. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке. 632 с.
- Кубарев В.Д.** 1988. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука. 173 с.
- Кубарев В.Д.** 2009. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 264 с.
- Кузнецов Н.А.** 1998. Погребения собак на Среднем Енисее как археологический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 22 с.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. 2012. Потаповские комплексы курганов могильника Грачевка II // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара: СООО «Самарское археологическое общество». С. 37–82.

Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. 2000. Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во Самарского научн. центра РАН. С. 122–151.

Кузьмина Е.Е. 1977. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада // Искусство Востока и античности. М.: ГРВЛ. С. 16–25.

Курдские сказки, легенды и предания. 1989. М.: Наука. 624 с.

Лебедева Н.В., Фадеев В.Г., Хохлов А.А. 2011. Охранные раскопки курганов бронзового века в лесостепном Заволжье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород – Старая Русса. СПб., М., Великий Новгород: ИИМК РАН. Т. I. С. 242–244.

Лозинський Й.І. 1992. Українське весілля. Київ: Наукова думка. 176 с.

Лопатин В.А. 2009. Исследования поселения Нижняя Красавка в 2008 году // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов: Изд-во: «Полиграфия Поволжья». Вып. 9. С. 38–51.

Луконин В.Г. 1987. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М.: ГРВЛ «Наука». 296 с.

Лурье М.Л. 1998. Пародийная поэзия школьников // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М.: Ладомир, ООО «Изд-во АСТ-ЛТД». С. 430–517.

Лыганов А.В., Чижевский А.А., Валиев Р.Р., Еремин И.О. 2015. Погребальные памятники начала позднего бронзового века в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. № 2(12). С. 83–103.

Ляцкий Е. 1898. [Материалы для народного снотолкователя]. II. (Минской губернии) // ЭО. 1898. № 1, кн. XXXVI. М. С. 139–149.

Манзура И.В. 2000. Владующие скипетрами // Stratum plus. № 2. С. 237–295.

Матвеев А.В. 1998. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука. 417 с.

Матвеева Г.И. 1977. Навершие жезла из с. Байгильдино // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья // Научные труды. Т. 220. Куйбышев: КГПИ, 1977. С. 39–42.

Машурко М. 1894. Из области народной фантазии и быта (Тифлисской и Кутаисской губ.) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. восемнадцатый. Отдел третий. Тифлис. С. 228–410.

Мелик-Шахназаров Е. 1893. Из поверий, предрассудков и народных примет армян Зангезурского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. семнадцатый. Отдел второй. Тифлис. С. 193–201.

Мелик-Шахназаров Е. 1904. Из поверий, предрассудков и народных примет армян Зангезурского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. тридцать четвертый. Отдел третий. Тифлис. С. 91–124.

Миненок Е. 1997. Заяц // Энциклопедия суеверий. М.: Локид; Миф. С. 143.

Минов О.В. 2010. Женский набор украшений карасукской культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск: НГУ, 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 136–145.

Михайлов Ю.И. 1992. Собака в ритуальной практике андроновского населения // Маргулановские чтения. 1990. Сборник материалов конференции. М. Ч. 1. С. 110–116.

Мифы и сказки бушменов. 1983. М.: Наука. 318 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990. М.: Наука. 568 с.

Молев Е.А. 2015. История исследования семантики образа зайца в греко-скифской торевтике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. История. № 2. С. 57–65.

Молодин В.И. 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. 200 с.

Молодин В.И. 2012. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных памятников одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. 3. 220 с.

Морозов И.А. 2011. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма). М.: Индрик. 352 с.

Мошинская В.И., Лукина Н.В. 1982. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Томского ун-та. С. 46–60.

Мошков В.А. 1902. Гагаузы Бендерского уезда. VIII. Верования. IX. Воззрения на природу. X. Великаны // ЭО. 1901. № 4, кн. LI. М. С. 1–80.

- Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Ковалева Д.С.** 2010. Исследование кургана № 25 могильника Заречное-1 // Андроновский мир. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та. С. 98–117.
- Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Мжельская Т.В., Савин А.Н., Сяткин В.П.** 2007. Исследования курганного могильника Заречное-1 в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. Т. XIII. С. 345–348.
- Найден О.С.** 1999. Українська народна іграшка: Історія. Семантика. Образна своєрідність. Функціональні особливості. К.: АртЕк. 256 с.
- Народные русские сказки.** 1982. М.: Художественная литература. 320 с.
- Никитина Т.Г., Рогалева Е.И., Иванова Н.Н.** 2009. Большой словарь примет: около 15000 единиц. М.: АСТ: Астрель. 687 с.
- Новоженков В.А.** 2014. Этнокультурные маркеры андроновского погребального обряда (по материалам могильника Карагайлы 3) // «Археология және этнологиядағы мәдениеттер сабақтастығы мәселесі» атты «VI Оразбаев окулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. Алматы: Қазақ университеті. С. 87–94.
- Ожередов Ю.И.** 2009. Кости животных в погребально-поминальной прагматике и символике палеоселькупов Нарымского Приобья «шиешгула» // Вестник Томского государственного университета. История. № 1(5). С. 58–65.
- Осетинские народные сказки.** 1973. М.: Наука. 599 с.
- Осипова М.И.** 1985. Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: Художественная литература. С. 457–461.
- Павлинская Л.Р.** 2007. Мифы народов Сибири о происхождении смерти // Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: этнографические очерки. СПб.: Наука. С. 8–29.
- Панова Е.П.** 2001. Мотив охоты на зайца в повестях А.С. Пушкина // Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. С. 162–167.
- Пархимович С.Г.** 2014. Строительная обрядность в русских поселениях Севера Западной Сибири конца XVI–XVIII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, Тюмень, Екатеринбург: Изд-во Магеллан. Т. II. С. 28–39.
- Пестерева К.А., Степанов А.Д., Дьяконов В.М.** 2016. Погребение Матта в Центральной Якутии: опыт интерпретации обряда с заячьей лапкой // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Международной научной конференции. Т. 1. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. С. 74–82.
- Пиотровский Б.Б.** 1954. Скифы и древний Восток // СА. Т. XIX. С. 141–158.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.** 2012. Птицы в верованиях степных и лесостепных племен Евразии эпохи бронзы // Уфимский археологический вестник. Вып. 12. С. 43–70.
- Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.** 2016. Челюсти животных – знак в обрядовом контексте (эпоха бронзы Поволжья и Южного Урала) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: ООО «ИПК Университет». Вып. 12. С. 149–158.
- Полидович Ю.Б., Вольная Г.Н.** 2005. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М.: ИА РАН. С. 415–436.
- Попов Г.** 1903. Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб.: Типография А.С. Суворина. 404 с.
- Порохова О.И.** 1992. II Герасимовский курганный могильник в Оренбургской области // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: ОГПИ. С. 92–107.
- Потапов Л.П.** 1929. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Баку. Кн. V. С. 123–149.
- Правдюк О.А.** 1970. Народне весілля на Україні // Весілля. Київ: Наукова думка. Кн. 1. С. 9–59.
- Пушкин А.С.** 1981. Собрание сочинений в десяти томах. Т. X. М.: Правда. 447 с.
- Редько А.** 1899. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // ЭО. 1899. № 1–2, кн. XL – XLI. М. С. 54–131.
- Ромашко В.А.** 1993. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровк: Изд-во ДГУ. С. 79–91.

Рослякова Н.В., Косинцев П.А. 2012. Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара: СООО «Самарское археологическое общество». С. 348–378.

Рэдфорд Э. 1997. Заяц // Энциклопедия суеверий. М.: Локид; Миф. С. 142–143.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. 1978. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука. С. 47–62.

Савостина Е.А. 2011. У истоков фигуративного языка греческой вазописи. Пояснительная система знаков-символов // Античный мир и археология. Вып. 15. Саратов. С. 31–54.

Салмин А.К. 2010. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука. 240 с.

Санжаров С.Н. 2001. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск: Изд-во ВНУ. 172 с.

Санжаров С.Н. 2010. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск: Изд-во ВНУ им. В.Даля. 488 с.

Сергеев К. 1976. Библиотека великого физика // Вечерний Донецк. № 50 (812). 28 февраля. С. 4.

Сериков Ю.Б. 2009. Кремневая скульптура Урала (вопросы хронологии, происхождения и семантики) // Тверской археологический сборник. Тверь: ООО «Издательство «Триада». Вып. 7. С. 391–410.

Симашко Т.В. 2011. Проявление субъектной позиции в современных приметах // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов. М.; Архангельск. Вып. 5. С. 75–84.

Сказки мампруси. 1966. М.: Гл. ред. вост. литературы. 120 с.

Сказки народов Вьетнама. 1970. М.: Гл. ред. вост. литературы. 391 с.

Сказки народов Мали в пересказе Святослава Дармодехина. 1968. Волшебная калейбаса (сказки старого Муссы). М.: Советская Россия. 143 с.

Сказки народов Памира. 1976. М.: Наука, 1976. 536 с.

Скржинская М.В. 2010. Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья. К.: ИИ Украины НАН Украины. 324 с.

Снесарев Г.П. 1969. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука. 336 с.

Соболевский – друг Пушкина. 1922. СПб.: «Парфенон». 47 с.

Соболевский С.А. 1985. Из статьи «Таинственные приметы в жизни Пушкина» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература. С. 10–17.

Соколова З.П. 1972. Культ животных в религиях. М.: Наука. 214 с.

Сорокин В.С. 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане // МИА. № 120. 207 с.

Станкевич А. 2014. Свадебная обрядность на Гомельщине: названия символических ритуальных действий и актов брачной церемонии // Мова і культура. Вип. 17, т. 2. С. 377–384.

Сумцов Н.Ф. 1891. Заяц в народной словесности // ЭО. 1891. № 3, кн. X. М. С. 69–83.

Тадышева Н.О. 2013. Культ жайык в традиционных представлениях алтайцев // Вестник Томского государственного университета. История. № 3(23). С. 169–171.

Ткачев В.В. 2003. Погребение архаического лидера эпохи поздней бронзы из могильника Илекшар I в Западном Казахстане // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск: ИА им А.Х. Маргулана. Вып. 2. С. 80–87.

Ткачев В.В. 2005. Элитные погребения из могильника Жаман-Каргала I и проблема культурогенеза начала позднего бронзового века в Урало-Казахстанских степях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. Челябинск. Вып. 3. С. 50–74.

Ткачев В.В. 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актюбе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии. 384 с.

Торнау Ф.Ф. 2008. Воспоминания кавказского офицера. М.: «АИРО–XXI». 456 с.

Трессидер Д. 1999. Словарь символов. М.: Астрель; АСТ. 448 с.

Усачук А.Н., Полидович Ю.Б. 2006. Уникальные изображения животных на орудиях гончарного производства эпохи поздней бронзы // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонНУ. Т. 3. С. 249–268.

Українські народні казки. 1989. Київ: Веселка. 414 с.

- Усманова Э.Р.** 2005. Могильник Лисаковский I. Караганда; Лисаковск: Карагандинский гос. ун-т. 232 с.
- Усманова Э.Р.** 2010. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск: Карагандинский гос. ун-т. 176 с.
- Фефелова Ю.Г.** 2005. Повесть о Петре и Февронии в контексте традиционной обрядовой практики // Русская агиография: исследования, публикации, полемика. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 428–483.
- Хаванский А.И.** 2012. Особенности половозрастных традиций синташтинского погребального обряда // «Кадырбаевские чтения – 2012». Материалы III Междунар. науч. конф. Актобе: Актыобинский обл. центр истории, этнографии и археологии. С. 120–128.
- Халиков А.Х.** 1980. Приказанская культура / САИ. М.: Наука. Вып. В1–24. 129 с.
- Харинский А.В.** 2015. Охотничье зимовье: этнографические и археологические аспекты // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул, Омск: Издательский дом «Наука». С. 335–339.
- Хлобыстина М.Д.** 1973. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // СА. № 1. С. 24–38.
- Хололей А.В.** 2016. Находки предметов магического назначения Золотой Орды и их детальный анализ // Проблемы археологии Восточной Европы: материалы XI Международной археологической конференции студентов и аспирантов. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета. С. 281–285.
- Церетелли Н.** 1933. Русская крестьянская игрушка. М.: Akademia. 261 с.
- Цуцкин Е.В.** 1981. Архаринский «скипетр» как свидетельство разложения первобытнообщинного строя на территории Нижнего Поволжья // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: Калмыцкий НИИ истории филологии и экономики. С. 25–28.
- Чабан І.** 1970. Весілля на Сокальщині // Весілля. Київ: Наукова думка. Кн. 2. С. 125–182.
- Ченченкова О.П.** 2004. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. Екатеринбург: Изд-во «Тезис». 336 с.
- Черных Е.Н.** 2002. Древнейшее горно-металлургическое производство на границе Европы и Азии: Каргалинский центр // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3(11). С. 88–106.
- Членова Н.Л.** 1976. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // КСИА. Вып. 147. С. 76–83.
- Шараева Т.И.** 2009. Обереги в детском цикле у калмыков // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул. № 4/3 (64/3). С. 259–262.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д.** 1986. Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант) / САИ. Киев: Наукова думка. Вып. В1–3. 160 с.
- Щепанская Т.Б.** 1993. Собака – проводник на грани миров // СЭ. № 1. С. 71–79.
- Sax B.** 2001. The mythical zoo: an encyclopedia of animals in world myth, legend, and literature. Santa Barbara, Denver, Oxford. 299 p.

Куприянова Е.В.

Учебно-научный центр изучения проблем природы и человека ЧелГУ, г. Челябинск

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА СТЕПНОЕ VII (2016 г.) В СИСТЕМЕ ПЕТРОВСКО-АЛАКУЛЬСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Аннотация. В 2016 году были продолжены раскопки могильника Степное VII, результаты которых опубликованы ранее. Исследованный погребальный комплекс 8 является бикультурным – начало его строительства относится к петровской культуре, а затем созданные конструкции были перестроены и дополнены в алакульский период. Раскопки представили новые материалы по женскому костюму и погребальному обряду, свидетельства связей с соседними культурными общностями. Уникальной находкой является бронзовый ритуальный кинжал, обнаруженный в богатом алакульском погребении двух подростков с парным жертвоприношением лошадей.

Abstracts. The excavation of Stepnoye VII cemetery, which results published before, was continued in 2016. The burial complex 8 present a bi-cultural materials. It was start to create at Petrovka culture, and then rebuild in Alakul' period. This excavation presented us a new materials for woman costume and burial rite, the evidences of trans-cultural interactions. The bronze ritual stylet, which was found in the rich Alakul' burial of two teen-age girls with double hors sacrifise, is a unique discovery.

Введение

Могильник Степное VII и поселение Степное VIII являются одним из интереснейших комплексов памятников эпохи бронзы Южного Зауралья. Их поликультурные материалы способствуют изучению динамики взаимодействий групп населения на различных этапах бронзового века региона. Памятники расположены на левобережье р. Уй в 300–400 м к востоку от околицы с. Степное и трассы Челябинск – Магнитогорск (рис. 1, 1), исследовались отрядом археологической экспедиции ЧелГУ – Заповедника «Аркаим» в 1999–2003 гг. В ходе раскопок было исследовано шесть погребальных комплексов (№№ 2–7) и остатки разрушенного карьером комплекса № 1 (рис. 1, 2), материалы которых опубликованы ранее (Куприянова, Зданович Д., 2015). В статье представлены последние данные раскопок могильника, раскрывающие новые аспекты его положения в системе петровско-алакульских древностей.

Материалы раскопок 2016 г. и их интерпретация

В 2016 г. мониторинг памятника установил, что песчаный карьер, занимающий всю площадь раскопанных в 2000–2003 гг. комплексов, стал активно расширяться. Ввиду возникшей угрозы разрушения неисследованной части памятника были возобновлены спасательные раскопки памятника. Раскопками вскрыт один погребальный комплекс (комплекс № 8), примыкающий вплотную с запада к ранее раскопанному комплексу № 7 и продолжающий цепочку исследованных погребальных сооружений (рис. 1, 2). Комплекс состоял из двух крупных могильных ям, прерывистого 8-образного рва, одного детского погребения, расположенного на площадке внутри рва (рис. 2).

Стратиграфическая ситуация на кургане, прослеженная по плану и профилям (рис. 2, 1–2), позволяет реконструировать следующие этапы сооружения комплекса.

– Изначально был создан круглый ров, в центре которого построено погребение 2, принадлежавшее петровской культуре. На его периферии было совершено детское петровское погребение 3. Погребение 2 было подвергнуто вторжению, в результате которого были разрушены костяки и нарушено положение погребального инвентаря, часть его изъята.

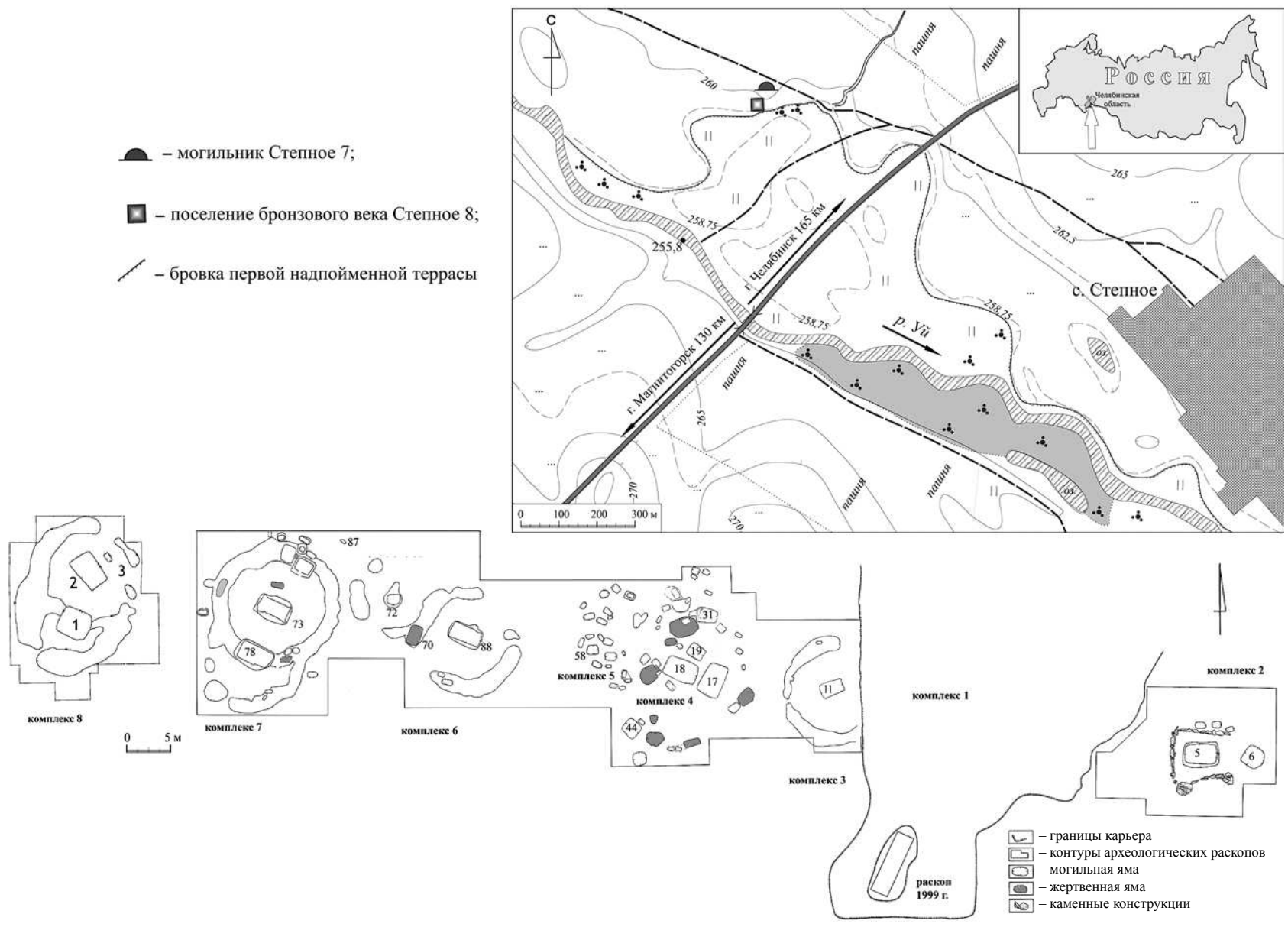

Рис. 1. Могильник Степное VII и поселение Степное VIII:

1 – карта памятников, выполнена С.А. Батаниным; 2 – могильник Степное VII, общий план комплексов по раскопкам 1999–2003, 2016 гг.

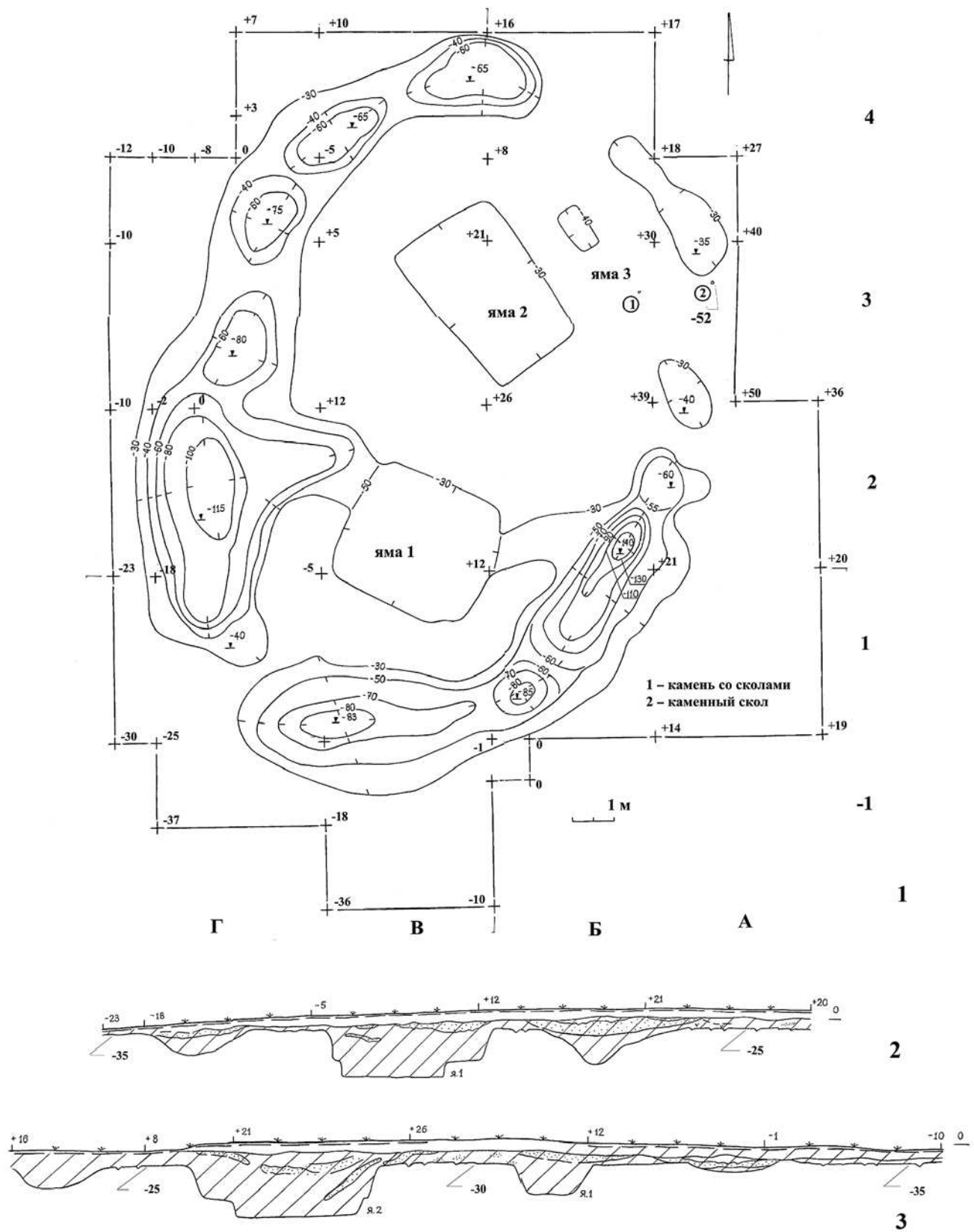

Рис. 2. Могильник Степное VII, комплекс 8:
 1 – общий план раскопа; 2 – бровка 1/2, южный фас; 3 – бровка Б/В, западный фас

– В алакульский период в юго-западном секторе основного рва было сооружено погребение 1, вокруг него к кольцевому рву с юго-запада был пристроен полукольцевой ров, придававший структуре форму восьмерки. В погребении было совершено захоронение двух девочек-подростков. Над погребением располагался жертвенный комплекс, содержащий остатки двух особей лошади. Поскольку центральная часть пола в погребении была пуста, можно допустить, что предполагалось продолжение использования данной ямы для погребений других индивидов.

Заполнение рва и верхних слоев комплекса отличалось нестандартной стерильностью – практически полным отсутствием костей, фрагментов керамики, иных артефактов, впускных погребений, кроме указанных трех ям, следов жертвоприношений и другой постритуальной деятельности.

Яма 1 (рис. 3–6) расположена в юго-западном секторе кольцевого рва, являясь центром для полукольцевой пристройки рва с юго-запада. На уровне материка очертания имеют размеры 3,7×3,5 м, близкую к подквадратную форму. Размеры в придонной части 2,7×1,8–2,4 м. В верхней части заполнения, на уровне перекрытия вдоль северной стенки располагался жертвенный комплекс, его целостность была отчасти нарушена пахотой. В первоначальном виде комплекс содержал две целые либо частично расчлененные туши лошадей¹, лежавших параллельно длинным стенкам ямы, ногами друг к другу, головами на запад. Нижний уровень зафиксированных костей – (–78), вероятно, на этом уровне и располагалось перекрытие ямы.

В придонной части ямы находилось погребение двух человек. Погребенные (судя по костюму, девочки) лежали вдоль северной стенки ямы лицом друг к другу в «позе объятия», головами на запад. Северный костяк определяется как индивид 6–13 лет, южный – как индивид 14–18 лет². Сохранность костяков очень плохая. У северного костяка (костяк «А») сохранились фрагменты черепа, фрагменты трубчатых костей рук и ног. От южного костяка (костяк «Б») сохранились лишь зубы. Вполне возможно, что мы имеем дело с вторичным захоронением не трупов, а фрагментов костяков. С другой стороны, плохая сохранность может объясняться нахождением ямы во рву, что допускало ее негерметичность и открытость сточным водам. Положение тел маркируется также многочисленными украшениями (рис. 4). Поверх комплекса украшений на груди погребенной «А» находился фрагмент деревянной плахи, очевидно, упавшей с перекрытия.

Обе погребенные были одеты в богатые костюмы. За черепом погребенной «А» находилось накосное украшение из двух низок бус с листовидными подвесками на концах. На черепе сверху и снизу приблизительно на равном расстоянии располагались мелкие бронзовые бляшки, скорее всего, нашитые на головной убор типа венчика. Ниже над и под черепом в районе висков находились бронзовые височные кольца и 4 бронзовые подвески в 1,5 оборота, лакированные золотой фольгой. Подвески были попарно скреплены кожаным шнурком. Возможно, они составляли комплекс с височными кольцами и крепились к венчику по бокам от лица.

Ниже, под черепом, находилось сложное украшение, состоявшее из бронзовых орнаментированных блях, бусин и мелких обойм, которое по аналогиям можно соотнести с лицевыми подвесками, известными на памятниках петровско-алакульского круга. По положению украшения можно было подумать, что оно было надето на погребенную. Однако, судя по тому, что оно было окружено сверху и снизу плотным слоем ткани, украшение было помещено в погребение отдельно, в некоей емкости типа мешка или сумки. Сохранившиеся многочисленные органические остатки представляют собой фрагменты растительной ткани полотняного переплетения,

¹ Определения Л.Л. Гайдученко (г. Челябинск, ЧелГУ).

² Антропологические определения С.Р. Газизовой (г. Челябинск, Фонд содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Южный Урал»).

окрашенной в красный цвет, а также фрагменты плетеных шнурков и тесемки, окрашенные в желтый цвет. Красная ткань относится к сумке. Желтая тесьма являлась частью лицевой подвески, соединяющей между собой бляхи, на которую крепились мелкие обоймы.

В районе груди погребенной зафиксированы также остатки нагрудного украшения – несколько скрепленных рядами низок бус, в центре композиции которых находились одна крестовидная подвеска и две очковидные, сшитые вместе. Судя по аналогиям, мелкие украшения были нашиты на нагрудник, прикрывающий ворот (Куприянова, 2008). К комплексу украшений погребенной «А» можно отнести также четыре браслета, сформированных попарно на каждой руке – один браслет со спиральными окончаниями + один с прямыми, и низку амулетов, сделанных из зубов одной особи лисицы³, которая также находилась в районе руки. Примерно в метре к востоку от черепа зафиксировано скопление пастовых бус, относящееся, вероятно, к обшивке подола платья. Еще в 20 см восточнее зафиксированы фрагменты трубчатых костей ног с сохранившимися остатками ткани (от штанов?) и кожи (обувь?), окруженные двумя низками перемежающихся бронзовых и пастовых бусин. Перед лицом погребенной находились два бронзовых перстня. Поскольку от костяков сохранились лишь небольшие фрагменты, определить принадлежность перстней какому-либо костяку не представляется возможным.

Погребенная «Б» имела более скромный набор украшений, состоявший из двух бронзовых височных колец, плакированных золотой фольгой, находившихся в районе черепа. Ниже под зубами находились фрагментированные остатки нескольких бронзовых перстней, также, возможно, принадлежавших погребенной.

В погребении находился и другой погребальный инвентарь. За спиной погребенных у центра северной стенки лежал уникальный бронзовый кинжал с фигурной рукоятью (рис. 6, 1). За головами погребенных находились три керамических сосуда – крупный и средний стояли вдоль стены, между ними на боку лежал маленький (рис. 5, 2, 8–9). У основания среднего сосуда расчищено компактное скопление астрагалов, судя по всему, помещенное в емкость типа мешка. В ногах погребенных у центра восточной стенки располагался еще один комплекс предметов. Один крупный сосуд находился в окружении 4-х маленьких, другой крупный сосуд лежал раздавленным на боку (рис. 5, 1, 3–5, 10–11). Рядом с ним зафиксировано скопление из 3-х наконечников стрел (рис. 5, 32–34). Возле пяти сосудов лежала тонкая бронзовая скрепка (рис. 5, 35). В ЮВ углу находились фрагменты еще от двух средних сосудов в развале (рис. 5, 6–7). Центральная и южная часть погребения были пусты. Поскольку никаких следов вторжений в яму зафиксировано не было, можно предположить, что место в центре было оставлено для совершения другого погребения или нескольких погребений.

Керамический комплекс погребения представлен 11 сосудами горшечной формы (рис. 5, 1–11). Внешний облик комплекса довольно стандартен и монолитен, позволяет отнести его к алакульской археологической культуре эпохи поздней бронзы Южного Зауралья. Интересным представляется контекстуальное расположение керамики из ямы 1 в алакульском керамическом комплексе могильника Степное VII. Проведенный ранее стилистический анализ (Куприянова, 2015, с. 145–150) позволил выделить в алакульском комплексе могильника из 113 сосудов 8 стилистических серий (единообразные сосуды, созданные одним мастером или мастером и учениками) и 3 типологические группы (сосуды, сходные конструктивно, но сделанные в разной манере). Сосуды из ямы 1 распределяются между 3 выделенными сериями и 3 типологическими группами. Данные объединения керамики являются самыми многочисленными, поскольку:

- содержатся в 29 из 39 алакульских ям комплекса (73 %);
- включают 65 из 113 всех сосудов алакульской группы (57 %).

³ Определения Л.Л. Гайдученко.

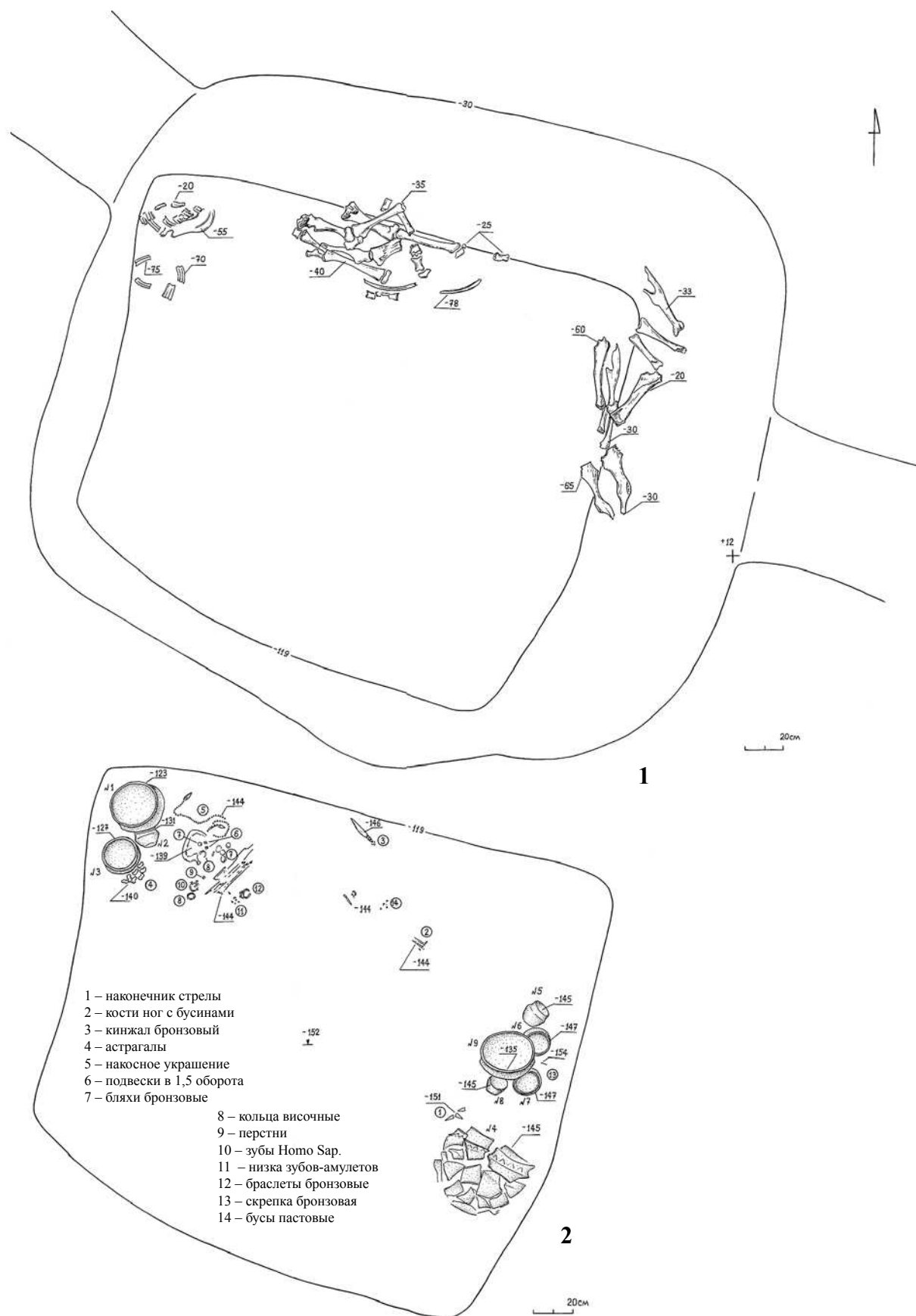

Рис. 3. Могильник Степное VII, комплекс 8, яма 1:
 1 – верхние слои заполнения; 2 – план придонной части ямы

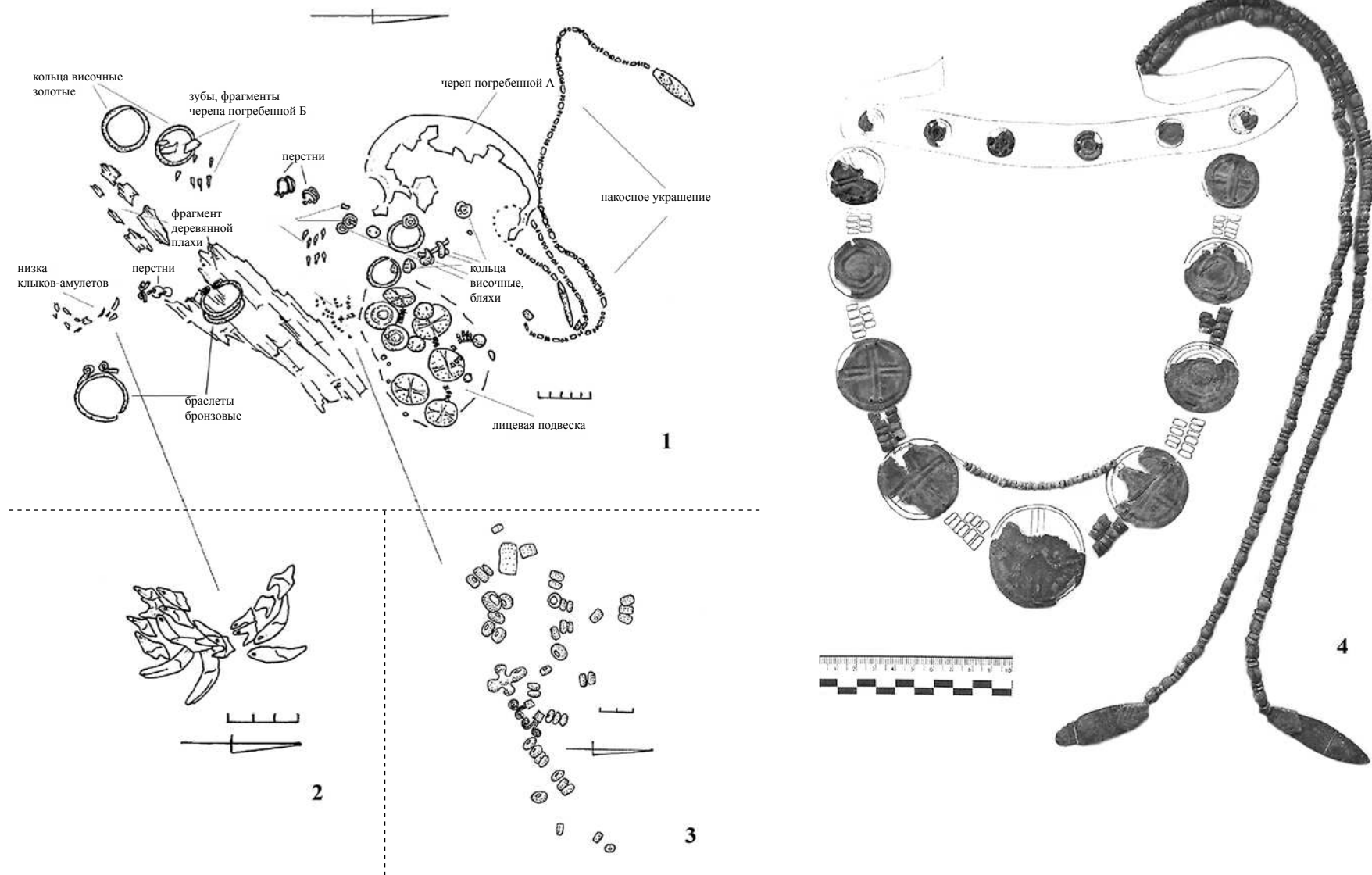

Рис. 4. Могильник Степное VII, комплекс 8, яма 1. План расположения украшений:

1 – украшения в верхней части костяков «А» и «Б»; 2 – низка амулетов из зубов лисицы; 3 – расположение украшений в районе груди костяка «А»; 4 – лицевая подвеска и накосное украшение, вид после реставрации

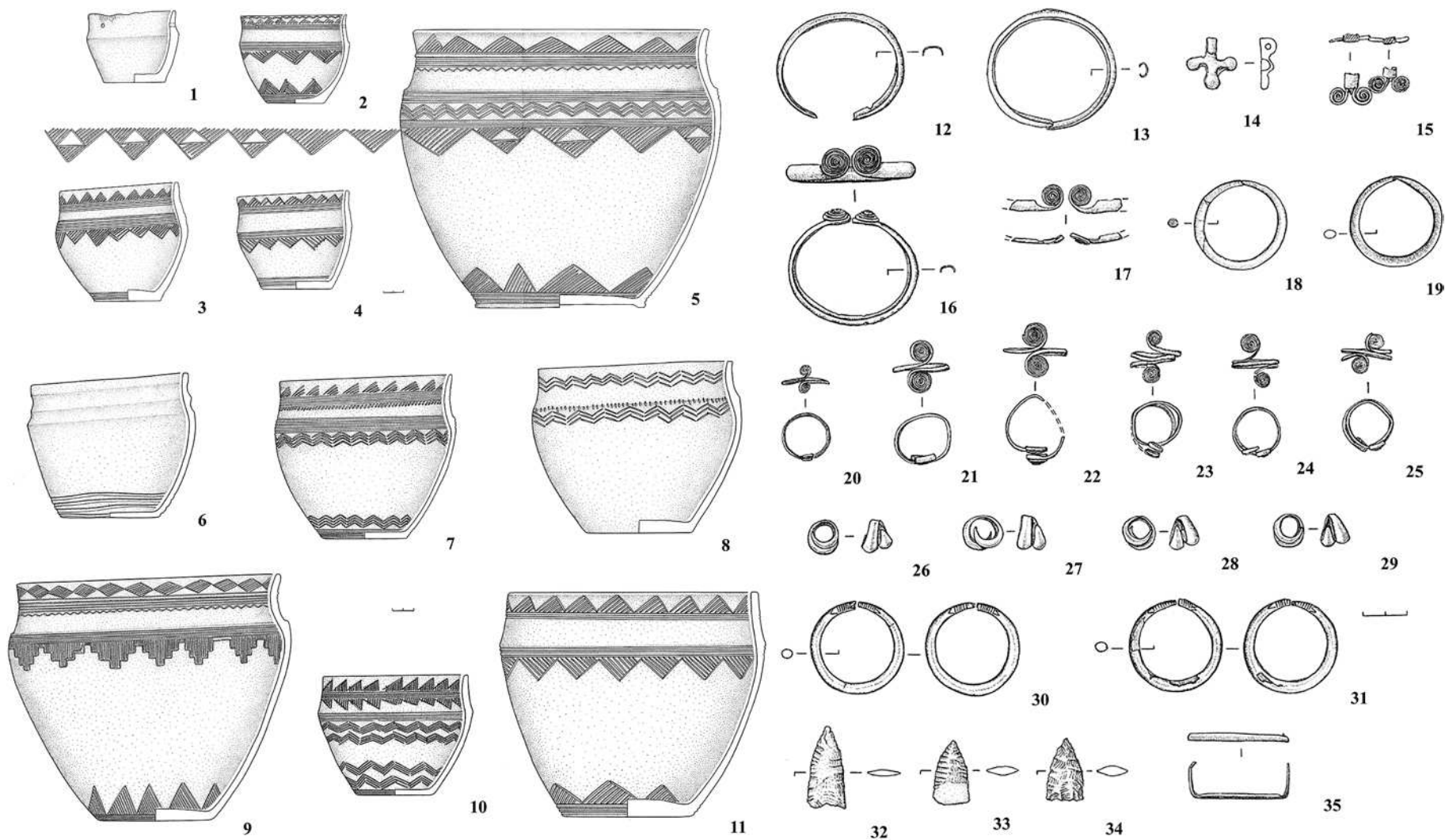

Рис. 5. Могильник Степное VII, комплекс 8, яма 1. Погребальный инвентарь:

1—11 – керамический комплекс; 12–13, 16–17 – браслеты бронзовые желобчатые; 14 – подвеска крестовидная; 15 – подвески очковидные, сшитые между собой; 18–19 – кольца височные бронзовые; 20–22 – перстни бронзовые одновитковые; 23–25 – перстни бронзовые двухвитковые; 26–29 – подвески бронзовые височные в 1,5 оборота, планкированные золотой фольгой; 30–31 – кольца височные бронзовые, планкированные золотой фольгой; 32–34 – наконечники стрел каменные; 35 – скрепка бронзовая

Подобная эклектика не характерна для других крупных алакульских погребений могильника, керамические комплексы которых демонстрируют монолитность, относясь обычно к одной-двум стилистическим сериям. Исходя из этого, можно предположить, что в проведении погребальной церемонии в яме 1 принимал участие не один род, а большой коллектив людей, возможно, все жившие в данный момент времени семьи коллектива, создававшего могильник.

Наиболее интересной находкой за всю историю исследования могильника является *бронзовый кинжал* (рис. 6, 1). Кинжал с металлической прорезной псевдоприлитой рукоятью имеет тонкое лезвие листовидной формы с перемычкой и ребром по центральной оси, в сечении крестовидное. Рукоять кинжала обладает навершием сложной формы в виде четырех шишечек, развернутых по отношению к плоскости кинжала под углом 45° , и вертикального грибовидного выступа над ними. Под навершием расположены шесть желобков, опоясывающих рукоять. Ниже расположен вертикальный прорезной узор в виде цепочки ромбов, заключенных между наклоненными под углом перекладами, составляющими края рукояти. На внутренней стороне перекладов нанесены два ряда вертикальных насечек. Общая длина предмета 23,4 см; длина клинка 13,8 см; максимальная ширина лезвия 3,8 см.

В могильнике Степное VII в предыдущие годы было найдено в целом семь ножей и кинжалов, представляющих собой пластинчатые орудия, изготовленные методом отливки в одно- и двусоставных формах, бесчеренковые, либо с насадом для деревянной рукояти (рис. 6, 4–10). Предмет из погребения 1 представляет собой уникальное по технологии и качеству оформления изделие, ближайшие аналогии которому отмечены в Гладунинском кладе (рис. 6, 2) (Корочкова и др., 2013), на памятнике Шайтанское Озеро II (рис. 6, 3) (Сериков и др., 2009). Внешний облик позволяет сопоставлять его с кинжалами группы КЖ-8 сейминско-турбинского транскультурного феномена (Черных, Кузьминых, 1989, с. 91). Однако все известные схожие предметы выполнены в более грубой манере и значительно уступают кинжалу из погребения 1 могильника Степное VII по уровню проработки деталей декора. Технология изготовления очень схожих по внешнему облику гладунинского и шайтанского кинжалов принципиально отличается тем, что шишечки навершия расположены относительно плоскости кинжала под углом 90° , таким образом, что указанные изделия могли быть отлиты в обычной двусоставной форме. Остальные элементы рукояти имеют более простую степень проработки. Конфигурация степнинского кинжала предполагает совершенно отличную, более сложную технологию выплавки. Расположение его шишечек под углом 45° к плоскости рукояти предполагает выплавление навершия по восковой модели. При этом изучение предмета под микроскопом не обнаружило следов соединения частей кинжала, так же как и следов вторичной обработки после выплавки или после использования.

Таким образом, изделие было выплавлено целиком единовременно, не подвергалось последующей доработке и практически не использовалось. Можно предположить, что оно было изготовлено для какого-то конкретного события/действия ритуального характера. Сходство оформления гладунинского, шайтанского и степнинского кинжалов предполагает их связь на уровне идей, как принадлежащих к одному функциональному типу предметов, однако различия в технологии изготовления и мастерстве исполнения говорят о происхождении из различных центров производства. Найденные ранее на могильнике Степное VII многочисленные оригинальные и сложные предметы из металла – ритуальные топоры, украшения (Куприянова, Зданович, 2015) – подразумевают что население, оставившее памятник, имело собственный высокотехнологичный центр производства металлических изделий. Обнаруженный в 2016 г. кинжал изготовлен здесь же, а не является импортом. Скорее всего, говоря о связи петровско-алакульских групп населения с сейменско-турбинским феноменом в этой части уральского региона, речь можно вести об импорте идей, но не вещей.

Комплекс украшений из погребения разнообразен и содержит как стандартные украшения петровско-алакульского круга памятников (желобчатые браслеты, перстни, височные кольца, подвески в 1,5 оборота, крестовидные и очковидные подвески) (рис. 5, 12–31), так и оригинальные и редкие украшения. К числу редких находок можно отнести накосное украшение и лицевую подвеску (рис. 4, 4).

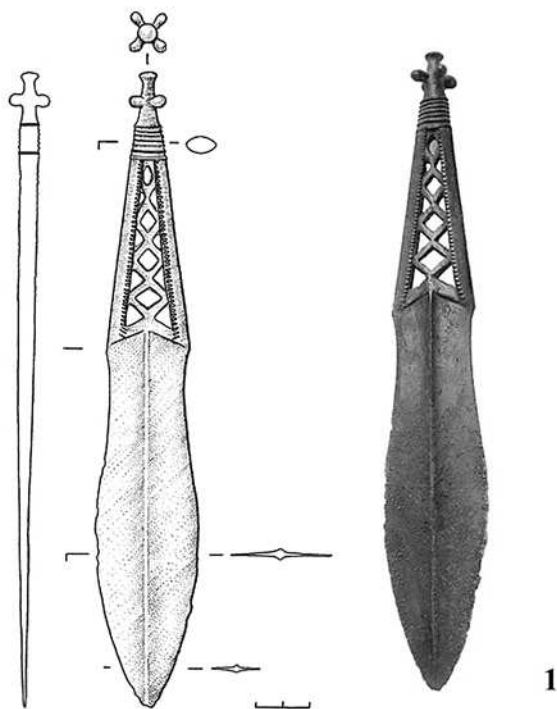
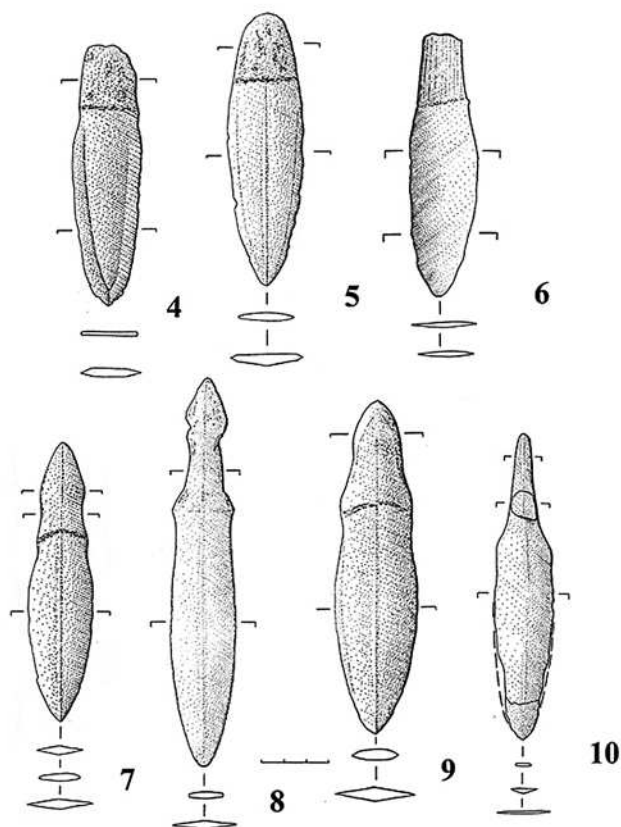
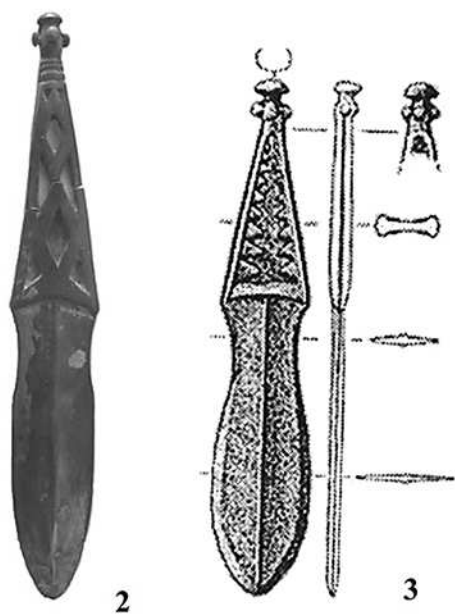

Рис. 6. Могильник Степное VII, комплекс 8:

1 – ритуальный кинжал из ямы 1; 2–3 – ближайшие аналогии кинжала (2 – Гладунинский клад, по: Корочкова и др., 2013; 3 – Шайтанское Озеро II, по: Сериков и др., 2009); 4–10 – ножи и кинжалы, найденные в погребальных комплексах могильника Степное VII в 1999–2016 годах (погребения 17, 19, 44, местонахождения 1–2, яма 2 комплекса 8) (по: Куприянова, Зданович Д., 2015)

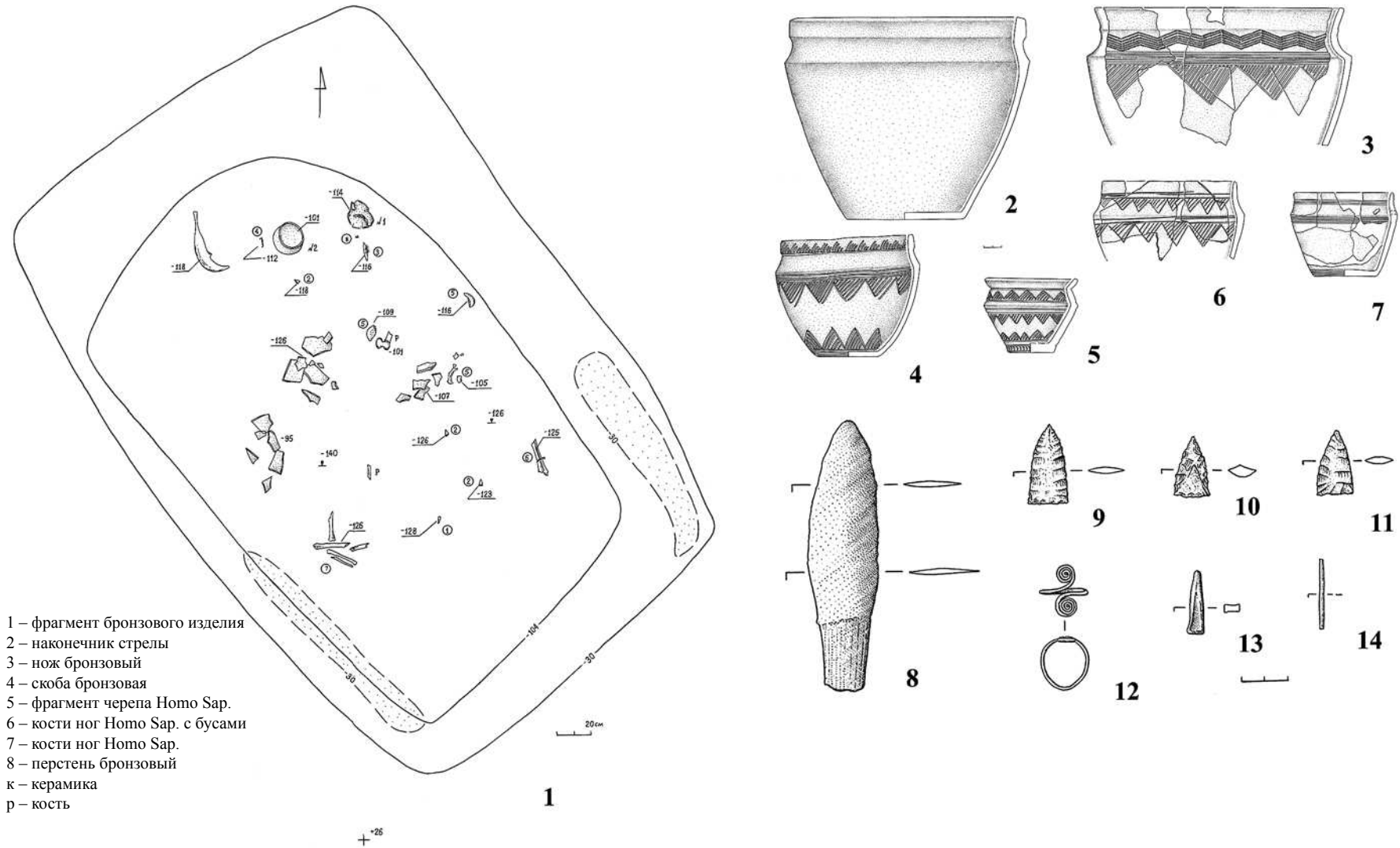

Рис. 7. Могильник Степное VII, комплекс 8, яма 2:

1 – план погребения; 2–14 – погребальный инвентарь: 2–7 – керамический комплекс; 8 – нож бронзовый; 9–11 – каменные наконечники стрел; 12 – перстень бронзовый; 13 – фрагмент орудия из бронзы; 14 – фрагмент бронзовой скрепки

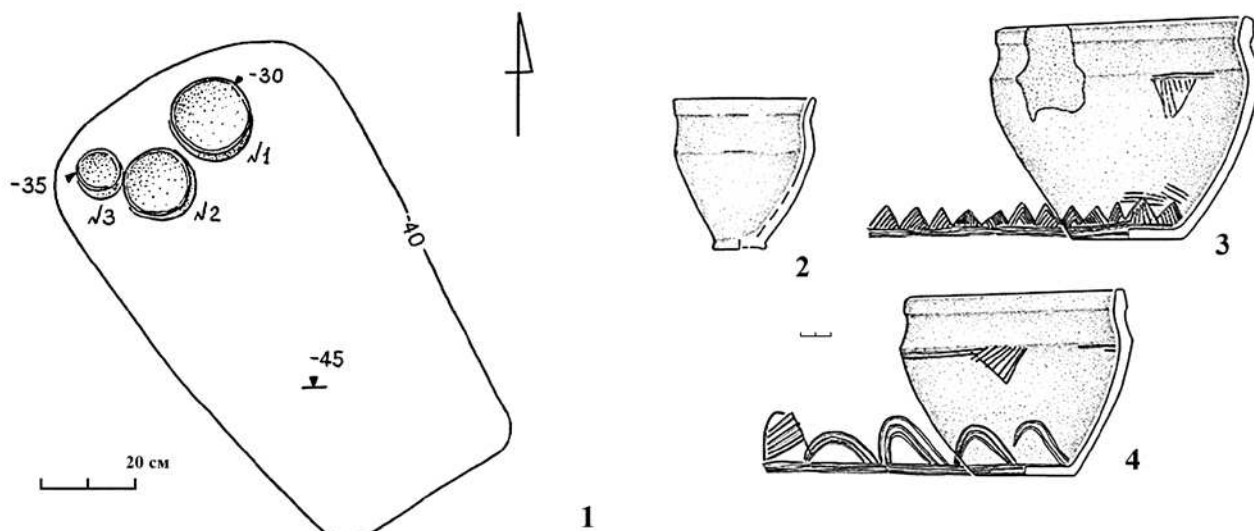

Рис. 8. Могильник Степное VII, комплекс 8, яма 3:

1 – план погребения; 2 – сосуд № 3; 3 – сосуд № 1; 4 – сосуд № 2

Накосник состоит из двух параллельных низок бронзовых бусин, заканчивающихся листовидными подвесками, по классификации накосных украшений эпохи бронзы относится к первому типу (Усманова, Логвин, 1998), подтипу 1 (Куприянова, 2008, с. 58). *Лицевая подвеска*, состоявшая из расположенных попарно отрезков плетеной тесьмы шириной 0,5–0,7 см, на которые крепились мелкие бронзовые обоймы, и нашитых на них на концах круглых бронзовых бляшек, орнаментированных чеканкой, имеет аналогии в могильниках петровско-алакульского круга (там же, с. 69–80), в том числе в погребениях 17 и 31 могильника Степное VII. Оригинальным украшением является и подвеска из 24 целых и фрагментированных амулетов, изготовленных из зубов лисицы (рис. 4, 2).

Две петровские ямы комплекса 8 демонстрируют типичную для петровско-алакульских некрополей схему погребального обряда.

Первоначально построенная **яма 2** (рис. 7) расположена в центре площадки, окруженной кольцевым рвом. Форма верхних очертаний подпрямоугольная, размеры в плане 4,1×2,7 м, в придонной части размеры ямы уменьшаются до 3,3×2 м.

Погребение ограблено в древности. В придонной части в беспорядке фиксировались различные артефакты. В северном углу стоял целый сосуд № 1 (рис. 7, 2), чуть восточнее лежал небольшой сосуд-светильник № 1 в развале (рис. 7, 7). Фрагменты крупного сосуда (рис. 7, 3) в большом количестве лежали в центральной части ямы. Миниатюрный сосуд очень плохой сохранности (рис. 7, 5) находился в северном углу ямы. Рядом с сосудами № 1 и 2 находились бронзовый нож, бронзовый перстень, каменный наконечник стрелы, бронзовая скоба. Еще два наконечника стрел и фрагмент бронзового орудия лежали ближе к восточному углу ямы. Возле северо-западной стенки найдена заготовка орудия из нижней челюсти КРС плохой сохранности. В заполнении ямы и в культурном слое вокруг нее отмечены фрагменты еще двух сосудов. В придонной части фиксировались также многочисленные кости и фрагменты черепа *Homo sapiens*. В юго-восточной половине ямы у северо-восточной и юго-западной стенок *in situ* находились фрагменты трубчатых костей ног двух индивидов *Homo sapiens*. На костях одного из них зафиксированы низки пастовых и бронзовых бус. Всего по антропологическим определениям в яме найдены останки двух-трех индивидов в возрасте 18–20, 25–35, 16–18(?) лет⁴.

⁴ Определения С.Р. Газизовой.

Керамический комплекс ямы (рис. 7, 2–7) представлен шестью сосудами горшечной формы. Внешний облик керамического комплекса позволяет отнести его к петровской археологической культуре эпохи поздней бронзы Южного Зауралья.

Яма 3 (рис. 8), по всей вероятности, являющаяся младенческим погребением, расположена на площадке внутри кольцевого рва, к северо-востоку от ямы № 2. Размеры ямы в плане 1,05×0,62–0,45 м, форма – подтрапещевидная со скругленными углами. На дне ямы возле северо-западной стенки стояли три сосуда – два средних размеров, один – небольшой. Других находок в яме не зафиксировано.

Керамический комплекс (рис. 8, 2–4) представлен тремя сосудами горшечной формы, позволяющими отнести его к петровской археологической культуре эпохи поздней бронзы Южного Зауралья.

Заключение

Исследованный в 2016 г. комплекс 8 органично вписался в структуру могильника, располагаясь с западного края в цепочке исследованных погребальных сооружений. Погребальный обряд комплекса, с одной стороны, продолжает традиции могильника, с другой – представляет ряд новых черт и артефактов, существенно расширяющих знания о культуре эпохи бронзы. Если погребение 2 представляет собой довольно стандартную картину петровского погребального обряда с завершенным циклом, включая ритуальное постпогребальное вторжение в яму, то яма 1, встроенная в более ранний комплекс, является, безусловно, элитным захоронением, одним из самых богатых в могильнике, знаменуя его особое положение.

К продолжающимся традициям относится сооружение 8-образных комплексов. В прежние годы исследований таких комплексов было зафиксировано три: комплексы 4, 6–7, из которых комплексы 6 и 7 являются монокультурными и относятся к петровскому этапу, а комплекс 4 включает как петровские, так и алакульские погребения (Куприянова, Зданович, 2015, с. 30–31). Комплекс 8 также является бикультурным. Данный факт свидетельствует о том, что алакульское население позиционировало себя как продолжателей традиций и потомков петровской культуры, так же как и зафиксированные ранее на могильнике случаи длительного использования жертвенных ям в разные периоды, близость обрядности и материальной культуры.

Как продолжение петровских традиций в алакульском обряде можно интерпретировать и парное жертвоприношение целых туш лошадей в яме 1, ранее зафиксированное в этом памятнике лишь в петровских комплексах (Куприянова, Зданович, 2015, с. 109, 121). Вторичное погребение, когда остаткам костяка придается анатомическое положение, предполагаемое для подростков в яме 1, также ранее отмечалось на могильнике лишь в петровских погребениях (ямы 19, 44).

Некоторые виды украшений, зафиксированные в яме 1, были отмечены ранее только в петровских погребениях могильника. Так, лицевая подвеска представляет собой близкую аналогию украшения из ямы 17. Бронзовые перстни, бочонковидные бусы, из которых состояло наkosное украшение, также встречались ранее лишь в ямах с петровскими материалами.

Абсолютно новой для могильника явилась находка ритуального кинжала, аналогии которому находятся в кругу сейминско-турбинских древностей. Ранее связь с сейминско-турбинским металлургическим комплексом указывалась исследователями относительно набора ножей из петровского погребения 17 комплекса 4 (Сериков и др., 2009, с. 73), но кинжал из раскопок 2016 года, представляя собой изделие совершенно другого уровня и качества, говорит скорее о связях на уровне импорта идей и технологий, чем торгово-обменных отношениях.

В целом исследованный комплекс 8, по сравнению с соседними комплексами, производит впечатление незавершенности. Удивительна стерильность культурного слоя, не характерная

для могильников эпохи бронзы – практически все артефакты и следы ритуальной деятельности локализовались в пределах трех ям. Вызывает вопросы как почти полное отсутствие периферийных погребений и жертвоприношений петровского этапа, так и незавершенность погребального процесса в алакульской яме 1, где основное пространство могилы оказалось не занято. Эклектичность керамического комплекса погребения 1 свидетельствует об участии в его создании большого коллектива, а само погребение оставляет впечатление жертвенного, поскольку поза жертвенных лошадей на перекрытии практически буквально повторяет позу подростков, погребенных непосредственно под ними, сопровождаемых ритуальным кинжалом.

Изучение материалов могильника Степное VII, существенным дополнением к которым стали раскопки комплекса 8 в 2016 г., подкрепляет выводы о том, что алакульское население микрорайона не считало себя чем-то отличным от петровского, органично продолжая традиции и достраивая уже существующие погребальные комплексы, а также, возможно, сохраняя и используя артефакты предыдущего периода. Таким образом, материалы могильника многократно и ясно демонстрируют, что петровские и алакульские погребения могильника оставлены одной группой населения, разнясь лишь по времени создания.

Литература

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Усачев Е.В., Ханов С.А. 2013. Гладунинский клад эпохи бронзы // Уральский исторический вестник. № 2 (39). С. 129–136.

Куприянова Е.В. 2008. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: АвтоГраф. 244 с.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. 2015. Стилиевые вариации керамического комплекса могильника Степное VII в социо-культурном аспекте функционирования некрополей эпохи бронзы Южного Зауралья // Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия. С. 144–178.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. 2015. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия. 196 с.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. 2009. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (38). С. 67–78.

Усманова Э.Р., Логвин В.Н. 1998. Женские накосные украшения Казахстана. Лисаковск: КарГУ. 64 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейменско-турбинский феномен). М.: Наука. 320 с.

Усманова Э.Р.¹, Лачкова М.К.², Жилыева Н.Е.³

¹ Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. академика Е.А. Букетова, Казахстан;

² Лисаковская археологическая экспедиция, Казахстан

³ г. Лисаковск, Костанайская область, Казахстан

АНДРОНОВСКИЙ КОСТЮМ: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА ДО МУЗЕЙНОЙ РЕПЛИКИ

Аннотация. В статье описывается реконструкция андроновского женского костюма, представленная в экспозициях музеев Казахстана. В ее основе использованы свидетельства о найденных остатках плетеного текстиля и декора головного убора из могильников Лисаковской округи первой половины II тыс. до н. э. (Казахстан, Костанайская обл., г. Лисаковск). Археологизированный текстиль позволил экспериментально изготовить реплики двух женских головных уборов и жилета. Другой головной убор был реконструирован на основе найденных фрагментов кожи. Дается определение плетеному текстилю. Выделено два типа накосных украшений. Определяется знаковое содержание андроновского костюма и семантика головного убора в контексте символики женского традиционного костюма.

Abstract. The first evidence of woolen cloths and products made of them were found at the Andronovo burial site of Siberia. An important archeological find demonstrating a special character of the Andronovo woven textile was found in an Alakul tomb of the Lisakovsk burial site I (Kostanay region, Kazakhstan). The particular soil conditions of the site allowed for a good preservation of a textile base of a female's headgear, which served as a decorative headdress. Mostly it consisted of woolen braids of a brown-red colour. The cloth sewn from separate braids was likely to be the base for creating a variety of different things of the Andronovo clothes. Another type of headgear is reconstructed on base of leather fragments. Multiple replicas of Andronovo kit suit were made within a process experiment and presented in several museums of Kazakhstan.

Введение. Текстильные образцы (фрагменты плетеной тесьмы, шнуры, нити) относятся к шерстяным изделиям из погребений, которые принадлежат к культурам андроновской общности II тыс. до н. э. (могильники Лисаковской округи, Костанайская обл., Казахстан). На основании их изучения были восстановлены главные особенности текстильных технологий в андроновское время (Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118). Наряду с головными уборами из шерстяного текстиля были распространены и уборы из кожи, фрагменты которых обнаружены в других андроновских могильниках урало-казахстанских степей (Усманова, 2010, с. 35–43). На основании найденного корпуса свидетельств по андроновской женской одежде и ее элементов были созданы реконструкции элементов костюма в экспозициях Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья, Жезказганского историко-археологического музея, заповедника-музея «Улытау», музея истории города Алматы (Республика Казахстан) (Приложение Д, рис. Д.1–Д.3).

Археологические свидетельства о технологическом процессе изготовления шерстяного текстиля. Остановимся подробнее на этапах получения шерстяного волокна и в дальнейшем шерстяной нити для ткачества. Находки костей в археологических комплексах позволяют утверждать, что овца крупной породы при среднем росте в холке 70 см и весе 50 кг занимала одно из ведущих мест по количеству особей в андроновском стаде (Потемкина, 1985, с. 312; Ахинжанов и др., 1992, с. 175–177; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 69).

Характеристика волокон текстильных лисаковских образцов показала, что в ткачестве использовалась тонкорунная шерсть очень хорошего качества (Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118). Возможно, что «лисаковцы» разводили овцу, близкую к породе меринос, которая дает длинный пух, позволяющий прясть тонкую, но прочную нить. Уместно вспомнить миф о золотом руне, который мог быть отражением реальных походов греков в поисках источника качественной шерсти. По общепринятым сведениям овца породы меринос была выведена в

Передней Азии в 3–2 вв. до н. э., возможно, на основе отар, попавших туда из Средней Азии. Арабы в 12 веке привезли овцу этой породы в Испанию, и оттуда в 18 веке она повсеместно распространяется в Европе (http://www.krugosvet.ru/enc/nauka_i_tehnika/biologiya/OV TSA.html). В казахских степях овца тонкорунной породы (меринос) – селективный продукт более позднего времени, а именно второй половины 20 века (Касенов и др., 2011). Пока не представляется возможным решить вопрос о путях появления тонкорунной овцы в составе стада эпохи бронзы. Фрагменты текстильных шапочек из андроновских могильников Минусинской котловины были связаны из шерсти грубошерстной и тонкорунной овцы (Сосновский, 1934, с. 92–96). То есть вполне вероятно, что андроновцы разводили тонкошерстную овцу.

Стригут тонкорунную овцу один раз в год (апрель – май), грубошерстную – два раза в год (весной и осенью). Стрижка происходит пластом, который и называется руном. Ножницы для стрижки известны с эпохи раннего железа (Малинова, Малина, 1988, с. 81). В казахстанских археологических комплексах эпохи бронзы ножницы не найдены. Однако шерсть с овцы можно получить не только стрижкой, но вычесыванием/выщипыванием. Может быть, в андроновском хозяйстве существовали какие-то деревянные или роговые гребни, которыми вычесывали пух, и они археологически не сохранились.

Освобожденная шерсть проходит несколько этапов обработки: сортировка, чистка, разрыхление, отбор по длине пуха и другим качествам. Если необходимо, то шерсть моется и проходит вторичную обработку в целях окончательного освобождения от мусора. Важный этап – это чесание. Андроновский плетеный текстиль выполнен из шерсти хорошего чесания. В казахстанских поселениях эпохи бронзы находятся гребни, выполненные на лопатке лошади, коровы или барана – расширенный край кости сделан в виде зубьев пилы (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 165, рис. 133). Возможно, они и применялись для чесания шерсти и подготовки ее к прядению.

Обычно шерсть окрашивается после прядения. Но в случае лисаковского текстиля окрас происходил до процесса прядения в форме сырья. Обнаружено три основных красителя марены *Rubia tinctorium* или другой разновидности марены из рода *Rubia*, или подмаренников из рода *Galium*: псевдопурпурин, пурпурин, ализарин (Орфинская, Голиков, 2010, с. 124, табл. 4).

Крапп – одна из древнейших растительных красок, добываемых из корней красильной марены (*Rubia tinctorium L.*). Красящими веществами краппа являются ализарин и пурпурин (Полосьмак, Кундо, 2005, с. 590). Мареной красили ткани в Древнем Египте, Китае, Персии, Средней Азии, в раннесредневековой Франции, Британии, Скандинавии. Владение корнями мареной приравнивалось владению богатством.

Крашение мареной – сложный химический процесс, который невозможен без применения протрав – квасцов, помогающих закреплять природный краситель на волокнах. Обычно – это соли металлов, наиболее распространенные из них: алюмоаммонийные, алюмокалиевые, железозаммонийные. Квасцы помогают варьировать цветовую колористику. В лисаковских текстильных образцах, окрашенных мареной, в качестве протравных катионов обнаружены алюминий и железо. Это означает, что авторский колорит мог быть и чисто красным (для алюминиевых протрав) и красновато-коричневым (для железных протрав). При этом преобладают протравные, а не прямые красители. Это свидетельствует о высоком качестве технологии крашения (Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118).

Очевидно, что андроновцы знали свойство растений семейства мареновых окрашивать волокна в красный цвет, присутствие которого было в полотне костюма было некой сакральной необходимостью. Мареной окрашивалось сырье/пряжа на достаточно большой территории распространения культур андроновской общности. Скорее всего, красильное сырье у андроновцев было местного происхождения, так как окрашенная пряжа – продукт местный. «Лисаковцы» красили шерсть до ее прядения и хорошо знали химию крашения. Вероятно, использовались

местные виды марены и подмаренников, которые росли в их районах проживания. Род Марена *Rubia* в Казахстане известен восемью видами. В Тобол-Ишимском междуречье два вида – марена Крашенинникова *Rubia Krascheninnikovii*, марена татарская – *Rubia tatarica*. Род Подмаренник *Galium* в Казахстане 25 видов. В Тобол-Ишимском междуречье встречаются 10 видов (Флора Казахстана, с. 125).

Главный и последний этап в технологической цепочке превращения шерстяного сырья в нить – это прядение, одно из главных домашних промыслов в эпоху бронзы. Прядение осуществлялось при помощи веретена. Многочисленные находки пряслиц (каменные, костяные, керамические) в культурных слоях андроновских поселений тому подтверждение (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 170; Ткачев А.А., 2002, ч. 1, с. 65, 67, 121; Горячев, Чернов, 2007, с. 110–112). Пряслице – это маховое колесико, надетое на деревянный стержень, обеспечивающее равномерное вращение при прядении. Андроновские прядильщицы могли прядь нити двух порядков: одинарную, двойную, что указывает на их прядильное мастерство (Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118).

При реконструкции костюма в нашем распоряжении оказались в основном образцы плетеной тесьмы (могильники Лисаковский I, II) от головного убора и куртки. Из сплетенных полос тесьмы сшивалось полотно, которое являлось текстильной основой изделия. По всей видимости, феномен плетеного текстиля является своеобразным *андроновским брендом*, творческим и технологическим достижением эпохи бронзы в создании костюма. Позже идея получения цельного полотнища для изделия способом сшивания полос ткани распространяется в практике кочевых культур. В такой манере – сшитые полосы ткани в горизонтальном направлении – выполнены полотнища юбок из могильников на плато Укок (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 62–64).

Лисаковский текстиль презентует все виды плетения, предшествовавшие ткачеству на станке: ручное плетение и плетение на дощечках. Кстати, не этот ли исторический факт в развитии ткацких технологий отражает миф о соперничестве Афины и Арахны? Плетенщица Арахна была превращена в паука, вечно плетущего свои сети, Афиной Палладой, которая олицетворяла собой передовые технологии ткачества на станке. У андроновцев, видимо, существовало простейшее ткацкое устройство, возможно в виде горизонтального или вертикального ткацкого станка. Текстильные отпечатки на стенках сосудов свидетельствуют о том, что уже в раннее андроновское время вырабатывался полуткацкий текстиль с полотняным переплетением, и сосуды формировались на болванке, обтянутой такой тканью (Чернай, 1985, с. 109).

Элементы андроновской одежды. Насыщенный металлический декор женского головного убора из могильника Лисаковский I (курган 1) способствовал сохранению текстильной основы шапочки с накосным украшением. Реставрация позволила восстановить вид текстильного полотна из тесемочных полосок, сплетенных вручную и сшитых вместе по спирали в головной убор конической формы (Усманова, 2010, с. 30–31). Было выделено несколько видов тесьмы по ширине и по количеству шерстяных нитей. Два основных вида отмечены в качестве текстильной основы головного убора: тесьма диагонально-полотняного переплетения шириной до 20 мм и количеством нитей 20; тесьма диагонально-саржевого переплетения шириной до 10 мм и количеством нитей 6.

Кроме того, фрагмент плетеного трехслойного текстиля от верхней одежды (кафтан или жилет) был обнаружен в погребении (могильник Лисаковский II, курган 1) (Усманова, 2010, с. 153). Основное полотно изделия как с лицевой, так и с изнаночной стороны сшивалось вертикальными полосами из шерстяной тесьмы шириной 25 мм, количество нитей 26. Для утепления куртка простегивалась полосами рыхлой серой ткани, изготовленной скорее всего на дощечках (табличках). С внутренней стороны серую ткань перекрывали широкой тесьмой, точно такой же, как и с лицевой стороны. Нижний край (подол) был закрыт и укреплен тесьмой с

внешней и внутренней стороны изделия. С внешней стороны использовалась шерстяная тесьма с диагонально-саржевым переплетением. Такая тесьма плотнее и декоративнее, чем тесьма диагонально-полотняного переплетения, которая использовалась с внутренней стороны подола. С лицевой стороны кафтан декорирован вышивкой, возможно «елочным» или ромбическим узором. В острых углах вышивки имеются следы от нашивных бляшек. Мастера могли заготавливать шерсть, прясть нити и плести тесьму разных видов в качестве заготовок, которые хранились какое-то время. По мере необходимости разные плетенки использовали при шитье полотна изделия (Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118).

Плетеный текстиль и его особенности. Плетение – один из древнейших производственных процессов, позволявший с его помощью получать готовые изделия и не только хозяйственного назначения, но и утилитарного, предназначенного для искусственного покрытия тела. Технологически плетение и ткачество связаны между собой. Плетение – это ручной перебор нити, а ткачество – это переплетение нитей на любом устройстве: рама, палочки, дощечки, ткацкий станок.

Есть одно важное отличие плетеной тесьмы от вязаного трикотажного полотна: она не распускается так легко как вязаная, и ее длина изначально должна быть выверена по длине используемой нити. Полоса тесьмы легко может разделяться по ширине за счет деления нитей поровну. Для шитья деталей андроновского костюма использовалось цельное полотно, полученное при помощи сшивания тесемок. Использование термина «плетеный текстиль» отражает технологический прием создания полотна, открывателем которого мог быть андроновский мастер.

Особенности конструкции и изготовления головного убора. Главным элементом андроновского женского костюма является головной убор, который отличался в костюме богатым убранством из металлических деталей, бусин, подвесок природных форм. Он сам по себе был очень нарядным и создавал оригинальный эстетический образ всего андроновского костюма. Изготавливался из кожи или плетеного полотна и, скорее всего, представлял собой шапочку или налобную повязку. По имеющимся археологическим данным различаются два вида головного убора: 1-й вид – с комплектом подвесных украшений; 2-ой вид – без него. Именно подвесные украшения – наконечник и челюстно-лицевая подвеска из бляшек – определяют главную стилевую направленность андроновского костюма и его отличительную черту от других костюмов степных культур эпохи бронзы. В головном уборе они встречаются по отдельности, но известны редкие случаи, когда они объединены в убранстве.

На основании фрагментов плетеной тесьмы из погребения могильника Лисаковский I была воссоздана реплика-модель головного убора. Отказ от проведения эксперимента по восстановлению полного технологического процесса в изготовлении реплики был продиктован причинами объективного характера: отсутствие подходящего сырья и опыта чесания, прядения, крашения шерсти. Для плетения тесьмы были взяты фабричная шерстяная нить толщиной 1 мм красно-бордового цвета для одного головного убора и красного цвета для другого головного убора. В начале плетения была рассчитана длина нити наполовину больше чем задуманная длина изделия. Например, для одного метра готовой тесьмы нужно взять чуть больше 1,5 метра длины нити, которая сматывалась в клубочек. Их количество могло доходить до 26. Скорее всего, были какие-то приспособления для крепления нитей у андроновских плетениц: доска вертикальная или горизонтальная. Мы же в одном случае использовали вертикальную поверхность спинки стула, к которой крепились моточки ниток. В другом случае – горизонтальную поверхность доски, на которую были набиты гвозди для привязывания ниток.

В процессе плетения тесьмы мы отметили следующие особенности самого этого процесса: при наличии навыка плетения тесьма плетется достаточно быстро; из толстых нитей тесьма плетется быстрее, чем из тонких ниток. После того как была сплетена из 20 нитей тесь-

ма диагонально-полотняного переплетения, мы приступали к «сооружению» головного убора. Тесьма, начиная с основания по окружности головы и далее вверх, укладывалась в спираль и сшивалась в конический головной убор высотой до 25 см. Конец тесьмы оставался свободным и протягивался с макушки изделия вниз к наkosному украшению. Для укладки и сшивания тесьмы использовалась болванка (сосуд конической формы или банка), которая позволяла придать изделию жесткую форму. Изготовление тесьмы шириной до 20 мм, длиной до 6,0 м и дополнительных тесемок (диагонально-саржевого переплетения) шириной до 10 мм (общая длина полос около 10 м) заняло примерно у нас 80 рабочих часов. Не исключено, что андроновские мастерицы плели тесьму быстрее.

В головном уборе по способу оформления деталей выделяются два типа наkosных украшений: I тип – простой: две/несколько низок бусин или полосы обойм, которые заканчиваются листовидными/ромбовидными подвесками; II тип – сложносоставной: две/несколько низок бусин держат ювелирный комплект из бронзовых подвесок, трубчатых пронизей, обойм, который заканчивается листовидными/ромбовидными подвесками. Для изготовления реплики был взят сложносоставной наkosник. Детали наkosного украшения были сделаны методом вырезания из пластины латуни желтого цвета, соответственно размерам и форме бронзовых оригиналов. Орнамент проштампован отбойником. Для имитации пастовых и бронзовых бусин были взяты пластмассовые, сходные по форме и размеру. Они были окрашены в бронзовый и голубой цвета. К шапочке в области затылка при помощи двух обойм дополнительно крепились две тесьмы с низками бусин. Третья – центральная тесьма, спущенная с макушки шапочки, служила основной полосой. Весь металлический декор наkosника скреплялся и держался тремя лентами тесьмы, которые монтировали в единое целое – головной убор и наkosник длиной около 60–70 см.

Благодаря изначально проведенной качественной реставрации и анализу конструкции наkosного украшения было осуществлено изготовление его реплики (Ченченкова, 2010, с. 125–131). При сборке по несущим боковыми центральной тесьме были пущены низки бусин. Их закрепили нитками в затылочной части шапочки, и они свободно свисали по длине тесьмы. К нижней части основной части ювелирной композиции наkosника опускались две боковые широкие тесьмы (из 20 нитей), одна центральная широкая и две узкие (из 10 нитей), которые были дополнительно закреплены под центральную пронизь. Все пять тесемок вместе с пущенными по ним низками бусин «подбирались» под арочную пластину, которая прикрывает их своей плоскостью. Основные превращения с полосами тесьмы были проделаны при закреплении парных пятиугольных пронизей в узловой нижней части. Боковые несущие полосы широкой тесьмы были согнуты вдвое, а узкие тесьмы протаскивались под загнутые стороны каждой пятиугольной пронизи. Центральная тесьма раздвигается и закрепляется к узким тесемкам и прячется под арочную бляшку. Таким образом, из-под пятиугольных пронизей выходят четыре узкие тесемки шириной 10 мм, длиной до 140 мм. По каждой были пущены два ряда низок бусин из четырех пастовых бусин, которые разделялись четырьмя рядами, скобами закрепленных на тесемку. При изготовлении реплики мы неоднократно отмечали, что андроновская мастерица, кроме того что хорошо умела плести, могла хорошо считать и обладала знанием пропорционального построения конструкции. Собрать головной убор с наkosником как одно цельное изделие из трех полос тесьмы с закреплением всех металлических деталей и бусин было достаточно сложным делом.

В завершении всего процесса макушка шапочки декорировалась полушарными бляшками и очковидной подвеской. Листовидные подвески, завершавшие всю композицию наkosного украшения, подвешивались к концам тесемок нитками через отверстия в верхней части бронзового «листа».

Другой подвесной гарнитур головного убора в виде челюстно-лицевой подвески – это цепь из круглых бронзовых орнаментированных бляшек, закрепленных на шерстяной тесьме/кожаный ремешок. Количество бляшек в подвеске колеблется от пяти до одиннадцати. Тесьма или ремешок пропускались через обоймы/рифленные пронозы, закрепленные в один-два ряда между бляшками, которые фиксировались в районе черепа и висков. При создании реплики головного убора было решено прикрепить к шапочке в районе висков и второе подвесное украшение – челюстно-лицевую подвеску.

Подвесной гарнитур к головному убору (накосник и челюстно-лицевая подвеска) определил стиль и бренд андроновского костюма, демонстрируя собственный андроновский эстетический образ, который был и знаком-символом территории и сообщества, определял статус носителя головного убора. Созданные нами три реплики головных уборов (две из тесьмы, одна из кожи), в целом моделируют реальную конструкцию андроновского головного убора.

Реконструкция и исполнение жилета/куртки. Анализ волокон шерстеплетеного полотна куртки (кафтана? жилета?) указал на использование при шивании тесьмы красного цвета разных оттенков, то есть изделие было полихромным, красноватого колорита. Основное полотно было сшито из тесьмы светло-розового цвета, украшено красновато-коричневой вышивкой и тесьмой того же цвета по подолу, а с изнаночной стороны – красной тесьмой.

При создании реплики жилета мы отказались от идеи воссоздания полного образа изделия по причине сложности исполнения и отсутствия информации по деталям его конструкции. Было принято решение сплести тесьму, сшить однослойное полотно и собрать само изделие. И здесь стоит отметить, что даже в облегченном варианте изготовление жилета для нас было нелегким делом. Для ускорения плетения тесьма плелась из фабричной шерстяной нити толщиной 3 мм. Восемь полос тесьмы длиной 120 см, шириной 3 см были перегнуты пополам по плечевой линии и сшиты между собой и по боковым швам, передние две полочки оставлены несшитыми. Пройма и ворот получились прямой конфигурации. Готовое изделие имеет вид короткого распашного жилета из плетеного однослойного полотна (отметим, что археологизированный текстиль был трехслойным). Концы тесьмы распущенные в виде бахромы по низу жилета. Левая и правая полочка были расшиты плетеным шнуром красного цвета орнаментом в виде ромба. Полученная реплика, пожалуй, только в общих чертах напоминает реальное изделие. В данном случае эксперимент продемонстрировал возможность создания и использования плетеного полотна в изготовлении разных деталей андроновского костюма.

Андроновская одежда: ритуальный и повседневный статус. Вполне возможно, что детали костюма из плетеного текстиля ввиду трудоемкости своего изготовления могли использоваться только в ритуальных целях, например, при погребении или в других обрядах. Значимые детали (головной убор) существовали в единичных экземплярах. Насколько одежда из плетеного полотна была распространена в повседневной жизни андроновской женщины – сказать трудно. Поскольку основные знания об андроновском костюме базируются на свидетельствах из погребений, относящихся по предметному содержанию к миру ритуалов.

Платье, скорее всего, шилось из станковой ткани. Сохранившейся на костяке декор в виде бусин или мелких бляшек по вырезу горловины, подолу платья и обшлагам рукава указывает на наличие женского платья в погребении. Можно говорить лишь о модели-реконструкции андроновского платья, так как археологически оно практически не фиксируется. За идею его покроя можно принять архаичный покрой среднеазиатской нераспашной одежды туникообразного покроя (Сухарева, 1979, с. 79). Судя по остаткам ткани под браслетами, можно считать, что длина рукава доходила до запястья. Браслеты могли играть роль зажимов для рукавов (Куприянова, 2008, с. 134, фото 19). Длина платья доходила до колен или чуть ниже, до середины голени: в этих местах находились бусины или нашивные бляшки.

Вырез платья, по всей видимости, был горизонтальным и широким, позволял голове легко проходить через него. Горизонтальный ворот мог стягиваться ремешком. Именно этот вариант оформления ворота мы использовали при шитье реплики андроновского платья. Пастовые бусины, фиксируемые в районе шеи, чаще всего располагались полукругом или зигзагом. Хотя возможен и другой вариант оформления ворота. Ширина тканого полотна, скорее всего, соответствовала ширине ткацкого станка: около 40–50 см. Платье могло сшиваться из четырех полотнищ обметочным или бельевым швом, который используется для обработки края ткани и одновременного соединения срезов ткани. Вероятно, швы были и на плечах, при отсутствии ножниц так можно было регулировать размер горловины. Этой же цели мог служить вертикальный разрез в районе груди, получавшийся за счет не до конца зашитого центрального шва. Для избегания трения с кожей при ношении шерстяной ткани все швы прошивались с лицевой стороны. Рукава сшивались из сложенного вдвое полотнища и пришивались в районе плеча. Платье получалось со спущенной проймой. Ворот, обшлага рукавов и подол, по-видимому, обрабатывались плетеной тесьмой.

Одна реплика андроновского платья была сшита из хлопчатобумажного полотна красного цвета полотняного переплетения шириной 80 см, декорировано по вороту, обшлаго рукавов и по подолу бусинами. Другая реплика платья изготовлена из домотканого полотна из конопли (приобретено в Каменец-Подольске и позже было окрашено нами химическим красителем в красный цвет), обшита бусинами по вороту, обшлагам рукавов и нижней части переда платья. Рукава со стороны внутреннего шва декорированы ракушками. В целом оформился собирательный образ платья на основе археологических свидетельств из разных андроновских погребений урало-казахстанских степей.

Обувь, по всей видимости, была кожаной. Хотя можно предположить наличие обуви из войлока. Фрагменты кожаных нитей и ремней часто фиксируются в металлических обоймах, в бусинах, которые украшали обувь. По имеющимся материальным свидетельствам находок фрагментов обуви из андроновских могильников можно говорить о ее двух видах: полусапожки (в этом случае бусины, обоймы фиксируются на костяке на уровне середины голени); мягкие башмаки, собранные у щиколотки и затянутые ремешком (Куприянова, 2008, с. 101). Для реплики взят кусок кожи, согнутый наполовину, размером 40×40 см и по нему вырезано лекало контура ступни. Полученная деталь была закреплена по центральной линии тыльной стороны стопы кожаным шнуром через дырки, пробитые пробойником, на уровне щиколотки продернут кожаный ремешок. Носок подогнут и прошит. Поверхность изделия с тыльной стороны стопы была декорирована бусинами, бляшками и пронизиями.

Экспозиция реплик в музеях Казахстана. Выполненные реплики андроновского костюма выставлены в экспозициях четырех музеев в Казахстане: Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья, Жезказганский историко-археологический музей, заповедник-музей «Улытау», музей истории города Алматы. Они демонстрируются в разном культурологическом контексте. Лисаковский музей – это реконструкция андроновского ритуала погребения. В погребальный ящик из каменных плит помещен женский манекен, одетый в полный комплект костюма: головной убор с накосником и челюстно-лицевой подвеской, платье, обувь, украшения. В Жезказганском музее костюм представлен с акцентом на показ платья и особенности технологии плетеного головного убора. В экспозиции заповедника-музея «Улытау» – это демонстрация крепления ювелирного декора на рисунок с изображением реконструкции головного убора. В музее истории города Алматы – это полный образ андроновской ткачихи в костюме со всем набором ткацкого инструментария на фоне панорамы, изображающей андроновское поселение. Представлена реплика кожаного убора и сделан акцент на оформление кончиков кос – надет кожаный мешочек по аналогии находки фрагмента кожаного мешочка из могильника Лисаковский I (Усманова, 2010, с. 34–35). Над созданием реплик трудилась целая команда, реплики

изготовлены в течение десяти лет и в разные периоды. Авторы-исполнители реплик: О. Евстигнеева, Т. Кунина, Л. Когай, А. Цехмайструк (Караганда), Е. Исатаев (Жезказган), С. Бурцева, Н. Жилиева (Лисаковск), Р. Салимов (Владимир), Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» (Алматы), манекен «Андроновская ткачиха» С. Пожарский (Алматы).

Символика андроновского костюма. Представление андроновского костюма в музейной экспозиции основывается на главных знаковых его принципах. Основной взгляд фокусируется на головном уборе, который маркирует верх, и обувь, которая маркирует низ. «Небо и земля» одежды – головной убор и обувь, которые украшались всевозможными декоративными деталями и являлись ударными элементами комплекта андроновского костюма. Платье – это текстильная вертикаль, подобная стволу дерева, объединяла головной убор и обувь в единую семантическую, эстетическую композицию. Дизайн головного убора определялся его символическим значением в костюмном ансамбле. Тем более, что в обрядовом костюме (по всей видимости, именно таковым является женский костюм в андроновском погребальном обряде), головной убор, отодвигая практическую функцию на второй план, отдавал предпочтение религиозно-магической, соотносимой с охранной магией матери и ребенка, женской фертильности (Гаген-Торн, 1960, с. 139, 143).

Весь дизайн андроновского головного убора подчинен культуре плодородия. Форма подвесок: растение – лист, ромб – женское начало. Красный цвет шерсти – это цвет крови. Орнамент бляшек-оберегов – круг, спираль, крест – это распространенные знаки Земли, Вселенной (Усманова, 2010, с. 83–93). Накосник с шумящими подвесками в виде листа по своей форме напоминает образ дерева: воплощение идеи о живом, растущем, плодоносящем. Шум, звон, издаваемый при ходьбе висящими подвесками, очевидно, был призван отпугивать злые силы. Накосное украшение индексировало возрастные группы. По археологическим данным в детских погребениях украшение для волос в его металлическом облики отсутствует. Накосник появляется в головном уборе подростков (12–14 лет) и присутствует у захороненных женщин в возрасте до 20–25 лет. Традиционно покрытие волос со стороны спины связывается с моментом вступления в брачный возраст или непосредственно в сам брак. Смена головного убора символизирует смену социального статуса «незамужняя – замужняя женщина». Спрятать волосы – означает защитить их по законам магии. Волосы символично ассоциируются с растительностью, с понятием плодородия (Гаген-Торн, 1933, с. 76–88).

Головной убор с накосником можно назвать легендой женского традиционного костюма. Начав свое существование в украшении костюмного ансамбля культуры степной бронзы, он переживает сотни лет и продолжает свою эстетическую и магическую жизнь в женском свадебном костюме по причине своего великого священного значения – беречь женскую силу плодородия. Накосные украшения известны в женских головных уборах многих евразийских народов: казахов, мордвы, марийцев, башкир, туркмен, татар, хакасов, чувашей, якутов, хантов. Без этого ювелирного архетипа трудно представить женский народный головной убор (Усманова, 2010, с. 76–88).

Литература

- Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. 1992. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата: Галым. 218 с.
- Гаген-Торн Н.И. 1960. Женская одежда Поволжья. Материалы к этногенезу. Чебоксары: Чувашское государственное издательство. 230 с.
- Гаген-Торн Н.И. 1933. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. № 5/6. С. 76–88.
- Горячев А.А., Чернов М.А. 2007. Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Тургень-II // История и археология Семиречья. Вып. 3. Алматы. С. 106–119.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. 2002. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ. 138 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. 1992. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Галым. 247 с.

Касенов Т.К., Тореханов А.А., Карамшук И.Т. 2011. Новая порода «Етті меринос». Алматы. 310 с.

Куприянова Е.В. 2008. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» [по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана]. Челябинск: ООО «Авто Граф», 244 с.

Малинова Р., Малина Я. 1988. Прыжок в прошлое. М.: Мысль. 268 с.

Орфинская О.В., Голиков В.П. 2010. Экспериментальное исследование текстильных изделий из раскопок могильника Лисаковский II // Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций / Приложение 1. Караганда – Лисаковск. С. 114–124.

Полосьмак Н.В., Кундо Л.П. 2005. Пазырыкцы в поисках красного цвета // Центральная Азия. Источники, история, культура. М.: «Восточная литература». С. 589–600.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. 2005. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО. 232 с.

Потемкина Т.М. 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука. 374 с.

Сосновский Г.П. 1934. Древнейшие шерстяные ткани Сибири // ПИДО. № 2. С. 92–96.

Сухарева О.А. 1979. Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука. С. 77–103

Ткачев А.А. 2002. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Том I. Тюмень: Изд-во ТюмГНГИ. 289 с.

Усманова Э.Р. 2010. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда – Лисаковск: Tengri. 176 с.

Чернай И.Л. 1985. Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1985. С. 93–109.

Ченченкова О.П. 2010. Реставрация женского украшения в косу – накосника // Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций / Приложение 2. Караганда – Лисаковск. С. 125–132

Флора Казахстана. 1965. Т. 8. Алма-Ата: Наука. 447 с.

http://www.krugosvet.ru/enc/nauka_i_tehnika/biologiya/OV TSA.html (дата обращения 18.01 2016 г.). Энциклопедия Кругосвет. Овца.

**Петров Ф.Н.¹, Батанина Н.С.², Малая Н.В.^{1,2}, Плаксина А.Л.²,
Маркова Л.М.², Носкевич В.В.³, Ын Ч.Я.⁴**

¹ Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим»;

² Челябинский государственный университет;

³ Институт геофизики УрО РАН;

⁴ Питтсбургский университет, США

ПОСЕЛЕНИЕ ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ (СИНТАШТА II) ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015 – 2017 гг.

Аннотация. Статья посвящена результатам первого этапа раскопок и естественно-научных исследований многослойного поселения эпохи бронзы, расположенного в Зауральской степи в долине реки Синташта. Использование дешифровки аэрофотоснимков, построение 3D-моделей поверхности на основании результатов тахеометрической съемки и микромагнитного картирования позволили определить основы пространственной структуры существенно поврежденного памятника. На вскрытых раскопами участках трех жилищ и обводного рва были прослежены особенности переиспользования остатков ранних построек синташтинско-петровского времени на черкаскульско-межовском этапе существования поселения. Материалы палеоботанических исследований позволяют сделать новые шаги по изучению хозяйства скотоводов бронзового века.

Abstract. The article is devoted to the results of the first stage of excavation and natural-science research of a multi-layered settlement of the Bronze Age, located in the Ural steppe in the Sintashta river valley. The use of aerial photographs, the construction of 3D-model of the landscape of the site and micromagnetic research made it possible to determine the foundations of the spatial structure of a substantially damaged settlement. On the excavated parts of the three houses and the ditch were traced the features of the re-use of the remnants of the early buildings of the Sintashta time in the Cherkaskul stage of the settlement's existence. The materials of the archeobotanical studies carried out make it possible to take new steps to study the economy of pastoralists of the Bronze Age.

Многослойное поселение эпохи бронзы Левобережное (Синташта II, известное также как Комсомольское или Селенташ) расположено на левом берегу реки Синташта, левого притока реки Тобол, в 500 м к северу от поселка Комсомольский, на территории Брединского района Челябинской области. Было открыто в 1989 г. в результате дешифровки аэрофотоснимков И.М. Батаниной. На основании решения Челябинского облсовета от 1992 г. и Законодательного собрания Челябинской области от 1998 г. включено в государственный реестр памятников истории и культуры, имеет правовой статус объекта культурного наследия федерального значения. В 100 м к северу от поселения одновременно с ним был открыт курганный могильник Комсомольский II, состоящий из шести невысоких земляных насыпей, расположенных неровной цепочкой, вытянутой в широтном направлении (рис. 1).

История изучения. По результатам дешифровки аэрофотоснимков поселения, выполненной И.М. Батаниной, и его предварительного обследования Н.М. Меньшениным в 1990 г. и полевым отрядом А.Д. Таирова в 1994 г. (Таиров и др., 1995, с. 82–83, 87) была опубликована небольшая статья о поселении в 6-м томе Энциклопедии Челябинской области (Батанина, Зданович, 2006, с. 46) и более подробное описание памятника в составе вышедшей в 2007 г. коллективной монографии (Зданович, Батанина, 2007, с. 152–156).

Исследования поселения отрядом археологической экспедиции Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим» были начаты в 2015 г. с разведочного обследования, а в 2016 и 2017 гг. на поселении было вскрыто два раскопа площадью, соответственно, 80 м² и 192 м² (рис. 3, 4). Также за три года работ на памятнике в целях определения

распространения и характера культурного слоя было заложено 12 шурфов общей площадью 14 м², таким образом общая вскрытая площадь составляет на настоящий момент 285 м². На двух участках поселения общей площадью 1592 м² выполнена микромагнитная съемка с использованием градиентометра ММПГ-1 по сети 0,5×0,5 м (рис. 4). По территории памятника и его окрестностей выполнен целый комплекс работ, включающий в себя ландшафтно-геологические, геоботанические, палеоботанические, почвоведческие и гидрологические исследования.

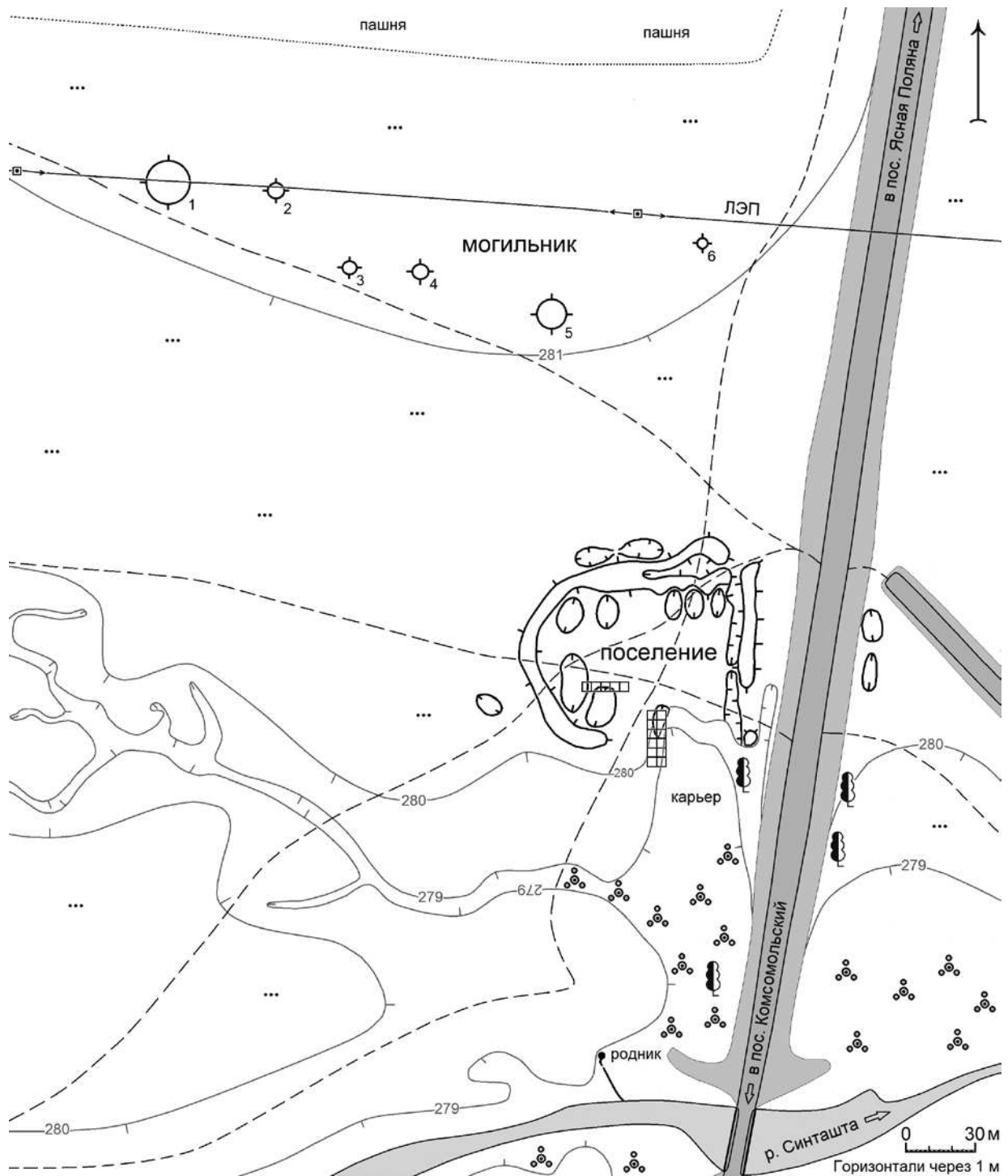

Рис. 1. Поселение Левобережное (Синташта II) и могильник Комсомольский II. Ситуационный план

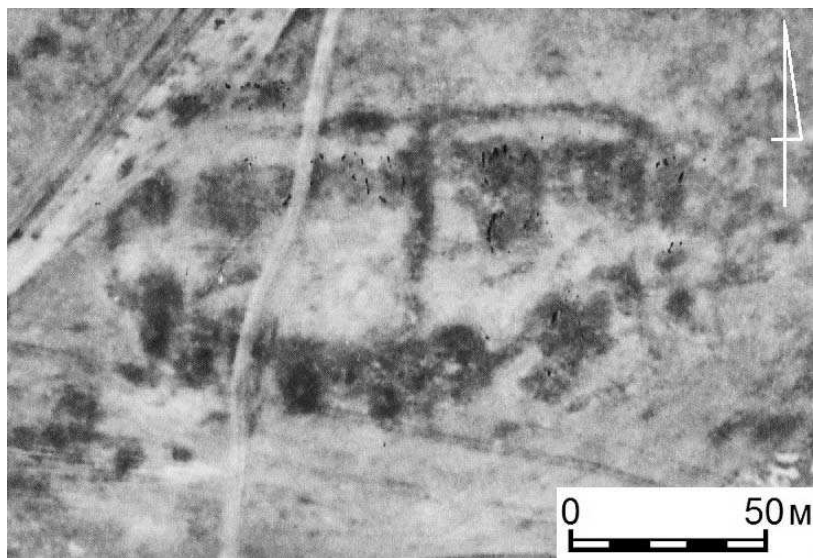

Рис. 2. Поселение Левобережное (Синташта II): фрагмент аэрофотоснимка 1976 г.

Долговременное изучение поселения и вмещающего его ландшафта стало возможно благодаря участию в этих работах отряда юных археологов из клуба «Формика» под руководством С.В. Маркова, студентов 4 курса историко-филологического факультета ЧелГУ Н.Ф. Петрова и Л.Ю. Борониной, отряда студентов экологического факультета ЧелГУ и волонтеров из разных городов Урала, а также содействию межрегионального научного центра Московского областного общественного фонда историко-краеведческих исследований и гуманитарных инициатив «Наследие» и его сотрудницы Л.В. Пантелеевой. Работы на памятнике планируется продолжать еще не менее пяти лет.

Характеристика вмещающего ландшафта. По физико-географическому районированию поселение Левобережное (Синташта II) расположено в пределах Уральской горной страны в степной зоне, в провинции Урало-Тобольского междуречья. Климат района – резко континентальный, жаркое ветреное лето сменяется суровой зимой с сильными морозами и метелями; максимальная летняя температура плюс 41 °С, минимальная зимняя температура минус 46 °С. Среднегодовое количество осадков – около 350 мм (Борисова и др., 2003, с. 489). В геологическом плане эта территория относится к Восточно-Уральской мегазоне складчатой области Урала, расположенной восточнее Главного Уральского разлома. Коренные породы данной зоны представляют собой фрагменты докембрийской континентальной коры, перемежающиеся палеозойскими океаническими и островодужными комплексами (Пучков, 2000, с. 7, 16–17). Русловые отложения реки Синташта представлены глинизированными песками. Выше по склону под маломощным делювиальным шлейфом залегают коренные породы палеозойского возраста: туфогеновые песчаники и сланцы, диабазовые порфириды, кварциты и амфиболиты. Участками присутствуют выходы железистых песчаников и конгломератов палеогенового возраста, а также неогеновые красноцветные глины.

Междуречья территории исследования представляют собой плоскую, слегка всхолмленную равнину, слабо наклоненную к востоку, по геоморфологическому районированию относящуюся к Зауральскому пенеплену (Сигов и др., 1968). Переход от водоразделов к долине реки Синташта нечеткий, через пологие, слегка задернованные склоны высотой 30–50 метров относительно русла реки. Рыхлые отложения первой надпойменной террасы перекрыты делювием, поэтому структурные элементы террасы не выражены в рельефе. Русло реки врезано в аллювиальные отложения на 2,0–2,5 м, местами берега реки обрывистые.

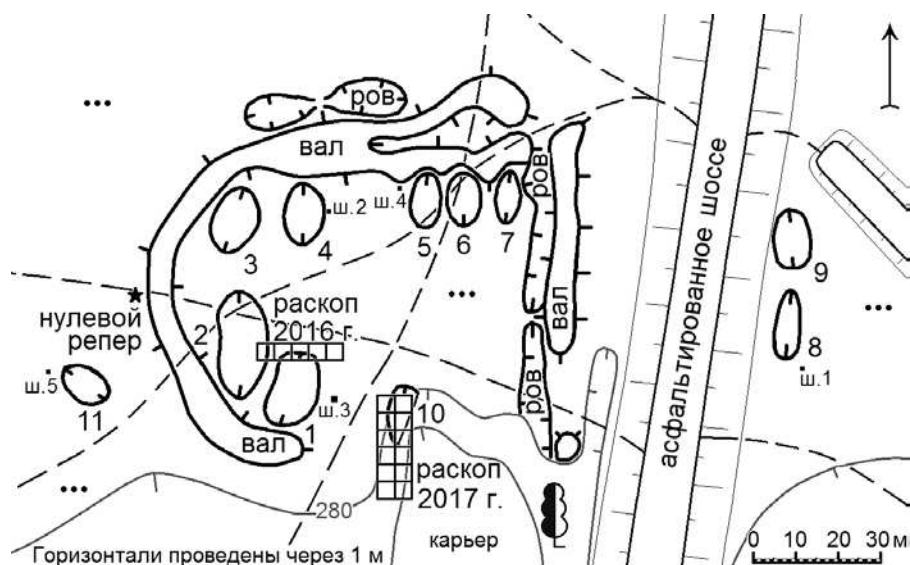

Рис. 3. План-схема поселения Левобережное (Синташта II)

Река Синташта относится к маловодным рекам казахстанского типа, ее основной сток приходится на весеннее половодье (Захаров, 2006, с. 46). Русло реки в окрестностях поселения извилистое, с многочисленными излучинами и старичными озерами. По данным гидрохимических исследований, проведенных в конце июня 2017 г., вода в старицах отличается меньшей минерализацией по сравнению с водами реки, которые согласно общепринятой классификации, являются солоноватыми с концентрацией солей 1194 мг/л. Все остальные изученные водные объекты являются пресными. В районе исследований преобладают хлоридно-гидрокарбонатно-натриевые воды с достаточно низким показателем общей жесткости в диапазоне от 1,3 до 4,6 мг-экв/дм³. Исключением являются воды реки с общей жесткостью 8,5 мг-экв/дм³. Гидрохимические особенности исследуемой территории обусловлены химизмом засоления почв и почвообразующих пород, а также непромывным водным режимом, при котором слаборастворимые карбонаты остаются в почвенном слое, а более растворимые хлориды и сульфаты выносятся из почв со склоновыми водами.

Почвы данной местности – в основном южные черноземы и солонцы, местами отмечены пятна солончаков. Мощность гумусовых горизонтов почв составляет 35–40 см. На водоразделах и верхних частях склонов гумусовые горизонты чаще всего не содержат карбонатов и растворимых солей, рыхлые, хорошо оструктурены. Почвы первой надпойменной террасы с поверхности содержат карбонаты в виде пропитки. Террасовые почвы, сформированные на суглинках, очень плотные с поверхности, засоленные; на аллювиальных песках – менее плотные за счет песчаной составляющей.

В геоботаническом плане район расположения поселения относится к степной зоне, подзоне ковыльно-разнотравных (северных) степей, району степей и островных боров Урало-Тобольского водораздела (Куликов, 2006, рис. 1, с. 11–12). В растительном покрове в доагрикультурный период на водоразделе и пологих склонах преобладали разнотравно-ковыльные и ковыльно-типчаковые степи с довольно бедным по видовому составу степным разнотравьем, часто включающим галофитные виды. В настоящее время большая часть исследуемого участка представляет собой разнотравно-типчаково-полынное сообщество, находящееся, по определяющим параметрам Н.П. Миронычевой-Токаревой, на третьей стадии пастбищной дигрессии (Миронычева-Токарева, Левит, 2004). Растительность имеет проективное покрытие от 30 % до 90 %. В понижениях рельефа в пойме реки и блюдцеобразных бессточных впадинах встречаются осоковые кочкарники,

заросли камыша, тростника и ивняки. На более возвышенных участках поверхности поселения зарастает разнотравно-типчачово-полынным сообществом и разнотравно-вейниково-осоковым лугом, по жилищным впадинам в понижениях в основном разнотравно-злаковый остепненный луг. В целом памятник хорошо задернован за исключением участков, занятых асфальтированной дорогой и песчаным карьером. Левый берег реки Синташта, на котором расположен памятник, также как и правый, безлесен. Редкие березовые колки встречаются на расстоянии около 6 км к северо-востоку от поселения на плакорном пространстве и приурочены к небольшим логам.

Описание памятника. Изучаемое поселение занимает слегка возвышенный участок у бровки высокой надпойменной террасы, на расстоянии 150 метров от берега реки, на высоте 2,5 м над урезом воды в реке. Поселение существенно повреждено, через его восточную часть в конце 1980-х гг. была проведена асфальтированная дорога из пос. Комсомольский в пос. Ясная Поляна, уничтожившая около 1/3 общей площади памятника, а южная часть поселения частично уничтожена песчаным карьером, который разрабатывался в тот же период времени для обеспечения строительства автодороги.

Планиграфия поселения реконструируется на основе новых результатов дешифрирования аэрофотоснимков 1957 и 1976 гг., а также обработки материалов тахеометрической и микромагнитной съемки. Данные, полученные в ходе применения всех этих методов, совмещаются на базе размеченной на памятнике единой геодезической сети и демонстрируют высокую сходимость. Построенная на основе результатов тахеометрической съемки памятника 3D-модель рельефа его современной поверхности позволила выявить слаборазличимые в современном ландшафте жилищные впадины, которые отчетливо читаются на аэрофотоснимках (рис. 5). Карты магнитных аномалий, выполненные для двух участков поселения на основе результатов микромагнитной съемки, позволили уточнить расположение обводного и внутреннего рвов, в том числе в южной части памятника, где в современном рельефе ров совершенно не выражен; а также обеспечили возможность значительно более отчетливой фиксации формы и расположения котлованов жилищ (рис. 4).

Изучаемое поселение имеет подпрямоугольную форму, вытянуто в широтном направлении, его размеры в пределах обводного рва 175×105 м, общая площадь до строительства автодороги и создания песчаного карьера составляла около 18 тыс. м². Структура памятника образована двумя параллельными широтными рядами меридионально вытянутых жилищных впадин, расположенных непосредственно друг за другом; при этом в обоих рядах по данным дешифровки аэрофотоснимков фиксируется до 23 впадин. Центральная ось поселения проходит по «улице», проходящей между северным и южным рядами впадин. С наружной стороны оба ряда впадин окружены валом, представляющим собой развал общей внешней стены жилищ раннего этапа существования поселения, за ним фрагментарно прослеживаются углубления заплывшего рва. В северной части памятника сразу за рвом фиксируется небольшое поднятие, возможно связанное со вторым (внешним) валом. В центральной части поселения пересекают меридиональные ров и вал, разделяющие его на две не совсем равные части.

В настоящее время на дневной поверхности памятника фиксируется только часть объектов, которые были дешифрированы на аэрофотоснимках 1957 и 1976 гг. В западной и центральной части поселения фиксируются пять сохранившихся жилищных впадин в северном ряду, три жилищные впадины в южном ряду, развал обводной стены, фрагменты наружного и внутреннего (меридионального) рвов. От восточной части памятника сохранился только небольшой участок, на котором прослеживаются две жилищные впадины – крайние восточные впадины северного и южного ряда. Всего в пределах обводного вала и рва на местности фиксируется 10 жилищных впадин из 23, определяемых по аэрофотоснимкам, кроме того еще одна впадина была выявлена за пределами развала обводной стены, к западу от западного края южного ряда впадин.

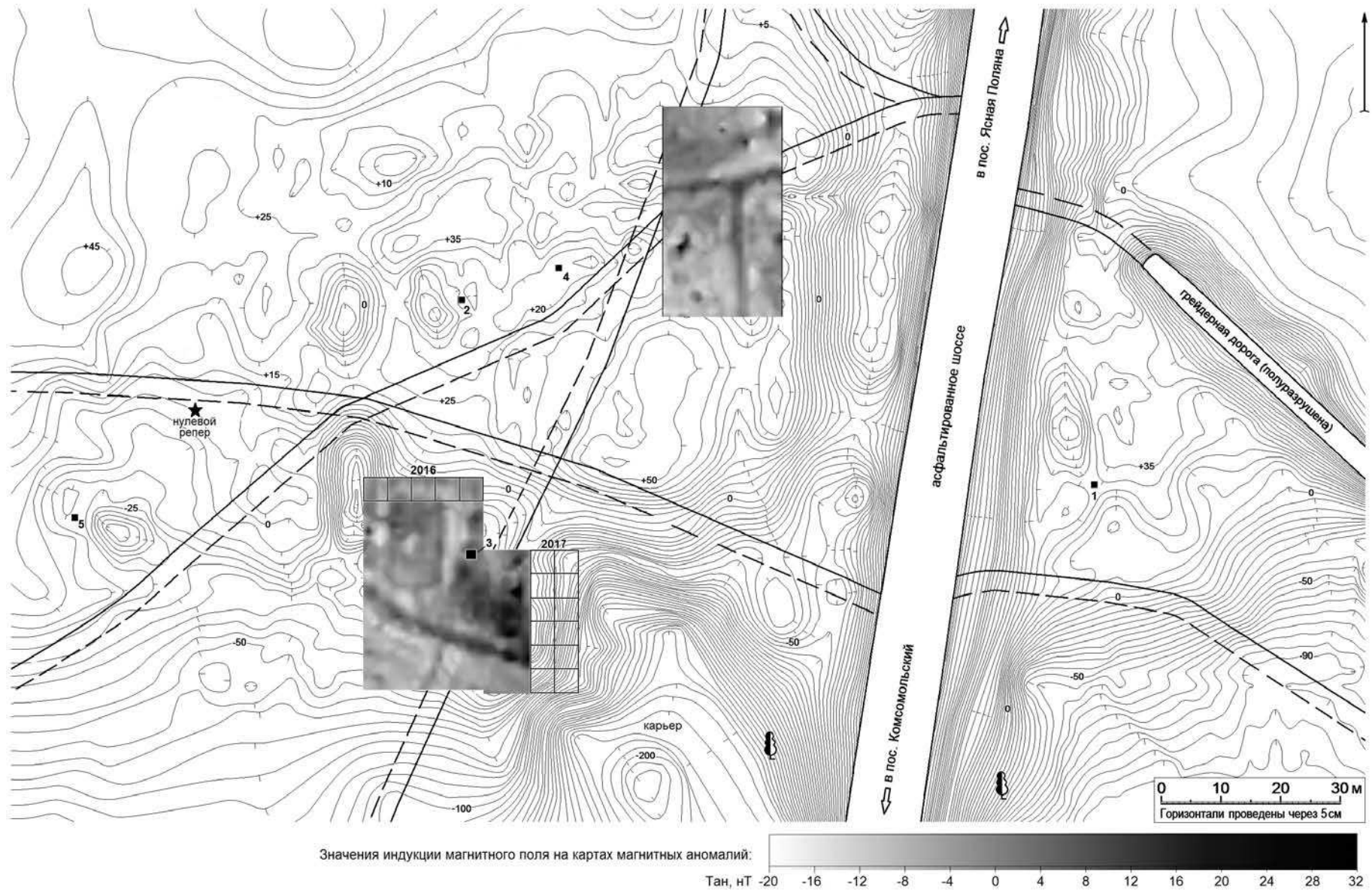

Рис. 4. Тахеометрический план поселения Левобережное (Синташта II) с нанесенными на него результатами микромагнитной съемки

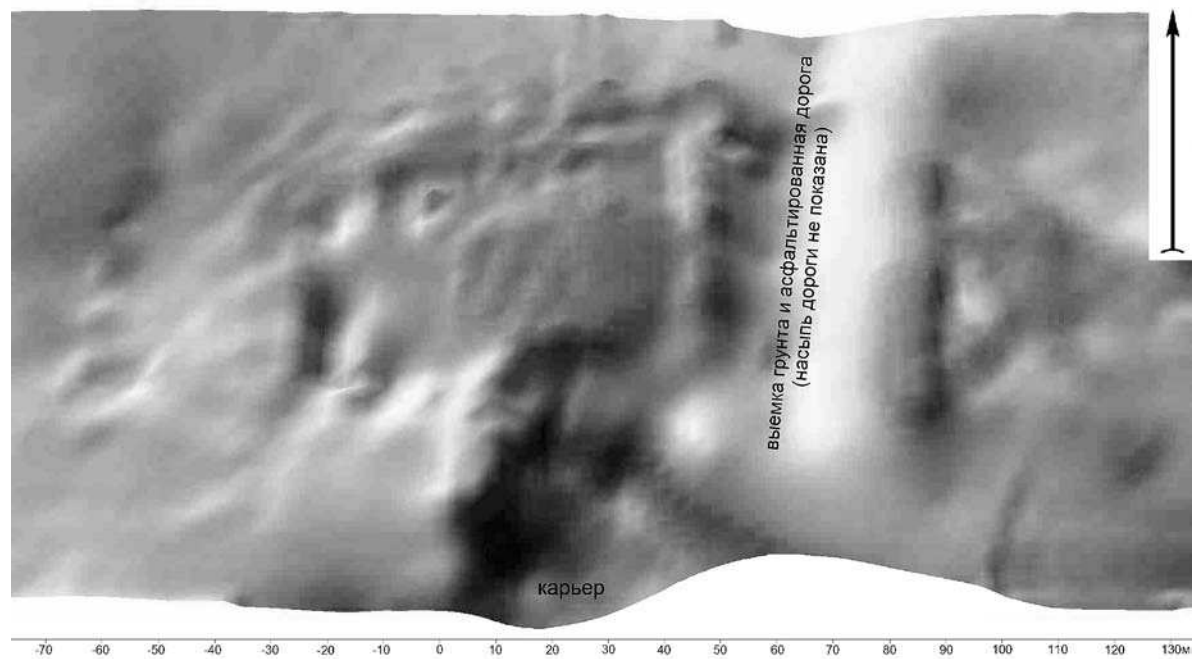

Рис. 5. 3D-модель рельефа дневной поверхности поселения Левобережное (Синташта II) по данным тахеометрической съемки

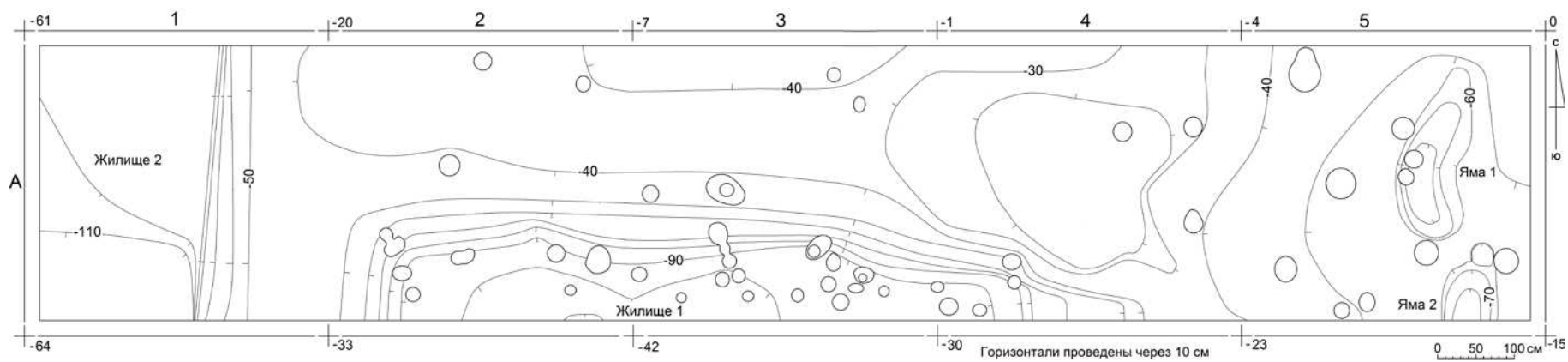

Рис. 6. Поселение Левобережное (Синташта II), план раскопа 2016 г. с отображением рельефа материкового грунта

Методика изучения поселения была выбрана с учетом опыта современных мультидисциплинарных исследований поселения Каменный Амбар, реализованных международным коллективом специалистов на базе археологической экспедиции Института истории и археологии УрО РАН (Корякова и др., 2011). Все работы на памятнике производились в рамках общей сетки от единого репера, все планы и чертежи выполнялись с ориентацией на географический, а не на магнитный, север. Раскопки осуществлялись квадратами 2×2 м, объединенными по четыре квадрата в участки 4×4 м, между которыми оставлялись бровки шириной 30 см по линии нивелировочных колов для изучения стратиграфии. Вскрытие культурного слоя выполнялось метрическими горизонтами с промежуточными зачистками каждые 10 см, сопровождающимися графической и фото-фиксацией. Выборка ям проводилась по половинкам для фиксации профиля и характера заполнения. Постоянный инструментальный контроль обеспечил достаточно высокую степень точности разбора культурного слоя. Индивидуальная фиксация всех выявленных предметов и фрагментов предметов, а также культурно определяемых фрагментов керамических сосудов велась с помощью нивелира или тахеометра. Фрагменты сосудов без культурно определяемых признаков и кости животных учитывались по квадратам и горизонтам.

Раскоп 2016 г., заложенный в западной части поселения, вскрыл фрагмент центральной «улицы» и примыкающую к нему с юга торцевую часть котлована жилища 1, фрагмент котлована жилища 2 и участок межжилищного пространства с двумя неглубокими ямами и значительными следами горения (рис. 6). Торцевая часть котлована жилища 1 имеет скругленные подпрямоугольные углы, глубина котлована в материке достигает на этом участке 0,6 м. Вдоль торцевой стенки древнего жилища в котловане зафиксированы многочисленные столбовые ямки, отражающие, вероятно, неоднократные этапы перестройки или заселения, осуществлявшиеся с использованием одного и того же архитектурного принципа: строительство жилищной конструкции с опорой на ряды деревянных столбов. Фрагмент котлована жилища 2, фиксирующегося к западу от котлована жилища 1 и существенно дальше заходящего на территорию т.н. «улицы», имеет глубину в материковом грунте до 0,6 м, однако в нем не обнаружено ни одной столбовой ямки, что свидетельствует об использовании иного архитектурного принципа либо о не жилищном предназначении данного участка котлована. В расположении столбовых ямок на межжилищном пространстве раскопа 2016 г. можно увидеть следы трех почти параллельных субширотных рядов столбовых конструкций, возможно, оставшихся от примыкавших к жилищу 1 навесов или изгородей, либо являющихся свидетельствами существования еще одного жилища, не имеющего котлована в отличие от жилищ 1 и 2. Заполнение котлованов обоих жилищ подобно друг другу, на примыкающих к стенкам котлованов предматериковых участках фиксируется слой серо-коричневой гумусированной супеси, а основное заполнение образовано темно-серой гумусированной супесью; в котловане жилища 1 вдоль его западного края залегает лиственный слой мощностью до 0,35 м (рис. 7).

На межжилищном пространстве раскопа 2016 г. фиксируется, в основном, однородный культурный слой, сложенный плотной темно-серой супесью, представляющей собой, по определению почвоведов А.С. Якимова, засоленный грунт с характерной столбчатой структурой. У ямы 2, расположенной в юго-восточной части раскопа на межжилищном пространстве и содержащей в себе значительные следы горения, зафиксировано пристроенное углубление, в котором обнаружены костные остатки туши молодой овцы (определение П.А. Косинцева).

В состав полученной коллекции, наряду с описываемыми ниже фрагментами керамических сосудов, вошло шесть металлических предметов: два небольших слитка, пластина и три капли. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа, проведенного в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН, показали, что одна из капель состоит из медно-мышьяковистого сплава, еще одна – из свинцово-медного сплава, остальные предметы – из

меди, при этом в двух из них фиксируется заметная доля мышьяка. В раскопе были найдены фрагменты девяти шлаковых лепешек, в том числе с закраинами. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа в Институте минералогии УрО РАН (М.Н. Анкушев) позволили установить, что большинство шлаков – хромитсодержащие, что свидетельствует об ультраосновной рудовмещающей породе. Коллекция каменных предметов включает в себя 11 галечных лощил, в основном изготовленных из кварцевых галек; 4 абразива из песчаника (рис. 10, 4) и 14 других макроорудий и их фрагментов, в том числе молоток для дробления из кварцита, лощило по металлу из кремнистой породы (рис. 10, 1) и др.¹

Раскоп 2017 г., заложенный в юго-западной части поселения, на участке, существенно поврежденном песчаным карьером, вскрыл западную и центральную части жилища 10 и фрагмент внешнего рва поселения (рис. 8). Ров имеет глубину в материковом грунте чуть более 1,5 м и ширину по верхним очертаниям около 3,0 м. В нижней части рва обнаружены многочисленные углистые прослойки, вероятно, связанные с происходившим на поселении пожаром или пожарами (рис. 9, 2). Аналогичные углистые слои зафиксированы в нижней части заполнения исследованных на территории и в окрестностях жилища 10 ранних хозяйственных ям. Основное заполнение рва образовано завалом обрушившейся в него части обводной стены и перекрывающим ее слоем мощного зольника. Вероятно, на поздних этапах существования памятника сюда выгребали золу из очагов и печей. Располагавшаяся за рвом на раннем этапе существования поселения обводная стена оказалась полностью разобранной на этом участке памятника еще в древности. Наличие на ее месте ряда неглубоких столбовых ямок свидетельствует о том, что на месте расположения стены были возведены какие-то хозяйственные постройки.

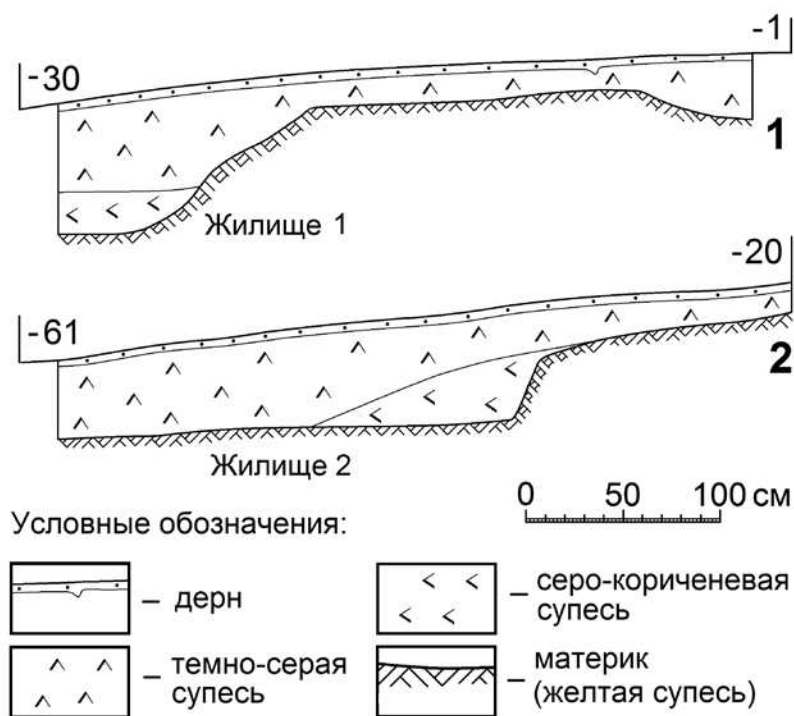

Рис. 7. Поселение Левобережное (Синташта II), участки профилей раскопа 2016 г.:

1 – западный профиль бровки между участками А3 и А4 (жилище 1); 2 – фрагмент профиля северного борта раскопа, зафиксированный на участке А1 (жилище 2)

¹ Петрографические определения обнаруженных в раскопе каменных изделий выполнили геологи А.Л. Шохин и В.В. Богатырев (ЦДТ г. Челябинска). Классификацию найденных макроорудий выполнила С.Я. Зданович (Заповедник «Аркаим»).

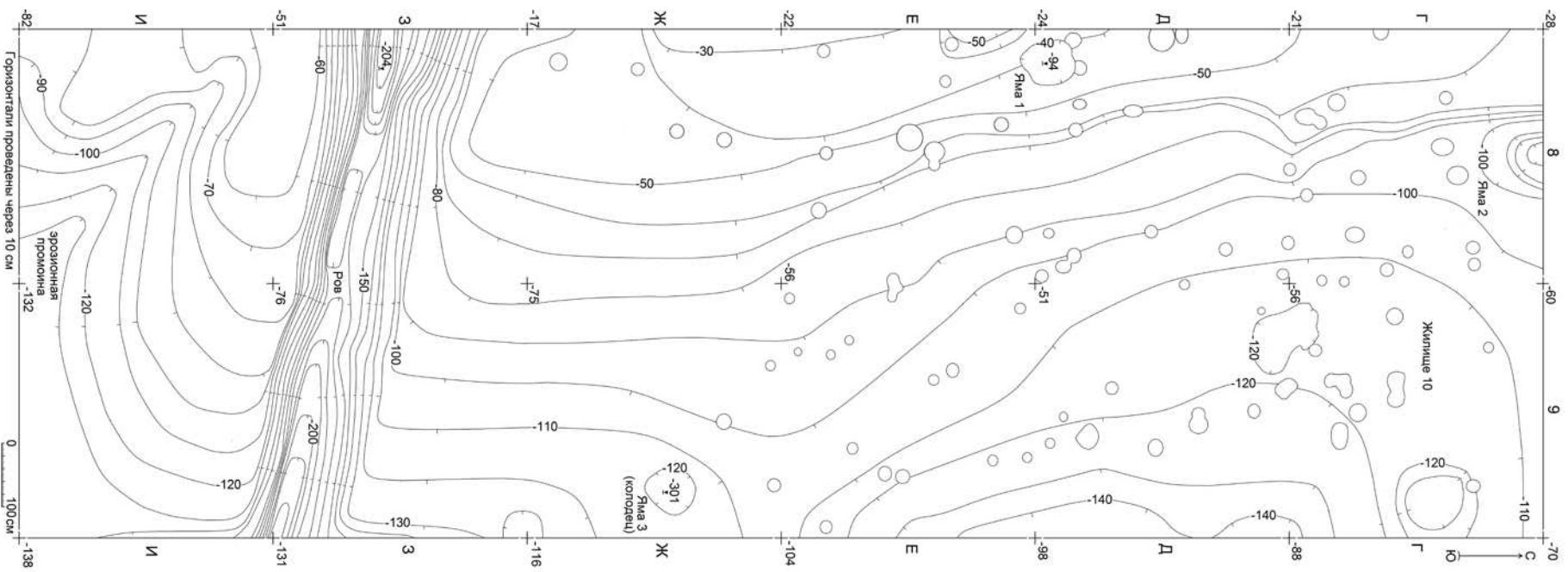

Рис. 8. Поселение Левобережное (Синташта II), план раскопа 2017 г. с отображением рельефа материкового грунта

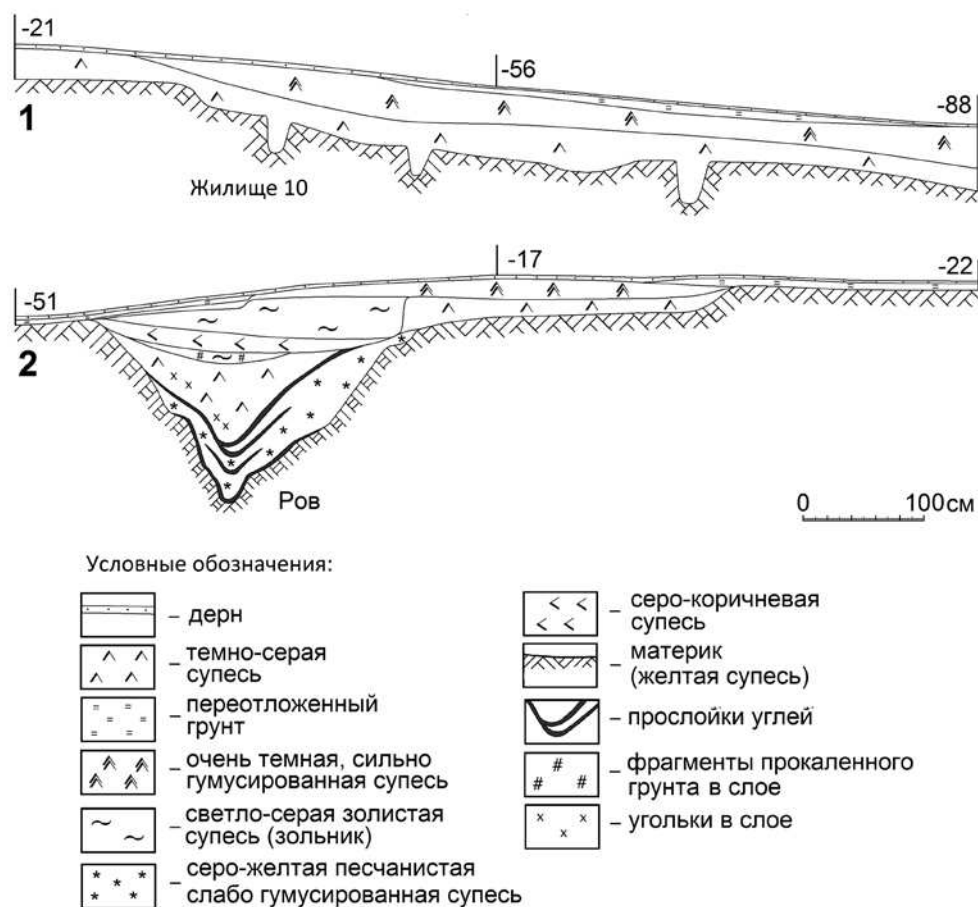

Рис. 9. Поселение Левобережное (Синташта II), участки профилей раскопа 2017 г.:

1 – северный профиль бровки между участками Г8, Г9 и участками Д8, Д9 (жилище 10); 2 – фрагмент профиля западного борта раскопа, зафиксированный на участках Ж8 и 38 (ров)

К северу от рва раскопом были исследованы западная и центральная части поврежденного песчаным карьером котлована крупного жилища эпохи бронзы, углубленного в материковый грунт на глубину до 1,0 м (рис. 9, 1). Жилище подпрямоугольной формы было вытянуто по направлению ССЗ-ЮЮВ, котлован жилища прослежен в раскопе на протяжении 12 м в меридиональном направлении и 7 м в широтном направлении. Судя по остаткам строительных конструкций, это жилище также было построено в традиции каркасно-столбовой архитектуры; при этом по меньшей мере один ряд деревянных столбов вдоль края котлована составлял основу его стен, а два параллельных ряда столбов в центральной части жилища поддерживали его кровлю. На уровне дна котлована в центральной части данного жилища были исследованы два очага разных типов: каменная выкладка и углубленное в материковый грунт основание грунтовых очаговых конструкций с многочисленными следами прокала.

В районе южной (торцевой) части котлована жилища 10, где песчаный карьер срезал на глубину до полуметра первоначальный массив материкового грунта, был обнаружен и исследован древний колодец. Изначально он имел глубину около 2,6 м, но до нашего времени сохранился только в своей средней и нижней части на два с небольшим метра от уровня дна. Колодец представляет собой углубление в материковом грунте не вполне правильной округлой формы диаметром до 0,8 м с практически вертикальными стенками. Его заполнение почти однородным темным гумусированным грунтом с отдельными угольками, костями животных и фрагментами керамики, при этом практически без материковых затеков, говорит о том, что он был сознатель-

но засыпан, а не разрушался естественным путем. Нижняя часть колодца на 70 см углублена в современный водоносный слой и заканчивается существенно более плотным дном. В заполнении колодца у дна был обнаружен развал сосуда баночной формы, который может быть датирован временем существования петровской культуры (начало II тыс. до н. э.).

В число находок, сделанных в ходе исследований 2017 г., входят 11 медных и бронзовых предметов, в том числе два металлических изделия – стержень (рис. 10, 3) и крючок (рис. 10, 2), один слиточек черного металла и восемь металлических капель, а также 44 фрагмента шлаковых лепешек, 4 фрагмента медной руды – малахита, в том числе один из них – в ультраосновной рудовмещающей породе; 16 галечных лоцил, 6 абразивов из песчаника и 15 макроорудий и их фрагментов, в том числе молоток дляковки, изготовленный на основе кремнистой гальки, и крупный фрагмент терочной плиты.

Керамический комплекс поселения в составе коллекций 2015–2017 гг. состоит из 1629 фрагментов керамических сосудов. Один сосуд баночной формы, обнаруженный у дна колодца, сохранился практически целиком (рис. 13, 9); еще три развала крупных частей сосудов были обнаружены в ходе исследований торцевой части жилища 1 (рис. 15, 5; 17, 1, 4), развалы частей девяти сосудов расчищены в западной и центральной части жилища 10 (рис. 12, 4; 14, 1, 2; 15, 3; 17, 6, 9), еще один развал обнаружен на межжилищном пространстве к западу от котлована этого жилища, в верхней части заполнения хозяйственной ямы (рис. 12, 3). Практически вся остальная керамика с поселения довольно сильно фрагментирована.

Для изучения керамического комплекса исследуемого памятника нами была сделана выборка наиболее представительных фрагментов сосудов. Объем выборки – 246 фрагментов от 200 сосудов, по 100 сосудов из раскопов 2016 и 2017 гг. Указанная выборка была проанализирована нами по следующим основным признакам: форма сосудов, состав теста, способ обработки поверхности, орнаментальные композиции сосудов и орнаментальные бордюры (Рудковский, 2010, с. 133–135), а также технология нанесения орнамента.

В составе выборки было выделено 5 групп сосудов, соответствующих по своим основным признакам различным культурным типам керамики позднего бронзового века Зауральской степи.

Группа 1 – керамика синташтинского типа, составляет 18 % от объема выборки (рис. 11). По форме сосудов она распадается на две основные подгруппы: сосуды горшечной формы с невысокой, сильно отогнутой шейкой, образующей внутреннее ребро горловины: тип Г1 согласно типологии керамики поселения Аркаим (Малютина, Зданович, 2004, с. 69–72) и крупные сосуды баночной формы с приостренными валиками или широкими желобками в верхней части сосудов, они соответствуют типу БП аркаимской керамики (Малютина, Зданович, 2004, с. 76–80). Керамика этой группы характеризуется хорошо обработанной, тщательно заглаженной поверхностью, наличием в тесте весьма значительных примесей дресвы талька или слюды, широким использованием в орнаментации гребенчатого штампа в геометрических орнаментах и технологии каннелирования – формирования на поверхности сосуда каннелюр, нешироких желобков с отчетливыми краями, использующихся в качестве разделителей орнаментальных зон и для нанесения так называемого «вертикального елочного» орнамента на внешнюю поверхность основного объема туловища сосудов. К этой же группе были отнесены фрагменты нескольких сосудов, не имеющих всех признаков классического синташтинского типа керамики, но схожих по форме и орнаменту с довольно разнообразной посудой, зафиксированной в культурном слое поселения Аркаим вместе с собственно синташтинскими фрагментами (рис. 12); они соответствуют типу Г2 и, отчасти, варианту Г2(2) в типологии аркаимской керамики (Малютина, Зданович, 2004, с. 72–74). Некоторые из этих сосудов несут на себе, на наш взгляд, определенный отпечаток влияния, возможно – опосредованного влияния, позднейшей и катакомбной керамических традиций.

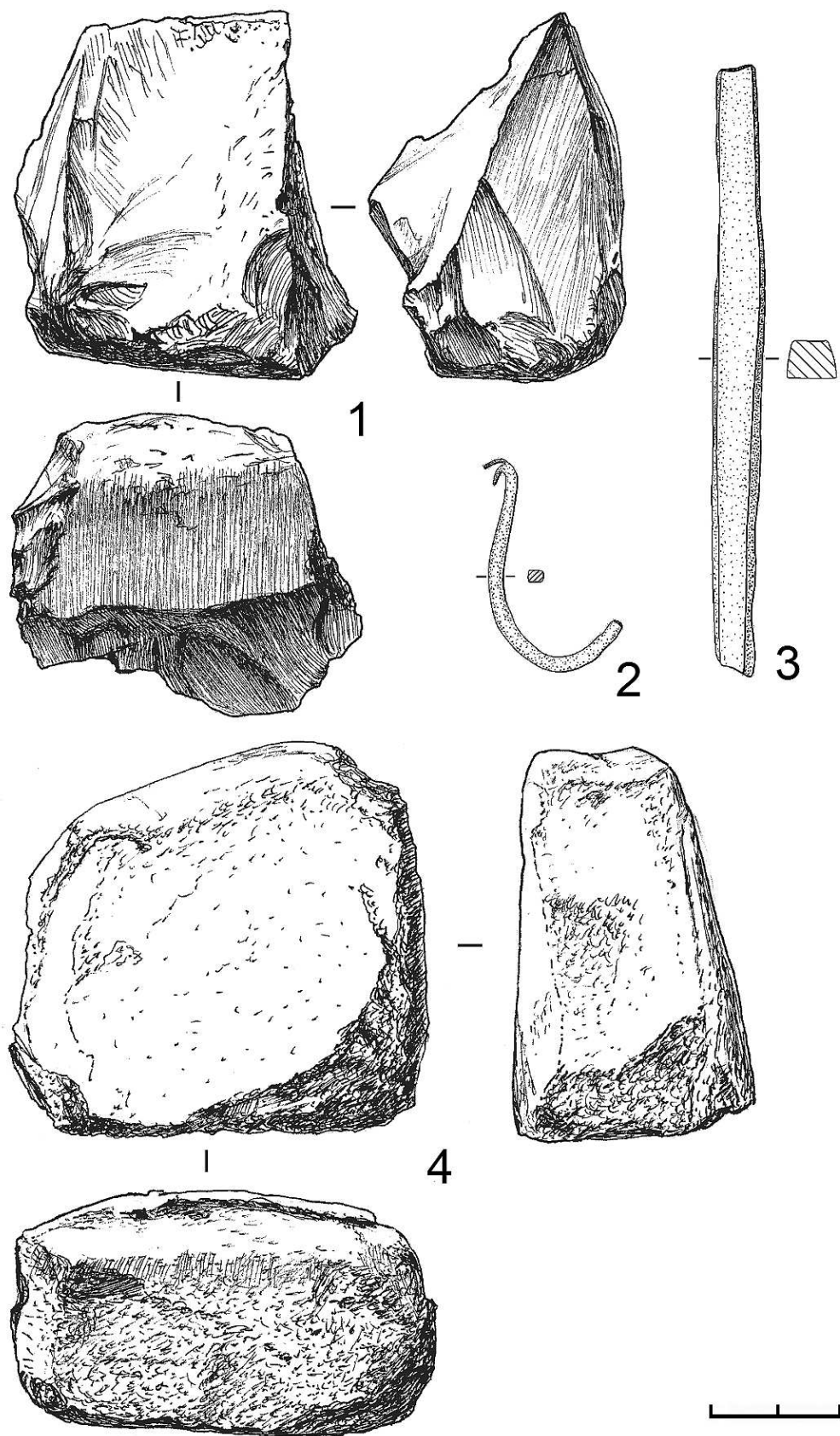

Рис. 10. Поселение Левобережное (Синташта II), изделия из камня (1, 4) и бронзы (2, 3):
1 – лощило по металлу, 2 – крючок, 3 – стержень, 4 – абразив. Местонахождения изделий: 1, 4 – межжилищное пространство к северу от жилища 1; 2 – ров; 3 – подъемные сборы

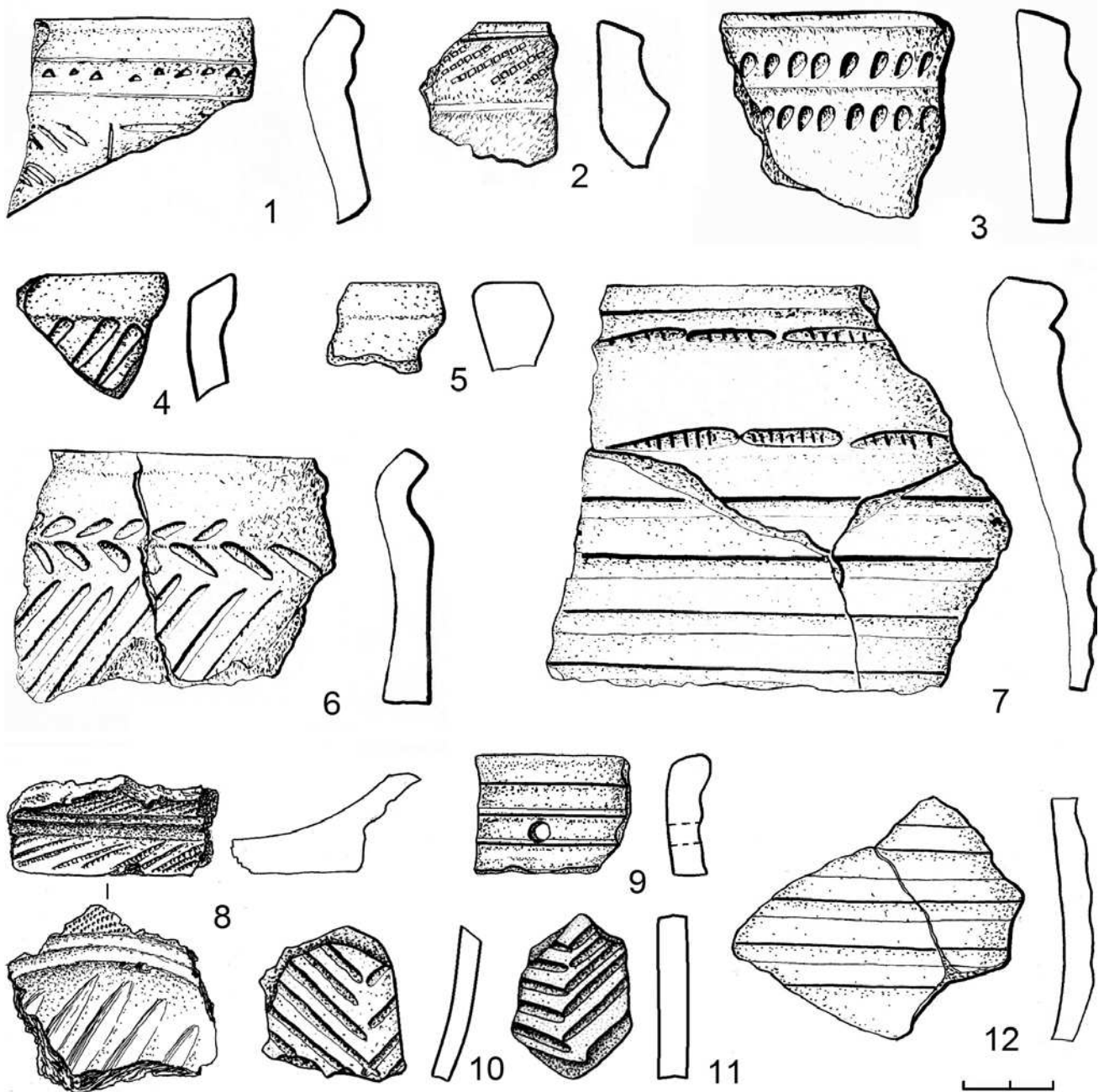

Рис. 11. Керамический комплекс поселения Левобережное (Синташта II), группа 1: фрагменты сосудов синташтинского типа. Местонахождения фрагментов:

1, 6, 7 – межжилищное пространство к западу от жилища 10; 2, 3 – ров; 4, 8, 12 – межжилищное пространство к северу и к северо-востоку от жилища 1; 5 – жилище 2; 9 – отвал раскопа 2016 г.; 10, 11 – подъемные сборы

Группа 2 – керамика петровского типа, составляет 7 % от объема выборки (рис. 13). Представлена в основном фрагментами сосудов горшечной и горшечно-баночной формы, характерным признаком которых является наличие в верхней части шейки отчетливо оформленного расширения, так называемого «воротничка». Поверхность сосудов хорошо заглажена, в технологии орнаментации присутствуют широкие желобки, прочерчивание и плоский штамп. В тесте сосудов встречаются тальковая древесина и шамот. Керамика данной группы аналогична петровской посуде поселения Устье I (Виноградов, Алаева, 2013, с. 166–174), а также цело-

му ряду сосудов из коллекции поселения Аркаим, относимых авторами типологии аркаимской керамики к типу ГШ и, отчасти, к типу ГIV (Малютина, Зданович, 2004, с. 74). В состав этой же группы нами была включена немногочисленная керамика с алакульскими (ранне-алакульскими) чертами: высокой почти прямой или слегка отогнутой шейкой, орнаментацией заштрихованными треугольниками или многорядным зигзагом, выполненным технологией протасенной гребенки (рис. 13, 4, 7, 8).

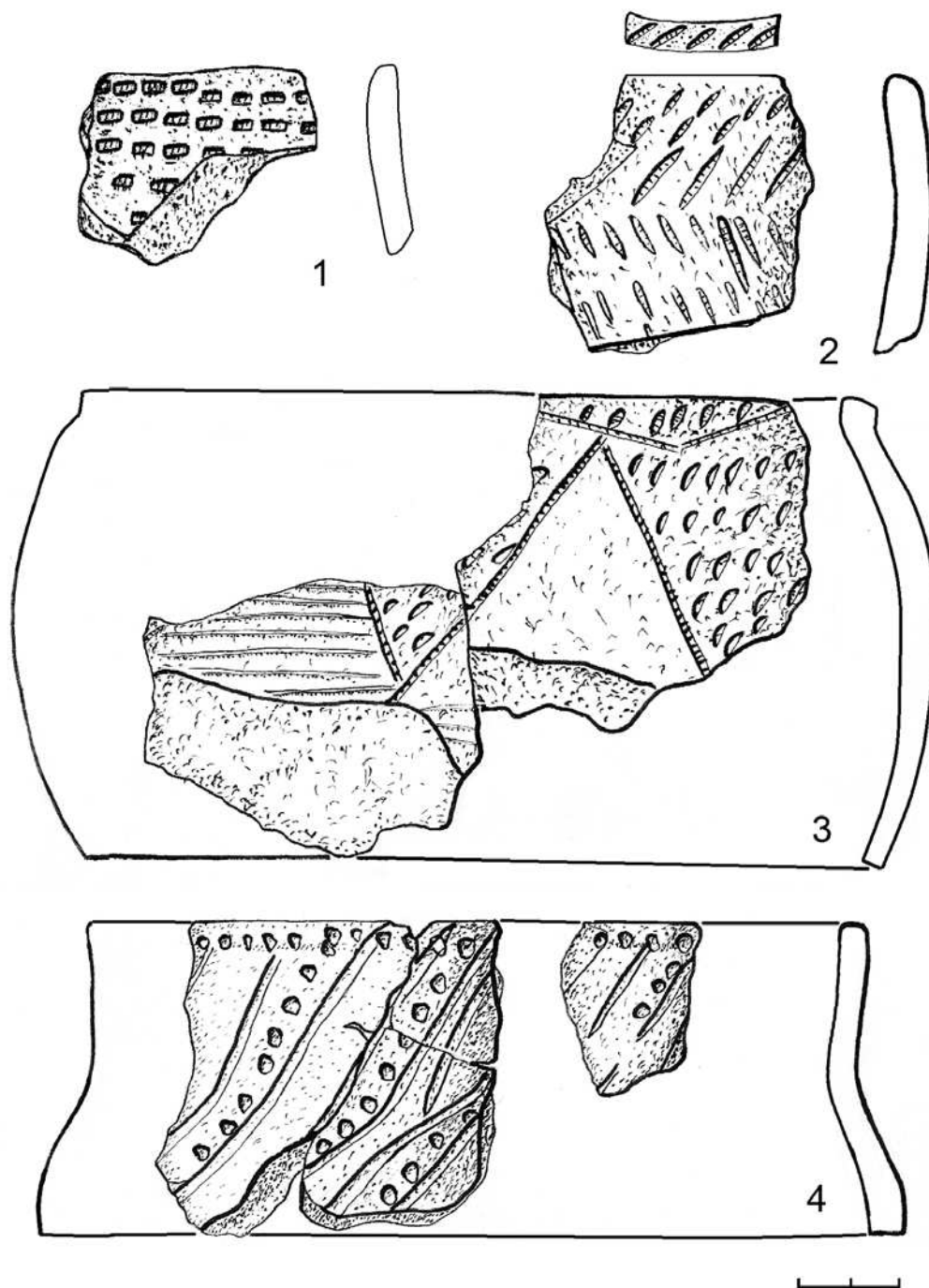

Рис. 12. Керамический комплекс поселения Левобережное (Синташта II), группа 1: фрагменты сосудов синташтинского времени с элементами разнокультурных влияний.

Местонахождения фрагментов:

1, 4 – жилище 10; 2 – подъемные сборы; 3 – межжилищное пространство к западу от жилища 10

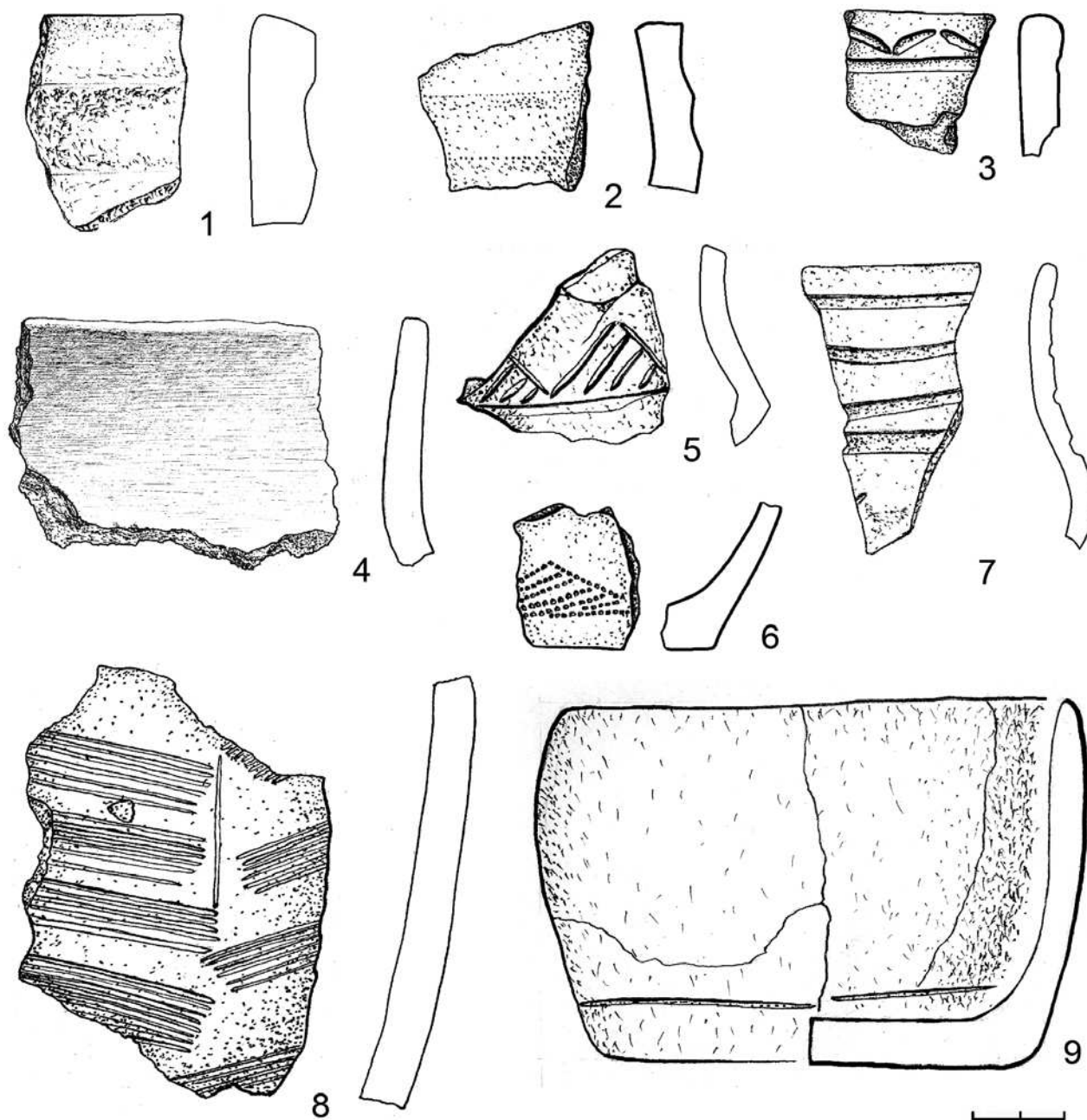

Рис. 13. Керамический комплекс поселения Левобережное (Синташта II), группа 2: фрагменты сосудов петровского и алакульского типа. Местонахождения фрагментов:

1, 7 – жилище 10; 2, 3, 4, 8 – межжилищное пространство к северу, северо-западу и северо-востоку от жилища 1; 5 – межжилищное пространство к западу от жилища 10; 6 – подъемные сборы; 9 – между жилищем 10 и рвом, в нижней части заполнения колодца

Группа 3 – керамика срубного (раннесрубного) культурного типа, составляет 10 % от объема выборки (рис. 14). Представлена в коллекции фрагментами и развалами сосудов с выраженной профилировкой верхней части, изготовленных, как правило, из менее плотного, чем у первых двух групп, глиняного теста, в котором можно определить примеси шамота, дробленой раковины и органики. Технология обработки поверхности – не очень качественное заглаживание гладким инструментом или щепой, оставляющей на сосуде характерные расчесы. В ornamentации преобладает технология прочерчивания, с помощью которой на плечо или верхнюю

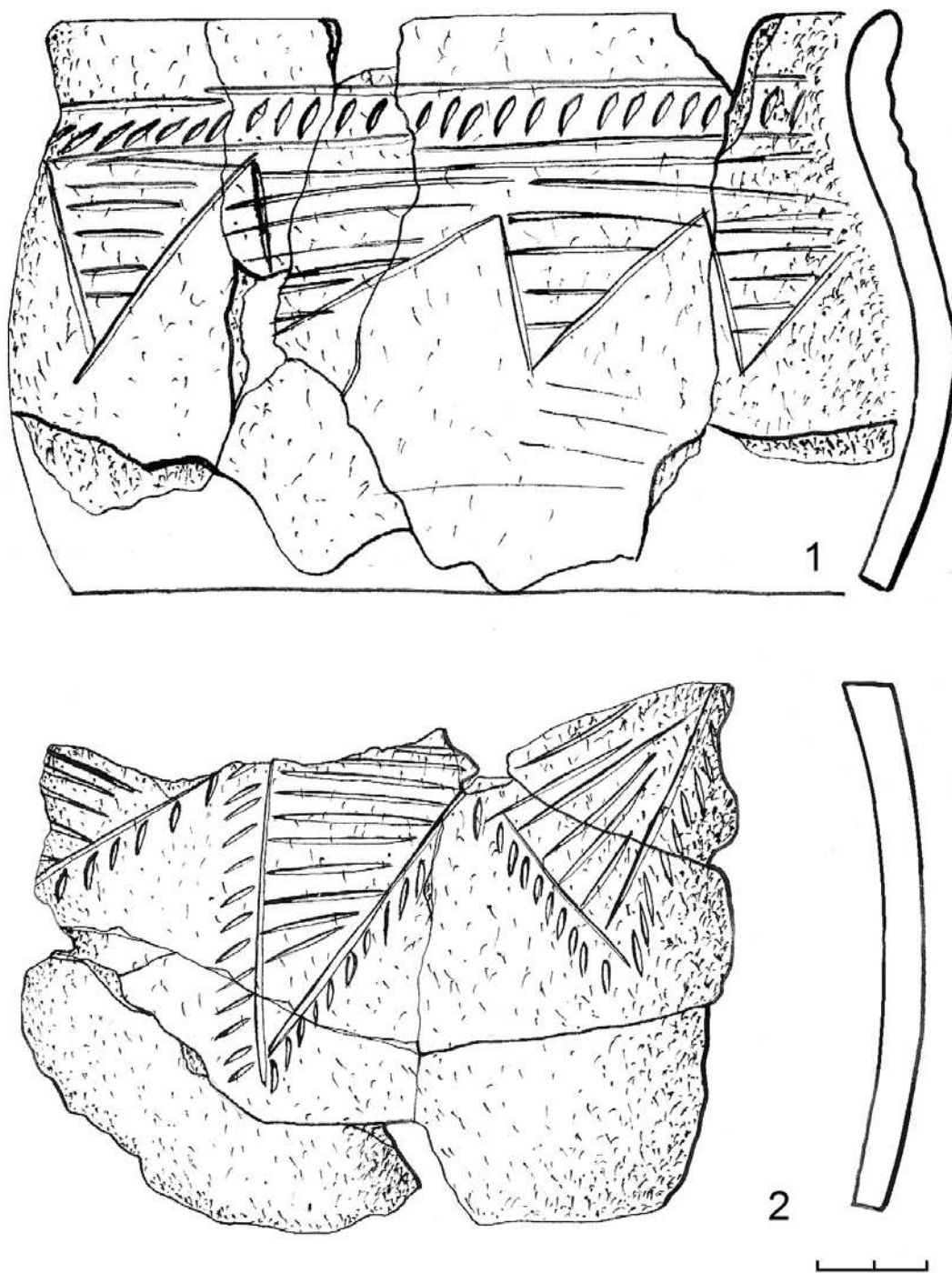

Рис. 14. Керамический комплекс поселения Левобережное (Синташта II), группа 3: фрагменты сосудов срубного типа. Местонахождения фрагментов:

1, 2 – жилище 10

часть тулова сосудов наносились зигзаги или бордюры из крупных, небрежно заштрихованных треугольников, в целом ряде случаев обрамленных так называемой «бахромой». Несколько сосудов данной группы полностью не орнаментированы. Аналогичная посуда встречается на укрепленных поселениях синташтинского-петровского типа и связана, как правило, с более поздними жилищными конструкциями на площадках этих памятников, в частности она известна в коллекциях поселений Каменный Амбар (Корякова и др., 2011, с. 69–72, рис. 11) и Куйсак (Малютина, Зданович, 1995, с. 100–106).

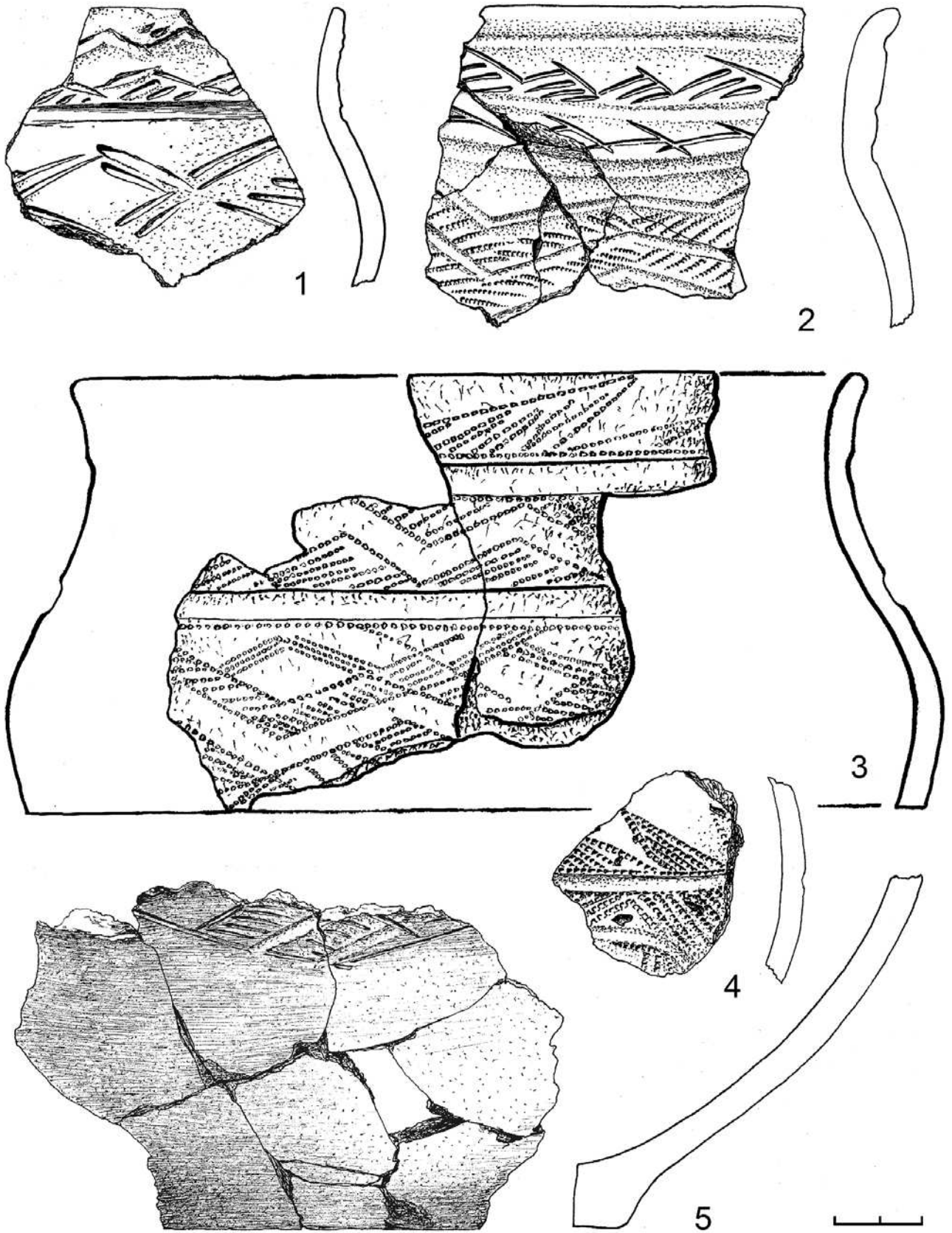

Рис. 15. Керамический комплекс поселения Левобережное (Синташта II), группа 4: фрагменты сосудов черкакульского типа. Местонахождения фрагментов: 1, 2, 5 – межжилищное пространство к северу и к северо-востоку от жилища 1; 3 – жилище 10; 4 – жилище 1

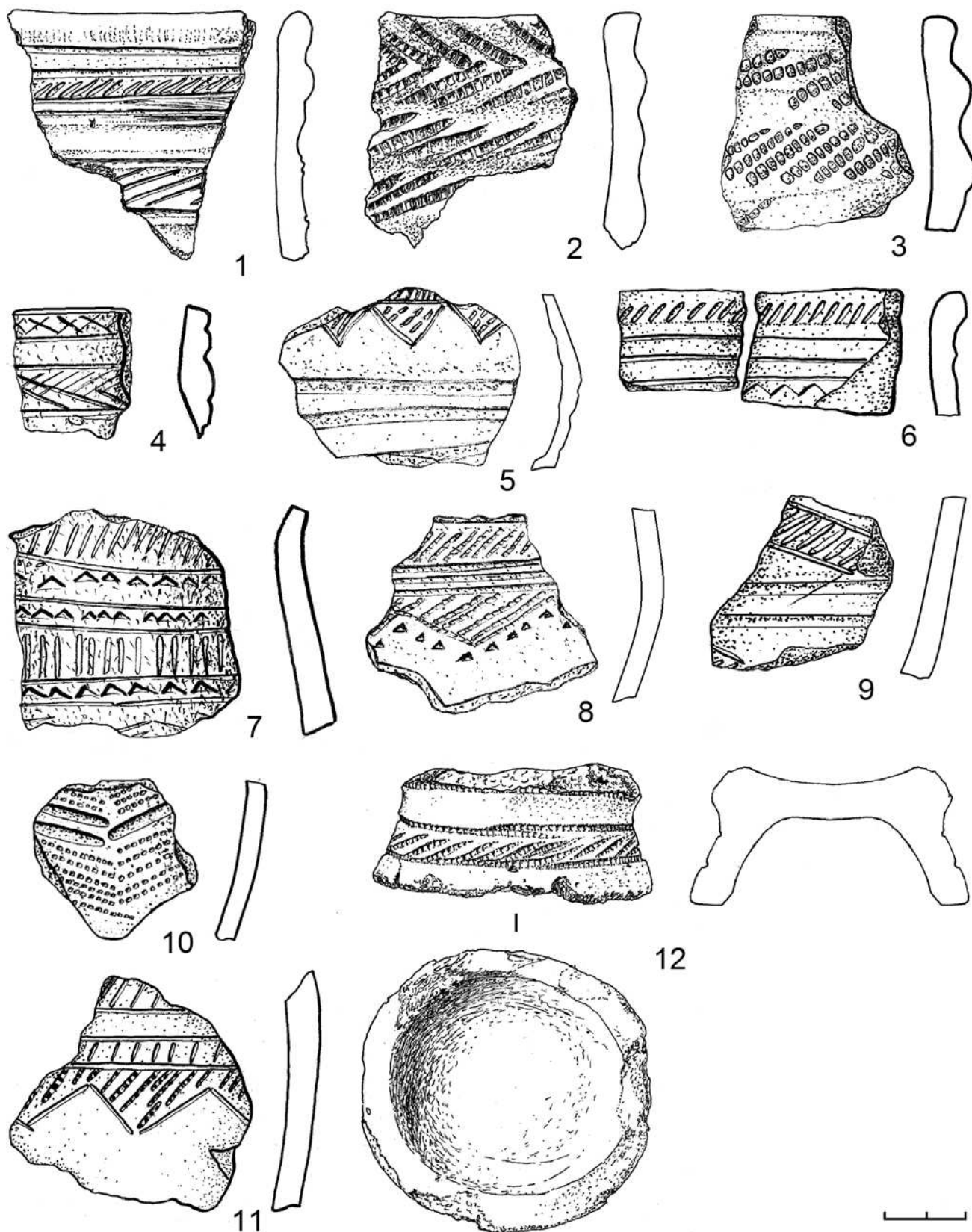

Рис. 16. Керамический комплекс поселения Левобережное (Синташта II), группа 4: фрагменты сосудов черкаскульского типа. Местонахождения фрагментов:

1, 2, 3, 6, 12 – межжилищное пространство к северу и к северо-востоку от жилища 1; 4 – межжилищное пространство к западу от жилища 10; 5, 7, 8 – жилище 10; 9 – жилище 2; 10 – подъемные сборы; 11 – жилище 1

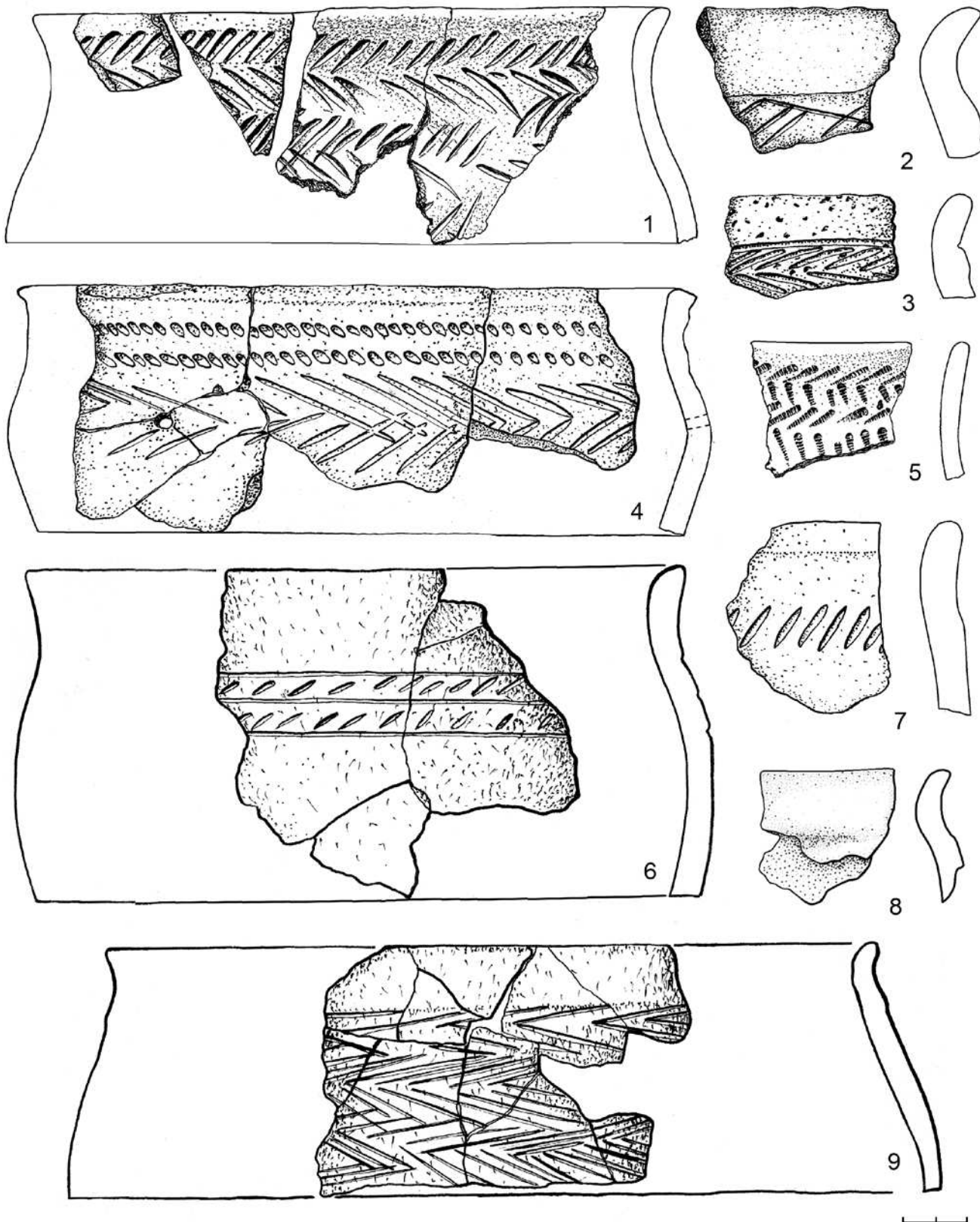

Рис. 17. Керамический комплекс поселения Левобережное (Синташта II), группа 5: фрагменты сосудов межовского типа. Местонахождения фрагментов:

1, 3 – межжилищное пространство к северо-востоку от жилища 1; 2, 7 – жилище 1; 4 – жилище 2; 5 – отвал раскопа 2016 г.; 6, 9 – жилище 10; 8 – шурф 3 2015 г., расположенный на участке поселения между жилищами 1 и 10

Группа 4 – керамика черкаскульского типа, является наиболее многочисленной керамической группой в коллекции исследуемого поселения и составляет 26 % от объема выборки (рис. 15, 16). Представлена фрагментами и развалами крупных частей плавно профилированных сосудов с весьма качественно заглаженной или даже подлощенной поверхностью. В тесте сосудов фиксируется, как правило, дресва слюды, реже – дресва талька или кварца. В орнаментации сосудов преобладают геометрические орнаменты (заштрихованные треугольники, зигзаги и меандры), нанесенные гребенчатым штампом, которые окаймляют каннелюры и, зачастую, треугольные вдавления. Для многих сосудов данного типа характерно наличие в верхней части одного скругленного валика, как правило, орнаментированного. В коллекции присутствует отколовшийся от сосуда данного типа крупный, орнаментированный гребенчатым штампом поддон. В орнаментации двух сосудов данной группы фиксируются бордюры из скошенных заштрихованных треугольников, напоминающих весьма распространенный элемент орнамента посуды федоровского типа. Аналогичный случай залегания значительного количества керамики черкаскульского типа в культурном слое, связанном с поздним этапом функционирования площадки укрепленного поселения, был зафиксирован в ходе раскопок поселения Кизильское (Стоколос, 2004, с. 211, 217, рис. 3, 9).

Группа 5 – керамика межовского типа, составляет 19 % от объема выборки (рис. 17). Это фрагменты и развалы крупных частей сосудов с невысокой, зачастую – довольно сильно отогнутой шейкой, в тесте которых присутствуют примеси органики, раковины и кварцевого песка. Орнаментация сосудов бедная, как правило, сводится к одиночным или повторяющимся орнаментальным бордюрам, образованным так называемой «горизонтальной елочкой» или рядами наклонных вдавлений. В верхней части сосуда иногда присутствует уплощенный орнаментированный валик. Культурная атрибуция подобной посуды не всегда является однозначной, особенно если говорить о материалах с укрепленных поселений Зауральской степи. Так, аналогично атрибутированная группа керамики, выявленная в ходе раскопок поселения Кизильское, которую В.С. Стоколос в публикации результатов работ называет «межовской» (Стоколос, 2004, с. 323 и др.), на наш взгляд, скорее относится к черкаскульскому культурному типу. В свою очередь прямые аналогии по форме и орнаментации 5-й группе посуды с нашего поселения можно обнаружить в группе «СА» керамического комплекса поселения Степное, которую авторы работ определяют как саргаринско-алексеевскую посуду (Зданович и др., 2010, с. 139, 141).

Таким образом, в состав пяти выделенных групп керамики вошло 80 % от общего объема выборки. Оставшиеся 20 % представляют собой фрагменты сосудов, которые не представляется возможным с высокой долей уверенности отнести к одной из указанных групп в первую очередь в силу малой информативности сохранившихся частей сосудов; а также фрагменты с неоднозначным сочетанием признаков и единичные фрагменты сосудов других культурно-хронологических типов, в частности один фрагмент верхней части сосуда, которые, вероятно, точнее всего было бы отнести уже не к эпохе бронзы, а к раннему железному веку.

На внутренней поверхности фрагментов семи сосудов поселения Левобережное (Синташта II) были обнаружены отпечатки ткани, что свидетельствует об их изготовлении на сосуде-основе. Два из них были изучены П.С. Медведевой (ЮУрГГПУ), которая определила, что отпечатываемая ткань была соткана по принципу полотняного переплетения, в одном случае – с так называемым репсовым эффектом. Отпечатки ткани с выявленными технологическими параметрами широко распространены на керамических сосудах синташтинской и петровской культур (Медведева, 2017, с. 50).

Технологию изготовления керамики поселения Левобережное (Синташта II) изучает А.И. Гутков, к настоящему времени им завершена обработка коллекции 2016 г. и ведется работа с коллекцией 2017 г. В результате его исследований было установлено, что для изготовления подавляющего большинства сосудов изучаемого памятника использовалась ожелезненная глина, совсем небольшой процент составило илистое глиноподобное сырье с примесью раковины речных моллюсков и лишь один сосуд был изготовлен из пластичной нежелезненной глины. В коллекции 2016 г. зафиксирован 21 рецепт составления формовочных масс сосудов, из которых чаще всего встречаются рецепты «глина + дресва + шамот + органика» и «глина + дресва + органика». Установлено, что практически вся керамика поселения обработана заглаживанием, лишь на нескольких сосудах отмечены следы лощения. Полое тело сосудов выполнялось лоскутным налепом, в том числе с использованием многослойного приема; емкостные начинки конструирования полого тела несколько преобладают над донно-емкостными (Гутков, 2017, с. 40–42). Более подробно результаты технико-технологического анализа керамики, в том числе в контексте выделяемых культурно-хронологических групп посуды, планируется осветить в дальнейшем в специальных публикациях.

Что касается планиграфического и стратиграфического распределения фрагментов керамических сосудов, то для раскопа 2016 г. можно отметить, что на данном участке памятника разновременный материал был почти равномерно «перемешан» в культурном слое. Единственная отмеченная здесь устойчивая закономерность – это залегание на дне котлована жилища 2 исключительно керамики межовского облика, что позволяет датировать данное сооружение, во всяком случае – наиболее поздний этап его существования. При этом в заполнении того же жилища присутствуют фрагменты сосудов синташтинского и петровского типов, что представляет собой типичный случай так называемой «обратной стратиграфии», возникшей, судя по всему, в результате выборки котлованов более поздних жилищ в раннем культурном слое изучаемого поселения.

Такую же «обратную стратиграфию» мы зафиксировали в северной половине раскопа 2017 г., где наиболее крупные фрагменты керамики синташтинского типа присутствуют в верхней части заполнения котлована жилища 10 и также имеют, судя по всему, переотложенный характер. При этом в нижней части заполнения того же котлована, в основном вдоль его западного края, на уровне пола жилища были обнаружены развалы крупных частей девяти сосудов срубного, черкаскульского и межовского облика. Вероятно, именно с этими культурными типами и было связано основное функционирование исследуемой жилищной конструкции.

Этапы существования поселения. Материалы дешифровки аэрофотоснимков, данные микромагнитной съемки и исследованные раскопами элементы строительных конструкций поселения, прежде всего – котлованы и ряды столбовых ямок, позволяют уверенно предполагать, что и котлован жилища 1 из раскопа 2016 г., и котлован жилища 10 из раскопа 2017 г. были сооружены еще на раннем, синташтинско-петровском этапе существования поселения, а в дальнейшем переиспользовались более поздним населением, с которым связана керамика срубного, черкаскульского и межовского типов. В ходе этого переиспользования ранние котлованы жилищ, вполне вероятно, были углублены, но их основная форма и архитектурные принципы возведения жилищ каркасно-столбовой конструкции продолжали оставаться практически неизменными.

Судя по распределению в культурном слое фрагментов керамических сосудов, с ранним синташтинско-петровским периодом существования поселения мы можем связывать исследованный раскопом 2017 г. участок внешнего рва, две хозяйственные ямы у западного края жилища 10 и раскопанный колодец. В заполнении всех этих сооружений были обнаружены

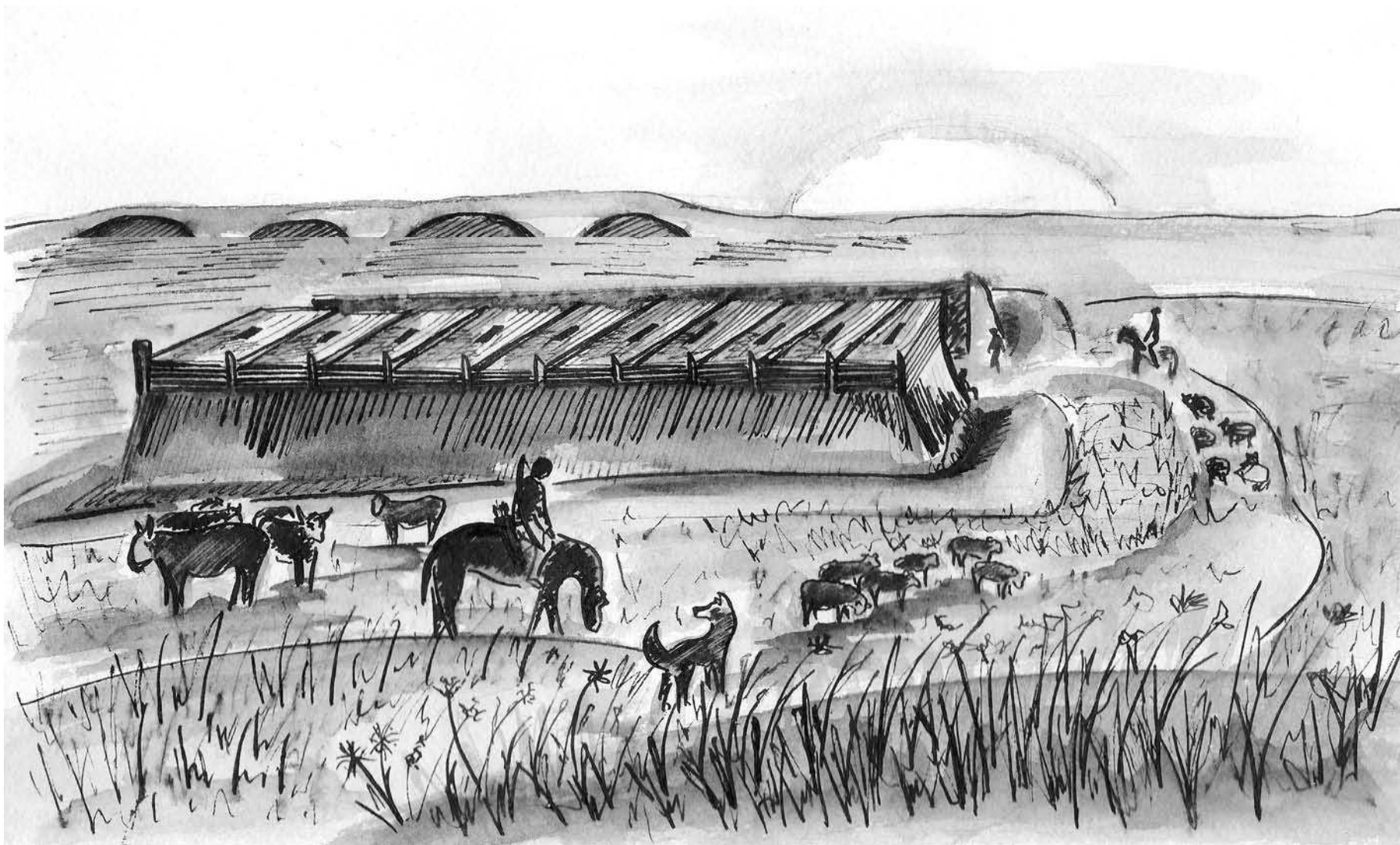

Рис. 18. Вариант реконструкции внешнего облика поселения Левобережное (Синташта II) на раннем (синташтинско-петровском) этапе его существования. Автор реконструкции Н.Ф. Петров

фрагменты только синташтинской и петровской посуды, при этом раннюю позицию одной исследованной ямы (неясного назначения) убедительно подтверждает стратиграфическая ситуация, а вторая яма могла использоваться для деятельности, связанной с технологией металлургического процесса, в ее заполнении найдены многочисленные крупные фрагменты шлаковых лепешек, ошлакованная синташтинская керамика (рис. 11, б) и развал керамического сосуда того же времени (рис. 12, 3). Углубление, оставшееся от внешнего рва поселения, было использовано на позднем этапе его существования для складирования золы из печей, в результате чего ров в южной части памятника был полностью заполнен.

Палеоботаника и изучение хозяйственной деятельности. Из различных слоев грунта на нескольких участках раскопа 2017 года было взято 14 образцов для палеоботанических исследований. Объем одного образца составлял, в зависимости от особенностей изучаемого слоя, от 2 до 70 л, общий объем всех образцов составил 171 л почвы. Флотация образцов осуществлялась в реке Синташта непосредственно по ходу раскопок, их дальнейшее изучение и сортировка проводились в лабораторных условиях под увеличением от 5-кратного до 70-кратного. В исследованных образцах грунта было выявлено в общей сложности 3,713 г древесного угля, в основном принадлежащего березе (*Betula pendula*) и сосне (*Pinus sylvestris*). Среднее содержание угля составляет 0,022 г/л почвы, при этом в образцах грунта из заполнения рва содержание угля заметно выше среднего и составляет 0,066 г/л, а в образцах из заполнения котлована жилища 10, напротив, ниже среднего – 0,016 г/л.

В результате флотации в образцах грунта было обнаружено также в общей сложности 92 шт. обугленных семян и фрагментов семян различной сохранности. Более 90 % из них можно было определить, по крайней мере, на уровне семьи. Содержание обугленных семян в слое поселения 0,54 шт. на 1 л почвы. Это очень небольшой показатель, значительно ниже, чем в среднем для археологических памятников Евразийской степи, и несколько ниже, но близко к значению содержания семян в грунте поселения Каменный Амбар (0,85 шт. на 1 л).

Среди обнаруженных в культурном слое поселения обугленных семян наиболее распространенными являются семена растений семейства бобовые (*Fabaceae*) – горошка (*Vicia*), люцерны (*Medicago*), донника (*Melilotus*) и клевера (*Trifolium*); и растений семейства маревые (*Chenopodiaceae*) – лебеды (*Atriplex*) и мари (*Chenopodium*). 75 % от всех обнаруженных семян составляют семена, принадлежащие растениям следующих семейств: бобовые (*Fabaceae*) – 34 шт., осоки (*Cyperaceae*) – 7 шт., злаки (*Poaceae*) – 12 шт. и маревые (*Chenopodiaceae*) – 16 шт. Растения этих семейств заметно отличаются друг от друга скоростью производства семян и способностью к их длительному сохранению. Так, семена маревых с твердым покрытием более устойчивы к разложению, чем семена осоки и бобовых.

Все идентифицированные в культурном слое поселения семена относятся к тем же видам растений, которые произрастают в его окрестностях и сегодня, при этом ни одно из них не относится к числу культурных растений. 44 % выявленных в образцах обугленных семян принадлежат растениям пойменных лугов, 24 % – рудеральным растениям с антропогенно нарушенных территорий, 12 % – растениям прибрежной зоны и 15 % – растениям степных сообществ водораздельного пространства. Наиболее высокая встречаемость на поселении семян растений пойменных лугов, являющихся лучшими пастбищными угодьями данной территории, вероятно, связана с хозяйственной деятельностью скотоводческого населения древнего поселка. Это представляется тем более вероятным, что большинство таких находок принадлежат семенам растений, имеющим и в современной степи существенное кормовое значение – это, прежде всего, обнаруженные на поселении семена растений семейства бобовых, которые могли попасть в культурный слой как непосредственно из растительности близлежащих пойменных лугов, так и из располагавшихся на территории древнего поселка кормовых запасов данных

растений (сена). В свою очередь, присутствующие в культурном слое поселения семена растений семейства маревые происходят из растительных сообществ антропогенно нарушенных местообитаний, они и сегодня произрастают, главным образом, в окрестностях степных поселков и вдоль дорог.

Палеоботанические данные, полученные в ходе изучения поселения Левобережное (Синташта II), в целом близки аналогичным материалам, полученным в ходе исследования одним из авторов настоящей статьи обугленных семян растений в культурном слое поселений Каменный Амбар, Устье I и Степное. Они убедительно говорят о скотоводческом хозяйстве населения Зауральской степи эпохи бронзы и об отсутствии у данного населения любых форм земледелия. Особенно интересными представляются полученные свидетельства, которые можно трактовать как следы хранения сена из растений пойменной зоны в жилище изучаемого поселения. Это дает основания всерьез рассматривать вопрос о стойловом содержании скота в жилищах, вероятно – в зимний период, совместно с проживавшими на поселении людьми. Пока не ясно, можем ли мы говорить о возможном содержании на поселениях только молодняка или также о взрослых особях, исследования в данном направлении необходимо продолжать.

Заключение. В целом, несмотря на свой многослойный характер, затрудняющий культурно-хронологическую идентификацию ряда исследуемых объектов и обнаруженных артефактов, поселение Левобережное (Синташта II) представляет большой интерес для изучения хозяйства и быта населения Зауральской степи на протяжении конца III тыс. до н. э. и значительной части II тыс. до н. э. Особенно значимым для дальнейших исследований представляет этап существования данного памятника, связанный с наиболее многочисленным в изучаемой части поселения керамическим комплексом черкакульского облика. Выделенная в 1964 г. К.В. Сальниковым черкакульская культура (Сальников, 1964, с. 11–14) традиционно рассматривалась исследователями, прежде всего, как культура лесной и лесостепной зоны, связанная в этнокультурном плане с генезисом угорских народов (Обыденнов, Шорин, 1995, с. 117), а свидетельства о наличии черкакульских материалов в степных памятниках рассматривались как результат передвижения в степь лесного населения. Однако в последние годы в результате проведения новых раскопок и издания ранее раскопанных памятников становится ясно, что черкакульский тип керамики довольно широко представлен в Зауральской степи, а связанные с ним поселения предоставляют нам хозяйственно-бытовые и архитектурные свидетельства, говорящие в пользу возможного степного происхождения этой культуры (Матвеев, 2007, с. 37–38).

Накопление такого материала идет, в том числе, на памятниках долины реки Синташта, где ранее уже было известно как минимум одно черкакульское погребение в составе Синташтинского могильника под так называемым Большим Синташтинским курганом, известном также как «объект СБ» и «курган Шишка» (Стефанов, 2009, с. 22–23). В 2016 г. в составе этого могильника были исследованы остатки еще двух погребений черкакульской культуры, представлявшие собой ранний комплекс сооружений кургана Синташта IV, он же «объект CIV» (Зданович, 2017, с. 90–92). Особенно интересным представляется тот факт, что все указанные погребения, судя по всему, были совершены по обряду ингумации, характерном только для раннечеркакульских памятников (Котельникова, 2001, с. 57–59).

Поселение Левобережное (Синташта II) находится в 32 км к востоку от Синташтинского могильника, результаты его исследований в 2015–2017 гг. уже дали самый крупный на сегодня комплекс черкакульских материалов для всей долины реки Синташта. Это делает особенно интересным как продолжение раскопок данного памятника, так и дальнейшее изучение уже полученного материала.

Литература

- Батанина И.М., Зданович Г.Б.** 2006. Синташта 2 (Левобережное), укрепленное поселение // Челябинская область: Энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарев. Си-Ф. Т. 6. Челябинск: Каменный пояс. С. 46.
- Борисова И.Л., Горюнова Н.В., Думцева Г.И., Козлова В.С., Литвинова В.Н., Неустроева Н.А., Новикова В.В., Петрова В.Б., Федорова С.Н.** 2003. Брединский район // Челябинская область: Энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарев. А-Г. Т. 1. Челябинск: Каменный пояс. С. 489–492.
- Виноградов Н.Б., Алаева И.П.** 2013. Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: коллективная монография. Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис. С. 143–178.
- Гутков А.И.** 2017. Анализ результатов исследования технологии керамики поселения Левобережное (Синташта II) по основным ступеням ее производства. Приложение 2 // Петров Ф.Н. Отчет об археологических раскопках поселения Левобережное (Синташта II) в 2016 году. Челябинск. С. 42–49. Архив Института археологии РАН.
- Захаров С.Г.** 2006. Синташта, Сынтасты, река // Челябинская область: Энциклопедия / гл. ред. К.Н. Бочкарев. Си-Ф. Т. 6. Челябинск: Каменный пояс. С. 46.
- Зданович Г.Б., Батанина И.М.** 2007. Аркаим – Страна городов: пространство и образы. Челябинск: Изд-во Крокос, Южно-Уральское книжное изд-во. 260 с.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В., Хэнкс Б., Малая Н.В., Батанина Н.С.** 2010. Керамические комплексы укрепленного поселения «Степное», Южное Зауралье (предварительное сообщение) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы конференции. Уфа: Изд-во БГПУ. С. 139–141.
- Зданович Д.Г.** 2017. Синташта: Территория места // Горизонты цивилизации: материалы Восьмых аркаимских чтений. Челябинск: Энциклопедия. С. 85–98.
- Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Фортнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В.** 2011. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (48). С. 61–74.
- Котельникова И.А.** 2001. К вопросу о генезисе федоровской и черкаскульской культур (по материалам погребального обряда) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3. С. 55–61.
- Куликов П.В.** 2006. Ботанико-географические районы и флористические границы в лесостепном и степном Зауралье // Степи и лесостепи Зауралья: материалы к исследованиям. Челябинск: Крокос. С. 6–22.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.** 1995. Куйсак – укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V. Кн. 1. Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск: Изд-во ЧелГУ. С. 100–106.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.** 2004. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. № 4. С. 67–82.
- Матвеев А.В.** 2007. Черкаскульская культура Зауралья. // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук». С. 4–41.
- Медведева П.С.** 2017. Результаты анализа технологических характеристик тканей по их отпечаткам на фрагментах сосудов поселения Левобережное (Синташта II). Приложение 3 // Петров Ф.Н. Отчет об археологических раскопках поселения Левобережное (Синташта II) в 2016 году. Челябинск. С. 50. Архив Института археологии РАН.
- Миронычева-Токарева Н.П., Левит А.И.** 2004. Деградация пастбищных угодий южной степной зоны Челябинской области // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск: Крокос. С. 185–190.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф.** 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 196 с.
- Пучков В.Н.** 2000. Палеодинамика Южного и Среднего Урала. Уфа: Даурия. 146 с.
- Рудковский И.В.** 2010. Термины в археологической орнаментации // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 9 (99). С. 132–137.
- Сальников К.В.** 1964. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Урала. № 6. Свердловск, С. 5–23.

Сигов А.П., Шуб В.С., Гузовский Л.А., Якушев В.М., Сигов В.А. 1968. Комплексное геолого-геоморфологическое картирование Урала с целью поисков гипергенных полезных ископаемых. Саратов: Изд-во СГУ. 112 с.

Стоколос В.С. 2004. Поселение Кизильское позднего бронзового века на реке Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. Челябинск: Изд-во ЧГПУ. С. 207–236.

Стефанов В.И. 2009. О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана // РА. № 1. С. 18–24.

Таиров А.Д., Батанина И.М., Кузнецова О.А. 1995. Исследования памятников Страны городов в 1994 году. Отчет. Т. 1. Челябинск. Архив Заповедника «Аркаим».

Моргунова Н.Л.¹, Купцова Л.В.¹, Купцов Е.А.¹, Краева Л.А.¹,
Файзуллин И.А.¹, Крюкова Е.А.¹, Мухаметдинов В.И.²

¹Оренбургский государственный педагогический университет;

^{II}Башкирский государственный университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У С. НИЖНЯЯ ПАВЛОВКА¹

Аннотация. В статье публикуются результаты раскопок поселения и одиночного кургана у с. Нижняя Павловка, изученных археологической экспедицией ОГПУ (ОГПИ) в 1988 г. Поселение и основные погребения кургана относятся к позднему бронзовому веку, они были оставлены населением западно-алакульской культурной группы. Впускные захоронения были совершены кочевниками сарматской культуры. Большое внимание в статье уделяется технико-технологическому анализу керамики, позволяющему проследить культурные связи в среде населения эпохи бронзы и раннего железа, а также более точно установить хронологическую позицию анализируемых материалов.

Abstract. Results of excavation of the settlement and the single barrow near the Nizhnyaya Pavlovka village studied by archaeological expedition of Orenburg State University in 1988 are published in article. The settlement and the main burials of a barrow belong to the Late Bronze Age, they have been left by the population of the West Alakul cultural group. Inlet burials have been made by nomads of the Sarmatian culture. Much attention in article is paid to technical-technological analysis of ceramics allowing to reveal cultural ties among the population of the Bronze Age and the Early Iron Age and also to establish more precisely a chronological position of the analyzed materials.

Раскопки поселения и одиночного кургана у с. Нижняя Павловка были осуществлены отрядом Оренбургской археологической экспедиции в 1988 году. Руководство работами осуществляли Н.Л. Моргунова и А.Ю. Кравцов (Кравцов, Моргунова, 1988).

Памятники располагались в 1 км к Ю и ЮВ от с. Нижняя Павловка Оренбургского района на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Урал (рис. 1, 1). Края террас обрывистые, местами переходящие в пологие склоны. Во время половодий обрывы подмываются и разрушаются в результате этих разливов был подмыт берег, на котором располагалось поселение, его большая часть оказалась утрачена. По территории памятников проходили многочисленные проселочные дороги, здесь же располагались резервные газовые скважины. Таким образом, перед началом раскопок памятники находились в аварийном состоянии.

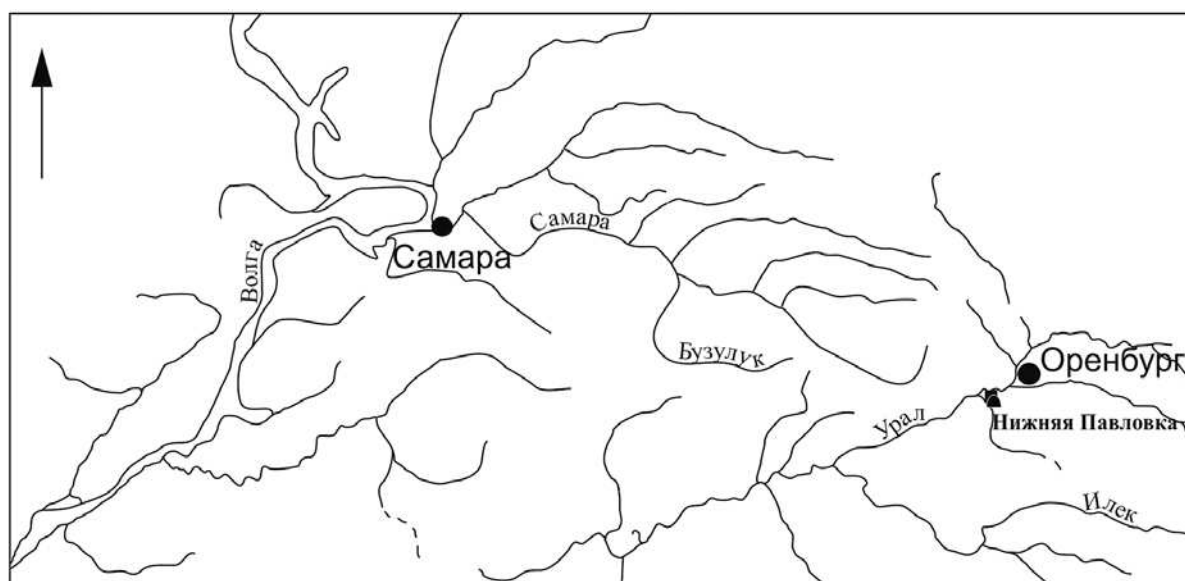
Нижнепавловское поселение

Поселение располагалось на обрывистом берегу небольшого озера старичного происхождения (рис. 1, 2). Берег террасы обрывистый. Площадка террасы задернована, но во многих местах нарушена ямами, из которых, видимо, бралась глина для хозяйственных нужд. Большая часть поселения была разрушена во время разливов Урала, сохранилась лишь его окраина, судя по слабой насыщенности культурного слоя. По краю обрыва было заложено 2 раскопа. Площадь раскопа II составляла около 20 м², раскопа I – около 160 м². Культурные останки неравномерно распространялись по площади раскопов. В раскопе I они в основном сосредотачивались на квадратах, расположенных ближе к берегу. На раскопе II они были как немногочисленны, так и невыразительны.

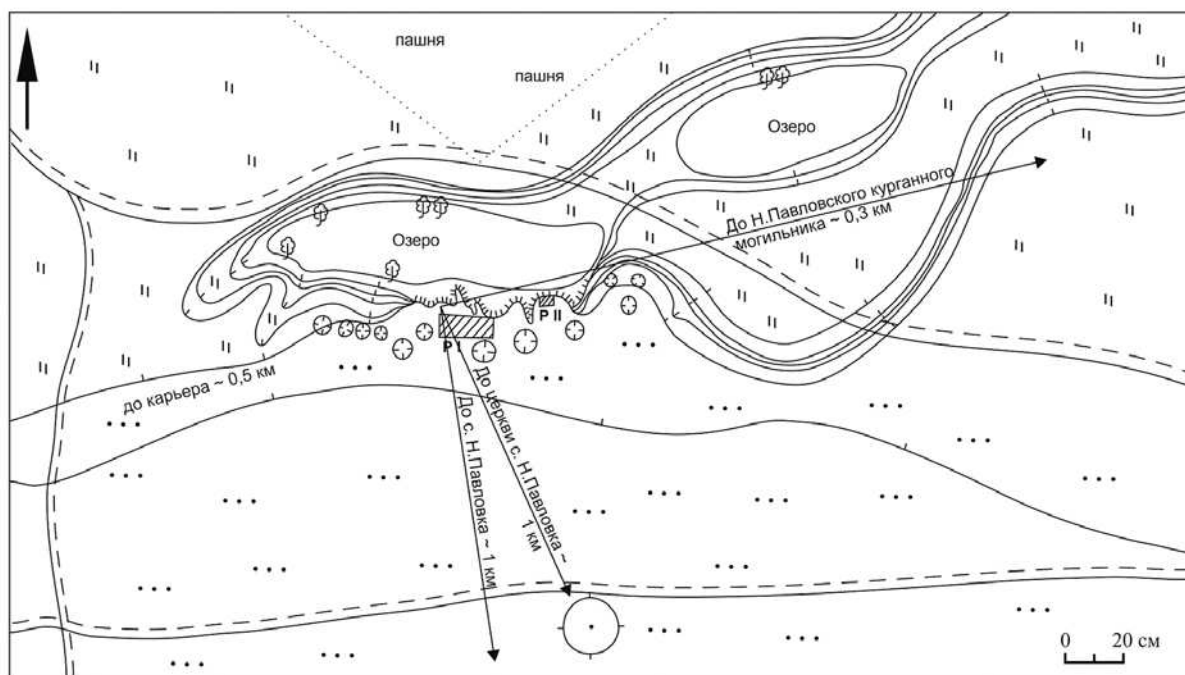
Раскоп I (рис. 2, 1). За наивысшую точку раскопа принят угол квадратов 25 и 34. От южных квадратов ближе к берегу наблюдалось понижение современной поверхности от –46 до –75 см от 0.

¹ Работа выполнена при поддержке проекта Министерства образования и науки РФ № 33.1389.2017/ПЧ

Раскоп был разбит на квадраты (2×2 м). В центре раскопа по линии З–В, через квадраты с 25 по 33 была оставлена бровка шириной 30 см. Стратиграфия поселения изучалась по профилям западной, южной, восточной стенок раскопа и профилю бровки с северной стороны (рис. 3, 1–4). Слой дерна, представлявший собой черный гумус, достигал мощности 15–20 см. Культурные остатки в слое дерна не встречались, за исключением нескольких мелких костей животных и фрагментов керамики. Культурный слой представлял собой серый рыхлый гумус мощностью 40–50 см. В слое встречались кости животных, фрагменты керамики, медные шлаки. Какие-либо хозяйственные сооружения не обнаружены. Погребенная почва мощностью 20–30 см представляла собой бурый суглинок. Ниже – материковая пестрая глина.

1

2

Рис. 1. Поселение и одиночный курган у с. Нижняя Павловка:

1 – карта расположения; 2 – план

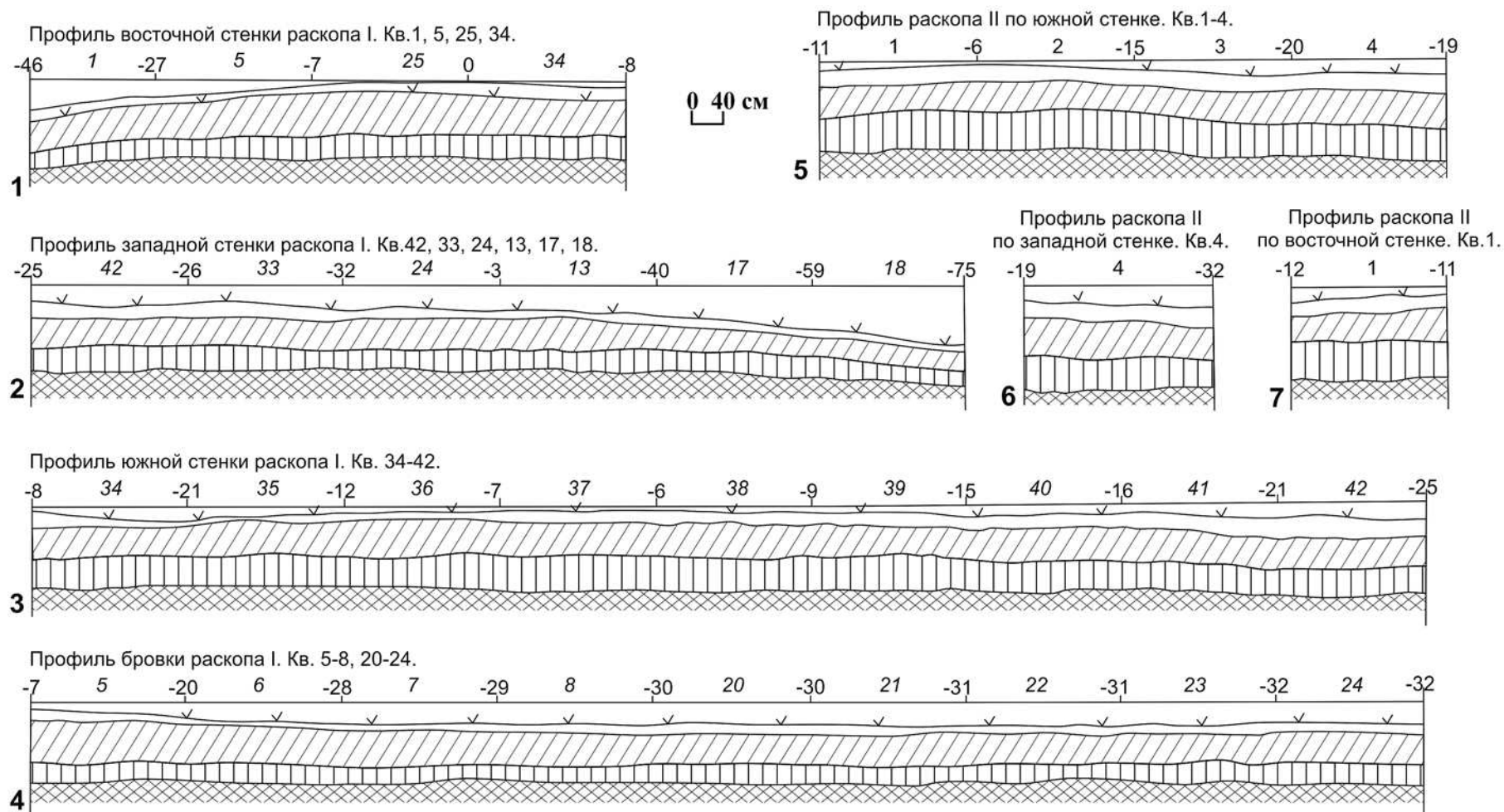

Рис. 3. Поселение у с. Нижняя Павловка:

1–4 – профили бровок раскопа I; 5–7 – профили бровок раскопа II

Раскоп II (рис. 2, 2). Стратиграфия раскопа II аналогична стратиграфии I раскопа, но находки в культурном слое малочисленны (3, 5–7). Это около десяти фрагментов неорнаментированных стенок сосудов, несколько костей животных и 3 кусочка медных шлаков.

Керамика (рис. 4, 5). Всего на поселении найдено 270 фрагментов керамики. Из них выделяются 24 сосуда горшечной формы и 13 баночной, форма сосудов по остальным фрагментам не определяется. В основной массе керамика не орнаментирована.

Нижнепавловский одиночный курган

В 150 м к югу от поселения находился одиночный курган. Диаметр кургана – 20 м, высота – 40 см (рис. 6). Насыпь, круглая в плане, была задернована, но сильно утрамбована и местами потревожена грунтовыми дорогами. Раскопки кургана производились вручную, методом кольцевых траншей.

Стратиграфия кургана

Дерновый слой мощностью от 15 до 25 см.

Насыпь – серый, плотный, комковатый суглинок, мощностью до 80 см.

Погребенная почва – коричневатый суглинок, мощностью 30–40 см.

Материк – коричневая глина.

Всего было обнаружено 14 погребений. Кроме того, в насыпи и в погребенной почве были встречены кости животных, фрагменты керамики, сосуды (целые и развалы), отдельные человеческие кости и черепа, 4 бронзовых наконечника стрел, бусина.

В юго-западном секторе, в насыпи было обнаружено 8 сосудов (по два сосуда в пунктах X₄, X₅, X₁₀) (рис. 6).

Сосуды из **пункта X₄** обнаружены на глубине – 69 см от 0, на самом краю насыпи.

Сосуд 1 (рис. 7, 1) – плавно профилированный горшок с короткой шейкой. Сосуд изготовлен из глины с примесью шлака и выжимки из навоза². Высота сосуда – 12 см, диаметр горла – 16 см, диаметр дна – 13 см, диаметр максимального расширения тулова – 16, 5 см. Толщина стенок 7–9 мм. Сосуд не орнаментирован, поверхность покрыта расчесами от заглаживания щепой.

Сосуд 2 (рис. 7, 2) – плавно профилированный горшок высоких пропорций с округлым туловом. Сосуд изготовлен из ила с примесью шамота и органического раствора, поверхность залощена. Высота сосуда – 18,8 см, диаметр горла – 16 см, диаметр дна – 12 см, диаметр максимального расширения тулова – 16, 8 см. Толщина стенок 5–7 мм. Сосуд не орнаментирован, шейка каннелирована двумя горизонтальными желобками.

Сосуды из **пункта X₅** обнаружены на глубине – 109 см от 0, в слое погребенной почвы.

Сосуд 1 (рис. 7, 3) – плавно профилированный горшок. Сосуд изготовлен из глины с примесью шамота и органического раствора. Высота сосуда – 13,3 см. Диаметр горла – 15 см, диаметр дна – 9,2 см, диаметр максимального расширения тулова – 15,5 см. Толщина стенок 10–12 мм. Сосуд орнаментирован в верхней части. По плечикам и горлу сосуда гладким штампом нанесен орнамент в виде наклонных неравных линий, подчеркнутых горизонтальной линией, ниже которой изображен ряд каплевидных вдавлений.

Сосуд 2 (рис. 7, 4) – закрытая банка. Сосуд изготовлен из глины с примесью дробленой сланцевой глины, кости и органического раствора. Высота сосуда – 6,5 см, диаметр горла – 9 см, диаметр дна – 7,5 см. Толщина стенок 6–7 мм. Сосуд не орнаментирован.

² Технично-технологический анализ посуды эпохи поздней бронзы выполнен В.И. Мухаметдиновым по методике А.А. Бобринского.

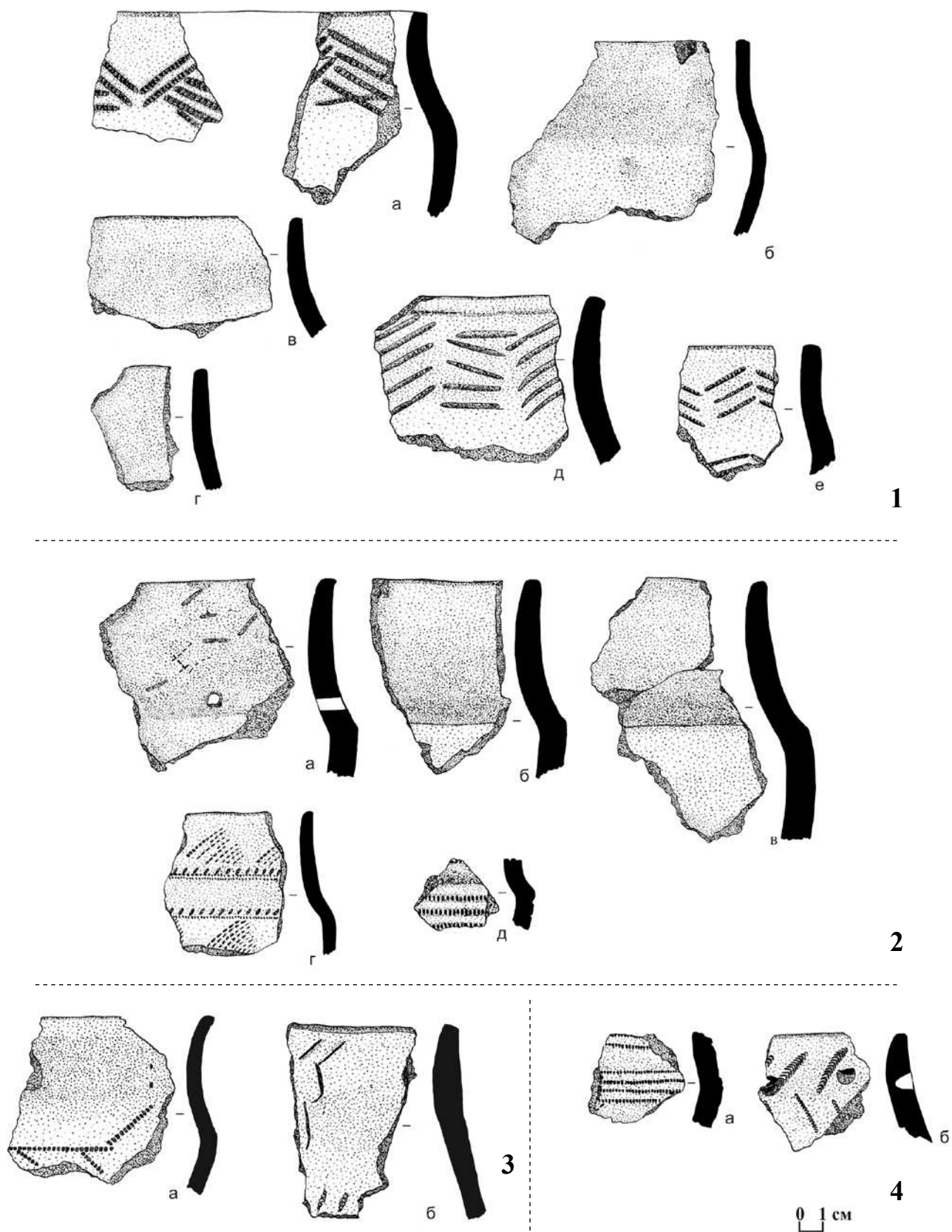

Рис. 4. Поселение у с. Нижняя Павловка. Горшковидные сосуды:

1 – плавнопрофилированные сосуды; 2 – сосуды с уступчатым плечом; 3 – плавнопрофилированные сосуды с высокой шейкой; 4 – сосуды с перегибом в середине профиля

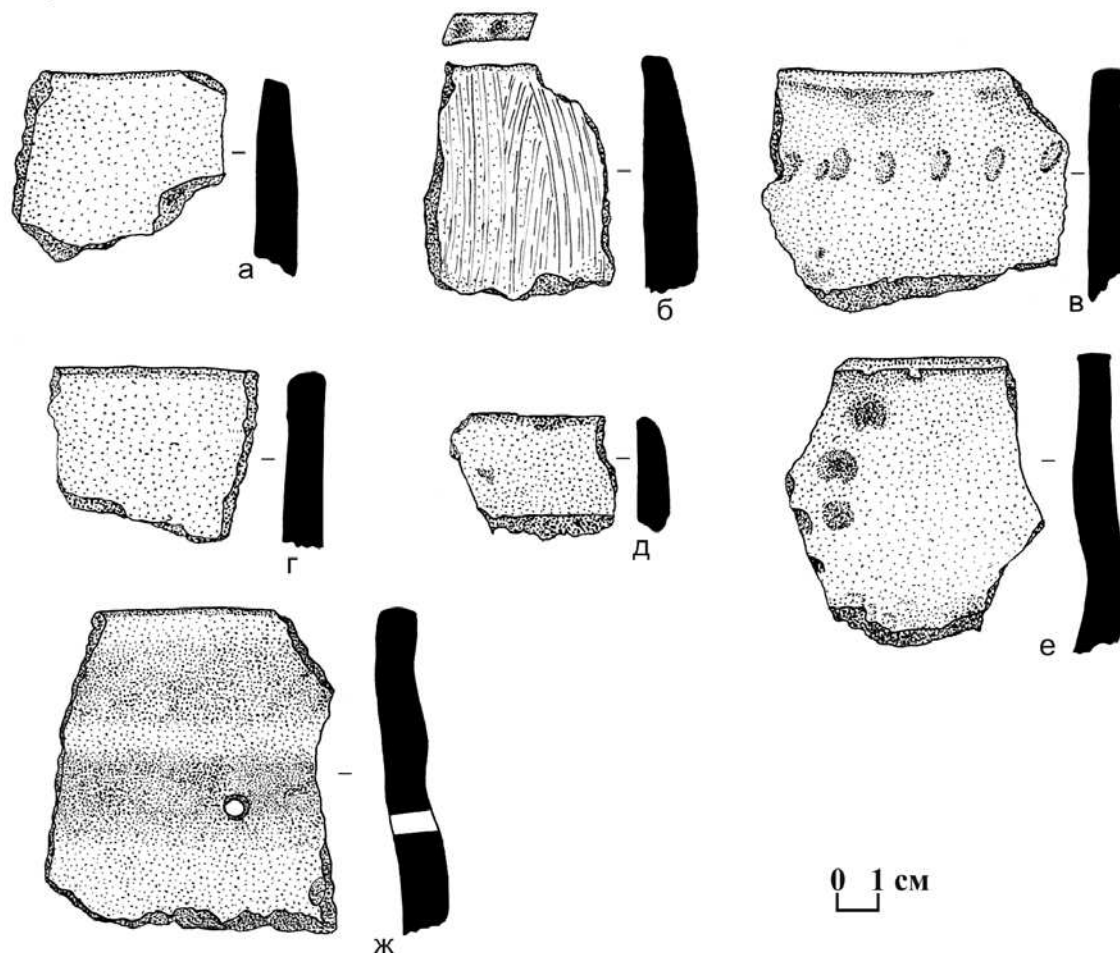

Рис. 5. Поселение у с. Нижняя Павловка. Баночные сосуды

Два сосуда из пункта X_{10} находились в слое погребенной почвы на глубине -150 см от 0.

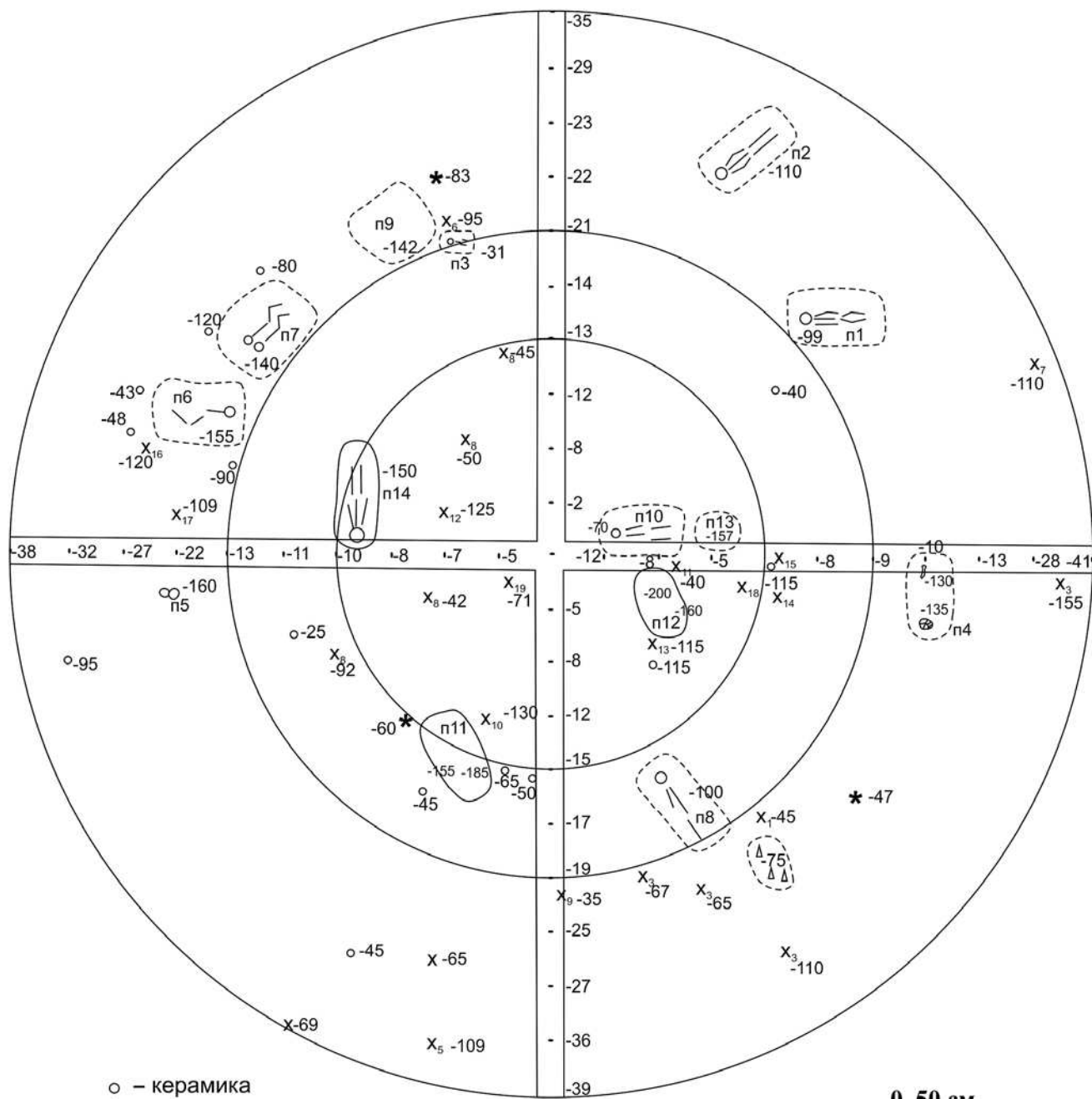
Сосуд 1 (рис. 7, 5) – закрытая банка высоких пропорций. Сосуд изготовлен из илистой глины с примесью кости и навоза. Высота сосуда – $15,3$ см, диаметр горла – 15 см, диаметр дна – $9,6$ см. Толщина стенок $7-12$ мм. Сосуд не орнаментирован. Верхняя часть каннелирована двумя горизонтальными желобками.

Сосуд 2 (рис. 7, 6) – острореберный горшок с перегибом в верхней трети высоты. Сосуд изготовлен из ила с примесью шамота. Высота сосуда – $11,6$ см, диаметр горла – $14,4$ см, диаметр дна – $8,3$ см, диаметр максимального расширения тулова – $14,7$ см. Толщина стенок $6-7$ мм. Сосуд орнаментирован. По шейке нанесен узор в виде двух поясов, состоящих из тройного зигзага, подчеркнутых горизонтальными параллельными линиями, ниже, по тулову, проходит двойной зигзаг. Придонная часть орнаментирована тремя параллельными горизонтальными линиями. Орнамент нанесен при помощи гребенчатого штампа.

Несколько развалов сосудов обнаружены в северо-западном секторе кургана.

В пункте X_{16} на глубине -120 см от 0 в погребенной почве найдено 2 сосуда.

Сосуд 1 (рис. 8, 1) – горшок с уступчатым плечом. Сосуд изготовлен из глины с примесью шамота, дробленой кости и выжимки из навоза. Высота сосуда – 11 см, диаметр горла – $12,5$ см, диаметр дна – $8,5$ см, диаметр максимального расширения тулова – 13 см. Толщина стенок $6-7$ мм. Орнамент нанесен по плечикам, представляет собой отрезок, длиной примерно $4,5$ см. Отрезок состоит из косых параллельных насечек, подчеркнутых горизонтальной линией. Орнаментация выполнена при помощи гребенчатого штампа.

- – керамика
- ★ – кость животного
- △ – скопление углей
- X₁ – человеческая челюсть
- X₂ – человеческая челюсть
- X₃ – куски медной пластины
- X₄ – два сосуда
- X₅ – два сосуда
- X₆ – детские кости ног
- X₇ – детский череп
- X₈ – наконечники стрел
- X₉ – бусина

- X₁₀ – два сосуда
- X₁₁ – кости ног КРС
- X₁₂ – сосуд
- X₁₃ – человеческая кость
- X₁₄ – сосуд
- X₁₅ – сосуд (погребение 15)
- X₁₆ – развалы сосудов
- X₁₇ – развал сосуда
- X₁₈ – фрагмент черепа
- X₁₉ – фрагмент черепа

Рис. 6. Одиночный курган у с. Нижняя Павловка. Общий план кургана

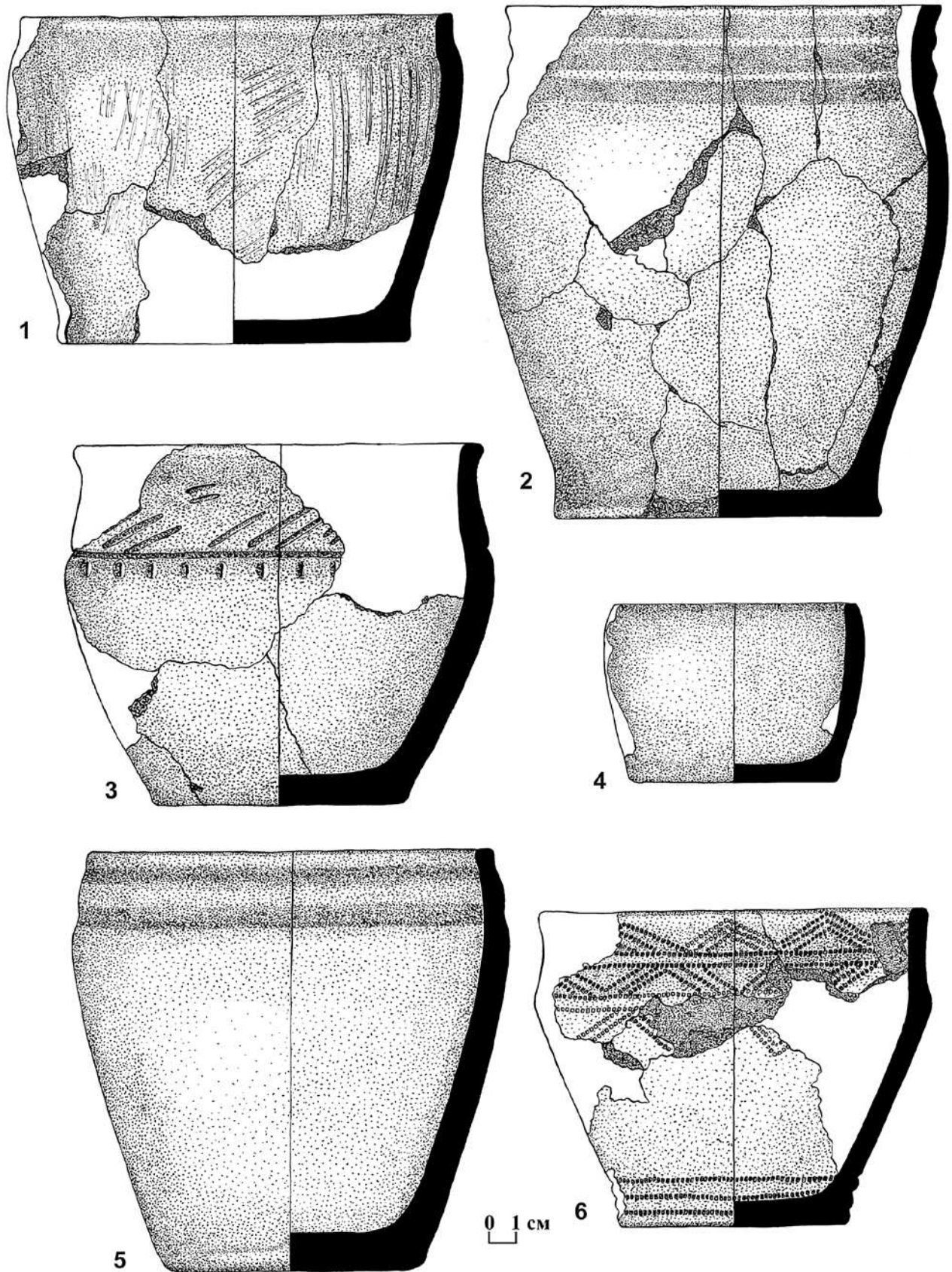

Рис. 7. Одиночный курган у с. Нижняя Павловка. Находки из насыпи:
1–2 – X₄: 1 – сосуд 1, 2 – сосуд 2; 3–4 – X₅: 3 – сосуд 2, 4 – сосуд 1;
5–6 – X₁₀: 5 – сосуд 1, 6 – сосуд 2

Сосуд 2 (рис. 8, 2) – горшок с уступчатым плечом, изготовлен из глины с примесью шамота и органического раствора. Высота сосуда – 10,5 см, диаметр горла – 14,5 см, диаметр дна – 8,5 см, диаметр максимального расширения тулова – 14,5 см. Сосуд не орнаментирован.

В пункте X₁₇, на глубине –109 см от 0, обнаружен развал сосуда (рис. 8, 3). Сохранилось лишь дно и придонная часть. Форма не определяется. Видимо, сосуд был крупных размеров. Диаметр дна – 11 см. Цвет серый, поверхность бугристая, в глине примесь тальковой дресвы и навоза.

В северо-западном и юго-западном секторах кургана обнаружены сосуд (X₁₂), бронзовые наконечники стрел (X₈) и фрагмент черепа человека (X₁₉). В южной бровке на глубине –35 см найдена бусина (X₉ на плане) (рис. 6).

Сосуд – симметричный, шаровидной формы с почти прямой шейкой, круглодонный, верхний край венчика отогнут наружу с образованием внутреннего ребра изнутри, изготовлен вручную (рис. 8, 4). Цвет поверхности красновато-коричневый с редкими черными пятнами, нагар отсутствует. Тонкостенный (толщина стенок до 5 мм), при формообразовании сосуда использовался прием выбивания колотушкой. Сосуд изготовлен из ожелезненной «жирной» глины с примесью кости, шамота, талька и органического раствора³. В шамоте фиксируются примеси талька и кости. Концентрация шамота 1:5, кости – 1:3/4, талька – 1:9/10. Поверхность сосуда тщательно заглажена плохо выделанной кожей. Шейка сосуда отделена от плеча двумя горизонтальными каннелюрами, по плечу прочерчен ряд фестонов из сдвоенных парабол. Диаметр венчика – 10 см, высота сосуда – 23 см, высота венчика – 5 см, диаметр тулова – 23 см.

Наконечники стрел – 4 экземпляра. Бронзовые, трехлопастные с выступающей втулкой, сильно коррозированы (рис. 8, 5). Достаточно мелкие – от 3,2 до 2,3 см длиной. Диаметр втулок – 0,3 см.

Бусина – изготовлена из серо-коричневой стекловидной пасты (рис. 8, 6), орнаментирована двумя переплетающимися волнистыми линиями белого и желтого цветов. Диаметр бусины – 1,5 мм. Высота 1 см. Диаметр отверстия – 0,42 см.

В юго-восточном секторе кургана, рядом с восточной бровкой и под ней, найдены развалы двух сосудов (X₁₄ и X₁₅), а также фрагменты черепа и берцовая кость человека (X₁₈ на плане). Находки обнаружены на глубине –115 см, в слое погребенной почвы и, видимо, принадлежали одному полностью разрушенному погребению.

Сосуды сохранились не полностью, но по фрагментам оказалось возможным установить их форму.

Сосуд 1 (X₁₄) – кувшиновидный с эллипсоидной формой тулова со сливом по краю венчика, плоскодонный (рис. 9, 3). Сосуд изготовлен вручную из ожелезненной «тощей» глины с примесью шамота и органического раствора. Концентрация шамота 1:4. В частицах шамота также фиксируется шамот. Цвет коричневый с серыми пятнами. Поверхность выбита колотушкой и залощена. По горлу сосуда небрежно прочерчены две горизонтальные линии. Диаметр венчика – 9,5 см, диаметр дна – 9 см, высота – 18 см.

Сосуд 2 (X₁₅) – представлен двумя фрагментами венчика от сосуда горшковидной формы (рис. 9, 1). На шейке сосуда с одной стороны имелась небольшая петлевидная ручка. Сосуд был изготовлен вручную из ожелезненной «тощей» илистой глины с незначительной примесью шамота и органического раствора. Цвет поверхности коричневый, с черными пятнами. По плечикам нанесен орнамент, состоящий из ряда овальных вдавлений различных размеров и прочерченной горизонтальной линии, от которой отходил зигзаг из сдвоенных линий.

³ Технично-технологический анализ сарматской керамики из погребений 9 и 11, а также из насыпи (X₁₂, X₁₄, X₁₅) Нижнепавловского ОК выполнен Л.А. Краевой по методике А.А. Бобринского.

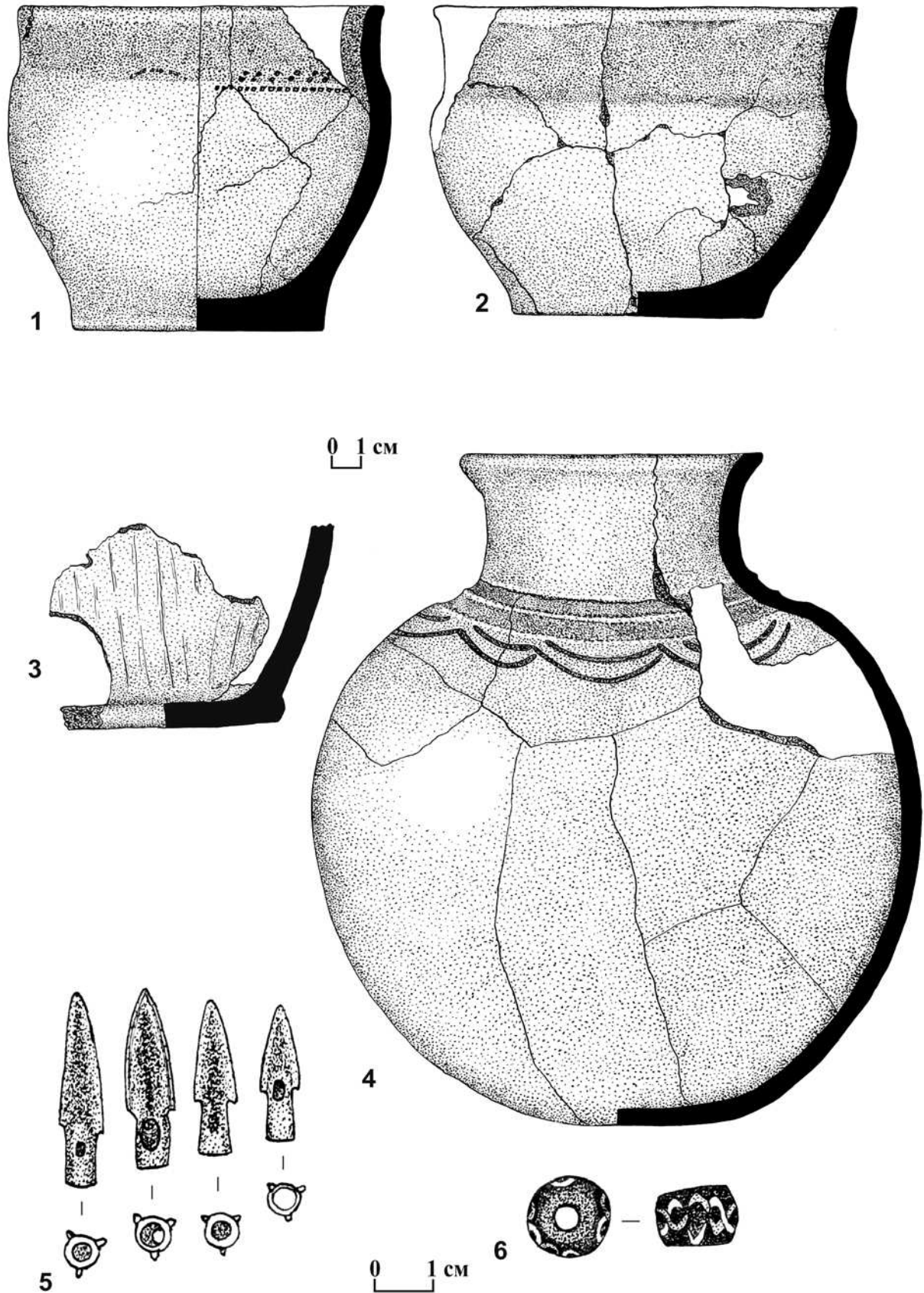

Рис. 8. Одиночный курган у с. Нижняя Павловка. Находки из насыпи:

1–2 – X_{16} ; 1 – сосуд 1, 2 – сосуд 2; 3 – сосуд (X_{17}); 4 – сосуд (X_{12}); 5 – бронзовые наконечники стрел (X_8); 6 – бусина (X_9)

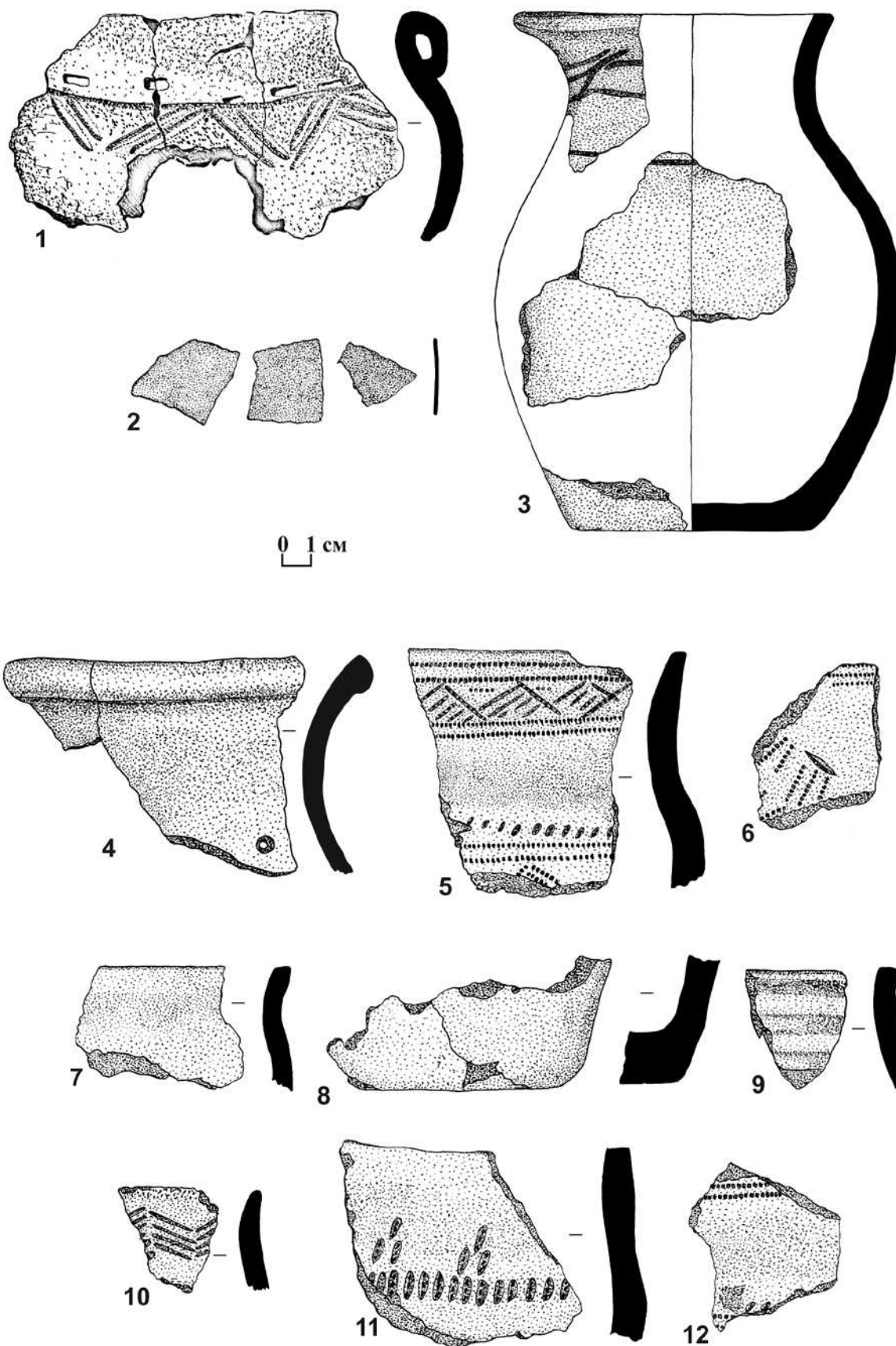

Рис. 9. Одиночный курган у с. Нижняя Павловка. Находки из насыпи: 1 – сосуд (X₁₅); 2 – фрагменты бронзовой пластины (X₃); 3 – сосуд (X₁₄); 4–12 – фрагменты керамики

В юго-восточном секторе кургана (пункты Х₃) на глубине от –65 до –155 см встречены фрагменты бронзовой пластины, возможно – *зеркала* (рис. 9, 2).

В насыпи и в погребенной почве найдены фрагменты керамики (рис. 9, 4–12). Фрагменты принадлежали сосудам горшечных и баночных форм. Орнаментированы 6 фрагментов. Узор наносился зубчатым штампом, нарезными линиями или ямочными вдавлениями в виде горизонтальных линий, зигзагов и треугольников. На одном фрагменте – неглубокие желобки. Все фрагменты керамики относятся ко времени эпохи поздней бронзы, за исключением одного венчика от кувшинообразного сосуда, выполненного на гончарном круге (рис. 9, 4). Венчик последнего утолщен и отогнут наружу, в стенке сквозное отверстие, поверхность красно-коричневого цвета.

Описание погребений

Погребение 1 (рис. 10, 1) – обнаружено в насыпи кургана на глубине –99 см от 0. Границы погребения не прослеживались. Костяк взрослого человека лежал на спине в вытянутом положении головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги в позе всадника. Челюсть находилась у локтя левой руки. Стопы ног отсутствовали. Вещи в погребении не обнаружены. Сохранность костей хорошая.

Западнее погребения, на краю насыпи кургана на глубине –110 см от 0 найдены фрагменты детского черепа (до 10 лет). Признаков разрушения погребения рядом с ним не обнаружено.

Погребение 2 (рис. 10, 3) – обнаружено также как и погребение 1 в крайней траншее северо-восточного сектора, несколько севернее, на глубине –110 см от 0. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Голова повернута на бок вправо. Руки вытянуты вдоль туловища. Нижние кости ног перекрещены. Сохранность костей хорошая. Вещи в погребении не обнаружены.

Погребение 3 (рис. 10, 2) – обнаружено в насыпи кургана северо-западного сектора на глубине –31 см от 0. Погребение принадлежало ребенку 7–8 лет. Сохранность костей плохая. В не потревоженном состоянии лежали череп и часть костей грудной клетки. Судя по ним, костяк был положен на спину, головой на З. Остальные кости (ног, таза и рук) в беспорядке находились ниже до глубины –95 см от 0. Погребение было разрушено грызунами.

Погребение 4 (рис. 10, 4) почти полностью разрушено. Его остатки состояли из костей черепа и одной берцовой кости, найденной на глубине 130 см. Инвентарь отсутствовал. Судя по положению сохранившихся костей, погребенный был ориентирован головой в южный сектор.

Погребение 5 – также разрушено. Сохранились отдельные фрагменты черепной коробки, находившиеся под двумя сосудами. Они обнаружены в слое погребенной почвы на глубине –160 см от 0.

Сосуд 1 (рис. 10, 6) – горшок с уступчатым плечом, изготовлен из глины с примесью шамота, дробленой раковины и органического раствора. Высота сосуда – 18,2 см, диаметр горла – 20 см, диаметр дна – 11,5 см, диаметр максимального расширения тулова – 20,3 см. Толщина стенок 5–7 мм. Сосуд орнаментирован в верхней части. Орнамент представляет собой пояс, состоящий из заштрихованных треугольников, направленных вершинами вверх, подчеркнутых двумя рядами параллельных горизонтальных линий, ниже которых изображен трехрядный зигзаг. Узор нанесен при помощи гребенчатого штампа.

Сосуд 2 (рис. 10, 7) – горшок с перегибом в верхней трети высоты. Информация о составе формовочной массы отсутствует. Высота сосуда – 16,3 см, диаметр горла – 17,5 см, диаметр дна – 11 см, диаметр максимального расширения тулова – 19 см. Толщина стенок 5–7 мм. Горло, верхняя половина и придонная часть тулова украшены при помощи гребенчатого штампа горизонтальными линиями, ассиметричными зигзагами и рядами, состоящими из насечек-запятых.

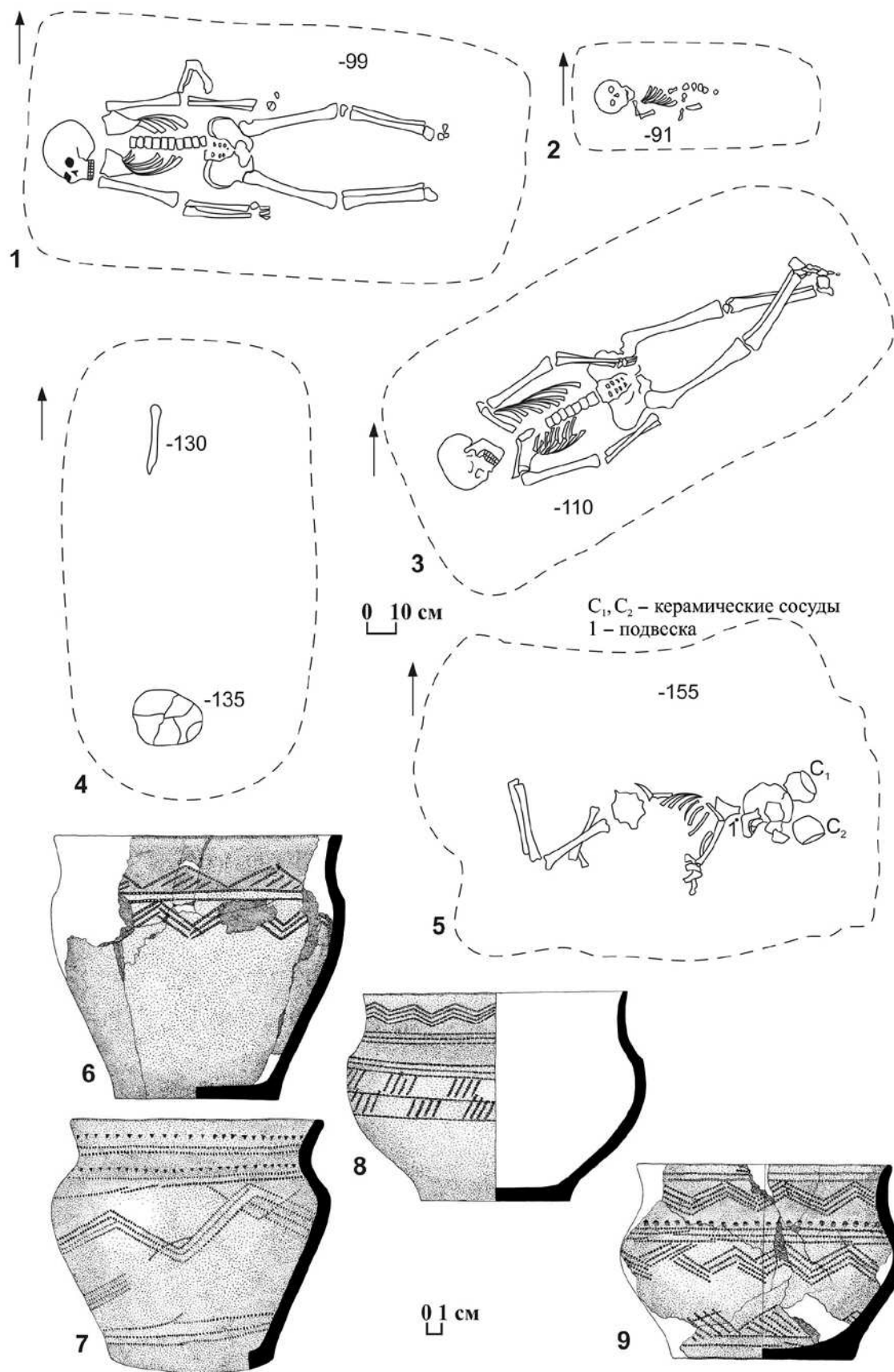

Рис. 10. Одиночный курган у с. Нижняя Павловка.

1 – п. 1; 2 – п. 3; 3 – п. 2; 4 – п. 4; 5–7 – п. 6; 6 – сосуд 1; 7 – сосуд 2; 8–9 – п. 5; 8 – сосуд 1; 9 – сосуд 2

Погребение 6 (рис. 10, 5) – обнаружено в слое погребенной почвы, на глубине –155 см от 0. Границы погребения прослеживались слабо, по распространению белесого травяного тлена. Костяк лежал скорченно на левом боку, головой на восток. Сохранность костей плохая – отсутствовали нижние кости рук и стопы. За головой погребенного находились два сосуда.

Сосуд 1 (рис. 10, 8) – горшок с раздутым туловом и уступом. Горшок изготовлен из глины с примесью шамота, дробленой раковины и органического раствора. Высота – 14,5 см, диаметр горла – 18,3 см, диаметр дна – 10,5 см, диаметр максимального расширения тулова – 20,5 см. Толщина стенок 4–5 мм. Сосуд орнаментирован в верхней и средней части. По шейке проходит четырехрядный зигзаг, подчеркнутый тремя параллельными горизонтальными линиями. Переходная часть от шейки к тулову не орнаментирована. Ниже ребра проходят две параллельные горизонтальные линии, ниже которых изображены два пояса, заполненные косыми параллельными отрезками, сгруппированными по четыре единицы. Орнаментальные пояса ограничены параллельными горизонтальными линиями. Орнамент выполнен при помощи мелкого гребенчатого штампа.

Сосуд 2 (рис. 10, 9) – горшок с выраженным перегибом в середине профиля. Сосуд изготовлен из глины с примесью шамота и органического раствора. Высота сосуда – 13,5 см, диаметр горла – 17,5 см, диаметр дна – 12,5 см, диаметр максимального расширения тулова – 19,7 см. Толщина стенок 7–9 мм. Орнамент наносился зубчатым штампом почти по всей поверхности сосуда с небольшими свободными зонами. Узор сверху вниз состоит из 2-х рядов горизонтальных линий, под которыми нанесен четырехрядный зигзаг. При переходе к тулову изображен ряд округлых вдавлений, под которым располагаются три ряда горизонтальных линий, а ниже 4-рядный зигзаг. В придонной части изображены заштрихованные треугольники вершинами вверх, подчеркнутые двумя рядами горизонтальных линий.

Погребение 7 (рис. 11, 1) – обнаружено рядом с предыдущим захоронением во внешнем кольце северо-западного сектора. Оно выявлено на глубине –140 см от 0, в слое погребенной почвы. Границы погребения почти не прослеживались. Они могут быть определены условно по распространению белесого травяного тлена. Погребение парное. Два костяка, тесно прижатые друг к другу, лежали на левом боку, головой на ЮЗ. Сохранность костей плохая. Кости ног и таза смещены грызунами. Не сохранилась большая часть костей грудной клетки и кости рук одного из погребенных. За головами находились два сосуда.

Сосуд 1 (рис. 11, 2) – горшок с раздутым округлым туловом. Сосуд имеет четкий перегиб тулова, открытое устье, зауженную придонную часть и выделенный поддон. Горшок изготовлен из ила с примесью дробленой кости. Сосуд орнаментирован. Под венчиком нанесен однорядный зигзаг, ниже которого проходят две параллельные горизонтальные линии. Переходная часть от шейки к тулову не орнаментирована. В средней части тулова изображены четыре параллельные горизонтальные линии, ниже которых проходит ряд заштрихованных треугольников, направленных вершинами вниз.

Сосуд 2 (рис. 11, 3) – горшок с раздутым туловом и уступом. Профилировка горловины и тулова плавно изогнутая. Сосуд изготовлен из глины с примесью шамота и органического раствора. Высота сосуда – 13,5 см, диаметр горла – 17,8 см, диаметр дна – 8,3 см, диаметр максимального расширения тулова – 18 см. Толщина стенок 5–7 мм. Сосуд орнаментирован. Орнаментальная композиция полностью аналогична изображенной на сосуде 1 погребения 6.

На виске одного из костяков найден обломок от бронзовой подвески в 1,5 оборота.

Погребение 8 (рис. 11, 4) – обнаружено в среднем кольце юго-восточного сектора на глубине –100 см от 0, на границе насыпи и погребенной почвы. Костяк взрослого человека лежал на спине в вытянутом положении, головой на С-З. Сохранность костяка плохая. Большинство костей скелета растащено грызунами, за исключением: предплечья правой руки, грудной клет-

ки, костей левой ноги, частей таза. Кости рук не сохранились. За головой погребенного лежала лопатка животного. У правой ноги располагалась кучка угля. С левой стороны найден кусочек мела. Вещи в погребении не обнаружены.

Погребение 9 (рис. 11, 5) – обнаружено во внешнем кольце северо-западного сектора, на глубине –142 см от 0, в слое погребенной почвы. Границы слабо улавливались по заполнению ямы, несколько отличному от окраски погребенной почвы. Оно, возможно, имело квадратные очертания со стороной около 135 см и, вероятно, судя по расположению костей, было диагональным. Погребение полностью разрушено, очевидно, грызунами. Сохранились несколько костей ног (1 берцовая и 2 голени) и фрагмент таза, судя по которым можно заключить, что здесь был захоронен ребенок возрастом до 10 лет. К северу от костей ног находился сосуд.

Сосуд (рис. 11, 6) – небольшой по размерам, с яйцевидной формой тулова, прямым горлом, плоским дном и одной петлеобразной ручкой, которая возвышается над венчиком сосуда и идет от его верхнего края к плечу. Ручка в сечении овально-трапециевидной формы, в верхней ее части с внешней стороны фиксируется желобок шириной 1 см, срез венчика прямой. На противоположной стороне от ручки имеется небольшой слив. Сосуд изготовлен вручную из ожелезненной «тощей» илистой глины с примесями шамота и органического раствора, шамот добавлен в концентрации 1:5. Цвет поверхности – красновато-коричневый, с черными пятнами, нагар отсутствует. Шея сосуда украшена двумя прочерченными горизонтальными линиями под которыми, по плечу, идут два ряда вдавлений ногтя. Диаметр венчика сосуда – 10,5 см, дна – 5 см, максимальный диаметр тулова – 12 см. Высота – 11,5 см. Размеры ручки: высота – 7 см, ширина – 4,5 см, сечение 1×2,5 см и 1,2×2 см.

Погребение 10 (рис. 11, 7) – обнаружено в центральной части кургана, в 1 м к востоку от нулевого репера, на глубине –70 см от 0, в слое насыпи. Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении, на спине, руки вдоль туловища, головой на 3. Не сохранились кисти рук и кости ступней. Границы погребальной ямы не прослеживались. Они могут быть обозначены лишь по распространению угольков над костяком и рядом с ним. Вещей в захоронении не обнаружено.

Погребение 11 (рис. 12, 1) – обнаружено в среднем кольце юго-западного сектора на уровне материка, т.е. на глубине –155 см от 0. Могильное пятно имело вытянутые овальные очертания. Его размеры: 180×90 см. Глубина ямы от материка составила 30 см. Костяк в яме не обнаружен. В северо-западном углу находился развал сосуда, в юго-восточном – створка речной раковины.

Сосуд (рис. 12, 2) – толстостенный (толщина стенок 0,8–1 см), край венчика слегка отогнут, изготовлен вручную. Реконструируется только в верхней части, вероятней всего – был плоскодонным. По горизонтально срезанному венчику, на противоположных сторонах, имеются вдавления-утолщения неправильной овальной формы, по плечу прочерчен неровный зигзаг. Сосуд изготовлен из ожелезненной «тощей» илистой глины с примесью шамота в концентрации 1:4 и органики неясного происхождения. Зафиксировано два вида шамота от сосудов, изготовленных по рецепту: 1) илистая глина + шамот + органика; 2) ожелезненная глина + шамот + тальк. Поверхность имеет четкие следы заглаживания тканью, цвет коричневый, с черными пятнами, внутри фиксируется нагар. Диаметр венчика сосуда – 14 см.

Створка раковины (рис. 12, 3) – принадлежала пресноводному двустворчатому моллюску семейства *Unionidae*. Максимальная длина створки раковины – 48 мм, ширина – 28,5 мм.

Погребение 12 (рис. 12, 4) – обнаружено на глубине –160 см от 0, т.е. на уровне материка. Могильное пятно имело овальные очертания: 160×104 см. Могила располагалась в центральной части кургана, в 1,5 м к ВЮВ от центра. В могильной яме глубиной 40 см от материка найдены череп, бедренные кости, позвонки и ребра взрослого человека, лежавшие в смещенном, беспорядочном состоянии. Яма была ориентирована по линии ЮВ – СЗ. В северном углу ямы, рядом с черепом, находились фрагменты *сосуда*.

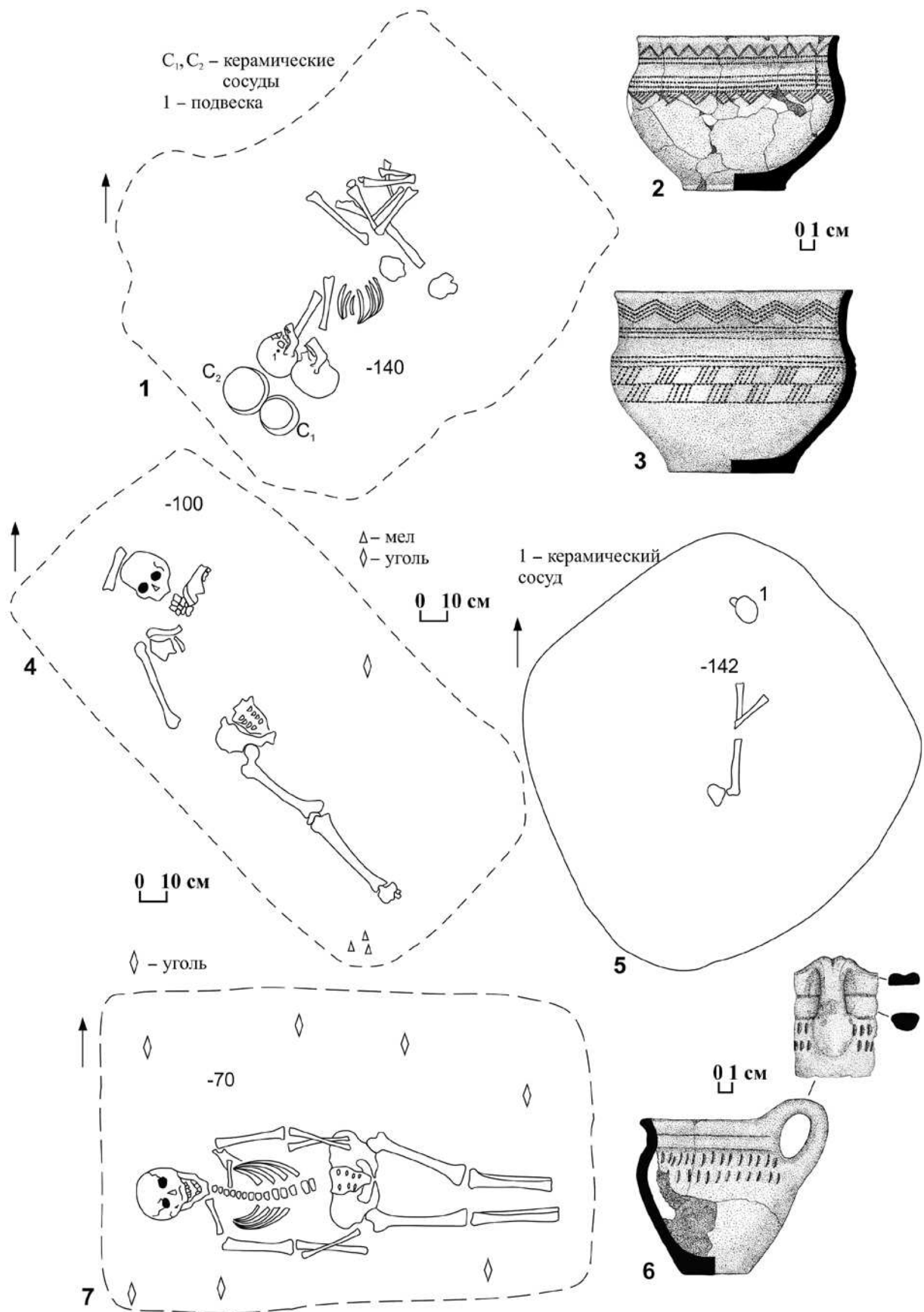

Рис. 11. Одиночный курган у с. Нижняя Павловка:

1–3 – п. 7, 2 – сосуд 1, 3 – сосуд 2; 4 – п. 8; 5–6 – п. 9, 6 – сосуд; 7 – п. 10

Сосуд (рис. 12, 5) – горшок с ребром-уступом в верхней трети высоты, изготовлен из глины с примесью дробленой кости и органической выжимки. Высота сосуда – 25,8 см, диаметр горла – 29 см, диаметр дна – 15 см, диаметр максимального расширения тулова – 32 см. Сосуд орнаментирован в верхней части. Под венчиком – рядом вдавлений, выполненных штампом, под которым изображен четырехрядный зигзаг. По ребру проходит ряд аналогичных вдавлений, ниже которых нанесен меандр. Орнаментация выполнена при помощи гребенчатого штампа.

Погребение 13 (рис. 12, 6) – разрушено. Сохранились лишь кости ног (2 бедренные и 1 голень). Они обнаружены в погребенной почве, на уровне материка, на глубине –157 см от 0. Границы погребения не прослеживались. Рядом с костями находился сосуд.

Сосуд (рис. 12, 7) – крупных размеров, с шаровидной формой тулова, плоскодонный, изготовлен вручную. Он имел широкое растробовидное устье, суженную горловину и сильно раздутое тулово. Размеры: диаметр венчика – 15,2 см, шейки – 13 см, тулова – 22 см, дна – 11 см. Высота сосуда – 24 см. Сосуд изготовлен из глины с обильной примесью талька (визуальное определение). Поверхность тщательно заглажена и залощена. Дно слегка вогнуто. Орнамент нанесен овальными вдавлениями по плечикам сосуда в виде волнообразных узоров.

Погребение 14 (рис. 13, 1) – обнаружено на глубине –150 см от 0, т.е. на уровне материка в северо-западном секторе кургана. Могильное пятно овальной формы имело размеры: 210×80 см. Глубина от материка до дна ямы составила 85 см. Стенки ямы отвесные. Она была заполнена темным рыхлым гумусом. На дне ямы головой на Ю лежал костяк взрослого человека (судя по инвентарю – женщины). Погребенная была положена на спину, руки располагались вдоль туловища. На запястьях костяка находились металлические браслеты (на правой руке 2 браслета, на левой – 1). За головой погребенной, у южной стенки могилы, найдено пряслице. В ногах покойной располагались остатки напутственной пищи в виде костей конечностей овцы.

Браслеты – биметаллические, комбинированного типа (проволочно-пластинчатые) (рис. 13, 2–5). Все три изделия однотипны. Несмотря на неудовлетворительную сохранность, удалось проследить их конструкцию (рис. 13, 6). Каждый браслет изготовлен из двух отрезков медной проволоки, соединенных между собой серебряной пластиной подпрямоугольно-трапециевидной формы. Отрезки медной проволоки имели диаметр 2–3 мм и длину около 18 см. Толщина серебряных пластин – 1–1,5 мм, ширина – около 40 мм, длина – около 18 см.

Пряслице – круглое со сквозным отверстием в центре, изготовлено из глины с обильной примесью талька (визуальное определение). Диаметр изделия – 4 см, толщина – 1,5 см (рис. 13, 7).

Таким образом, одиночный курган у села Нижняя Павловка представляет собой сложное сооружение, состоящее из разновременных и разнокультурных захоронений. Ранний период сооружения одиночного кургана относится к эпохе поздней бронзы, поздний – к эпохе раннего железного века.

Культурная интерпретация материалов эпохи поздней бронзы из Нижнепавловского одиночного кургана

К эпохе поздней бронзы относятся 4 захоронения, выявленные в одиночном кургане, а также 15 целых сосудов и несколько отдельных фрагментов керамики.

Данные по погребальному обряду некрополя довольно скудны. Захоронения были расположены на подкурганной площадке по кругу. Три из четырех захоронений (№ 5, 6, 7) позднебронзовой эпохи находились в погребенной почве, форма могильных ям в этих случаях не восстанавливается. Погребение 12 совершено в яме подовальной формы, ориентированной по линии СЗ–ЮВ. Два захоронения являлись индивидуальными (погребение 6 и погребение 12), одно – двойным (погребение 7), в погребении 5 обнаружены только остатки черепной коробки. Во всех установленных случаях костяки находились в могилах в позе скорченно, на левом боку, головой на В (погребение 6), ЮЗ (погребение 7) и ЮВ (погребение 12).

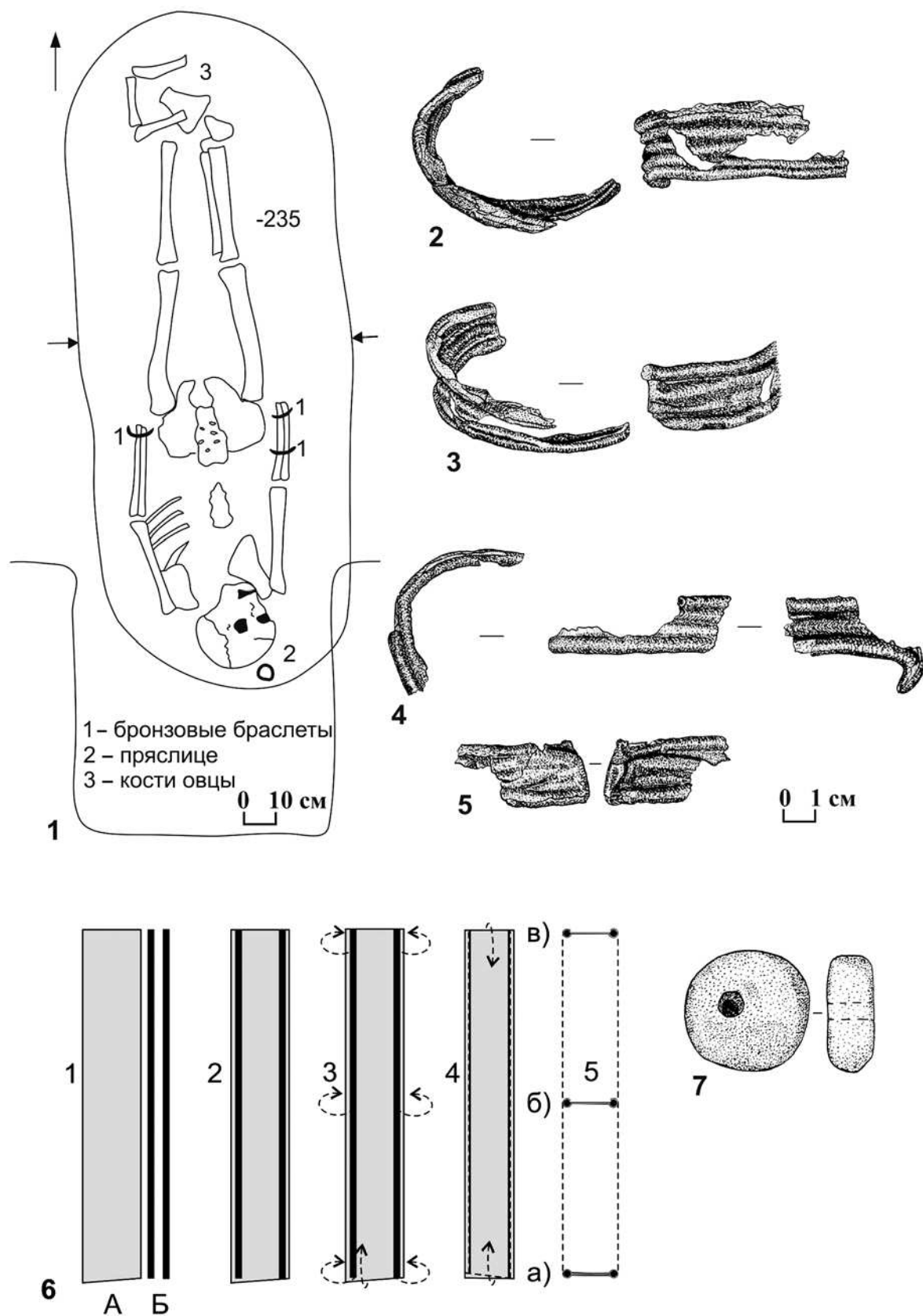

Рис. 13. Одиночный курган у с. Нижняя Павловка. Погребение 14:

1 – план; 2–5 – браслеты; 6 – реконструированная схема изготовления браслетов (А – серебряная пластина, Б – отрезки медной проволоки; 1–4 – этапы изготовления браслетов; а, б, в – сечение торцевых и срединной части браслетов); 7 – пряслице

Инвентарь захоронений представлен, в основном, керамикой. Только в комплексе № 6 были найдены фрагменты бронзовой подвески, однако форму изделия установить по ним не удалось.

Керамика представлена целыми сосудами и фрагментами. Выделяются горшковидные сосуды и банки, причем горшки явно преобладают (целые формы представлены тринадцатью горшками и двумя банками). Выделяются следующие типы керамической посуды.

Плавнопрофилированные сосуды (рис. 14, 1); сосуды с ребром или перегибом в верхней трети высоты или в середине профиля (рис. 14, 2); сосуды с уступчатым плечом (рис. 14, 3); плавнопрофилированные сосуды с округлым туловом, округлым туловом и уступом (рис. 14, 4); плавнопрофилированный сосуд высоких пропорций с округлым туловом (рис. 14, 5); закрытые банки (рис. 14, 6).

Судя по признакам погребального обряда и инвентаря, погребения эпохи поздней бронзы ОК у с. Нижняя Павловка были оставлены населением западно-алакульской культурной группы. Специалисты отмечают, что для нее, при преобладании алакульской доминанты, характерно значительное влияние срубного компонента (Кузьмина, 1994, с. 269–271; Ткачев, 2007, с. 321–338; Алаева, 2008, с. 515–522; Алаева, 2015, с. 9–15), это хорошо подтверждается материалами эпохи поздней бронзы ОК у с. Нижняя Павловка.

Круговая планировка захоронений тяготеет, скорее к алакульским нормам оформления подкурганного пространства (Алаева, 2008, с. 511). Отмеченные здесь юго-западная и юго-восточная ориентировки погребенных типичны для алакульской погребальной традиции, ориентировка костяка головой на восток не исключена для алакульского населения, но в Оренбуржье чаще встречается в комплексах срубной культуры (Алаева, 2008, с. 511, 519; Купцова, 2016, с. 11). Диагностирующим признаком погребального обряда также является двойное захоронение: в погребении № 7 оба индивида покоились на левом боку головами на юго-запад. Считается, что представители алакульской культуры чаще совершали т.н. «парные» погребения – когда мужчина и женщина укладывались друг против друга в т.н. «позе объятий» (Рафикова, 2008, с. 6, 11). Ситуация, отмеченная в погребении № 7, более репрезентативно представлена в выборке срубных комплексов (Рафикова, 2008а, с. 15–16). Таким образом, погребение № 7 сочетает в себе алакульские и срубные черты обряда.

Среди керамических изделий эпохи поздней бронзы ОК у с. Нижняя Павловка выделяются экземпляры, которые по морфологическим признакам можно считать непосредственно алакульскими (погребение 6 сосуды 1 и 2, погребение 7 сосуды 1 и 2, погребение 12 сосуд, фрагмент из насыпи (рис. 9, 5), сосуды, которые являются типично срубными (X_{16} сосуд 1; X_5 сосуды 1 и 2; X_4 сосуд 1, X_{10} сосуд 1, фрагмент из насыпи (рис. 9, 7), а также посуда, сочетающая в себе смешанные срубно-алакульские (погребение 5 сосуд 1; X_{10} сосуд 2, X_{16} сосуд 2) и срубно-федоровские элементы (X_4 сосуд 2). По внешним признакам культурная принадлежность керамических изделий определена во многом условно, однако предложенное разделение сосудов по нескольким культурным группам отчасти подтверждается различной технологией их изготовления. В то же время нужно отметить, что и технология изготовления керамики демонстрирует далеко зашедшие процессы смешения гончарных традиций различных групп населения, ранее обладавших собственными навыками изготовления посуды (Купцова, Мухаметдинов, 2017, с. 136–138).

Характерными отличительными признаками алакульских сосудов являются: наличие уступчика при переходе от шейки к тулову, тонкостенность, симметричность формы. Алакульские сосуды богато орнаментированы, для орнаментации использовался исключительно мелкогребенчатый штамп. Узор расположен на сосудах зонально, часто полоса при переходе от шейки к тулову остается подчеркнута не орнаментированной. Орнаментальные образы представлены

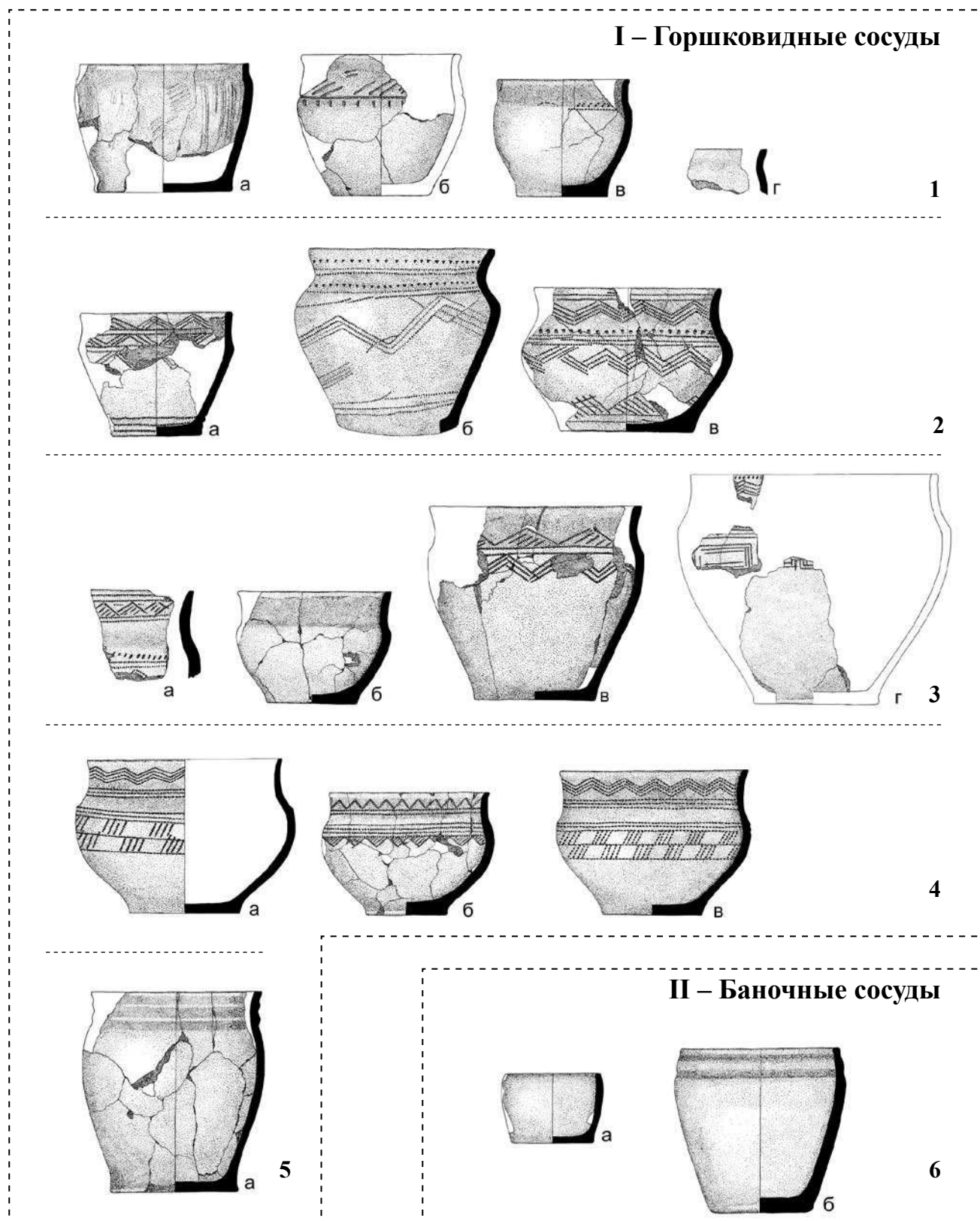

Рис. 14. Одиночный курган у с. Нижняя Павловка. Типы сосудов эпохи бронзы:

I – Горшковидные сосуды: 1 – плавнoproфилированные сосуды, 2 – сосуды с ребром или перегибом в верхней трети высоты и в середине профиля, 3 – сосуды с уступчатым плечом, 4 – плавнoproфилированные сосуды с округлым туловом, с округлым туловом и уступом, 5 – плавнoproфилированный сосуд высоких пропорций с округлым туловом. II – Баночные сосуды

однорядными и многорядными зигзагами, заштрихованными треугольниками, направленными вершинами вверх и вниз, параллельными горизонтальными линиями (рис. 14, 2 в, 3 а, 3 г, 4 а–в). В таблице 1 представлена технология изготовления алакульских сосудов ОК у с. Нижняя Павловка.

Таблица 1. Технология изготовления алакульских сосудов из ОК у с. Нижняя Павловка⁴

Сосуд	Соотношение исходного пластичного сырья и рецептов формовочных масс	Технология изготовления начина	Технология изготовления полого тела	Обработка поверхности
п. 6, с. 1	Г + Ш + ДР + ОР	ДЕ, СЛ	СЛ	Лощение
п. 6, с. 2	Г + Ш + ОР	ДЕ, СЛ	СЛ	Лощение
п. 7, с. 1	Ил + К	ДЕ, СЖ	СЖ	Лощение
п. 7, с. 2	Г + Ш + ОР	?	?	Лощение
п. 12, с.	Г + К + Вж	ДЕ, СЖ	СЖ	Лощение
Насыпь с. 2	ИГ + К + Вж	ДЕ, СЖ	СЖ	Заглаживание пальцами и лощение

Алакульская керамика некрополя изготавливалась в основном из природных глин, только сосуд № 1 из погребения 7 изготовлен из ила. В четырех случаях удалось определить способы конструирования сосудов. Два из них связаны с использованием спирально-лоскутного налепа, три сосуда изготовлены из навитых по спирали жгутов, что в эпоху поздней бронзы Оренбуржья более типично для срубного гончарства (Васильева, Салугина, 2010, с. 143; Салугина, 2014, с. 643–645; Купцова, Мухаметдинов, 2017, с. 143). Алакульская группа керамики характеризуется большим разнообразием рецептов формовочных масс. В качестве примесей зафиксированы шамот, кальцинированная кость, дробленая раковина, органический раствор и выжимка. Поверхность всех сосудов данной группы тщательно заглажена, а затем залощена. Необходимо отметить, что сосуды с алакульскими морфологическими признаками, в основном, извлечены непосредственно из захоронений, только один фрагмент керамики найден в насыпи.

Срубные сосуды кургана представлены плавнопрофилированными горшками и банками. Форма сосудов несколько асимметрична, они либо не орнаментированы, либо скудно орнаментированы, узор выполнен при помощи среднего гребенчатого штампа (рис. 14, 1 а–г, 6 а–б). В одном случае баночный сосуд (X₁₀ сосуд 1) украшен горизонтальными желобками. Подобная орнаментация довольно редко встречается в срубных памятниках и, скорее всего, является реминисценцией более раннего времени (Каргалы, т. IV, с. 74; Лопатин, Четвериков, 2006, с. 112, 130, рис. 5, 3; Зеленева, Юдин, 2010, с. 146, рис. 61, 1, 2, с. 153, рис. 68, 1, 2). Ф.А. Сунгатов и И.И. Бахшиев отнесли керамику с желобками к нерасчлененному (или олаировскому типу). Указывая на то, что культурная интерпретация т.н. «олаировской» группы сосудов довольно затруднительна, авторы делают предположение, что керамика с желобами в верхней части сосу-

⁴ Для описания технологии изготовления сосудов эпохи поздней бронзы используются следующие сокращения: ДЕ – донно-емкостный начин, СЛ – спирально-лоскутный способ конструирования, СЖ – спирально-жгутовой способ конструирования, Г – глина, ИГ – илистая глина, Ш – шамот, К – кость, КД – кварцевая дресва, ТД – тальковая дресва, Вж – выжимка, Ор – органический раствор, Шл – шлак, ДР – дробленая раковина, СлГ – сланцевая глина, ГТП – гладкий твердый предмет, Лщ – лощение, МП – мягкий предмет, ГрШ – гребенчатый штамп, Нк – наконечники, ГлШ – гладкий штамп, Плц – пальцы, Тк – ткань, Шлиф – шлифование, ОС – окислительная среда, ВС – восстановительная среда.

дов является трансформацией срубных и алакульских гончарных традиций, сформировавшихся в синкретической срубно-алакульской среде (Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 43–44). Мы отнесли сосуд с желобками к срубной группе по таким признакам, как баночная форма, наличие соответствий в «несмешанной» срубной среде, а также спирально-жгутовой способ изготовления начина и полого тела.

Технология изготовления сосудов срубного облика представлена в таблице 2.

Таблица 2. Технология изготовления срубных сосудов из ОК у с. Нижняя Павловка

Сосуд	Соотношение исходного пластичного сырья и рецептов формовочных масс	Технология изготовления начина	Технология изготовления полого тела	Обработка поверхности
X ₁₆ , с. 1	Г + Ш + К + Вж	ДЕ, СЖ	СЖ	Лощение
X ₅ , с. 1	Г + Ш + ОР	ДЕ, СЖ	СЖ	Заглаживание пальцами и лощение
X ₅ , с. 2	Г + СлГ + К + ОР	ДЕ, СЖ	СЖ	Заглаживание мягким предметом и лощение
X ₄ , с. 1	Г + Шл + Вж	ДЕ, СЖ	СЖ	Заглаживание щепой и гладким предметом
X ₁₀ , с. 1	ИГ + К + Вж	ДЕ, СЖ	СЖ	Заглаживание пальцами и лощение
Насыпь с. 1	Г + ОР	?	?	Заглаживание гладким предметом

При изготовлении сосудов с преобладающими срубными морфологическими признаками использовалась, в основном, природная глина и в одном случае – илистая глина. Все срубные сосуды изготовлены из навитых по спирали жгутов, спирально-лоскутный налеп не применялся. В формовочные массы срубных сосудов добавлялись шамот, дробленые сланцевая глина, кальцинированная кость и шлак, а также органические примеси: раствор, выжимка, навоз. Почти все срубные сосуды залощены, однако на отдельных участках фиксируются признаки заглаживания мягким предметом, а в одном случае – щепой.

Сосуды, отнесенные к срубно-алакульским, характеризуются разнообразным сочетанием признаков, присущих как срубной, так и алакульской керамике: это сосуды, форма которых чаще фиксируется в памятниках срубной культуры, но украшенные в соответствии с алакульскими традициями мелким гребенчатым штампом, вдавлениями подтреугольным предметом (рис. 14, 2 а–б), либо, напротив, имеющие традиционно «алакульскую» форму с уступчиком, но не орнаментированные, или орнаментированные крупным гребенчатым штампом (рис. 14, 3 б–в). Один из сосудов условно отнесен нами к срубно-федоровским (рис. 14, 5 а). Сосуд имеет довольно необычную для срубного гончарства форму, которая в то же время находит близкие соответствия в федоровских и кожумбердынских памятниках (Кузьмина, 2008, с. 175 (рис. 60, б), с. 256 (рис. 108, 8)). Технология изготовления сосудов со смешанными признаками представлена в таблице 3.

Начины срубно-алакульских сосудов донно-емкостные, изготовлены из жгутов, навитых по спирали, полые тела также сконструированы спирально-жгутовым налепом. Каждому сосуду в группе соответствует свой рецепт формовочной массы. Из примесей фиксируются шамот, дробленая раковина, органический раствор. Срубно-федоровский сосуд изготовлен из ила, начин сделан спирально-лоскутным способом, формовочная масса включает шамот и органический раствор. Срубно-алакульские и срубно-федоровский сосуды залощены, однако на некоторых участках прослеживаются следы заглаживания пальцами и в одном случае – гребенчатым штампом.

Таблица 3. Технология изготовления сосудов со смешанными признаками из ОК у с. Нижняя Павловка

Сосуд	Соотношение исходного пластичного сырья и рецептов формовочных масс	Технология изготовления начина	Технология изготовления полого тела	Обработка поверхности
Технология изготовления срубно-алакульских сосудов				
п. 5, с. 1	Г + Ш + ДР + ОР	ДЕ, СЖ	СЖ	Заглаживание гребенчатым штампом и лощение
X ₁₀ , с. 2	Ил + Ш	ДЕ, СЖ	СЛ	Заглаживание пальцами и лощение
X ₁₆ , с. 2	Г + Ш + ОР	ДЕ, СЖ	СЖ	Заглаживание пальцами и лощение
Технология изготовления срубно-федоровского сосуда				
X ₄ , с. 2	Ил + Ш + ОР	ДЕ, СЛ	СЖ	Лощение

В целом, говоря о технологии изготовления посуды из ОК у с. Нижняя Павловка, можно выделить следующие моменты.

Глина и илистая глина использовались для изготовления сосудов всех выделенных культурных групп. Применение ила отмечено для алакульской, срубно-алакульской, срубно-федоровской посуды.

Начин и полое тело срубных сосудов некрополя изготавливались исключительно спирально-жгутовым способом, спирально-лоскутный налеп для их изготовления не применялся. При помощи навитых по спирали жгутов были изготовлены также три алакульских и два срубно-алакульских сосуда. На территории Южного Приуралья спирально-жгутовой налеп чаще использовался населением срубной культуры, его доля в памятниках с преобладающим срубным компонентом всегда велика (Купцова, Мухаметдинов, 2017, с. 130–132, 134, 143). Спирально-лоскутный налеп отмечен для алакульских и срубно-алакульских сосудов некрополя. Изготовление сосудов спирально-лоскутным способом не исключено для срубного (Моргунова и др., 2009, с. 81–97, Салугина, 2016, с. 199–200), но более характерно для андроновского гончарства (Ломан, 1995, с. 97).

Значительное разнообразие демонстрируют рецепты формовочных масс. Как видно из приведенных выше таблиц, примеси, используемые в изготовлении формовочных масс, зачастую являются общими для выделенных групп анализируемой посуды. Применение дробленой раковины отличает алакульскую и срубно-алакульскую группу сосудов от срубной. Отличием также является и то, что в формовочные массы алакульской керамики не добавлялись дробленые шлак и сланцевая глина. Говоря о таком компоненте формовочных масс как дробленая раковина, необходимо отметить следующее. Технично-технологический анализ керамики Степного Приуралья показал, что в тех памятниках срубной культуры, где не отмечены связи с инокультурными племенами, либо они слабо выражены, искусственная примесь раковины не добавлялась в формовочные массы сосудов срубного облика или добавлялась в очень небольшом количестве (Моргунова и др., 2009, с. 71–72; Моргунова и др., 2010, с. 119–141; Евгеньев и др., 2016, с. 153–156; Купцова, Мухаметдинов, 2017, с. 142). В то же время в изучаемом регионе в алакульских и срубно-алакульских сосудах примесь толченой раковины фиксируется стабильно (Купцова, Мухаметдинов, 2017, с. 142).

Интересным является тот факт, что при обработке поверхности сосудов всех выделенных групп практически всегда использовалось лощение. Вместе с тем практически для всей ала-

кульской посуды отмечено использование исключительно лощения. При обработке поверхности срубных и срубно-алакульских сосудов лощение, как правило, сочеталось с заглаживанием щепой, пальцами, гребенчатым штампом, мягким или гладким предметом. Лощение является типичным приемом, используемым при изготовлении андроновской посуды (Ломан, 1995, с. 98), заглаживание поверхности чаще использовалось гончарами срубной культуры (Купцова, Мухаметдинов, 2017, с. 143).

Таким образом, погребальный обряд и керамическая коллекция эпохи поздней бронзы некрополя демонстрируют далеко зашедшие процессы интеграции среди различных в культурном отношении групп населения, слившихся в единый культурный монолит, называемый западно-алакульской культурной группой.

Культурная интерпретация материалов эпохи поздней бронзы из слоя Нижнепавловского поселения

Керамическая коллекция поселения довольно немногочисленна, насчитывает только 37 культурно определимых фрагментов от разных сосудов. Типы сосудов, найденных на поселении, идентичны относящимся позднебронзовому периоду одиночного кургана, здесь выделяются горшковидные сосуды и банки с открытым устьем (всего 24 горшка и 13 банок) (рис. 4, 5). Горшки представлены плавнопрофилированными сосудами, сосудами с уступчатым плечом и сосудами с перегибом в середине профиля. Керамика из слоя поселения, как и посуда одиночного кургана, демонстрирует смешение срубных и алакульских традиций. Здесь выделяются сосуды с алакульскими, срубными морфологическими признаками, а также керамика, сочетающая признаки той и другой культуры. В связи с фрагментарной сохранностью необходимо отметить некоторую условность при определении культурной принадлежности керамического материала.

Сосуды алакульского облика представлены плавнопрофилированными горшками (рис. 4, 1 *д–е*) и сосудами с уступчатым плечом (рис. 4, 2 *з–д*). Фрагменты плавнопрофилированных сосудов орнаментированы средnezубчатым штампом, орнаментальные образы представлены вертикальной «елочкой». Подобная орнаментация тяготеет, скорее, к раннему периоду алакульской культуры (Виноградов, 2009, рис. 7, 4; Виноградов, 2013, рис. 2.55, 1, 2.86, 5). Алакульские сосуды с уступчатым плечом тонкостенны, орнамент на фрагментах расположен зонально, выделяется неорнаментированная полоса при переходе от шейки к тулову. Орнаментация указанных фрагментов выполнена при помощи мелкогребенчатого штампа, орнаментальные композиции состоят из заштрихованных треугольников, направленных вершинами вверх, параллельных горизонтальных линий.

Сосуды срубного облика представлены плавнопрофилированными сосудами (рис. 4, 1 *а–з*) и банками (рис. 5, 5 *а–е*).

Плавнопрофилированные сосуды орнаментированы ногтевыми вдавлениями, на одном из них крупногребенчатым штампом изображены заштрихованные треугольники, направленные вершинами вверх.

Баночные сосуды не орнаментированы. Только один фрагмент покрыт выраженными расчесами, что обычно соотносится исследователями с покровским этапом срубной культуры (Семенова, 2000, с. 163; Малов, 2007, с. 67).

Срубно-андоновская керамика представлена сосудами с уступчатым плечом (рис. 4, 2 *а–в*) и плавнопрофилированными горшками с высокой шейкой (рис. 5, 3 *а–б*). Все сосуды с уступчатым плечом не орнаментированы, что указывает на смешение срубной и алакульской гончарных традиций. Для плавнопрофилированных сосудов характерна несколько удлиненная шейка, что в какой-то степени сближает их с андроновскими (возможно, кожумбердынскими) формами посуды (Кузьмина Е., 2008, с. 255, рис. 107, б; с. 256, рис. 108, 3).

Также на поселении был найден фрагмент от баночного, орнаментированного двумя желобками сосуда (рис. 5, 5 ж), который, вероятно, был аналогичен сосуду (X₁₀, с. 1) из одиночного кургана.

Кроме того, открытым остается вопрос о культурной принадлежности фрагмента сосуда, вследствие недостаточности информации об его форме, а также нестандартности нанесения орнамента. Фрагмент орнаментирован ямочными вдавлениями и оттисками ребристого штампа (возможно аммонита) (рис. 4, 4 б), для срубной и андроновской керамики подобный способ орнаментации не известен.

Технико-технологический анализ керамики показал распространение на поселении разных технологических традиций, которые в то же время не всегда можно четко привязать к посуде того или иного культурного облика.

Так, в наиболее представительной и морфологически однородной группе сосудов срубного облика наблюдается широкий спектр технологических приемов изготовления керамики. Особенно это касается традиций отбора исходного сырья и составления формовочных масс. Из 9 срубных сосудов 5 изготовлены из илистой глины, 1 из ила и 3 из глины. Рецепты формовочных масс также разнообразны (табл. 4), однако практически все объединяют использование шамота в качестве компонента. Нестандартным для срубной посуды является использование в одном из рецептов примеси кварцевой дресвы. Из типичных для сосудов срубного облика, но мало распространенных примесей можно отметить кальцинированную кость.

Поверхность срубных сосудов заглаживалась, реже лощилась. В качестве инструментов для заглаживания использовались гладкий твердый предмет, гребенчатый штамп, а также предметы с мягкой рабочей поверхностью – ткань или пальцы.

Более однородными выглядят традиции орнаментации и термической обработки. Из 9 сосудов 6 не орнаментированы, 2 орнаментированы вдавлениями пальцев и 1 – оттисками гладкого штампа. Также все срубные сосуды были обожжены в окислительной среде, 5 из них после обжига были обварены в каком-то органическом растворе, что привело к потемнению поверхности.

Таблица 4. Технология изготовления срубных сосудов из Нижнепавловского поселения

Соотношение исходного пластичного сырья и рецептов формовочных масс	Обработка поверхности	Орнаментация	Термическая обработка
ИГ + КД + Ш + Ор	ГТП	ГлШ	ОС
ИГ + Ш	ГрШ	Нет	ОС
Г + Ш + Вж	Лщ	Нет	ОС
Г + Ш + К + Вж	Тк	Плц	ОС + обвар
Г + Ш + ОР	Тк	Плц	ОС + обвар
ИГ + Ш	ГрШ + Лщ	Нет	ОС + обвар
Ил + Ш	Плц	Нет	ОС + обвар
ИГ	ГТП	Нет	ОС + обвар
ИГ + Ш	–	Нет	ОС

Состав рецептов формовочных масс, из которых изготовлены сосуды алакульского облика, близок к использовавшимся при изготовлении срубной посуды, отличаясь только наличием в одном из рецептов тальковой дресвы (табл. 5). Однако приемы обработки поверхности отличаются большим разнообразием и обособленностью. Для плавнопрофилированных сосудов это, в

основном, заглаживание гладким твердым предметом, а для сосудов с уступом – лощение. Также можно отметить, что около половины алакульских сосудов обожжены в восстановительной среде.

Таблица 5. Технология изготовления алакульских сосудов из Нижнепавловского поселения

Соотношение исходного пластичного сырья и рецептов формовочных масс	Обработка поверхности	Орнаментация	Термическая обработка
Плавнопрофилированные сосуды			
ИГ + Ш	ГТП	Нет	ОС
ИГ + Ш + К	ГТП	Нет	ОС
Г + Ш + К + Вж	ГТП	Прч	ОС
Г + Ш + ОР	ГТП	ГлШ	ОС + обвар
Г + Ш + Вж	Плц	ГлШ	ВС
Г + Ш + Вж	Плц	ГлШ	ВС
Сосуды с уступчатым плечом			
Г + ТД + ОР	Шлиф	мГрШ + Нк	ОС
Г + Ш + Вж	Лщ	мГрШ	ВС
Г + Ш + Вж	Лщ	мГрШ	ВС

Что касается сосудов смешанного срубно-андроновского облика, то видно, что сохраняется тенденция, при разнообразии рецептов формовочных масс, отсутствия какого-либо характерного рецепта, прослеживавшаяся в ходе анализа несмешанных групп керамики (табл. 6). Кроме того, если в несмешанных группах хоть и слабо, но фиксировались характерные для них традиции на ступенях обработки поверхности и термической обработки, то для срубно-андроновской группы таких характерных особенностей нет, что обусловлено далеко зашедшими процессами смешения традиций.

Сосуд с желобчатой (рис. 5, 5 ж) и сосуд с ямочно-ребристой орнаментацией (рис. 5, 4 б) изготовлены из глины, в которую были добавлены шамот и органические примеси.

Сопоставление технологических традиций, по которым были изготовлены сосуды из одиночного кургана и из поселения, показывает, во-первых, значительную их близость между собой, а, во-вторых, те же, далеко зашедшие процессы смешения различных в культурном отношении групп населения. Кроме того, нужно отметить наличие и в кургане, и на поселении значительного процента рецептов формовочных масс с кальцинированной костью, а также единично встреченный в кургане рецепт с дробленным шлаком. Данные примеси Н.П. Салугина относит к маркерам групп населения, профессионально занимающихся добычей рудосодержащих пород (Салугина, 2012, с. 67). Наличие же примеси тальковой дресвы в одном из алакульских сосудов позволяет говорить о прямых контактах населения, оставившего Нижнепавловские памятники эпохи бронзы с Зауральем, где эта примесь является традиционной.

Таким образом, судя по характеристике керамической коллекции, поселение у с. Нижняя Павловка было оставлено населением западно-алакульской культурной группы, что соотносится с ранним периодом функционирования одиночного кургана. В хронологическом плане время существования западно-алакульской культурной группы в степном Приуралье соотносится со временем проживания здесь срубных племен и, вероятно, приходится на XVIII – XV вв. до н. э.

Таблица 6. Технология изготовления сосудов смешанного облика из Нижнепавловского поселения

Соотношение исходного пластичного сырья и рецептов формовочных масс	Обработка поверхности	Орнаментация	Термическая обработка
Срубно-алакульские сосуды			
Г + Ш + Вж	ГТП	Нет	ОС
Г + Ш + Н	ГТП	Нет	ОС + обвар
Г + Ш + Н	ГТП	Нет	ВС
Г + Ш + Вж	Лщ	Нет	ВС
Г + Ш + Вж	Лщ	Нет	ОС
Г + Ш + К + Вж	ГТП	Нет	ОС + обвар
Ил + Ш	Плщ	Нет	ОС + обвар
ИГ + Ш		Нет	ОС
Г + Ш + ОР	Плщ	Нет	ВС
ИГ + Ш + К			ВС
Срубно-андроновские сосуды с кожумбердынскими признаками			
Г + Ш + ОР	МП	мГрШ	ВС
Г + Ш + Вж	ГТП	мГрШ	ОС
Г + Ш + К + Вж	ГТП	мГрШ	ОС
Г + Ш + Н	Лщ	Нк	ВС

Культурная интерпретация материалов раннего железного века из Нижнепавловского одиночного кургана

Анализ погребального обряда и инвентаря позволяет выделить три разновременные группы кочевнических погребений в Нижнепавловском ОК.

Первая хронологическая группа представлена безынвентарными погребениями 1, 3 и 10 с широтной ориентировкой костяков. Во всех трех случаях могилы относительно неглубокие, впущенные в насыпь кургана, сооруженного в предшествующую эпоху. Следует отметить помещение покойного в позе всадника в погребении 1 и значительное количество угольков над костяком и рядом с ним в погребении 10. В сочетании перечисленные признаки наиболее характерны для погребений ранних кочевников Южного Приуралья, датируемых обычно в пределах второй половины VI–V вв. до н. э. (Смирнов, 1964, с. 76, 91–100).

Вторая хронологическая группа представлена погребениями 2, 4, 9, 11, 13 и 14 с костяками, ориентированными в южный сектор, а также находками из насыпи кургана – X₃, X₈, X₁₀, X₁₂, X₁₄, X₁₅, X₁₈.

Отличительной особенностью погребений этой группы является их расположение по кольцу, вокруг, очевидно, несколько более ранней по времени сооружения могилы (в данном случае – вокруг погребения 13). Эта традиция наиболее характерна для хронологически компактных семейно-родовых кладбищ прохоровской культуры III–II вв. до н. э., хотя зарождается она уже в IV в. до н. э. (Пшеничнюк, 1983, с. 105–106; Скрипкин, 1990, с. 190; Мещеряков, 1996, с. 47; Железчиков и др., 2006, с. 40–41; Яблонский, 2010, с. 62–63).

Сосуды, бронзовые наконечники стрел и невыразительные обломки бронзовой пластины (возможно – фрагменты зеркала), найденные в насыпи кургана, вероятно, следует трактовать как жертвенно-поминальные комплексы, синхронные погребениям этой группы. Подобные

жертвенные комплексы хорошо известны в памятниках сарматской культуры Южного Приуралья (Моргунова, 1996, с. 13; Краева, 2014, с. 91; Моргунова, Купцов, 2016, с. 197; Моргунова и др., 2016, с. 216).

Погребения 2 и 4 – безинвентарны. Их принадлежность к данной хронологической группе определяет характерная для сарматской прохоровской культуры южная ориентировка костяков и планиграфия кургана в целом.

Сосуд с обильной примесью талька в тесте из погребения 13 относится к VIII отделу (тип 2) плоскодонной керамики по классификации К.Ф. Смирнова или же к III отделу плоскодонной керамики по классификации М.Г. Мошковой. Этот тип керамики получает распространение в Южном Приуралье только начиная с IV в. до н. э. (Смирнов, Петренко, 1963, табл. 9; Смирнов, 1964, с. 114, 359, рис. 67,5; Мошкова, 1963, с. 26, табл. 5, 13). Истоки использования тальковой примеси в глине связываются с миграцией в регион групп кочевников из Зауралья (Мошкова, 1974, с. 22; Краева, 2008, с. 36–39; Краева, 2009, с. 440–441; Краева, 2011, с. 57–59). Значительная примесь талька в формовочной массе наиболее характерна для керамики Южного Приуралья первой половины IV в. до н. э., хотя встречается и позднее – в отдельных случаях вплоть до I в. до н. э. (Краева, 2008, с. 38; Краева, 2011, с. 58–59).

Сосуды из погребений 9 и 11, а также из насыпи (X_{14} , X_{15}) изготовлены по рецепту исходное пластичное сырье + шамот + органические добавки (органика, органический раствор). Такой состав формовочной массы для изготовления керамических изделий является доминирующим в сарматском гончарстве и использовался кочевниками региона в широком хронологическом диапазоне – с VI по I вв. до н. э. (Краева, 2011, с. 54, 57). В качестве исходного пластичного сырья в формовочных массах сосудов из погребений 9, 11 и X_{15} использовалась илистая глина, добыча которой проводилась вблизи водоемов, так как в ее составе, в отличие от просто глин, фиксируется значительная естественная примесь речной раковины и «пылевидный» песок. Традиция применения илов и илистых глин имеет давние корни и связана с местным субстратом населения.

Примечательно, что при изготовлении формовочной массы сосуда из погребения 11 на шамот дробились сосуды, сделанные по разным рецептам: 1) аналогичен основной формовочной массе – илистая глина + шамот + органика; 2) глина + тальк + шамот. Данный факт говорит, с одной стороны, об устойчивости гончарных традиций, а с другой о появлении смешанной группы населения в этот период, которая стала добавлять в глину наряду с шамотом и тальк, чья посуда и пошла на шамот.

Форма сосуда из погребения 9 не характерна для керамики сарматской культуры и имеет значительное сходство с античными киафами – сосудами для зачерпывания вина и некоторыми образцами лепной керамики донских городищ скифского времени (Античные государства..., 1984, с. 327, табл. СХХVI, 6; Копылов, 2000, с. 160, рис. 3, 5–6). Близкие по форме одноручные лепные кувшины с петлевидной ручкой и плоским дном типа В-15 (по классификации А.С. Скрипкина), в небольшом количестве известны в памятниках сарматской культуры III–I вв. до н. э. (Скрипкин, 1990, с. 49, рис. 12, 31). Небольшие размеры, выступающая над кромкой горла петлевидная рукоять и оформленный слив позволяют предполагать использование кочевниками этого сосуда в качестве своеобразного черпака. Возможно, данный тип сосудов является сарматским подражанием импортной керамике.

Сосуд из насыпи (X_{12}) относится к III отделу круглодонной керамики (по классификации М.Г. Мошковой), характерной для сарматских погребений IV–II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, с. 29, табл. 9). Технологический анализ данного сосуда показал, что он был изготовлен по рецепту глина + кость + тальк + шамот + органический раствор. Устойчивая традиция использования дробленой обожженной кости в качестве искусственной примеси при изготовлении керамики,

фиксируется в памятниках региона в пределах второй половины IV–III вв. до н. э. (Краева, 2011, с. 54, 58–59). Появление рецепта с несколькими минеральными примесями, как в данном случае, говорит о том, что смешение между двумя пришлыми группами населения (носителями традиций использования шамота и талька) и местной группой населения (носители традиции использования шамота) зашло столь глубоко, что возможным стало возникновение подобных неустойчивых сложносоставных рецептов. Такие процессы особенно характерны для сарматского гончарства конца IV – первой половины III вв. до н. э.

Технология изготовления сосудов сарматской культуры представлена в таблице 7.

Таблица 7. Технология изготовления сарматских сосудов из ОК у с. Нижняя Павловка⁵

Сосуд	Соотношение исходного пластичного сырья и рецептов формовочных масс	Обработка поверхности	Техника нанесения орнамента	Обжиг
п. 9	ОТИг + Ш + Орр	Мягкий материал	Вдавление, прочерчивание	КВТК
п. 11	ОТИг + Ш + О	Ткань	Прочерчивание	КВТК
X ₁₂	ОЖГ + К + Ш + Т + Орр	Плохо выделанная кожа, пальцы	Вдавление + протаскивание, прочерчивание	КВТК
X ₁₄	ОТГ + Ш + Орр	Мягкий материал, лощение	Прочерчивание	КВТК
X ₁₅	ОТИг + Ш + Орр	Ткань	Вдавление, прочерчивание	КВТК

Изделий, аналогичных биметаллическим проволочно-пластинчатым браслетам из погребения 14, в памятниках сарматской культуры Южного Приуралья нам неизвестно. Подавляющее большинство сарматских браслетов VI–IV вв. до н. э., известных по материалам памятников региона и за его пределами, являются проволочными (Клепиков, 1998, с. 29–30; Лылова, 2001, с. 127–129). Находки пластинчатых браслетов единичны и датируются IV–III вв. до н. э. (Клепиков, 1998, с. 29–30).

Наконечники стрел из насыпи кургана соотносятся с вариантами А и В 3 типа бронзовых втульчатых трехлопастных стрел по типологической классификации О.И. Фризен (Куринских). Судя по материалам КМ Покровка (Соль-Илецкий район Оренбургской области), эти типы стрел сосуществуют со второй половины VI – по рубеж IV–III вв. до н. э. (Куринских, 2011, с. 45, 51).

Учитывая все вышесказанное, очевидно, что время сооружения погребений ранних кочевников из Нижнепавловского ОК, отнесенных ко второй хронологической группе, не выходит за рамки IV–III вв. до н. э.

Вероятное диагональное расположение покойного в погребении 9, очевидно, не противоречит предложенной датировке. Известно, что в памятниках кочевников Южного Урала выделяется ранняя группа диагональных погребений, датируемая в пределах VI–III вв. до н. э. (Смирнов, 1975, с. 160–161; Скрипкин, 1990, с. 176; Мошкова, 2004, с. 150–151).

Третья хронологическая группа представлена единственным погребением 8. Отсутствие погребального инвентаря затрудняет его культурно-хронологическую атрибуцию. В то же время вытянутое на спине положение покойного, ориентированного головой в северный сектор, является одним из основных признаков захоронений позднесарматского времени. Обычай по-

⁵ Для описания технологии изготовления сосудов раннего железного века используются следующие сокращения: ОТИг – ожезненная «тощая» илистая глина, ОТГ – ожезненная «тощая» глина, ОЖГ – ожезненная «жирная» глина, Ш – шамот, К – кость, Т – тальк, О – органика, Орр – органический раствор, КВТК – кратковременное воздействие температур каления.

мешать в могилу в ритуальных целях угольки и куски мела, зафиксированный в погребении 8, хорошо известен в памятниках позднесарматской культуры второй половины II–IV вв. н. э. как на территории Южного Приуралья, так и за его пределами (Смирнов, Попов, 1972, с. 25; Кривошеев, 2005, с. 128; Малашев, Яблонский, 2008, с. 47).

Вероятно, именно с этим погребением связана обнаруженная менее чем в 2,5 м к юго-западу от него бусина из стеклянной пасты, украшенная восьмерковидным орнаментом из переплетающихся белых и желтых нитей. Находки подобных бусин (тип 296 вариант Г по классификации Е.М. Алексеевой) датируются концом III–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 50, табл. 32, 47). Очевидно, этим же временем следует датировать и погребение 8.

Заключение

Ранний период сооружения некрополя, а также рассмотренные материалы поселения соотносятся с эпохой позднего бронзового века. И поселение, и некрополь были оставлены населением западно-алакульской культурной группы, для которой характерно значительное включение срубного компонента, просматривающегося как в погребальном обряде, так и в морфологии и технологии изготовления посуды.

Второй период функционирования кургана относится к эпохе раннего железного века. Погребения кочевников всех хронологических групп из Нижнепавловского ОК объединяет ряд общих черт: все они впущены в насыпь кургана, сооруженного в эпоху бронзы, могильные ямы просты по конструкции, погребальный инвентарь либо невыразителен, либо отсутствует. Все эти признаки, хорошо известные по материалам исследований предыдущих лет, позволяют предполагать сооружение этих комплексов рядовым населением различных этапов сарматской культуры Южного Приуралья.

Литература

- Алаева И.П.** 2008. Погребальные памятники алакульской культуры степной зоны Южного Зауралья // Проблемы истории, филологии и культуры. № 21. С. 507–524.
- Алаева И.П.** 2015. Территориальная группа памятников позднего бронзового века в степной части Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. № 14. С. 9–15.
- Алексеева Е.М.** 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ Г1–12. М.: Изд-во «Наука».
- Археология СССР.** 1984. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука. 392 с.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П.** 2010. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: ООО «Офорт». С. 135–154.
- Виноградов Н.Б.** 2009. Керамика памятников петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск: Абрис. С. 22–45.
- Виноградов Н.Б.** 2013. Глава 2. Планиграфия и архитектура укрепленного поселения бронзового века Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск: Абрис. 482 с.
- Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А.** 2016. Поселение Малоюлдашево I эпохи энеолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: Издательский центр ОГАУ. 196 с.
- Зеленева Ю.А., Юдин А.И.** 2010. Курган у с. Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). Саратов: Издательство «Научная книга». С. 134–155.
- Каргалы, том IV:** 2005. Некрополи на Каргалах; население Каргалов: палеоантропологические исследования / составитель и научный редактор Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. 240 с.
- Клепиков В.М.** 1998. Железные браслеты как хронологический показатель раннесарматских памятников IV в. до н. э. // Нижневожский археологический вестник. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВГУ. С. 29–32.
- Копылов В.П.** 2000. Население дельты Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: Институт археологии РАН. С. 157–166.

Краева Л.А. 2009. Гончарство сарматских племен Южного Приуралья в IV–I вв. до н. э. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.11, № 6 (2). Самара: СамНЦ РАН. С. 438–442.

Краева Л.А. 2008. Сарматская керамика с примесью талька из Южного Приуралья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН. С. 36–39.

Краева Л.А. 2011. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 4 (48). Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. С. 51–60.

Краева Л.А. 2014. Бытовое и сакральное использование керамики у сарматов // Самарский научный вестник. № 3(12). С. 90–99.

Кривошеев М.В. 2005. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблемы хронологии и периодизации: дис. ... канд.ист.наук: 07.00.06. Волгоград. 336 с.

Кузьмина Е.Е. 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература. 462 с.

Кузьмина Е.Е. 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актюбе: Принта. 358 с.

Купцова Л.В. 2016. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников). – Автореф. дис. ... канд.ист.наук: 07.00.06. Сбп. 21 с.

Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И. 2017. Особенности срубно-андроновского взаимодействия на территории степного Приуралья (по материалам погребальных памятников) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. № 2 (22). С. 128–149.

Куринских О.И. 2011. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н. э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. № 3. С. 42–54.

Ломан В.Г. 1995. Андроновское гончарство: общие приемы изготовления сосудов // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск. С. 96–99.

Лопатин, В.А. Четвериков, С.И. 2006. Родовой некрополь песковатовского поселения // АВЕС. Вып. 4. Саратов: Научная книга. С. 107–131.

Лылова Е.В. 2001. Ювелирные украшения из раннекочевнических погребений Южного Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. V. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 126–137

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Вост. лит. 365 с.

Малов Н.М. 2007. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической общности // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 5. Саратов: Научная книга. С. 34–92.

Мещеряков Д.В. 1996. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург: Печатный дом «Димур». С. 44–67.

Моргунова Н.Л. 1996. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 1. Оренбург: Печатный дом «Димур». С. 8–43.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. 2009. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 98 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. 2010. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 160 с.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. 1988. Отчет о раскопках, произведенных у с. Нижняя Павловка Оренбургского района Оренбургской области по Открытому листу № 200, выданному Институтом археологии АН СССР // Архив археологической лаборатории ФГБОУ ВО ОГПУ № II – 58/1988.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Купцов Е.А. 2016. Погребения и жертвенные комплексы раннего железного века курганного могильника у села Лабазы // Известия СНЦ РАН. Т. 18. № 6. С. 209–218.

Моргунова Н.Л., Купцов Е.А. 2016. Исследования курганного могильника Акоба V в 2005 году [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. № 2 (18). С. 187–204. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/19_18_2016.pdf

Мошкова М.Г. 2004. О времени существования диагональных погребений на территории Южного Приуралья // Археологические памятники раннего железного века Юга России // Материалы и исследования по археологии России № 6. М. С. 147–165.

- Мошкова М.Г.** 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ Д 1–10. М.: Изд-во АН СССР.
- Мошкова М.Г.** 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Изд-во «Наука». 52 с.
- Пшеничнюк А.Х.** 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: «Наука». 200 с.
- Рафикова Я.В.** 2008. Парные захоронения срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вестник ЧелГУ. № 18 (119). Челябинск. С. 5–13.
- Рафикова Я.В.** 2008а. Совместные погребения эпохи поздней бронзы на Южном Урале: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Ижевск. 22 с.
- Салугина Н.П.** 2012. Керамические традиции как показатель профессионального статуса (по материалам могильника Уранбаш) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург: Издательство ОГПУ. С. 62–70.
- Салугина Н.П.** 2014. Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культуругенеза // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань: Отечество. С. 643–646.
- Салугина Н.П.** 2016. Керамический комплекс могильника Садгород IV (технологический аспект) // Известия СНЦ РАН. Т. 18. № 6. С. 195–203.
- Семенова А.П.** 2000. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: СамНИЦ РАН. С. 152–208.
- Скрипкин А.С.** 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 300 с.
- Смирнов К.Ф.** 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: «Наука». 381 с.
- Смирнов К.Ф.** 1975. Сарматы на Илеке. М.: «Наука». С. 42–54.
- Смирнов К.Ф., Петренко В.Г.** 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ Д 1–9. М.: Изд-во АН СССР.
- Смирнов К.Ф., Попов С.А.** 1972. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: «Наука». С. 3–26.
- Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И.** 2008. Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат». 200 с.
- Ткачев В.В.** 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актыбинский областной центр истории, этнографии и археологии. 384 с.
- Яблонский Л.Т.** 2010. Прохоровка. У истоков Сарматской археологии // Материалы и исследования по археологии России. № 12. М.: ТАУС. 384 с.

Купцов Е.А., Моргунова Н.Л.

Оренбургский государственный педагогический университет

ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ¹

Аннотация. В статье впервые публикуются материалы 11 погребений кочевников раннего железного века, исследованных в разные периоды времени отрядами Оренбургской археологической экспедиции на территории Оренбургского, Соль-Илецкого и Ташлинского районов Оренбургской области.

Abstract. The materials of 11 burials of nomads of the early Iron Age, investigated at different times by Orenburg archaeological expedition in the Orenburg, Sol-Iletsky and Tashlinsky districts of the Orenburg region, are first published in the article.

За 40 лет существования Оренбургской археологической экспедиции различными ее отрядами было исследовано более 300 погребальных комплексов кочевников раннего железного века. Значительная часть материалов этих погребений была своевременно опубликована, существенно дополнив имеющиеся данные по культуре и хозяйству сарматов Южного Приуралья (Евгеньев, 2016, с. 86–90).

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот материалов сарматских погребений из курганных могильников Нежинский I, Нижнепавловский V, Алексеевский II, Изобильное I и Бердянка V (рис. 1, 1). Данные погребения были исследованы отрядами ОАЭ на территории Оренбургского, Соль-Илецкого и Ташлинского районов Оренбургской области в период с 1979 по 1994 гг., но по тем или иным причинам ранее не публиковались. Несмотря на то, что в большинстве публикуемых комплексов погребальный инвентарь представлен крайне малочисленными находками либо вообще отсутствует, а сами погребения часто в той или иной степени повреждены, представленный материал заслуживает пристального внимания специалистов.

Курганный могильник Нежинский I

Курганный могильник располагался в 6 км к В от с. Нежинка Оренбургского района, на 23 км шоссейной дороги Оренбург – Орск, в 500 м правее трассы. Могильник состоял из двух курганов, сооруженных на возвышенном мысу I надпойменной террасы правого берега р. Урал (рис. 1, 2). В ходе полевого сезона 1979 г. Н.Л. Моргуновой были полностью раскопаны оба кургана, содержавшие три погребения. Полученные в ходе исследований материалы впоследствии были частично опубликованы (Лылова, Рябуха, 2000, с. 90–91). Погребение РЖВ выявлено в кургане 1.

Курган 1

Курган располагался в южной части могильника. Насыпь имела овальную форму, вытянутую с З на В. Ее диаметр составлял 23×14 м, высота – 0,5 м (рис. 1, 3).

В центре кургана, на глубине –100 см от 0, выявлено пятно могильного сооружения. При его расчистке обнаружено 2 погребения. Погребение 1 – основное в кургане, было сооружено в эпоху поздней бронзы. Впускное погребение 2 – в раннем железном веке.

Погребение 2 (рис. 1, 4) примыкало к северо-западному углу погребения 1 и частично прорезало его. Могильное пятно размерами 190×155 см имело неправильные очертания, близкие к прямоугольнику.

На глубине 80 см от материка, по западной и восточной стенкам, прослежены ступеньки шириной 30 см.

¹ Работа выполнена при поддержке проекта Министерства образования и науки РФ № 33.1389.2017/ПЧ.

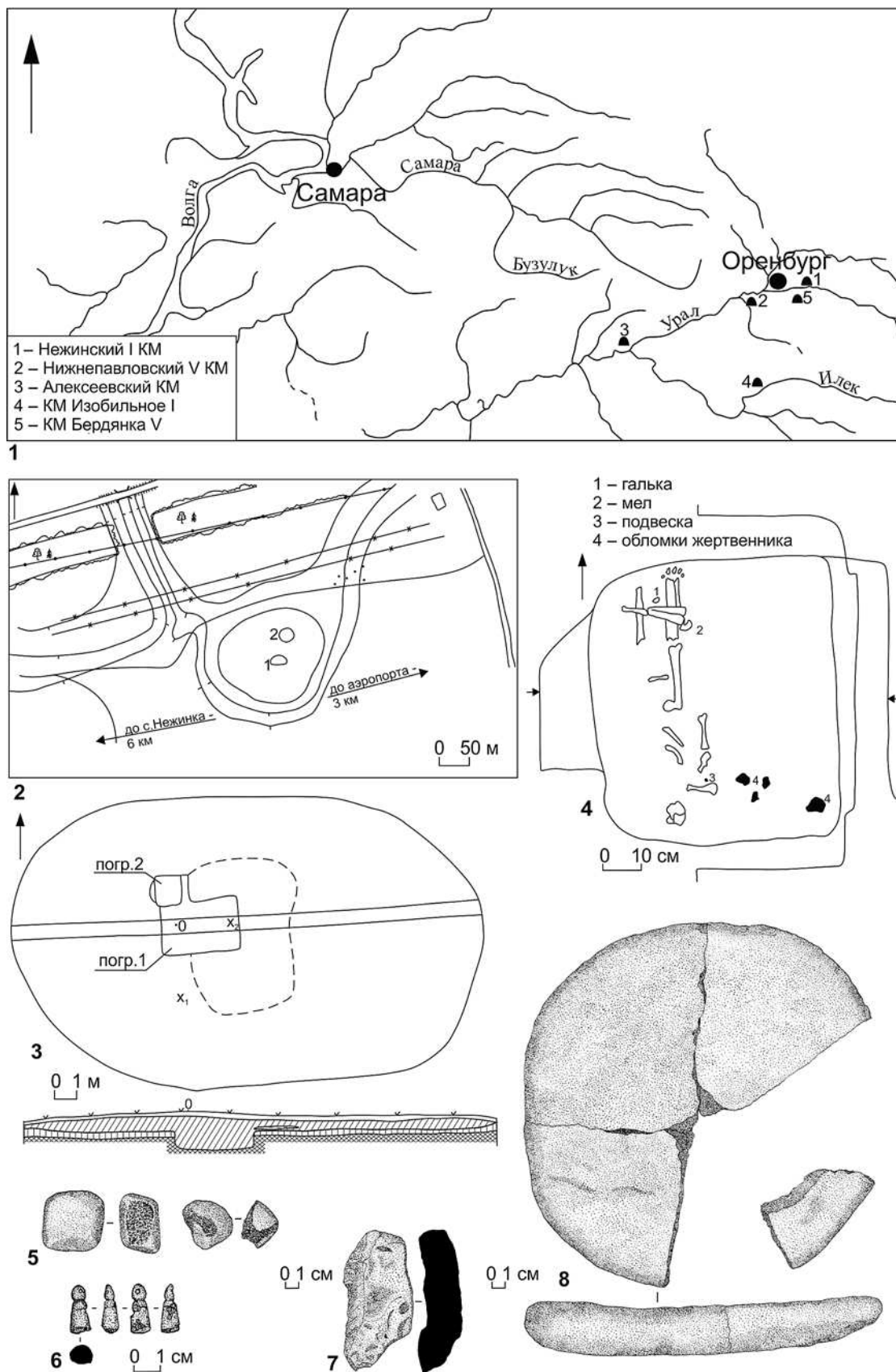

Рис. 1. Курганный могильник у с. Нежинка. Курган 1:

1 – карта расположения памятников; 2 – план КМ Нежинский I; 3 – общий план кургана; 4 – план п. 2; 5 – камни-гальки; 6 – стеклянная подвеска; 7 – мел; 8 – каменный жертвенник-алтарик

На дне ямы обнаружено несколько человеческих костей (ног, рук, ребра и остатки черепа), принадлежавшие скелету ребенка.

Кости лежали без анатомического порядка, но по положению некоторых из них, в частности – черепа, можно заключить, что костяк был ориентирован головой на Ю.

Среди костей найдены обломки каменного жертвенника, фрагмент подвески из синей стекловидной массы, кусок мела, речные камни-гальки, кусочки угля.

Каменный жертвенник-алтарик (рис. 1, 8) – представляет собой 4 фрагмента грубо обработанного плоского изделия округлой формы с углубленной рабочей поверхностью. Его диаметр – 28 см, высота – 3,5 см.

Стеклянная подвеска (рис. 1, 6) – изготовлена из синего стекла. Высота изделия – 19 мм, максимальный диаметр нижней части – 9 мм.

Камни-гальки (рис. 1, 5) – два экземпляра. Одна расколота. На поверхности второй четко прослеживаются следы микротрещин, являющихся либо следствием тяжелых ударов, либо резкого и значительного перепада температуры (например, вследствие сильного нагрева и быстрого охлаждения).

Мел (рис. 1, 7) – кусок неправильной формы с примерными размерами 10,5×4,5×2,5 см.

Других находок в погребении не обнаружено.

Курганный могильник Нижнепавловский V

Могильник был выявлен в 1987 году отрядом ОАЭ ОГПИ, А.Ю. Кравцовым. Он состоял из трех курганов, располагавшихся на краю I надпойменной террасы левой части долины р. Урал, в 800 м к СВ от с. Нижняя Павловка Оренбургского района. Исследован Н.Л. Моргуновой в 1988 г. Все курганы были сооружены населением древнейшей культуры. Основные погребения курганов опубликованы (Богданов и др., 1992). Впускные погребения раннего железного века выявлены в курганах 1 и 2.

Курган 1

Самый большой курган в могильнике. Его диаметр составлял 32–37 м, а высота – 2–2,2 м. Насыпь имела неправильную округлую форму. Ее северный край частично оплыл в обрыв берега. Наивысшая точка кургана сместилась к северу на 4 метра от центра круга. Вокруг кургана прослеживался сильно заплывший кольцевой ровик (рис. 2, 2).

В кургане выявлено два погребения. Эпохой РЖВ датируется впускное погребение 1.

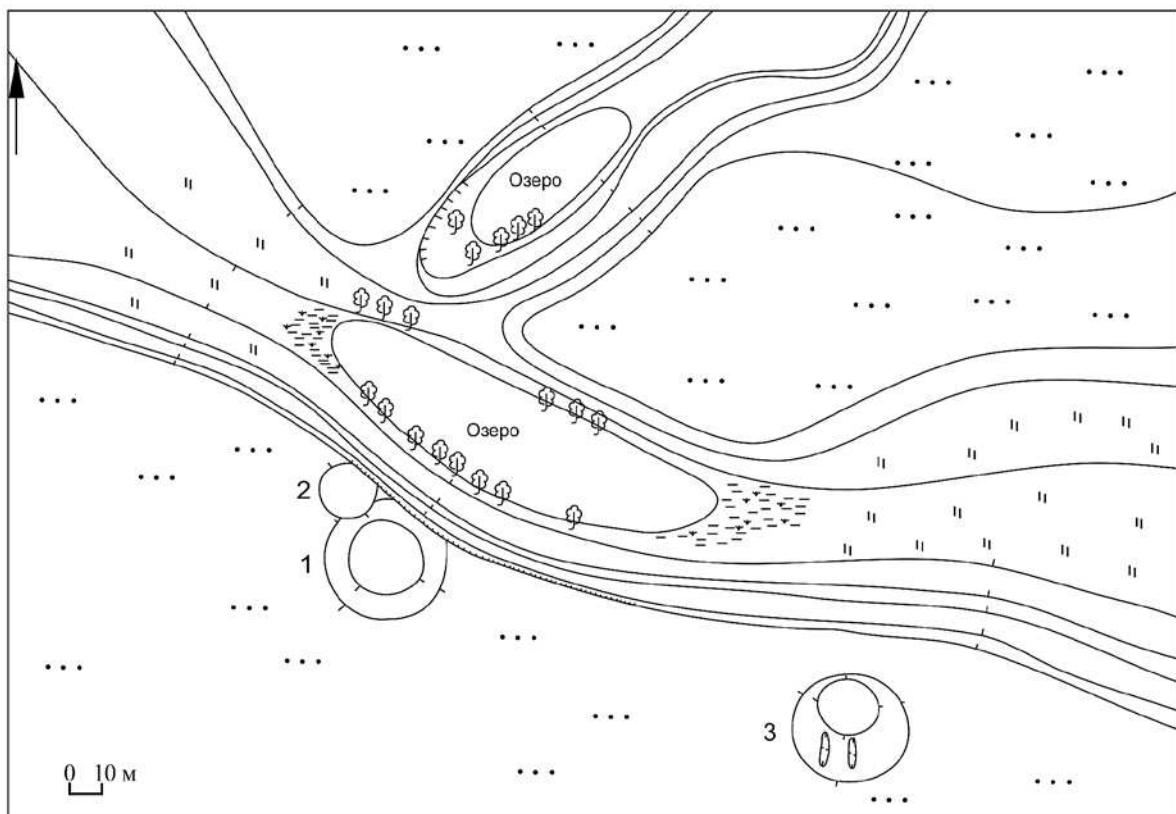
Погребение 1 (рис. 2, 3) – обнаружено в центральной части кургана на глубине –85 см от 0. Сохранилась лишь верхняя часть скелета. Кости ног отсутствовали. Костяк взрослого человека лежал на спине, головой на ЮЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, левая рука слегка согнута в локте. Голова повернута вправо. У правого локтя находилась лопатка крупного животного, а за ним – развал сосуда.

Сосуд (рис. 2, 4) – был изготовлен из глины с примесью шамота. Поверхность серая, в изломе – черная. Реконструирована только его нижняя часть. Сосуд имел яйцевидную форму тулова и плоское дно. Диаметр дна – 8,5 см, высота тулова – 18 см. Общая реконструируемая высота сосуда составляла, вероятно, около 22–23 см.

Другие находки в погребении не выявлены.

Курган 2

Его диаметр составлял 14 м, а высота – 0,4 м. Северная пола была частично разрушена обрывом берега старицы р. Урал (рис. 3, 1).

1

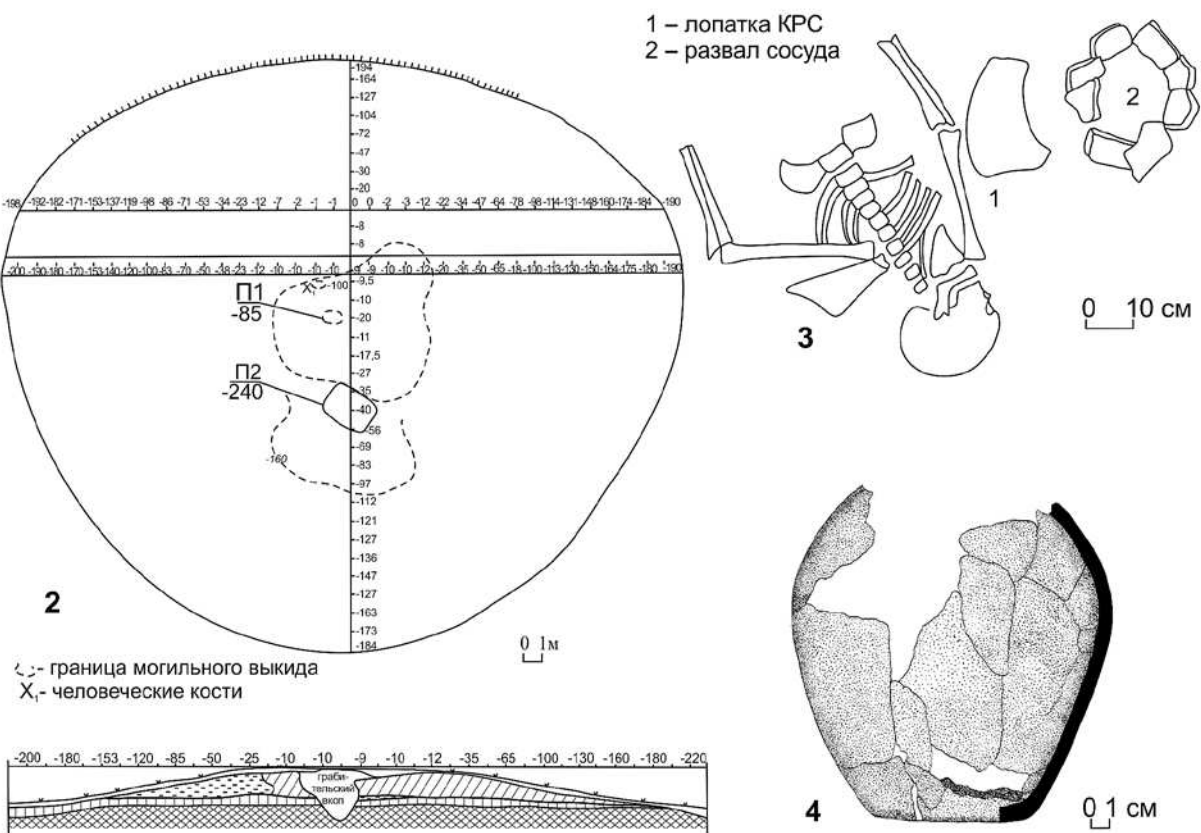

Рис. 2. Курганный могильник Нижнепавловский V. Курган 1:
1 – план могильника; 2 – общий план кургана; 3 – план п. 1; 4 – сосуд

В кургане выявлено три погребения. К сарматской культуре относятся впускные погребения 1 и 2. Кроме того, вблизи этих погребений, на глубине –88 см от 0 был найден *каменный жертвенник*.

Каменный жертвенник-алтарик (рис. 3, 2) – овальной формы на двух прямоугольных ножках-подставках. Высота ножек колеблется от 7 до 6,5 см. Размер чаши – 24,5×14,8 см. По данным В.Е. Трегубова, на рабочей поверхности жертвенника имелись следы нагара, а на оборотной – следы красителя красного цвета (реальгар?), в настоящее время визуально не фиксируемые (Трегубов, 2000, с. 63, 72, рис. 2).

Погребение 1 (рис. 3, б) – разрушено, границы могильной ямы не прослеживались. Скелет человека сохранился не полностью. На глубине –48 см от 0, *in situ* сохранились лежавшие вытянуто кости ног. Верхняя часть скелета находилась от них в 80 см к ЮЗ. От нее сохранились лишь череп, несколько позвонков и ребер. Судя по положению костей ног, костяк лежал вытянуто на спине, головой на Ю. На месте тазовых костей найдена *костяная ложечка*. Между костями человека находилась челюсть лошади.

Костяная ложечка (рис. 3, 5) – общая длина изделия составляет 10,5 см. Черпало представляет собой лопаточку округлой формы, размерами 4×4,5 см. Длина рукояти – 6 см, ширина – 1,3 см. В основании рукояти вырезано утолщение ромбической формы.

Других вещей в погребении не обнаружено.

Погребение 2 (рис. 3, 9) – разрушено, находилось ниже погребения 1. Выявлено на уровне материка, на глубине –95 см от 0. Вероятно, именно с этим погребением связана находка жертвенника, найденного вблизи края могилы, в погребенной почве. Могильное пятно имело неправильные овальные очертания с изрезанными краями. Могильная яма имела размеры 215×100 см и глубину 60 см. Стенки отвесные, дно ровное. Костяк отсутствовал, сохранилось лишь несколько костей, встреченных в заполнении и на дне ямы. Найдены также кусочки мела и угля. В центре ямы, на дне, обнаружены сильно коррозированные фрагменты *железного предмета*, форму и назначение которого установить невозможно (рис. 3, 3), и фрагмент керамики (рис. 3, 4). В северной части могилы найден целый *сосуд* и *каменная плитка* под ним.

Сосуд (рис. 3, 7) – ручной лепки, имел бомбовидную (грушевидную) форму с сильно раздутым туловом и суженным горлом. Венчик заострен и отогнут наружу, дно уплощено. В глиняном тесте примесь шамота и органических добавок. Поверхность сосуда – шероховатая. По горлу сосуда нанесен орнамент, состоящий из ряда чеканных подтреугольных вдавлений, ряда округлых вдавлений и прочерченной линии. Диаметр горла – 13 см, тулова – 23,5 см, дна – 11 см. Общая высота сосуда – 24 см.

Каменная плитка (рис. 3, 8) – представляет собой обломок камня неправильной подпрямоугольной формы, размерами 21,5×11,5 см и толщиной 2,5–3 см.

Другие находки в погребении отсутствовали.

Курганный могильник Алексеевский II²

Могильник из 5 курганных насыпей расположен на краю площадки низкой I надпойменной террасы р. Кинделя, на границе Ташлинского и Новосергиевского районов Оренбургской области, в 3,5 км к СВ от с. Алексеевка. Площадка изрезана сетью старичных заболоченных озер, берега которых покрыты широколиственными пойменными лесами (рис. 4, 1).

² В отчете А.Ю. Кравцова могильник указан без номера (Кравцов А.Ю., 1991, с.1). В министерстве культуры и внешних связей Оренбургской области данный могильник стоит на учете как КМ II у с. Алексеевка (Список памятников, 2014, с. 144).

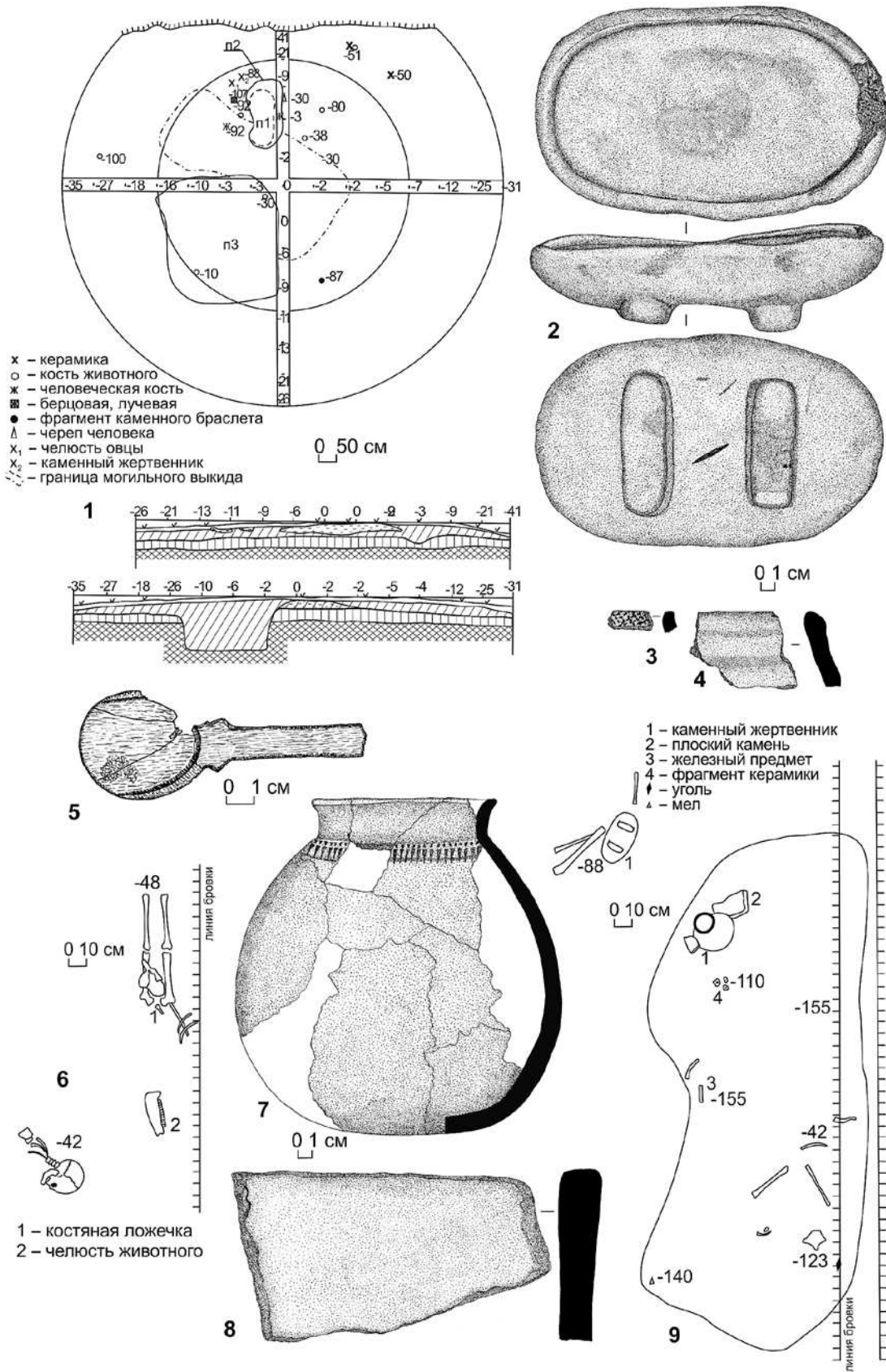

Рис. 3. Курганный могильник Нижнепавловский V. Курган 2:

1 – общий план кургана 2; 2 – каменный жертвенник-алтарик из насыпи; 3 – железный предмет из п. 2; 4 – фрагмент керамики из п. 2; 5 – костяная ложечка из п. 1; 6 – план п. 1; 7 – сосуд из п. 2; 8 – каменная плитка из п. 2; 9 – план п. 2

Летом 1991 А.Ю. Кравцовым были раскопаны курганы 1, 4 и 5, содержавшие 4 погребения, датируемые от эпохи ранней бронзы до средневековья. Погребение ямной культуры из кургана 1 опубликовано (Моргунова, 2014). Единственное погребение сарматской культуры выявлено в кургане 4³.

Курган 4

Располагался на восточной окраине могильника. Насыпь в плане представляла неправильный овал размерами 25,5×29 м и высотой 0,26 м (рис. 4, 2).

Погребение 1 (рис. 4, 3) – могильное пятно выявлено в центре подкурганной площадки, на уровне материка. Могильная яма, глубиной 103 см от уровня материка, имела очертания прямоугольника с закругленными углами, ориентированного по линии С–Ю. Стенки ямы отвесные, в южной стенке прослежен небольшой подбой. Костяк взрослого человека в анатомическом порядке лежал у западной стенки могильной ямы, вытянуто на спине, головой на Ю. Череп покойного лицом был повернут на В. За головой костяка стоял керамический сосуд.

За спиной погребенного лежала небольшая керамическая плошка диаметром по венчику около 10 см и высотой около 5 см. Зафиксировать графически ее не удалось, поскольку при расчистке она полностью рассыпалась. В глиняном тесте присутствовала значительная примесь органики. Здесь же находились три сильно коррозированных металлических предмета неясного назначения.

Сосуд (рис. 4, 4) – темно-рыжего цвета, ручной лепки, в тесте примесь шамота. Высота сосуда 21 см, диаметр по венчику 12,5 см, диаметр дна – 9 см. По низу венчика орнаментирован рядом ногтевых вдавлений.

Иных находок в погребении не обнаружено.

Курганный могильник Изобильное I

Могильник, состоящий из 6 больших и малых курганов, располагался на краю I надпойменной террасы правого берега р. Илек, в 4 км к ЮЗ от с. Изобильное Соль-Илецкого района (рис. 5, 1). Исследован полностью отрядами археологической экспедиции ОГПИ под руководством О.И. Пороховой, А.Ю. Кравцова, М.А. Турецкого в 1988, 1990 и 1994 гг. В общей сложности в курганах выявлено 15 погребений, датируемых от эпохи ранней бронзы до раннего железного века. Курганы 1, 3, 4, 5, 6 были сооружены населением ямной культуры и содержали несколько впускных захоронений более позднего времени (Моргунова, Кравцов, 1994; Моргунова, 2014). Погребения кочевников РЖВ были выявлены только в кургане 2.

Курган 2

Являлся одним из четырех больших курганов могильника. Его диаметр составлял 36 м, а высота – 1 м (рис. 5, 2). Всего в кургане было выявлено 5 погребений. Кроме того, обнаружены две пустые ямы без каких-либо находок в них.

Стратиграфия кургана: *дерн* – мощностью до 25 см; *насыпь* – разделялась на два слоя: I – верхняя часть насыпи, светло-коричневая гумусированная супесь толщиной от 15–20 см по краям кургана до 90 см в центральной части, расположенной к югу от нулевой отметки. II – нижняя часть насыпи, более темного цвета, сильно гумусированная супесь толщиной от 40 см по краям, до 70 см в центре кургана.

³ Предварительно впускные погребения К.3.П.1. из Нижнепавловского V КМ и К.1.П.1. из Алексеевского КМ были отнесены к кругу памятников сарматской культуры Южного Приуралья (отчеты Моргуновой за 1988 и Кравцова за 1991 гг; Евгеньев, 2016, с. 87). Однако анализ погребального обряда и инвентаря этих погребений позволяет вполне определенно соотнести их с эпохой средневековья. По этой причине данные погребения здесь не рассматриваются.

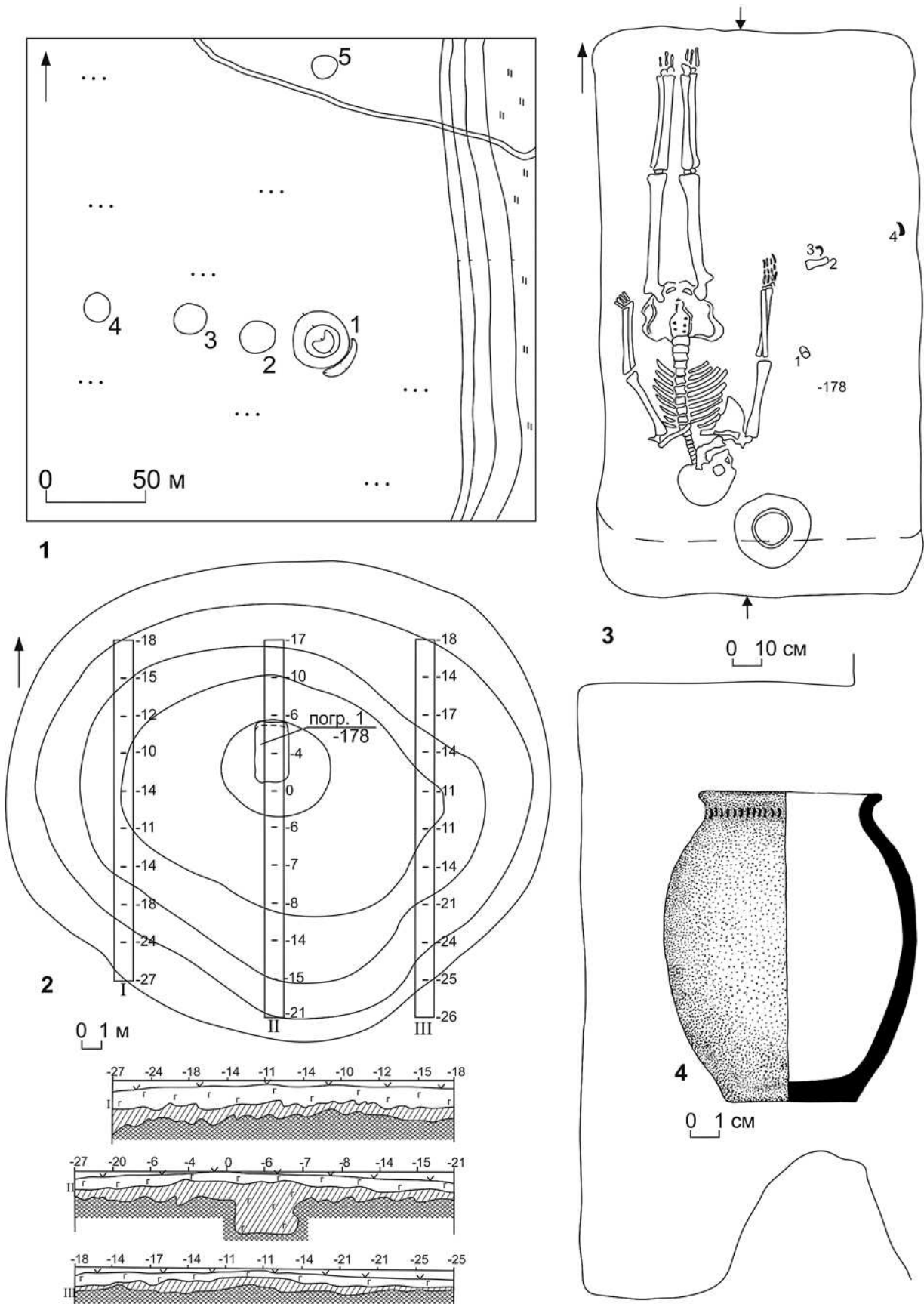

Рис. 4. Курганный могильник Алексеевский II. Курган 4:
1 – план; 2 – общий план кургана 4; 3 – план п. 1; 4 – сосуд из п. 1

Заполнение ровика – темно-серый гумусированный слой толщиной до 120 см. *Погребенная почва* – плотная коричневато-серая гумусированная супесь толщиной до 50 см в центре кургана и выклинивающаяся к полам кургана. *Могильный выкид* – линза суглинка в центральной части кургана, над ямой I, толщиной до 20 см. *Материк* – желтая глина с включением песка. Зафиксирован на глубине –160 см от 0.

В бровке, в 12 м к С от нулевой точки, на глубине –90 см от 0 был обнаружен сосуд.

Сосуд (рис. 5, 3) – круглодонный, типа чаши с неровными краями (возможно, сделан из придонной части целого сосуда). Диаметр сосуда – 20–22 см, высота – 7–10 см. В тесте – примесь талька. Внешняя поверхность буро-коричневого цвета. По краю орнаментирован шагающей гребенкой, а также отступающими наколами. Судя по профилю бровки, сосуд находился в заполнении рва.

Погребение 1 (рис. 5, 4А) –впускное, располагалось в центре кургана, в 2 м к З от центра. Могильная яма не фиксировалась, поскольку погребение было сооружено в насыпи, на глубине –90 см от 0. Погребение сильно разрушено, но, судя по расположению костей рук и ног, покойный был ориентирован головой на ЮЗ. Вероятнее всего, костяк лежал вытянуто на спине. Под нижней частью костяка зафиксирован черный тлен от растительной подстилки. Вещей нет.

Погребение 2 (рис. 5, 4Б) – впускное, располагалось в центре кургана на глубине –30 см от 0. Контуры могильной ямы не прослеживались. От костяка сохранились только обе берцовые кости и кости стоп. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине вытянуто, головой на С.

Погребение 3 (рис. 5, 4В) – впускное, зафиксировано в насыпи, в 3 м к С от центра кургана, на глубине –83 см от 0. Погребение сильно разрушено, сохранились лишь кости ног. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на ЮВ. Около ступней ног обнаружены три плоских камня, возможно, попавшие сюда случайно.

Погребение 4 (рис. 5, 9) – впускное. Судя по профилю бровки, было впущено с уровня нижней насыпи, причем заполнение могильной ямы по своей структуре и цвету было однородно с верхним слоем насыпи кургана.

Могильная яма овальной формы, размерами 205 см в длину и 87 см в ширину, была углублена в материк на 24 см (–205 см от 0). Яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. На дне могильной ямы лежал плохо сохранившийся костяк. Зафиксированы только длинные кости рук и ног, череп и ключицы погребенного. Судя по их положению, умерший был похоронен лежа на спине, головой на ЮЗ. Череп лицевой частью повернут на запад. На ключицах и вокруг них обнаружено несколько низок *гагатовых бус* черного цвета.

Бусины (рис. 5, 8) – диаметром 5–6 мм, толщиной 1,5–2 мм. Общее число бусин – 225 шт. Других находок в погребении не встречено.

Погребение 5 (рис. 5, 10) – впускное, располагалось в северо-западной части насыпи кургана, в 7 м к СЗ от центра, на глубине –91–96 см от 0. Контуры могильной ямы не фиксировались. Погребенный лежал вытянуто на спине. Его левая рука располагалась вдоль тела, правая отсутствовала. Не сохранились также берцовые кости. Судя по эпифизам бедренных костей и костям ступней, ноги были вытянуты. Ориентирован умерший был головой на ЮВ. Череп лицевой частью повернут на З. Около ступней справа стоял *сосуд 1*.

Сосуд 1 (рис. 5, 5) – круглодонный, без орнамента. Высота сосуда 14,5 см, максимальный диаметр 15,4 см, диаметр горла 9,3 см.

Рядом с погребением 5, правее черепа, на глубине –75 см от 0 был зафиксирован *сосуд 2*.

Сосуд 2 (рис. 5, 11) – на поддоне, со сливом и ручкой-налепом. Высота сосуда – 13,6 см, максимальный диаметр – 15 см, диаметр горла – 11,5 см, диаметр дна – 8,6 см. По плечу сосуд орнаментирован насечками, расположенными в один ряд. Другие находки в погребении отсутствовали.

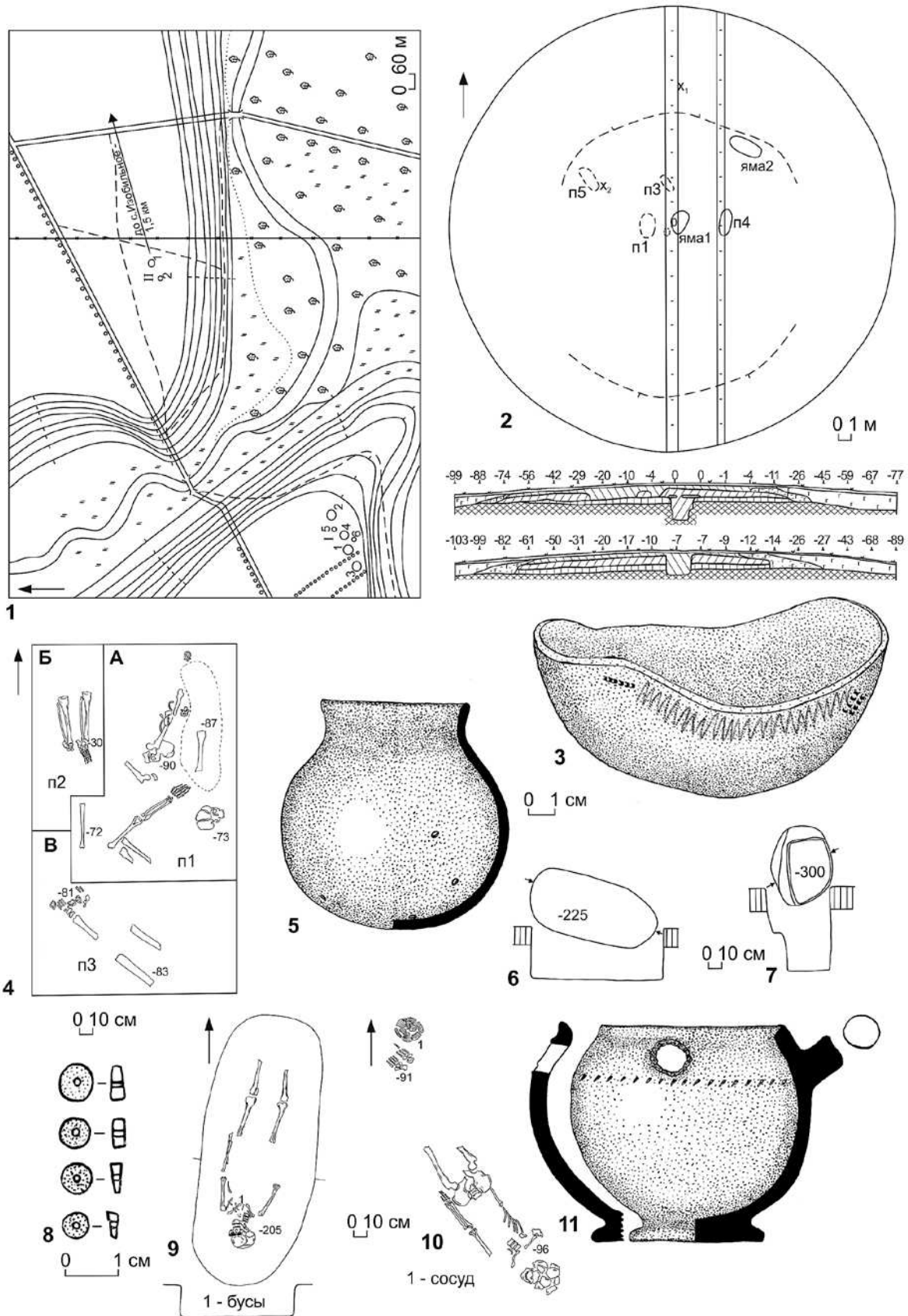

Рис. 5. Курганный могильник Изобильное I. Курган 2:

1 – план; 2 – общий план кургана; 3 – сосуд во рву; 4 – планы погребений 1–3; 5 – сосуд (п. 5); 6 – яма 1; 7 – яма 2; 8 – бусы (п. 4); 9 – план п. 4; 10 – план п. 5; 11 – сосуд у п. 5

Кроме пяти погребений, в кургане 2 были зафиксированы две ямы без останков погребенных (кенотафы?). Появление этих ям предшествовало созданию насыпи кургана, что подтверждается стратиграфическими наблюдениями. На профиле бровки видно, что яма I была выкопана с уровня погребенной почвы. На это указывают линзы могильного выкида, частично лежащие на краях ямы I и перекрывающие ее.

Яма I (рис. 5, б) – выявлена на уровне погребенной почвы в центре кургана, на глубине –120 см от 0. Яма имела форму, близкую к овалу, длиной 1,8 м, шириной 1,3 м, глубиной от уровня погребенной почвы 1,8 м. Ориентирована по линии С–Ю. На глубине 1 м от уровня погребенной почвы с северной и западной сторон были сделаны ступеньки шириной до 40 см. Проведенный почвоведческий анализ показал, что в яме отсутствовал какой-либо подбой и дно зафиксировано верно. Таким образом, *яма I*, сделанная искусственно, не была использована в качестве погребального сооружения

Яма II (рис. 5, 7) – зафиксирована на уровне погребенной почвы на глубине –120 см от 0, в северо-восточном секторе кургана. Яма, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, имела вытянуто-овальную форму, длину 2,8 м, ширину 1,3 м и глубину от уровня погребенной почвы – 1 м. Стенки ямы были ровные и вертикальные по отношению ко дну. Почвоведческий анализ, как и в случае с *ямой I*, показал, что и эта яма искусственного происхождения не была использована в качестве погребального сооружения.

Курганный могильник Бердянка V

Могильник состоял из 7 курганов, расположенных на сыртовом возвышении в правобережье небольшой р. Бердянки (левый приток р. Урал), в 6 км к СВ от с. Бердянка Оренбургского района (рис. 6, 1). В 1994–1995 г. Н.Л. Моргуновой были исследованы курганы 2, 4, 5, 6. В кургане 4 основное погребение было савроматским, а остальные 5 – раннесарматскими. Курган 5 содержал 7 раннесарматских погребений (Моргунова, Мещеряков, 1999). В кургане 6 выявлено захоронение позднесарматской культуры (Моргунова, Мещеряков, 2012).

Курган 2

Курган 2 (рис. 6, 2) до начала раскопок имел диаметр 20 м (по поверхности), 15 м (по центральному профилю). Высота кургана составляла 68–104 см. В кургане обнаружено разрушенное погребение савроматского времени.

Стратиграфия кургана

Дерн – слой, в центральной части мощностью 15 см, возрастал по краям кургана до 30 см. С южной стороны он заплывал в неглубокую, около 25 см ниже уровня материка, канавку.

Насыпь – представляла собой темно-серый гумусированный суглинок с обильным содержанием гальки разных размеров. Насыпь выклинивалась по краям кургана, в центре ее мощность составляла около 55 см.

Грабительская воронка диаметром более 5 м прорезала всю центральную часть насыпи кургана. Судя по задернованности и содержанию ее заполнения, ограбление было совершено относительно недавно, не ранее XIX века. Очевидно, именно с этим вкопом связано разрушение захоронения кургана.

Могильный выкид – прослежен в южной половине центральной и в центре западной бровки. Состоял из красной комковатой глины с галечником.

Погребенная почва – слабо гумусированный, бурого цвета суглинок с обильным включением гальки, мощностью до 20 см.

Материк – плотная глина красного цвета с содержанием гальки.

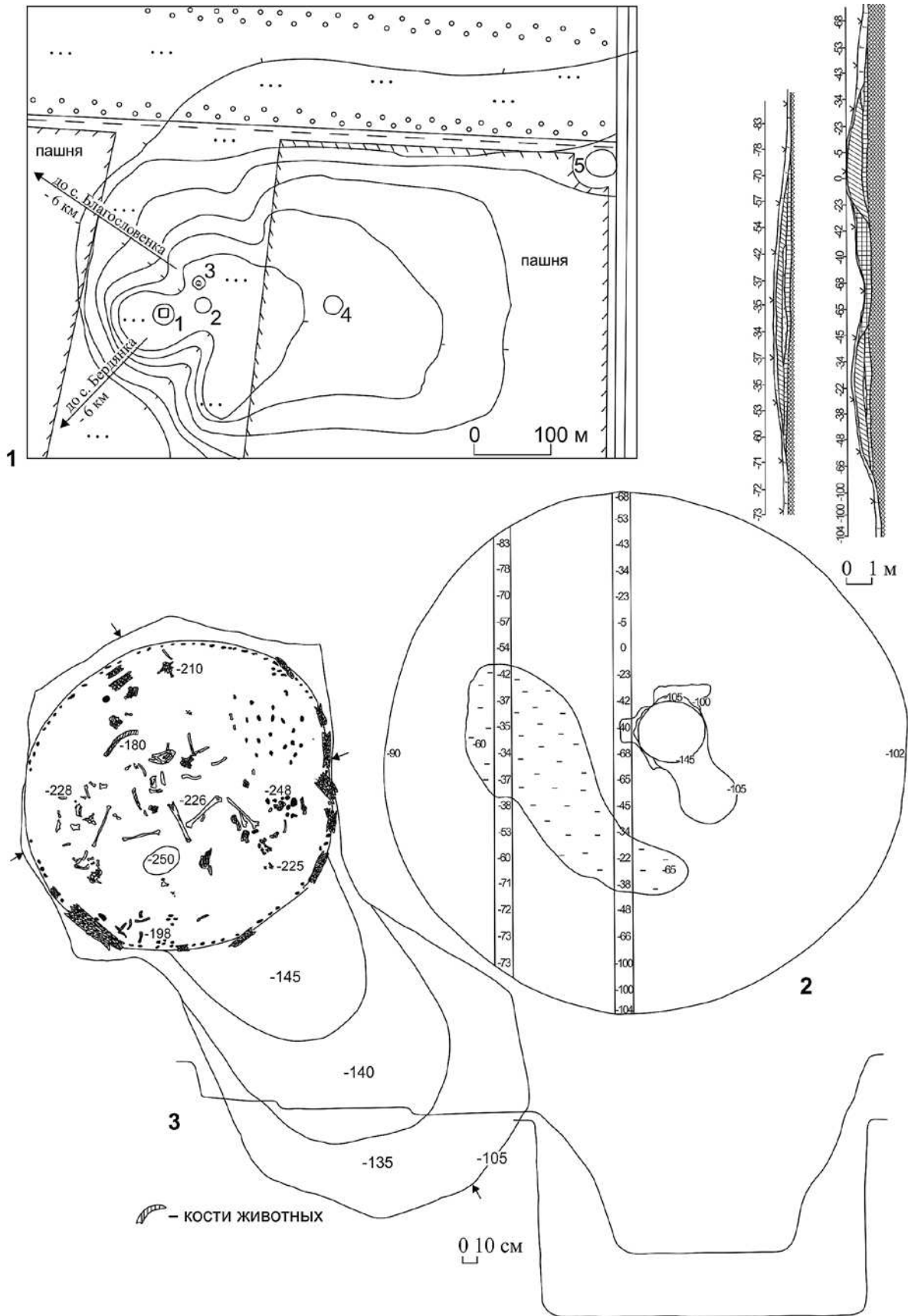

Рис. 6. Курганный могильник Бердынка V. Курган 2:
1 – план; 2 – общий план кургана; 3 – план п. 1

Погребение 1 (рис. 6, 3) – на уровне материка, чуть восточнее центральной бровки на глубине –100 см выявлено пятно могильной ямы неправильных очертаний. На глубине –105 см пятно приобрело более четкую конфигурацию. Могильная яма имела круглую форму с отходящим от него к ЮВ дромосом. С юго-восточного края он постепенно углублялся в сторону ямы, образуя три ступеньки на глубине –135 см, 140 см и 145 см от 0. На последнем уровне обнаружился четкий край ямы, имевший на этом уровне диаметр 227 см (по линии СЗ–ЮВ) x 250 см (по линии СВ–ЮЗ).

Заполнение ямы и дромоса состояло из темного гумуса с галькой, а также с обильной подсыпкой мелких и более крупных угольков и кусочков обугленного дерева.

Стенки могильной ямы, в основном, вертикально опускались ко дну, а с СЗ и ЮВ сторон имели крутые, покатые склоны. На стенках сохранились следы настила из деревянных плах, вдоль которых прослежены наиболее значительные скопления угля. Все кости, обнаруженные в могиле, также сильно обожжены. Количество угля сильно возрастало в придонной части ямы. Дно обнаружено на глубине –250 см от 0. Оно было покрыто слоем зеленоватой массы, на которой находились пятна мела.

В заполнении ямы в беспорядке встречались многочисленные кости человека и животных. Кости человека были представлены позвонками, обломками ребер, костей рук и ног, фрагментом челюсти взрослого человека.

Кости животных принадлежали, по крайней мере, двум особям. Одна из них представляла мелкий рогатый скот, другая – крупный (нельзя исключать, что кости КРС, на самом деле, принадлежали дикому животному). Других находок в погребении не обнаружено.

Культурно-хронологическая интерпретация погребальных комплексов

Дату погребения 1/2 КМ Нежинка I⁴ определяют находки каменного жертвенника и стеклянной подвески.

Жертвенник-алтарь по своим внешним признакам имеет значительное сходство с жертвенниками подтипа 1 типа II группы плоских жертвенников без ножек (по классификации В.Н. Васильева), отличаясь от последних только более округлой формой рабочей поверхности (Васильев, 1998, с. 25–26). Овальные жертвенники без бортика и ножек являются достаточно распространенными находками в погребениях кочевников Евразии VIII – первой половины IV в. до н. э. (Маргарян, Таиров, 2017, с. 26, 31). Судя по опубликованным экземплярам, ареал распространения округлых жертвенников без бортика и ножек также достаточно широк. Датируются находки такого типа в пределах VI–IV вв. до н. э. (Маргарян, Таиров, 2017, с. 28; Пшеничнюк, 2012, с. 87–89, 226, рис. 173, 2; Пузикова, с. 61, 88, рис. 15, 5).

Форма *стеклянной подвески* близка грушевидным подвескам типа 162 (по классификации Е.М. Алексеевой), но отличается от них уплощенной нижней частью и легкой огранкой боковых сторон (Алексеева, 1978, с. 72, табл. 33, 67). Подобные подвески, но сделанные из зеленого стекла, на территории Южного Приуралья встречены в погребениях 6/26 КМ Мечетсай и 23/5 КМ Покровка 2⁵. Причем в обоих случаях в составе погребального инвентаря (обрядя) также отмече-

⁴ Числитель – номер кургана, знаменатель – номер погребения.

⁵ Цветовое отличие стеклянных подвесок из КМ Мечетсай 23/5 КМ Покровка 2 от аналогичной находки из КМ Нежинский I в данном случае не имеет существенного значения. Согласно исследованиям Е.М. Алексеевой, одним из основных красителей стекла в античное время служила медь. В окислительной среде, в зависимости от длительности процесса обработки, с помощью оксида меди может быть получено стекло зеленого, синего, бирюзового и голубого цветов. Факт изготовления античными мастерами стеклянных одноцветных бус синего цвета фиксируется, по меньшей мере, с VI–V вв. до н. э. (Алексеева, 1978, с. 58–59).

ны и куски мела (Смирнов, 1975, с. 108. рис. 31, А6; Яблонский и др., 1994, с. 47–48, 166. рис. 89, 1–2). Погребение 6/26 КМ Мечетсай по набору наконечников стрел датируется второй половиной IV – III вв. до н. э. (Смирнов, 1975, с. 115). Погребение 23/5 КМ Покровка 2 датируется достаточно широко – в пределах IV – II вв. до н. э. (Куринских, 2008, с. 78). В то же время характерный набор бус и относительно крупный диаметр бронзовой височной подвески в полтора оборота (накосника) позволяют сузить дату сооружения погребения 23/5 КМ Покровка 2 до IV – первой половины III вв. до н. э. (см. например: Анисеева, 2016, с. 24; Мошкова, 1963, с. 44; и др.).

Необработанные речные гальки, встреченные в этом погребении, очевидно, служить датировочным материалом не могут. Тем не менее аналогичные находки хорошо известны в памятниках сарматской культуры Южного Приуралья и Нижнего Поволжья IV – III вв. до н. э. (Клепиков, 2002, с. 76; Моргунова и др., 2016, с. 215).

Исходя из вышесказанного, следует полагать, что время сооружения погребения 1/2 КМ Нежинский I не выходит за рамки IV в. до н. э.

Дата погребений 1/1 КМ Нижняя Павловка V и 4/1 КМ Алексеевский II может быть определена лишь в широком диапазоне. Сосуды из этих погребений относятся к IV отделу плоскодонной керамики по классификации К.Ф. Смирнова и ко II отделу плоскодонной керамики по классификации М.Г. Мошковой (Смирнов, 1964, с. 114, 356, рис. 64; Мошкова, 1963, с. 25, табл. 7). Находки сосудов в сочетании с формой могильной ямы и характерной для сарматской прохоровской культуры ориентировкой костяков в южный сектор позволяют датировать погребения 1/1 КМ Нижняя Павловка V и 4/1 КМ Алексеевский в рамках IV – II вв. до н. э.

Разрушенное погребение 2/2 КМ Нижнепавловский V датируется по каменному жертвеннику-алтарику и круглодонному сосуду. Несмотря на то, что жертвенник был найден не в самом погребении, а рядом с ним, глубина залегания и расположение относительно края могилы позволяют связать эту находку именно с погребением 2/2. Находки вне погребений целых или разбитых на куски жертвенников неоднократно фиксируются в памятниках сарматской культуры Южного Приуралья (Мошкова, 2000, с. 208–209).

По данным К.Г. Коноплевой (Маргарян), каменные алтарики овальной формы на двух ножках встречаются в погребениях кочевников Южного Зауралья, начиная со второй половины VI – первой половины V вв. до н. э. (Коноплева, 2016, с. 111). М.Г. Мошкова определяет время бытования всех типов каменных жертвенников на ножках на территории Южного Приуралья и Зауралья в пределах VI – рубежа V – IV вв. до н. э. (Мошкова, 2000, с. 204). С учетом аналогичных находок и меридиональной ориентировки погребения 2/2, жертвенник из КМ Нижнепавловский V был датирован В.Е. Трегубовым рубежом V – IV вв. до н. э. (Трегубов, 2000, с. 63).

Сосуд из погребения 2/2 относится к группе сосудов II отдела круглодонной керамики по классификации К.Ф. Смирнова и к группе сосудов I отдела круглодонной керамики по классификации М.Г. Мошковой (Смирнов, 1964, с. 115, 360, рис. 68; Мошкова, 1963, с. 27, табл. 9). Сосуды этого типа наиболее характерны для памятников раннепрохоровской культуры и не встречаются на территории Южного Приуралья ранее IV вв. до н. э. (Смирнов, 1964, с. 115). Технично-технологический анализ сосуда из погребения 2/2 КМ Нижнепавловский V позволил Л.А. Краевой датировать его IV – III вв. до н. э. (Краева, 2011, с. 54).

Таким образом, исходя из особенностей погребального обряда (предполагаемая меридиональная ориентировка покойного, наличие мела и угольков в погребении) и учитывая хронологические рамки бытования связанного с могилкой инвентаря (каменного алтарика и круглодонного сосуда), время сооружения погребения 2/2 КМ Нижнепавловский V, очевидно, не выходит за пределы IV в. до н. э.

Расположенное строго над ним погребение 2/1 датируется несколько более поздним временем. Несмотря на взаиморасположение этих двух погребений, очевидно, что к группе син-

хронных ярусных могил ранних кочевников Южного Приуралья они не относятся (Гуцалов, 2004, 135–152; Моргунова и др., 2003, с. 51–58). В целом складывается впечатление, что примерная последовательность процесса сооружения этих погребений выглядит следующим образом: через какое-то время после сооружения погребение 2/2 было разрушено или ограблено. Судя по расположению и состоянию костных останков, время, прошедшее с момента сооружения погребения 2/2 до его разрушения, было достаточным для наступления полной скелетизации трупа. Спустя еще некоторое время, грабительская воронка была слегка присыпана землей или же затянута оплывшим с насыпи грунтом, но не сnivelирована полностью с насыпью. Впоследствии эта воронка была использована кочевниками для сооружения погребения 2/1 КМ Нижнепавловский V. Погребальный обряд (вытянутое трупоположение, ориентировка костяка головой в южный сектор) в сочетании с погребальным инвентарем (челюсть лошади и костяная ложечка) позволяют датировать погребение 2/1 КМ Нижнепавловский V к памятникам сарматской прохоровской культуры IV–III вв. до н. э. (Клепиков, 2002, с. 75; Мошкова, 1963, с. 40–41, табл. 26).

Погребения ранних кочевников из кургана 2 КМ Изобильное I не отличаются богатством инвентаря. Безынвентарные погребения 2/1 и 2/3, несмотря на значительную степень разрушения, могут быть с высокой степенью вероятности отнесены к сарматской культуре на основании предполагаемой ориентировки костяков головой в южный сектор.

Культурно-хронологическая позиция разрушенного безынвентарного погребения 2/2 не может быть достоверно установлена. Ориентировка покойных головой в северный сектор на территории Южного Приуралья, изредка встречаясь в погребениях ранних кочевников савроматского и прохоровского времени, наиболее характерна для памятников позднесарматской культуры (Заседателява, 2008, с. 254–257, рис. 3.2; Моргунова и др. 2016, с. 35, рис. 10, 3; Моргунова и др. 2003, с. 119–120, рис. 77). В эпоху средневековья (XII–XIV вв.) северная ориентировка покойных фиксируется, в общей сложности, в 25 % случаев исследованных погребений кочевников в регионе (Матюшко, 2015, с. 85). Следовательно, данное погребение с одинаковой степенью вероятности могло быть сооружено как в эпоху раннего железного века, так и в средневековье.

Сосуд из погребения 2/5 относится к группе сосудов II отдела круглодонной керамики по классификации К.Ф. Смирнова и к группе сосудов I отдела круглодонной керамики по классификации М.Г. Мошковой (Смирнов, 1964, с. 115, 360, рис. 68; Мошкова, 1963, с. 27, табл. 9). Как было отмечено выше, такая керамика наиболее характерна для памятников раннепрохоровской культуры и не встречается на территории Южного Приуралья ранее IV в. до н. э.

Сосуд, найденный у погребения 2/5, – котловидный. Сосуды такого типа относительно редко встречаются в памятниках сарматской культуры. Наиболее близкое по типу изделие происходит из погребения 10/3 Заплавненского КМ и датируется III–II вв. до н. э. (Мошкова, 1963, с. 30, табл. 12.28).

Мелкие дисковидные гагатовые рубленные бусины, в значительном количестве зафиксированные в погребении 2/4, получают широкое распространение в памятниках сарматской культуры Южного Приуралья, начиная со второй половины IV в. до н. э. по II в. до н. э. включительно (Аникеева, 2016, с. 24).

Значительная примесь талька в тесте круглодонного сосуда изо рва наиболее типична для керамики региона первой половины IV в. до н. э., хотя встречается и позднее – в отдельных случаях вплоть до I в. до н. э. (Краева, 2008, с. 38; Краева, 2011, с. 58–59).

Находки сосудов и гагатовых бус в сочетании с элементами погребального обряда и характерной для сарматской прохоровской культуры ориентировкой костяков в южный сектор позволяют датировать погребения 2/1, 2/3, 2/4, 2/5 в пределах IV–II вв. до н. э.

Можно предположить, что первоначально курган был сооружен над *ямами I и II*, являющимися основными в этом кургане, но, по неизвестной причине, не использовавшимися в качестве могил. Возможно, находка во рву сосуда архаической формы с примесью талька в тесте может быть каким-то образом связана с этими ямами.

Отсутствие какого-либо инвентаря в разрушенном центральном погребении 2/1 КМ Бердянка V существенно затрудняет заключение о его хронологической и культурной принадлежности. Дромосные могилы появляются в Южном Приуралье уже во второй половине VI в. до н. э., однако время их наибольшего распространения приходится на V–IV вв. до н. э. (Мошкова, Малашев, Мещеряков, 2011, с. 162–165; Сиротин, 2015, 781–782). Исходя из типа погребального сооружения, представляющего собой дромосную могилу и наличия значительного количества угольков и мела в засыпи могильной ямы, вероятное время сооружения данного погребения, очевидно, не выходит за рамки второй половины VI–IV вв. до н. э.

Заключение

Таким образом, из рассмотренных в настоящей публикации 11 погребений ранних кочевников из Западного и Центрального Оренбуржья, наиболее ранним, очевидно, является погребение 2/1 КМ Бердянка V. Судя по произведенным трудозатратам, данное погребальное сооружение предназначалось для похорон представителя кочевой аристократии.

Погребения 1/2 КМ Нежинский I, 1/1, 2/1, 2/2 КМ Нижнепавловский V, 4/1 КМ Алексеевский II, 2/1, 2/3, 2/4, 2/5 КМ Изобильное I оставлены рядовым населением раннесарматской прохоровской культуры в IV–II вв. до н. э.

Культурно-хронологическая позиция погребения 2/2 КМ Изобильное I не может быть достоверно установлена в связи с отсутствием погребального инвентаря и значительной степенью его разрушения.

Литература

- Алексеева Е.М.** 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ Г1–12. М.: Наука.
- Аникеева О.В.** 2016. Закономерности появления наборов бус из погребений ранних кочевников Южного Урала (конец VI–II вв. до н. э.) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы международной конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 20–31.
- Богданов С.В., Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л.** 1992. Курганы древнеямной культуры в левобережье р. Урал // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 80–91.
- Васильев В.Н.** 1998. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. Уфа: НМ РБ. С. 25–43.
- Гуцалов С.Ю.** 2004. Ярусные погребения Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа: «Гилем» АН РБ. С. 135–152.
- Евгеньев А.А.** 2016. Вклад Оренбургской археологической экспедиции в исследование сарматских памятников Южного Приуралья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы международной конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 84–92.
- Заседателева С.Н.** 2008. Погребения V–IV вв. до н. э. Новокумакского могильника // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 254–257.
- Клепиков В.М.** 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н. э. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 216 с.
- Коноплева К.Г.** 2016. Каменные жертвенники ранних кочевников Южного Зауралья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы международной конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 109–113.
- Кравцов А.Ю.** 1991. Отчет о раскопках курганов у хут. Барышникова и с. Алексеевка Новосергиевского района Оренбургской области по Открытому листу № 460 в 1991 году // Архив археологической лаборатории ОГПУ II – 67/1991.
- Краева Л.А.** 2008. Сарматская керамика с примесью талька из Южного Приуралья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН. С. 36–39.

Краева Л.А. 2011. Технология изготовления керамики из погребений раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. 4 (48). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН. С. 51–60.

Куринских О.И. 2008. Виды погребальных конструкций в могильниках у с. Покровка (савроматская и раннесарматская эпохи) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 63–85.

Лылова Е.В., Рябуха А.С. 2000. Археологическая карта Оренбургского района // Культурное наследие степей Северной Евразии. Вып. 1. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния». С. 73–106.

Маргарян К.Г., Таиров А.Д. 2017. Каменные жертвенники Северного Казахстана // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. Т.17(2). Челябинск: ЮУрГУ. С. 26–33.

Матюшко И.В. 2015. Погребальный обряд кочевников Степного Приуралья IX–XIV вв. Оренбург: ООО ИПК «Университет». 211 с.

Моргунова Н.Л. 2014. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 348 с.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. 2003. Шумаевские курганы. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 392 с.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Харламов П.В., Файзуллин И.А. 2016. Переволоцкий курганный могильник в Оренбургской области: предварительные результаты исследования // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12. Оренбург: ООО ИПК «Университет». С. 21–51.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург: УИФ Наука. 153 с.

Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Купцов Е.А. 2016. Погребения и жертвенные комплексы раннего железного века курганного могильника у села Лабазы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.18. № 6. Самара: СамНЦ РАН. С. 209–218.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. 2012. Позднесарматский курган на р. Бердянка в Оренбургской области // АПО. Вып. 10. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 211–218.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: Печатный Дом «ДИМУР». С. 124–146.

Мошкова М.Г. 2000. Назначение каменных «жертвенников» и «савроматская» археологическая культура // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН. С. 201–215.

Мошкова М.Г. 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ Д 1–10. М.: Изд-во АН СССР.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Мещеряков Д.В. 2011. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 162–167.

Пузикова А.И. 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). М.: Индрик. 272 с.

Пшеничнюк А.Х. 2012. Филипповка: некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.

Сиротин С.В. 2015. Дромосные и подбойно-катакомбные погребения ранних кочевников восточной и юго-восточной (степной) Башкирии // Степи Северной Евразии. Материалы VII международного симпозиума. Оренбург: Печатный дом «Димур». С. 781–783.

Смирнов К.Ф. 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука. 381 с.

Смирнов К.Ф. 1975. Сарматы на Илеке. М.: Наука. 176 с.

Список памятников археологии, находящихся на учете в государственном органе охраны объектов культурного наследия Оренбургской области. 2010. Оренбург: ООО «Союз-Реклама». 198 с.

Трегубов В.Е. 2000. Сарматские жертвенные алтари из музейных собраний Приуралья // Культурное наследие степей Северной Евразии. Вып. 1. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния». С. 57–72.

Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. 1994. Раскопки курганов Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 4–60.

Моргунова Н.Л., Харламов П.В.

Оренбургский государственный педагогический университет

ЗАХОРОНЕНИЕ КОЧЕВНИЦЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КУРГАНЕ 2 МОГИЛЬНИКА БОЛДЫРЕВО IV¹

Аннотация. В статье представлены ранее не опубликованные материалы впускного погребения эпохи средневековья, обнаруженного в кургане 2 курганного могильника Болдырево IV. По составу инвентаря и элементам погребального обряда данное захоронение относится к огузо-печенежскому времени.

Abstract. The article contains previously unreleased materials from the Middle Ages' inlet burial, discovered in the 2-nd burial mound of the Boldyrevo IV. According to the composition of the inventory and the elements of the funeral rite, this burial refers to the IX – XI century AD.

В 1986 г. Н.Л. Моргуновой были проведены археологические раскопки IV курганного могильника у с. Болдырево Ташлинского района Оренбургской области. Могильник расположен на краю пологой I надпойменной террасы левого берега р. Иртек (правый приток р. Урал). В 4 км к С находится с. Болдырево. Могильник насчитывал три кургана, раскопаны 2 насыпи, основные погребения в которых относились к РБВ (Кравцов, Моргунова, 1991). В данной статье публикуются материалы эпохи средневековья из погребения № 2 кургана 2.

Курган № 2 – диаметр насыпи 34 м, высота 2,8–3 м. Погребение № 2 являлось впускным, обнаружено в насыпи на глубине –113 см от 0, в западном поле кургана. Очертания и форма могильного пятна не прослеживались. Погребение было сильно потревожено грызунами, все кости лежали в беспорядке. По положению черепа и некоторых непотревоженных костей (берцовые кости) можно предположить, что погребение было ориентировано по линии З–В (рис. 1, 1). Вместе с костями ног взрослого человека в восточной части могилы находились скаковые кости ног лошади, здесь же найдены три *грифельные кости со срезанными костными окончаниями* (рис. 1, 2).

Погребение сопровождал следующий инвентарь.

Свинцовое конусовидное пряслице – обнаружено в районе черепной коробки. Представляет собой орнаментированный предмет, изготовленный из свинца, конусовидной формы, со сквозным отверстием в центре. Диаметр основания – 2,4 см, высота – 1,1 см, диаметр отверстия – 0,4 см. Верхняя конусовидная часть предмета украшена в виде розетки с расходящимися от отверстия под втулку десятью лепестками. Между основаниями лепестков проставлены точки. Основание пряслица украшено сложным (ажурным) орнаментом (рис. 2, 1; Приложение Е, рис. Е.1). Свинцовые конусовидные пряслица встречаются у поздних кочевников в степях Волго-Уралья с IX по XIV вв. Назначение подобных предметов определить довольно проблематично, часто исследователи относят их к свинцовым грузикам (Федоров-Давыдов, 1966, с. 86; Иванов, Кригер, 1988, с. 20; Полякова, 1996, с. 237). Убедительная версия высказана Е.П. Мыськовым, связывающим находки свинцовых конусов с женскими погребениями. По его мнению, предметы использовались в качестве пряслиц для веретен, так как внутри втулок иногда находят остатки деревянных стержней (Мыськов, 2015, с. 77).

Железный нож в деревянных ножнах – обнаружен в восточной части могилы. Кончик ножа обломан, длина сохранившейся части 7 см, реконструируемая длина ножа около 10 см, ширина

¹ Работа выполнена и опубликована при поддержке Задания № 33.1389.2017/ПЧ на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Министерства образования и науки РФ.

лезвия у рукояти 1,3 см, толщина 2 мм. Черешок рукояти округлой формы диаметром около 4 мм, длиной 2,5 см (рис. 2, 2). Ножны имеют цилиндрическую форму, изготовлены из двух плотно подогнанных друг к другу дощечек. В верхней и нижней части ножны когда-то были украшены бронзовыми и серебряными обкладками (сохранились фрагментарно). Окончание ножен снабжено бронзовым наконечником длиной 2,5 см, обкладка имеет орнамент в восточном стиле. Для плотной фиксации наконечника деревянное основание ножен было обернуто тканью (рис. 2, 3; Приложение Е, рис. Е.2).

Бронзовые накладки серповидной формы с ушками по бокам (7 экз.) – находились в восточной половине могилы. Накладки крепились, по всей видимости, на кожаный ремень с помощью заклепок. Все накладки стандартны по своей форме и размерам. Длина 2,3 см, ширина 1 см, толщина изделий около 3 мм (рис. 2, 5; Приложение Е, рис. Е.3). Аналогичные по форме накладки обнаружены в курганных могильниках I, II Бекешевский, Ямаш-Тауский курган 2 и Челкар III курган 13, которые имеют датировку IX–XI вв. (Мажитов, 1981, с. 56, 68; Гарустович, Иванов, 2014, с. 198). Подобные поясные накладки встречаются на I Измерском селище X–XI вв., относящемся к Волжской Болгарии, где также зафиксированы следы производства поясных накладок различных типов (Казаков, 2007, с. 82). Согласно классификации, предложенной В.А. Кригером, поясные накладки относятся к типу Г-1 и наиболее характерны в степях Волго-Уралья для огузо-печенежского времени (Кригер, 2012, с. 180).

Половинка бубенчика, грушевидной формы – найдена среди накладок. Внизу основания предмета заметны следы насечек, нанесенные острым предметом (рис. 2, 4; Приложение Е, рис. Е.4). Высота бубенчика вместе с петлей крепления 1,7 см, ширина 1 см. По всей видимости, полшария имели вертикальное соединение. Аналогичные бубенчики обнаружены во впускном женском погребении эпохи средневековья в Боголюбовском курганном могильнике (Моргунова и др., 2014, с. 45).

В районе тазовых костей находились два *фрагмента каменных бус*. Один фрагмент принадлежал бусине коричневого цвета с зелеными вкраплениями. Имел следующие размеры: диаметр окружности – 0,8 см, диаметр отверстия – 2 мм. Второй фрагмент принадлежал бусине черного цвета и имел следующие размеры: диаметр окружности – 1 см, диаметр отверстия – 4 мм (Приложение Е, рис. Е.5).

Кроме того, среди находок многочисленны бесформенные куски железа, куски кожи со следами швов, фрагменты тканей, связанных из толстых шерстяных или волокнистых нитей, со следами окиси и синей краски (Приложение Е, рис. Е.6).

На основании анализа деталей погребального обряда и вещевого инвентаря можно предположить, что погребение принадлежало взрослой женщине, похороненной в узкой, неглубокой, прямоугольной могиле, вытянуто на спине, головой на З.

Сверху на погребенную были уложены скаковые конечности лошади, либо шкура коня. Расположение останков лошадей в засыпи, или на деревянном перекрытии могилы над погребением, позволяют связать эти признаки с огузским погребальным обрядом. Характерные признаки погребений огузов были выделены в работах С.А. Плетневой, В.А. Кригера, Иванова В.А. и др. (Плетнева, 1958, с. 153–156; Кригер, 2012, с. 60; Гарустович, Иванов, 2001, с. 94). Для них свойственны впускные погребения в насыпи более ранних курганов, по одному в каждой насыпи, в простых прямоугольных могилах, иногда перекрытых деревом, в позе вытянуто, головой на запад. Широко был распространен обычай помещения «чучела» или шкуры коня на перекрытие могилы или крышку гробовища над погребенным человеком (Иванов и др., 2014, с. 126; Круглов, 2001, с. 419). Распространение этого типа погребений приходится на вторую половину IX века (Бисембаев, 2010, с. 106). Данный период характеризуется установлением огузскими племенами своей гегемонии в степях Волго-Уралья и вытеснением печенегов на запад в степи

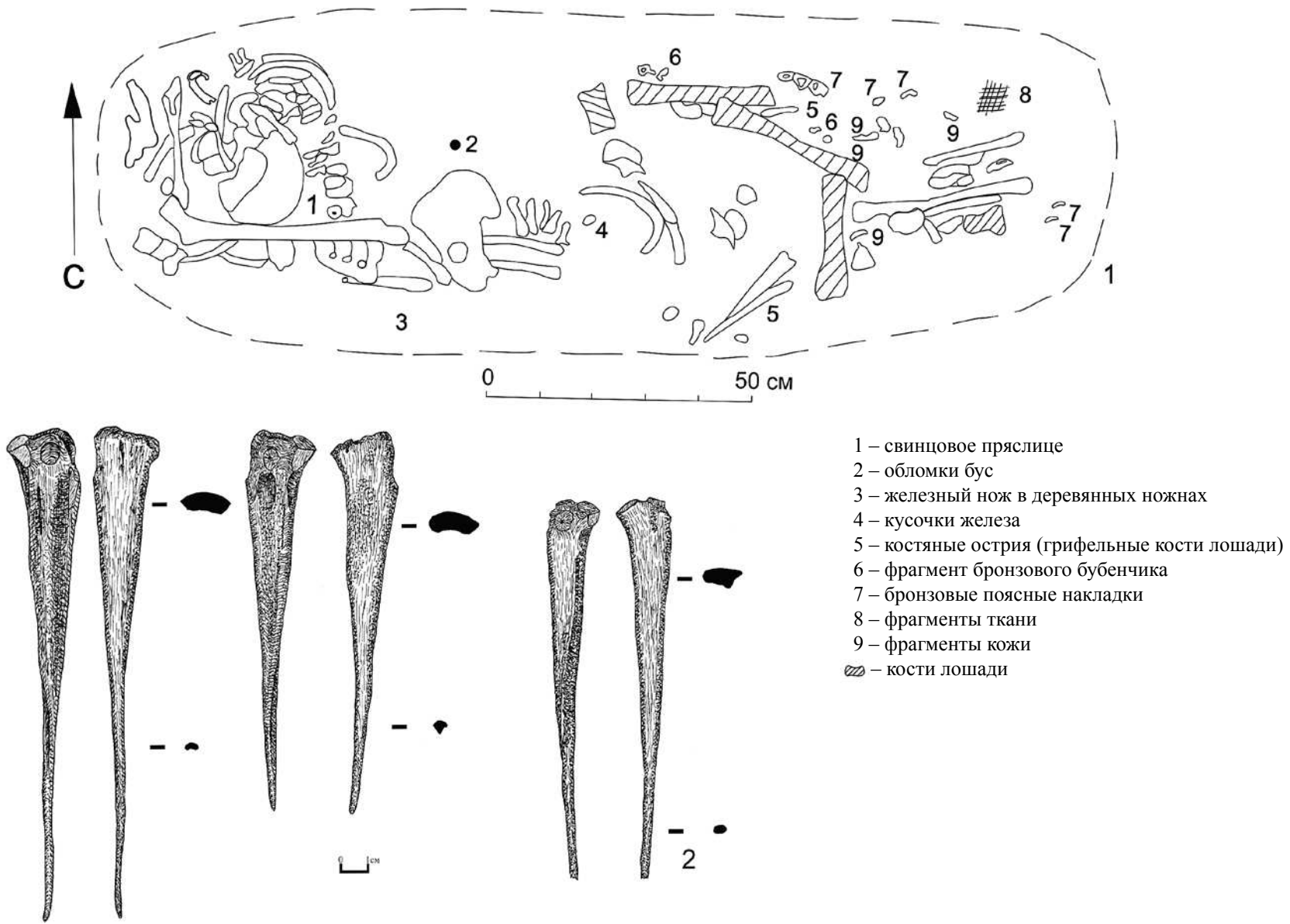

Рис. 1. Болдыревский IV курганный могильник. Курган 2. Погребение 2:
 1 – план погребения; 2 – костяные острия (грифельные кости лошади)

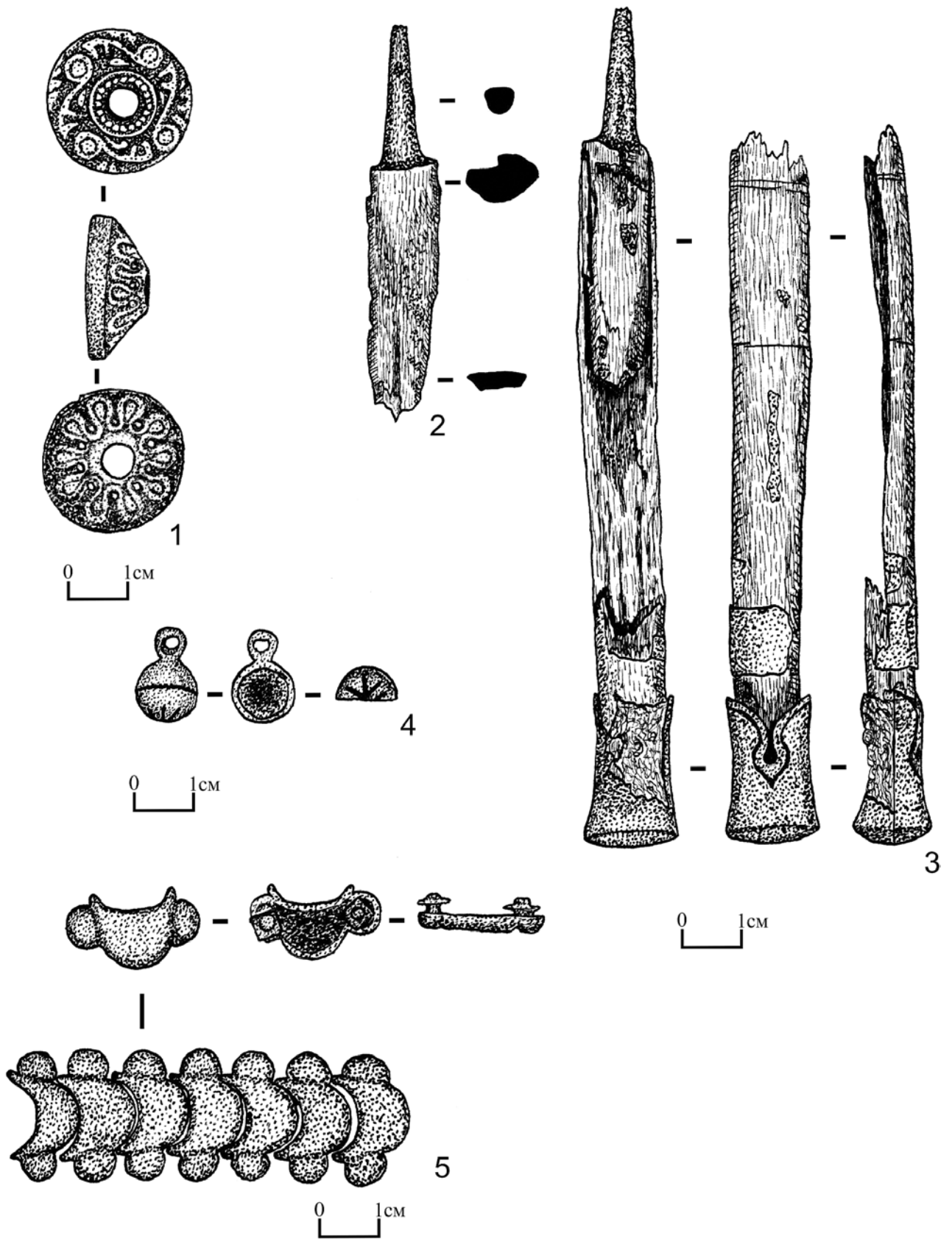

Рис. 2. Болдыревский IV курганный могильник. Курган 2. Погребение 2:
1 – пряслице; 2 – нож; 3 – ножны; 4 – бубенчик; 5 – поясные накладки (1 – свинец; 2 – железо; 3 – дерево, бронза; 4, 5 – бронза)

юга России. Хронологически данное погребение по составу инвентаря и погребальному обряду относится к IX–XI вв. и датируется огузо-печенежским временем. Погребение могло принадлежать огузскому этническому компоненту.

Литература

- Бисембаев А.А.** 2010. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе: Изд-во ИП Жанадилов С.Т. 248 с.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.** 2001. Огузы и печенеги в Евразийских степях. Уфа: Изд-во Гилем. 212 с.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А.** 2014. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX – XV вв. н. э.). Уфа: Изд-во БГПУ. 328 с.
- Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.** 2014. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа: Изд-во БГПУ. 396 с.
- Иванов В.А., Кригер В.А.** 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII – XIV вв.). М.: Наука. 92 с.
- Казиков Е.П.** 2007. Волжские болгары, угры и финны в IX – XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Изд-во Института истории АН РТ. 207 с.
- Кравцов А.Ю., Моргунова Н.Л.** 1991. Погребения древнеямной культуры на р. Иртек в юго-западном Оренбуржье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара: Изд-во Сам ГПУ. С. 120–137.
- Кригер В.А.** 2012. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (IX – XIV вв.). Уральск: Изд-во ОФ Евразийских ученых. 200 с.
- Круглов Е.В.** 2001. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2 пол. IX – 1 пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Донецк: Изд-во ДонНУ. С. 395–447.
- Мажитов Н.А.** 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука. 165 с.
- Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлов А.А., Хохлова О.С.** 2014. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 172 с.
- Мыськов Е.П.** 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХ и ГС. 484 с.
- Плетнева С.А.** 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. С. 151–227.
- Полякова Г.Ф.** 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. С. 154–258.
- Федоров-Давыдов Г.А.** 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Наука. 276 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Батанина Наталья Сергеевна – заведующий отделом археологии, этнографии, современной и исторической экологии Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета.

E-mail: bata567@inbox.ru

Евгеньев Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, научный сотрудник археологической лаборатории.

E-mail: oren-arch@mail.ru

Жилиева Наталья Евгеньевна – гуманитарий, г. Лисаковск, Костанайская область, Казахстан.

E-mail: nat-lis@bk.ru

Корневский Сергей Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, г. Москва.

E-mail: skorenevskiy@yandex.ru

Краева Людмила Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета.

E-mail: orenlab2011@yandex.ru

Крюкова Елена Анатольевна – научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета.

E-mail: elenkryukova@yandex.ru

Купцов Евгений Александрович – научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета.

E-mail: orenlab2011@yandex.ru

Купцова Лидия Владимировна – кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией Оренбургского государственного педагогического университета.

E-mail: orelin.84@mail.ru

Лачкова Марина Константиновна – Лисаковская археологическая экспедиция, Костанайская область, Казахстан.

E-mail: lachkova.marina@mail.ru

Лебедева (Овчинникова) Надежда Викторовна – научно-производственная фирма «АрхГео», г. Самара.

E-mail: antikvika@yandex.ru

Малая Надежда Владимировна – научный сотрудник музейного отдела Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», хранитель музея археологии и этнографии Челябинского государственного университета.

E-mail: alanna76@mail.ru

Маркова Лада Михайловна – старший преподаватель кафедры геоэкологии и природопользования Челябинского государственного университета.
E-mail: ivolga-354@yandex.ru

Мишанина (Кабанова) Елена Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории исторического степеведения Института степи УрО РАН, г. Оренбург.
E-mail: elvmi@mail.ru

Моргунова Нина Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета.
E-mail: nina-morgunova@yandex.ru

Мухаметдинов Вадим Ильдарович – инженер учебно-научной археологической лаборатории Башкирского государственного университета.
E-mail: vadimufa@rambler.ru

Носкевич Владислав Витальевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник лаборатории региональной геофизики Института геофизики УрО РАН.
E-mail: ubistu@gmail.com

Петров Федор Николаевич – научный сотрудник музейного отдела Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим».
E-mail: steppe_exp@mail.ru

Плаксына Анна Леонидовна – преподаватель кафедры геоэкологии и природопользования Челябинского государственного университета, научный сотрудник лаборатории биоценозов и мониторинга природной среды учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета.
E-mail: vita_avis@mail.ru

Подобед Вячеслав Анатольевич, Донецк, Украина.
E-mail: achaeon@rambler.ru

Усачук Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, Донецк, Украина.
E-mail: dood@mail.ru

Усманова Эмма Радиковна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. академика Е.А. Букетова, заповедник-музей «Улытау», ТОО «Археологическая экспертиза».
E-mail: emmadervish2004@mail.ru

Файзуллин Ильдар Асхатович – научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета.
E-mail: orenlab2011@yandex.ru

Фризен Ольга Ивановна – мл. научный сотрудник отдела истории материальной культуры и древнего искусства народов Кавказа Государственного музея искусств народов Востока, г. Москва.

E-mail: olgarha@yandex.ru

Фризен Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва.

E-mail: . frizents@gmail.com

Харламов Павел Викторович – научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета.

E-mail: Kharlamovmore@rambler.ru

Цимиданов Виталий Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий сектором охраны памятников истории, культуры и археологии областного краеведческого музея, 84313, Украина, Донецкая обл., г. Краматорск, ул. Магнитогорская, 9, Донецкий областной краеведческий музей.

E-mail: simidanov.vitaly@gmail.com

Ын Чуен Ян (Ng Chuen Yan) – аспирант отделения археологии Питтсбургского университета (University of Pittsburgh).

E-mail: ncyncyncy@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
- БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
- ВГПИ(У) – Воронежский государственный педагогический институт (университет)
- ВДБК – Волго-донская бабинская культура
- ВолГУ – Волгоградский государственный университет
- ВорГУ – Воронежский государственный университет
- ГИМ – Государственный исторический музей, г. Москва
- ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр РАН
- ДонНУ – Донецкий национальный университет, Украина
- ИА РАН – Институт археологии РАН
- ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Татарстана
- ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ – Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук республики Татарстан
- ИИЯЛ УНЦ РАН (БФ АН СССР) – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Башкирского филиала АН СССР)
- КарГУ – Карагандинский государственный университет
- КГПИ(У) – Куйбышевский государственный педагогический институт (университет)
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
- МАЭ – Музей антропологии и этнографии
- МИАР – Материалы и исследования по археологии России
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
- ОГПИ(У) – Оренбургский государственный педагогический институт (университет)
- ОГУ – Оренбургский государственный университет
- ОУАК – Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии
- ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
- РА – Российская археология
- РАНХ и ГС – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы
- СА – Советская археология
- САИ – Свод археологических источников
- СарГУ – Саратовский государственный университет
- СамГУ – Самарский государственный университет

СГПИ(У) – Самарский государственный педагогический институт (университет)

СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН

СОИМК – Самарский областной историко-краеведческий музей

СЭ – Советская этнография

ТюмГУ – Тюменский государственный университет

ТюмГНГУ – Тюменский государственный нефтегазовый университет

УрГУ – Уральский государственный университет

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ЦГМ РК – Центральный государственный музей Республики Казахстан

ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет

ЧелГУ – Челябинский государственный университет

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет

ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН

ЭО – Этнографическое обозрение

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

40 лет Оренбургской археологической экспедиции: основные направления и достижения деятельности (Евгеньев А.А.)

Рис. А.1. Раскопки кургана 6 у Хутора Барышникова в Новосергиевском районе. Моргунова Н.Л., 1991 г.

Рис. А.2. Раскопки культурного слоя Ивановского поселения в Красногвардейском районе. 1981 г.

Рис. А.3. Турганикская стоянка эпохи энеолита в Красногвардейском районе.
Раскопки 1981 г.

Рис. А.4. Погребение 1,
курган 1 Болдыревского I
могильника в Ташлинском
районе. 1985 г.

Рис. А.5. Погребение с колесами II Шумаевского одиночного кургана в Ташлинском районе. 2001 г.

Рис. А.6. На раскопках Лабазовского курганного могильника в Курманаевском районе. 2006 г.

Рис. А.7. Раскопки Родникового поселения позднего бронзового века в Переволоцком районе. 1982 г.

Рис. А.8. Раскопки элитного кургана I сарматской культуры могильника Акоба II в Акбулакском районе. 2005 г.

Рис. А.9. Серебряная чаша из элитного погребения эпохи средневековья II Шумаевского курганного могильника. 2002 г.

Рис. А.10. Сотрудники археологической лаборатории. 2015 г.:
Сидят (слева направо): Матюшко И.В., Крюкова Е.А., Моргунова Н.Л., Купцова Л.В.,
Николаева О.Ю., Краева Л.А.; стоят: Файзуллин И.А., Харламов П.В., Евгеньев А.А.,
Кривошеева Н.Н., Труханов В.В., Файзуллин А.А., Купцов Е.А.

Приложение Б

**Леонид Теодорович Яблонский как исследователь
памятников ранних кочевников на территории Южного Приуралья
(Фризен О.И., Фризен С.Ю.)**

Рис. Б.1. Леонид Теодорович Яблонский на раскопках Филипповских курганов. 2004 г.

Рис. Б.2. Леонид Теодорович Яблонский и Дмитрий Владимирович Мещеряков на раскопках кургана 4 могильника Филипповка

Приложение В
Историографический очерк археологического изучения
Бугурусланского района Оренбургской области
(Мишанина Е.В., Лебедева Н.В.)

Рис. В.1. Александр Леонтьевич Аниховский

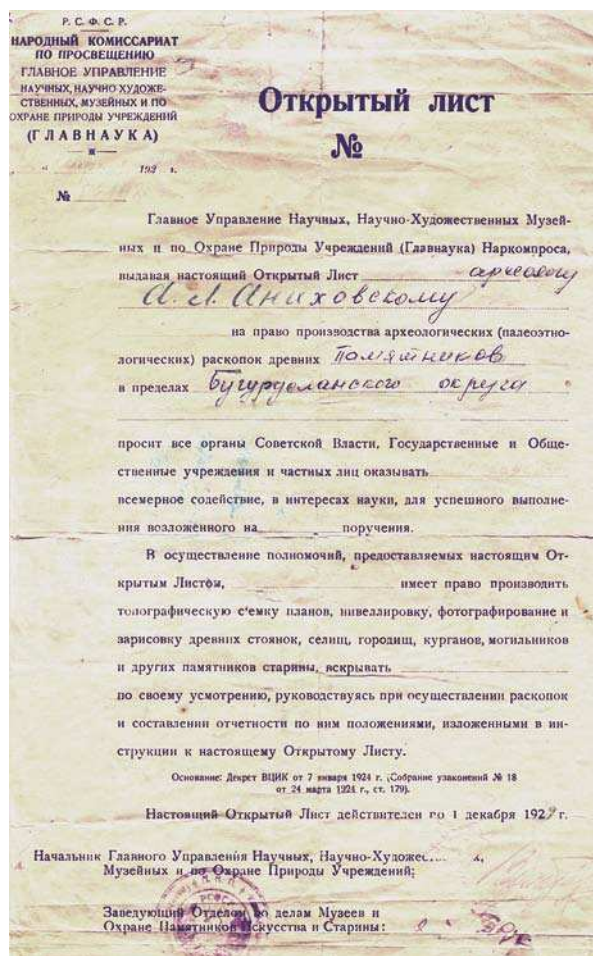

Рис. В.2. Копия Открытого листа, выданного на имя А.Л. Аниховского в 1929 г.

Рис. В.3. Май 1998 г. Е.В. Лылова, Н.Л. Моргунова, Е.В. Мишанина. Проведение инвентаризации памятников археологии на территории Бугурусланского района

Рис. В.4. Н.В. Овчинникова на раскопках склепа семьи Аксаковых. 2003 г.

Приложение Г

**Феномен детских погребений с оружием в эпоху медно-бронзового века
(Корневский С.Н.)**

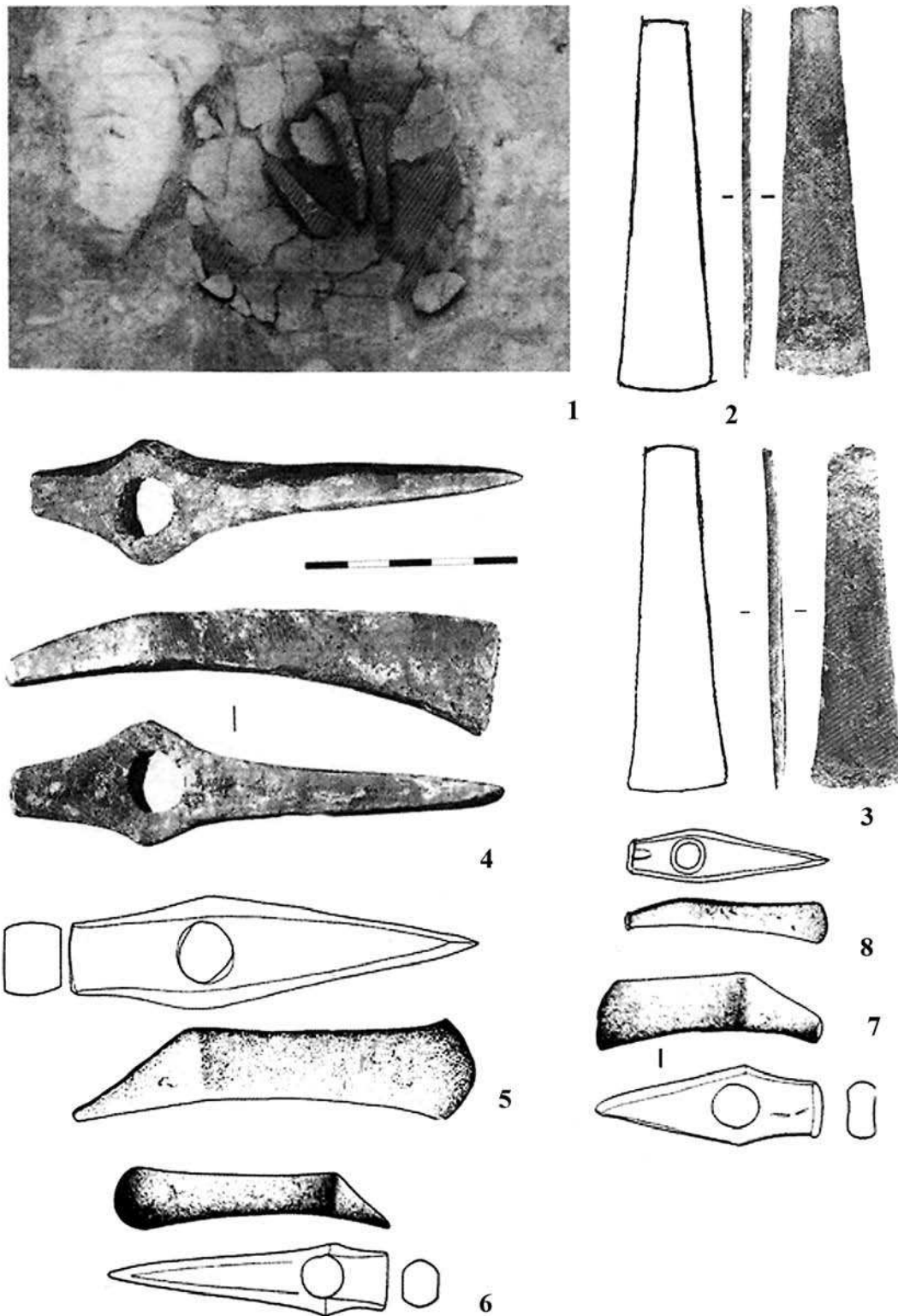

Рис. Г1. Погребение 17002 поселения Овчулар Тепеси:

1 – находка в сосуде; 2–4 – бронзовые орудия и оружие из погребения 17002 (по Marro et al., 2011); 5–8 – топоры типа Видра дунайского халколита (по Vulpe, 1975)

Рис. Г.2. Находки из погребений в зале С пещеры Нахал Квана:

1–5, 12 – фотографии вещей; 6–11 – рисунки вещей; 1, 2, 4, 8–10 – гематит; 5–7 – золото (электр); 3, 11, 12 – бронза (по Gorher, Tsuk, 1996)

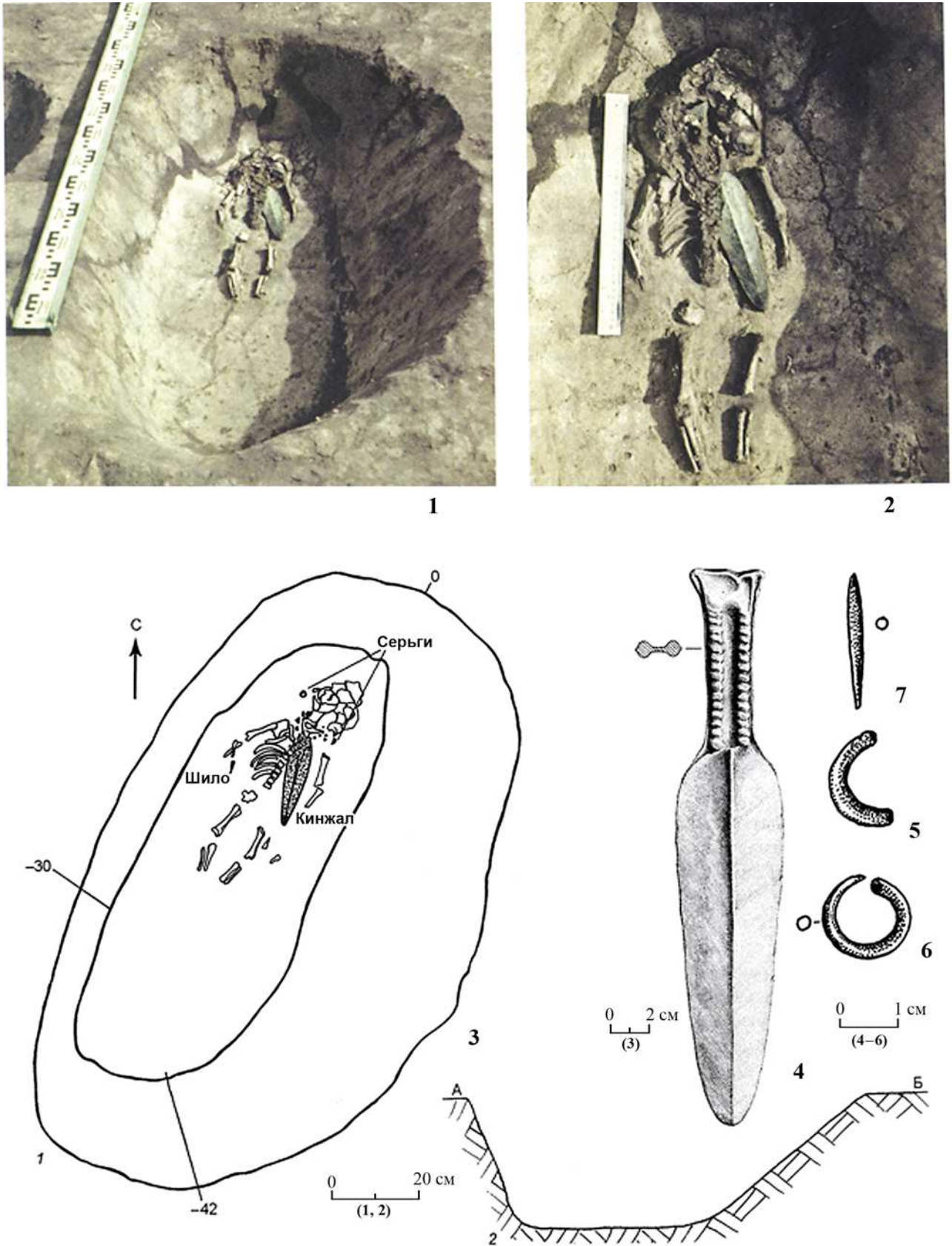

Рис. Г.3. Погребение 425 могильник Сопка-2:

1, 2 – фото погребения; 3 – план погребения; 4 – бронзовый кинжал; 5, 6 – серебряные кольца; 7 – бронзовое шило
(по Молодину, Гришину, 2016)

Приложение Д

Андроновский костюм: от археологического свидетельства до музейной реплики
(Усманова Э.Р., Лачкова М.К., Жияева Н.Е.)

Рис. Д.1. Шапочка с накоником.
Реплика. Жезказганский историко-археологический музей

Рис. Д.3. «Андроновская ткачиха».
Музей истории города Алматы

А

Б

Рис. Д.3. Реконструкция андроновского погребения. Лисаковский музей истории и культуры Верхнего Притоболья:
А – общий вид; Б – деталь

Приложение Е

Захоронение кочевницы эпохи средневековья в кургане 2 могильника Болдырево IV
(*Моргунова Н.Л., Харламов П.В.*)

Рис. Е.1. Курган 2 могильника Болдырево IV.
Свинцовый конус (пряслице)

Рис. Е.2. Курган 2 могильника Болдырево IV.
Фрагмент ножен, с бронзовым наконечником
и серебряной обкладкой

Рис. Е.3. Курган 2 могильника Болдырево IV.
Бронзовые поясные накладки

Рис. Е.4. Курган 2 могильника Болдырево IV.
Бронзовый бубенчик

Рис. Е.5. Курган 2 могильника Болдырево IV.
Фрагменты бус

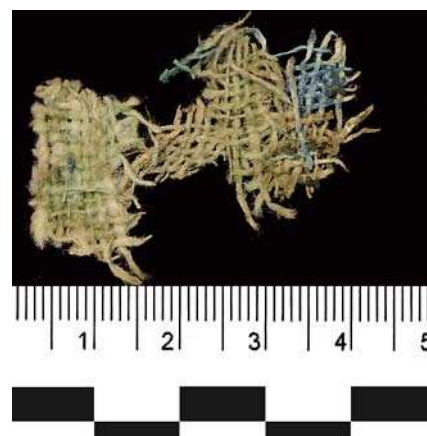

Рис. Е.6. Курган 2 могильника
Болдырево IV. Фрагмент ткани

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОРЕНБУРЖЬЯ

Выпуск 13

Технический редактор *М.Н. Рябова*

Корректор *Н.А. Иванов*

Компьютерная верстка *Б.З. Хавин*

ISBN 978-5-9500801-3-5

Подписано в печать 13.11.2017. Формат 60×84 1/8.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,11.

Тираж 500 экз. (1-й завод 350 экз.) Заказ № 8834

Издательский центр ОГАУ.

460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18.

Тел. (3532) 77-61-43

Отпечатано в Издательском центре ОГАУ